

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

СЕРГЕЙ ТАРМАШЕВ

ДРЕВНИЙ КАТАСТРОФА

Annotation

Первая книга фантастической трилогии «Древний» Сергея Тармашева — предупреждение всему современному миру. Действие книги берёт начало в 2111 году, когда нефть в мире заканчивается, и это приводит к глобальному конфликту и ядерной войне. Остатки человечества переселяются в сеть подземных бункеров, чтобы выжить и создать на обломках старого новый мир.

Автор, прошедший суровую школу спецназа ГРУ, сделал главным героем спецназовца, которого все называют Тринадцатый. Этому

необычному человеку суждено внести серьезные коррективы в историю Человечества.

- СЕРГЕЙ ТАРМАШЕВ
 - ПРОЛОГ
 - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
-

СЕРГЕЙ ТАРМАШЕВ КАТАСТРОФА

*К 2108 году по
летоисчислению Древних
сотрясавший цивилизацию
энергетический кризис
достиг своего пика.
Месторождения нефти и
газа, являвшиеся кровью и
воздухом экономики той
эпохи, были опустошены
повсеместно.*

Единственный
глубоководный шельф, где
ещё оставалась нефть,
находился на дне водного
бассейна, именуемого
Древними Тихим Океаном.
Согласно многостороннему
межправительственному
договору, месторождение
разрабатывалось
совместно несколькими
наиболее влиятельными
государствами на
политической арене той
эпохи. Однако шельф
служил причиной
постоянных политических
споров. Из найденных и

изученных файлов Древних
следует, что летом 2111
года на месте разработки
вспыхнул вооружённый
конфликт. Не сохранилось
данных о том, что
послужило причиной, но
точно известно, что 29
августа 2111 года
цивилизация Древних
уничтожила сама себя в
огне всепланетной ядерной
войны. День Великой
Катастрофы положил
начало отсчёта
современной системе
летоисчисления.

*Из
общеобязательного
образовательного
курса по Древней
Истории, вторая
стадия обучения,
первый учебный
сектор.*

ПРОЛОГ

На ухабистой лесной дороге джип снова тряхнуло. Шрецкий недовольно поморщился. Что поделать, он сам решил оставить дорогу в первозданном виде, для таёжного колорита. В следующий раз на вертолётах. Но сегодня надо пройти весь маршрут так, как проходят его жильцы. И завтрашняя госкомиссия с прессой.

Кортеж вот уже полтора часа двигался к намеченной цели. Шрецкий потрепал по голове

захныкавшего сынишку. Мальчику всего девять, но рождение в семье миллиардера накладывает свой отпечаток и в более раннем возрасте. Ребёнок был исключительно капризен, что служило причиной постоянной головной боли многочисленных няnek, воспитательниц и гувернанток, однако отец прощал сыну любые выходки. Прислуга — люди низшего сорта, пусть терпят будущего хозяина и делают свою работу. За которую им, кстати, весьма неплохо платят. Проблемы психологического комфорта сотрудников олигарха не интересовали. Для этих целей существуют другие сотрудники.

Глаза сын унаследовал от матери, и стоило только Шрецову взглянуть в них, как в голове ярко вспыхивал образ Маши. Вот и сейчас, глядя на сына, олигарх вновь подумал о жене. Прошло уже два года с момента её смерти, но он видел её перед собой, как будто это было вчера. Шрецов тяжело вздохнул. «Двадцать второй век, биорегенерация, клонирование органов, анабиоз... а рак так и не научились лечить», — в многотысячный раз промелькнула мысль. Он предлагал лучшим докторам любые деньги, сулил блестящие перспективы, но те в ответ только разводили руками.

Молниеносно прогрессирующие метастазы, рак головного мозга... Никто не мог ничего сделать. Маша сгорела за две недели, как спичка.

Спичка... Он любя называл её так. Невысокая симпатичная худенькая и стройная восемнадцатилетняя девчонка с каре чёрных волос и огромными зелёными глазами случайно попалась ему на глаза десять лет назад на одной из бесчисленных деловых конференций, которую он проводил в Новосибирске. Девушка раскладывала на столах какую-то канцелярию и страшно трусила от сознания того, что не успевает выполнить свои обязанности в срок,

а когда увидела входящего в конференц-зал на десять минут раньше срока влиятельного бизнесмена со свитой, и вовсе замерла. Распорядитель от встречающей стороны зло прошипел где-то сзади: «Вы уволены», и огромные изумруды глаз наполнились влагой. Шрецкий закрыл глаза и улыбнулся. Он помнил историю первой встречи детально, с точностью до трёх секунд. На запястье тихо завибрировал портативный коммуникатор, безжалостно вырывая его из тёплых воспоминаний.

— Эдуард Романович, выпуск новостей на центральном канале, —

доложил референт и отключился. Вспыльчивый характер Шрецкого был всем хорошо известен, и вышколенные сотрудники никогда не произносили лишних слов, не имеющих отношения к делу. Шрецкий коснулся сенсора и включил новости. Из динамиков зашумел взволнованный голос диктора:

— ...снова обостряется. Как известно, после захвата террористами «Шельфа ООН» Соединённые Штаты Америки, не ставя в известность международное сообщество, начали боевую операцию по освобождению месторождения. К вечеру вчерашнего

дня Шельф был полностью захвачен вооружёнными силами США. В ходе боя террористам удалось активировать один из двух ядерных зарядов, которыми они угрожали уничтожить месторождения, в результате чего восемь из девяти добывающих платформ были уничтожены. Однако Вашингтон заявил, что проведённое обследование Шельфа показало, что ввиду большой глубины и успешных действий своих вооружённых сил сам нефтяной резервуар Шельфа не пострадал. В настоящий момент спецслужбы США ведут полную проверку оборудования Шельфа на предмет поиска возможных

оставшихся в живых террористов и уточнения размеров необходимых восстановительных работ. Тем временем биржевые цены на нефть подпрыгнули до фантастического значения. Час назад Белый Дом сделал заявление, что в связи с неспособностью ООН обеспечить безопасность последнего нефтяного запаса США берут Шельф под свой контроль. Второй флот ВМС США, проводивший операцию освобождения, срочно усиливается пятым и шестым флотами. Правительства более чем сорока стран-участниц ООН уже подали официальный протест. В эти минуты срочно собирается Совет

Безопасности... — Шрецкий
выключил передачу и откинулся на
роскошном сидении. «Плевать они
хотели на ваш Совет Безопасности»,
— подумал он и, щёлкнув ногтем по
сенсору коммуникатора, спросил:

— Сколько ещё осталось до
«Подземстроя»?

— Через пятнадцать минут
будем на месте, Эдуард
Романович. — Немедленно
откликнулся референт.

«Хорошо — подумал
Шрецкий, — посмотрим, как
подготовлен уровень». Он взглянул
на увлечённо играющего в какую-то
очередную компьютерную битву с
пришельцами сына. Мальчишка уже

забыл о капризах по поводу некомфортной дороги и был всецело поглощён виртуальной мясорубкой. Сидевшая на противоположном сидении гувернантка, имевшая ученую степень по педагогике, не отрывала взгляд от ребёнка. Шрецкий снова закрыл глаза и погрузился в воспоминания.

Чутьё к прибыли у него было развито лучше, чем нюх у волка. Это он первым из представителей крупного бизнеса вложил средства в правительственную программу «Подземстрой». Ещё пять лет назад, когда в стране уже заканчивались, но всё же ещё были свои нефть и газ, правительство под давлением

военных, поддерживаемых некоторыми политическими партиями, пытавшимися поднять свой рейтинг, приняло программу строительства огромных подземных бункеров на случай ядерного конфликта. Формально конфликтовать было не с кем, однако ситуация с энергоносителями ухудшалась, в мире то и дело вспыхивали вооружённые конфликты за обладание теми или иными местами разработки, да и в других экономически сильных государствах подобные программы существовали и даже в некоторых случаях давали некоторое политическое преимущество партиям, являвшимся

инициаторами строительства. В итоге Программа была принята. Однако она была больше формальной, чем реальной, так как основные государственные средства который год были брошены на исследования в области разработки альтернативных энергоносителей, и денег, действительно позволяющих организовать строительство в необходимых для реализации программы масштабах, не было. Крупный бизнес не хотел делать столь огромных вложений, в ядерный конфликт никто особо не верил, да и альтернативная энергия являлась гораздо более привлекательной отраслью с точки зрения возможных

в случае успеха дивидендов. Но Шрецкий в буквальном смысле учуял прибыль, стал единственным партнёром государства в программе и взял на себя почти семьдесят процентов расходов. И прав на владение.

В тот же год началось строительство пробного бункера в Новгородских землях. Через два года небольшой «Подземстрой-1» был завершён и Шрецкий приступил к строительству основательного «Подземстроя-2» под Новосибирском. Этот проект очень любила Маша, именно она предложила место строительства. Жена настояла на том, чтобы создать

для семьи отдельный уровень в бункере. Сын подрастёт и будет играть там с друзьями в космических героев, смеясь, говорила она. Шрецкий был уверен, что ей просто нравится романтика идеи многокилометрового подземелья. Совсем ведь девчонка ещё, того и гляди сама будет там в героев играть. Его губы тронула тёплая улыбка, он вновь видел Машу и слышал её звонкий, почти детский смех. Даже роды не изменили её ни на грамм. Она по-прежнему казалась восемнадцатилетней девочкой рядом с мужем, разница в возрасте с которым составляла тридцать девять лет. Не смотря на все чудеса

биорегенерации, малоознакомые иностранцы, видя Шрецкого в компании жены, держащей на руках ребёнка, часто восхищались тем, какие красивые у него дочь и сын.

— Эдуард Романович, новости, экстренный выпуск. — Прожужжал коммуникатор голосом референта. Шрецкий включил новости.

— ...только что сделал официальное заявление на Совете Безопасности ООН. Официальный Пекин заявил, что США незаконно захватили «Шельф ООН», и обвинил Белый Дом в инсценировке захвата террористами Шельфа. Полномочный представитель Китайской Республики объявил

требование Пекина к США немедленно отвести войска от Шельфа и сдать Шельф под контроль объединённым силам ООН. Флот ВМС Китая уже начал движение к шельфу. В Китае объявлена мобилизация. К требованию Пекина уже присоединились Великобритания, Франция, Россия, Германия, страны Арабской коалиции и ещё не менее двадцати стран. Представитель Белого Дома вновь заявил о неспособности ООН обеспечить безопасность шельфа и отверг обвинения Китая в инсценировке теракта, назвав это заявление абсурдом. Россия выразила надежду на разумное разрешение

ситуации сугубо мирными способами. Представители Франции и Великобритании также...

Шрецкий щёлкнул ногтем по сенсору и мысленно усмехнулся. Он с самого начала штурма Шельфа был уверен, что Штаты так просто оттуда не уйдут. Вот теперь настал звёздный час «Подземстроя-2». После завершения «Подземстроя-1» бункер три месяца пустовал, было продано менее одного процента подуровней. Конкуренты посмеивались над Шрецким. А потом конфликт за месторождение газа между Индией и Пакистаном закончился обменом ядерными ударами. За три часа погибли в общей сложности девять

миллионов человек и перестало существовать само спорное месторождение. Ещё через десять дней управляющий директор «Подземстроя-1» доложил, что площади бункера распроданы полностью. Прибыль превысила четыреста шестьдесят процентов. Это был триумф. Спohватившиеся ринулись строить бункера, но семьдесят процентов прав на строительство уже принадлежало Шрецкому. В результате началось строительство ещё двух бункеров, но догнать «Подземстрой-2» уже было невозможно. Ещё до окончания первой стадии строительства пятьдесят процентов площадей

бункера уже было заказано и оплачено. И вот теперь конфликт на Шельфе. Пожалуй, стоит дать указание директору по реализации о поднятии цен.

Шрецкий коснулся сенсора изменения затенённости стекол и сделал почти тёмное окно прозрачным. За окном весело проносились сибирская тайга. Яркое светило августовское солнце, пробиваясь через густые кроны величественных сосен и пушистых елей. Шрецкий поморщился. Он не любил солнце, предпочитая искусственное освещение. А вот Маша сейчас была бы рада. Он представил, как она обязательно бы

остановила весь кортеж и выскочила из машины просто порадоваться лесу, к ужасному недовольству начальника службы безопасности, который немедленно принялся выставлять оцепление, что ещё больше бы развеселило Машу. Шрецкий представил себе, как её звонкий смех переливается в прозрачном лесном воздухе, а вокруг неё веером рассыпаются и растворяются в лесу телохранители, прячущие улыбку на суровых лицах. Машу в империи Шрецкого любили все. В конце концов, сорвав душистую мохнатую еловую лапку, сияющая Маша вернулась бы в машину...

Он посмотрел вперёд, на нависающую Медвежью. Ставосьмидесятиметровая сопка с практически голой вершиной и густо заросшими таёжной растительностью склонами в лучах утреннего солнца и вправду была чем-то похожа на лежащего медведя, очень лохматого и зелёного. Возможно, именно этому она и обязана своим названием. А может, где-то на её склонах ещё живут настоящие медведи. Этот вопрос всегда живо интересовал Машу. Шрецкого же интересовал бункер, прорубленный в скальном основании Медвежьей на глубину в три километра ниже уровня грунта.

Миллионы тонн скальной породы над бункером служили надёжным щитом, глубина залегания бункера и сама его конструкция просчитывались неоднократно лучшими специалистами. Военные консультанты утверждали, что бункер гарантированно выдержит не меньше трёх прямых попаданий любого известного ядерного заряда, состоящего на вооружении. Автономная система жизнеобеспечения с замкнутым циклом, новейшим ядерным реактором, изготовленным по спецзаказу лучшими японскими производителями, могла гарантированно функционировать

около пятисот лет. Вместительные склады, полностью загруженные всем необходимым и не очень, медицинский уровень, укомплектованный ультрасовременным оборудованием, научный комплекс с мощнейшими компьютерами последнего поколения, высококвалифицированный персонал, несущий круглосуточное дежурство. Роскошные жилые подуровни, предназначенные для очень богатых людей, и подуровни попроще, для людей просто богатых, уровень «Улей» для почти простых людей. Жилые помещения были рассчитаны на тридцать тысяч

человек и пять тысяч сотрудников персонала, но на самом деле бункер мог принять вдвое больше. Деньги должны приносить деньги, а не просто быть зарыты в землю, пусть даже и на три километра, да и какая в реальности может быть ядерная война, сейчас не полудикий двадцатый век, и Бункер, помимо своего основного, документального предназначения, по совместительству являлся огромным экзотическим увеселительным центром. Фешенебельные Вип-апартаменты и развлекательные центры на любой вкус, медико-косметические салоны и биорегенерация, водные скважины

пятикилометровой глубины и рестораны, способные удовлетворить любым требованиям даже самого капризного гурмана. Уровень жизнеобеспечения имел собственные оранжереи и биофермы, вплоть до производства мёда и выращивания устриц, уже имеющие свой собственный товарный знак. В следующем году планировалось очистить пологий склон Медвежьей и начать строительство горнолыжного спуска. По самым скромным подсчётам, бункер должен принести девятизначную цифру прибыли. Одним словом, это был его, Шрецкого, шедевр. И завтра день торжественной сдачи

«Подземстроя-2» госкомиссии. На официальном уровне, разумеется, всё уже было сдано и подписано, множество жилых подуровней были уже заселены владельцами, желающими присутствовать на церемонии открытия. Завтра состоится торжественная часть, будет сам президент, первые лица, обилие прессы. Появиться на подобном мероприятии с сыном будет совсем не лишним PR-ходом. А сейчас надо самому убедиться в том, что всё готово к завтрашней демонстрации.

Кортеж въехал за ворота и остановился. Снова зажужжал коммуникатор.

— Эдуард Романович, желаете осмотреть внешнюю площадь или сразу внутрь? — референт прекрасно помнил о дотошности Шрецкого и старался предусмотреть всё.

— Начнём отсюда, — решил Шрецкий, — управляющего директора ко мне.

— Он уже ожидает вас, Эдуард Романович.

Снаружи к машине подбежал телохранитель и открыл дверь. Управляющий директор и десяток других должностных лиц спешили засвидетельствовать своё почтение.

— Добро пожаловать. Эдуард Романович, к приезду госкомиссии всё готово. — Управляющий

директор не хуже других был осведомлён о необходимости говорить только по делу.

— Хорошо, — Шрецкий окинул взглядом внешнюю территорию. — Тогда это что такое? Или местные лесники решили баньку срубить? — Недовольным тоном поинтересовался олигарх.

Внешняя территория представляла собой гладко забетонированный прилегающий вплотную к скальным породам сопки дугообразный кусок земли площадью пятьсот квадратных метров. Это место было размечено под вертолётные площадки, места выгрузки и небольшую автостоянку

для служебного транспорта, который доставлял жильцов и сотрудников из Новосибирска в бункер и обратно. Пользоваться личным транспортом разрешалось только избранным, коих было очень и очень немного. Внешнюю территорию ограждал пятиметровый бетонный забор, опоясывающий площадку, начинающийся прямо из скалы и заканчивающийся так же в скале, далее шёл пояс охранных наблюдательных вышек, на которых несли службу вооружённые охранники. После пояса вышек было установлено ещё два пояса колючего ограждения со служебными собаками между ними. Специально

созданная служба охраны отвечала за безопасность бункера, а количеству всевозможных датчиков, камер слежения и сигнализаций на квадратный метр могла позавидовать служба безопасности президента какой-нибудь небольшой страны. Однако сейчас на внешней территории сразу в нескольких местах лежали стройматериалы, и люди в рабочей форме собирали из них какие-то конструкции.

— Эдуард Романович, это телевизионщики собирают для себя трибуны под телекамеры. Присутствуют только аккредитованные телеканалы, согласно проданным правам на

трансляцию. — Управляющий директор произнёс фразу на одном дыхании и замер, ожидая ответа.

— Проследите, чтобы к 19:00 все работы были завершены. Кто не успеет, будет лишён аккредитации и выдворен за ворота. — Шрецкий развернулся и пошёл в сторону входа в бункер, давая понять, что на этом осмотр внешней территории завершён.

Бункер имел два основных входа и три запасных. Основной грузовой вход был заблокирован нелинейной системой шлюзов с мощными воротами. Загрузка складов «Подземстроя-2» была завершена, и в следующий раз грузовой вход будет

разблокирован через сто лет, для плановой замены неприкосновенных запасов. Основной пассажирский вход располагался рядом и представлял собой точную копию старшего брата, уменьшенную в несколько раз. Расположение запасного грузового и двух пассажирских выходов содержалось в тайне.

После первой шлюзовой камеры располагался первый пункт проверки документов, на котором несли службу несколько охранников. Автоматика закрыла ворота за спиной Шрецкого и его свиты.

— Система безопасности производит идентификацию

личности мгновенно. — Докладывал начальник службы безопасности «Подземстроя». — Сейчас система проверит давление и содержание воздуха в этом отсеке и откроет ворота второго шлюза.

— На что делается проверка воздуха? — Шрецкого не интересовали такие тонкости, но в данный момент он ощущал какое-то смутное беспокойство. Безопасник стал торопливо перечислять:

— Проверяется герметичность, давление, температура, уровень радиации, наличие посторонних живых организмов вплоть до бактерий, при необходимости проводится кварцевое...

Но Шрецкий его уже не слушал. Он понял причину своего беспокойства. Он чувствовал взгляд. Точнее, Взгляд. В своей империи Шрецкий был царь и бог, его боялись все. Никто кроме Маши не позволял себе столь неприкрыто его рассматривать. Он повернул голову влево и увидел источник своего дискомфорта. В пяти метрах от него на своём месте стоял человек в форме охранника. Что-то неуловимо знакомое было в его лице. Их взгляды встретились. И ничего не изменилось. Охранник спокойно продолжал рассматривать Шрецкого, только теперь он глядел олигарху в глаза. На мгновение Шрецкому стало

не по себе. Он никак не мог понять, в чём дело. Во взгляде не было ни агрессии, ни ненависти. Охранник ничем выдающимся не отличался. На вид лет 30–35, среднего роста, очень коротко стриженный, как и большинство представителей своей профессии. Подтянутая мускулистая фигура, вес килограмм под сто. На нагрудной нашивке небольшая цифра 13. Видимо, опознавательный знак или что там у них вместо фамилий. Тёмные глаза, пара слабозаметных шрамов — наверняка следы тяжёлых операций, при сегодняшнем уровне развития биорегенерации лёгкие повреждения кожи просто не оставляют следов... в его личной

охране служат парни намного колоритнее, настоящие глыбы... и тут Шрецкий понял, где он видел такой же взгляд.

Когда Маша умерла, Шрецкий вместе с поверенными сам приехал за телом, несмотря на уговоры друзей. Он твёрдо решил отменить все дела и все эти последние три дня не отходить от неё. В морге элитной московской клиники тело передавал сухонький старичок-прозектор. Старик механически выполнил все необходимые процедуры, и при этом его взгляд, скользя с живых на мёртвых и обратно, никак не менялся. Дед смотрел на тела, словно это была мебель или

элементы интерьера, с которыми он бок о бок не один десяток лет. В его взгляде не было ни жалости, ни скорби, ни радости, ни заинтересованности. Это была какая-то смесь безразличия с необходимостью. И когда старик переводил взгляд на кого-то из поверенных, ничего в его взгляде не менялось. Живые ли, мёртвые ли перед ним, старику не было до этого дела. Тогда Шрецкий не задумался над этим, боль от потери жены застилала всё.

Сейчас на него вновь смотрел этот взгляд. Ну и что? За более чем сорок лет бизнеса Шрецкий стал специалистом по взглядам, его опыту

мог позавидовать иной профессор физиогномистики, одним лишь взглядом Шрецкого не возьмёшь. Внезапно он вспомнил. Память бизнесмена, привыкшего держать в голове содержание множества договоров и контрактов, официальных и частных бесед и встреч вплоть до неважных, на первый взгляд, деталей услужливо вытолкнула нужное воспоминание.

Шла вторая неделя их с Машей медового месяца. Личная яхта Шрецкого, больше похожая на океанский лайнер, каковым она, по сути, и являлась, сделала остановку на Сейшельских островах. Лет двадцать назад он купил себе один из

небольших островков этого архипелага и устроил там одну из своих летних резиденций. Белоснежный мраморный дворец смотрел из буйства тропических джунглей прямо в океан, словно ослепительно белая жемчужина выглядывала из раскрытых створок сочно-зелёной раковины. Огромный коралловый риф, переливаясь яркими красными, жёлтыми, коричневыми и оранжевыми красками, простирался далеко в изумрудно-зелёное море, которое в полдень сверкало почти так же сильно, как Машины глаза. Она с первого взгляда влюбилась в это место и целый час щёлкала

новеньким, недавно подарённым голограмматором.

— Я хочу отправить родителям голограммки! — сообщила она, захлёбываясь от восторга, — можно, любимый?

Шрецкий улыбнулся.

— ну конечно можно, дорогая. Вот же коммуникатор, Интернет через спутник круглый год! — засмеялся он. — Адрес помнишь?

— Наш домашний компьютер голограммы не примет. Коммуникатор есть только у папы на работе. У меня записан номер! — Маша достала из лежащей на столике сумочки маленький красный дамский бумажник и начала усердно

копаться в его кармашках, где обнаружилось немало различных бумажек и второпях сделанных пометок. Периодически Маша доставала какой-нибудь клочок и с удивлением произносила что-то вроде: «Ой! А это что?» и продолжала поиски. Шрецкий, глядя на это, не мог сдержать улыбки. Наконец нужный номер был найден, и Маша с видом Бонапарта, только что покорившего Европу, бросила бумажник на столик и принялась за коммуникатор. При этом она сосредоточенно хмурила брови и совсем по-детски надувала пухлые губки. Видимо, задача перед ней стояла не из лёгких. Эта картина

умиляла Шрецкого просто до глубины души. Он смотрел на жену и продолжал счастливо улыбаться.

— Не смотри на меня, ты меня смущаешь! — Заявила Маша. — У меня никогда раньше не было коммуникатора.

— Может, тебе помочь?

— Нет! Я сама! — Маша показала ему язычок. — А ты не смотри, не мешай! — повторила она, сверкнув изумрудными глазами, и снова погрузилась в исследовательский процесс.

Шрецкий выдал короткий смешок, оставшийся без ответа. Он перевёл взгляд на стол и протянул руку к её бумажнику.

— Можно взглянуть?

— Ага! — разрешила Маша, не отрываясь от коммуникатора.

Бумажник был видавшим виды. Изрядно потёртым, служившим уже далеко не первый год.

— Материна вещьца? —
Догадался Шрецкий.

— Угу.

Он раскрыл бумажник. Куча маленьких кармашков, забитых кучей маленьких бумажек...

В пустом раскладывающемся прозрачном пластиковом кармане в самом углу одиноко лежала маленькая чёрно-белая фотография «три на четыре», стандартное фото на документы. На нём был коротко

стриженный крепкий парень лет тридцати с небольшим в камуфлированной форме войск специального назначения. Тёмные глаза смотрели прямо в объектив, из-за чего складывалось ощущение, что человек с фото смотрит прямо на тебя.

— Отдай, пожалуйста, — Маша стояла рядом, протянув руку. Изумрудные глаза потемнели, в их уголках собралась влага.

— Кто это? — Шрецкий отдал бумажник. — Это твой любимый человек? — Он вдруг понял, что их роман развивался настолько легко и стремительно, что никогда раньше подобного вопроса не задавалось. —

Где он теперь?

— Он... — Маша опустила голову, и на палубу упала слезинка. — Он был офицером спецназа. — Она посмотрела Шрецкому в глаза. — Он погиб. На войне.

Маша убрала бумажник в сумочку и вернулась к коммуникатору.

Шрецкий промолчал. Энергетический кризис разрастался, вооружённые конфликты вспыхивали и гасли по всей карте мира. Страна имела интересы во многих уголках планеты, и гибель наших бойцов давно уже престала быть чем-то из ряда вон выходящим.

Через десять минут сосредоточенное сопение у коммуникатора сменилось победным визгом — голограммы дошли до адресата, и огромные изумруды глаз снова засияли. Той фотографии Шрецкий больше не видел.

И вот теперь на него смотрел человек с фотографии. Перепутать было невозможно, парень совсем не изменился, от фото его отличали только шрамы. Спокойный, безразлично-обязательный взгляд патологоанатома на труп. Шрецкому стало жутко.

— Эдуард Романович, двери открыты, желаете пройти дальше? — Неуверенно спросил решившийся

нарушить тишину управляющий директор. Шрецкий мысленно стряхнул с себя оцепенение и понял, что шлюз давно открыт и все ждут только его. Он решительно прошёл внутрь. Спустя ещё три шлюзовых камеры, расположенных в коленчатом коридоре, свита вышла к электропоезду, доставляющему людей к шлюзовым камерам шахты лифта. Уже сидя в кресле вагона, Шрецкий кивком подозвал к себе безопасника.

— Кто этот сотрудник за номером тринадцать?

— Новенький, Эдуард Романович, принят две недели назад, — заторопился безопасник, —

прошёл все проверки, ветеран спецназа, многократно награждён, имеет рекомендации...

— Уволить на следующий день после сдачи объекта. — Перебил Шрецкий. — И не раньше. Нам не нужны сейчас лишние крошки для тараканов из прессы. Вопросы?

— Никаких, Эдуард Романович. — Безопасник отошёл и сел на своё место.

— Эдуард Романович, — рядом стоял референт с коммуникатором в руках, — новости, экстренный выпуск.

Шрецкий кивнул, референт коснулся сенсора и поставил коммуникатор на стол.

—

...специальный

корреспондент из зоны конфликта. Десять минут назад ВМС США сбили два самолёта республики Китай, проводивших облёт территории «Шельфа ООН». Оба пилота погибли. Командующий флотами США заявил, что выполняет приказ президента и конгресса об охране шельфа и не позволит никому подойти ближе двенадцатимильной зоны. Торги на мировой нефтяной бирже приостановлены. Перед зданием американского посольства в Пекине в эти минуты возник стихийный митинг, количество его участников стремительно растёт. Глава ООН обратился к странам-

участницам конфликта с просьбой
соблюдать благоразумие.
Официальная реакция Пекина пока
неизвестна, однако военные
наблюдатели констатируют
выдвижение китайского флота на
дистанцию удара. Мировая
общественность уже высказывает
осуждение...

Шрецкий выключил коммуникатор. «Плевали они на ваше осуждение», — подумал он и взглядом подозвал референта.

— Отправьте в московскую штаб-квартиру приказ директору по продажам поднять стоимость ещё не реализованных площадей «Подземстроя-2» в четыре раза.

— Слушаюсь, Эдуард Романович.

Электропоезд остановился у шлюзов лифта. Свита прошла через три шлюза и оказалась в лифте. Скоростной лифт набирал и гасил скорость настолько плавно, что сидевшие в мягких комфортабельных креслах пассажиры практически не ощущали скорости. Через несколько минут лифт достиг цели на глубине три тысячи метров. Это был личный уровень Шрецкого. С тех пор, как умерла Маша, он бывал здесь редко, предпочитая руководить строительством на расстоянии. Однако план уровня он помнил отлично. Шрецкий сразу же

направился в свой офис, сын с воплями помчался в противоположную сторону. Для него подземное приключение началось ещё в шлюзовых камерах. Приехавшие с мальчишкой няня и гувернантка в ужасе устремились за ребёнком.

Кабинет Шрецкому понравился. Пятьдесят квадратных метров площади, четырёхметровые потолки, массивная мебель ручной работы в классическом английском стиле. Шрецкий любил красное дерево, и проектировщики учли эту слабость олигарха: всё в помещении было выполнено из самых дорогих его сортов. Однако больше всего кабинет

напоминал рубку авианосца или центр управления полётами. Три стены, кроме находящейся за спинкой президентского кресла, практически полностью являлись голографическими экранами. По ним непрерывно бежали сообщения об изменении различных котировок и индексов, транслировалось в реальном времени положение дел на ведущих мировых биржах, карта мира была усыпана значками, отмечающими местоположения различных интересов империи Шрецкого. Мощнейший коммуникатор последнего поколения, установленный на рабочем столе, пискнул и заговорил

голосом референта:

— Эдуард Романович,
Новосибирск на связи. Губернатор,
правительственная линия.

— Соединяйте.

Коммуникатор подмигнул
Шрецкому зелёным индикатором
правительственной линии и тут же
переключился на красный, сообщая,
что активирован максимальный
уровень защиты данных. Спустя
мгновение на голографическом
экране появилась тучная фигура
губернатора региона, и динамики
пробасили с одышкой:

— Здравствуй, Эдуард
Романович, с приездом. Как добрался
по лесной дороге-то?

— Здравствуй, Пётр Викентьевич, твоими молитвами хорошо.

Оба знали, что лесная дорога к «Подземстрою» была оставлена в нетронutom виде не только с целью придания туристического колорита, но и в угоду партии Зелёных, имевших в регионе сильные позиции. Губернатор занимал своё кресло второй срок и был не против отсидеть в нём и третий, поэтому возможность выглядеть в хорошем свете на страницах газет лишней не была.

— Эдуард Романович, новости-то слушал сегодня? — одышка очень толстого человека сильно тяготила

губернатора, длинные фразы давались ему с трудом, поэтому он старался пользоваться короткими. — Чего американцы-то творят.

— Этого и следовало ожидать, Пётр Викентьевич, американцам никто не указ, — Шрецкий ввёл короткую команду и теперь, ведя разговор, разглядывал на карте движения флотов в районе конфликта. — Вон сколько народу уже собралось побряцать оружием. И китайцы, и англичане, и арабы, и мы. Ну, как же без нас-то, — ухмыльнулся Шрецкий.

— Тут есть мнение, что в случае дальнейшего обострения ситуации президент может и не прилететь. —

Губернатор снова перевёл дух, — шепнули мне тут из Москвы по секрету. Ты вот что, Эдуард Романович, прилетай-ка ко мне сейчас, потолкуем, чайку попьем. Вы с президентом чуть ли не друзья, может, созвонишься и замолвишь за нас словечко, Эдуард Романович? Глядишь, и не передумает президент. Это ведь и тебе выгодно, да и у нас тут выборы на носу. И региону встреча с президентом нужна кровь из носу. Меня пол краевой думы с утра осаждает. Помоги, Эдуард Романович, мы в долгу не останемся, окажем максимальное содействие в любом вопросе, только скажи. — Столь длинная тирада далась

губернатору нелегко, откуда-то из недр необъятного костюма он достал платок и стал вытирать градом катящийся по лицу пот.

Шрецкий на мгновение задумался. Конечно, госкомиссия примет «Подземстрой-2» и без присутствия президента, это уже давно решённый вопрос. И проблемы губернатора со всем его регионом волновали Шрецкого очень мало. Но вот сам факт возможного отсутствия президента изрядно портил стройную PR-кампанию Шрецкого, начавшего набирать серьёзный вес на политической арене страны. А с этой самой ареной у него были связаны очень даже далеко идущие планы...

— Что ж, Пётр Викентьевич, давайте попробуем помочь нашему общему горю, чем сможем, — улыбнулся Шрецкий.

— Вот и чудненько, вот и чудненько, — задышал губернатор, — я вышлю за тобой вертолёты, Эдуард Романович, через час они будут у тебя.

Экран погас, индикатор подмигнул ещё раз на прощание и отключился.

Эко как прижало-то, подумал Шрецкий. Не пожалел топливо из краевых стратегических резервов, вертолёты послал. Не иначе снова у президента средств будут просить. Зачем ещё он им нужен. Шрецкий

ухмыльнулся и ткнул сенсор референта на коммуникаторе.

— Слушаю Вас, Эдуард Романович.

— Через час вылетаем в Новосибирск на встречу с губернатором. Вертолёты уже в пути. Оповестите всех членов комиссии и готовьте мой вертолёт, я хочу вылететь обратно из Новосибирска через пять часов. К моменту моего возвращения я хочу получить от директоров подробный доклад о мощностях «Подземстроя-2», включая резервные и аварийные. Свяжитесь с Москвой, с директором по продажам, мне нужен полный список ещё непроданных площадей.

— Будет сделано, Эдуард Романович.

Шрецкий активировал почтовый терминал и некоторое время работал с персональной корреспонденцией. Коммутатор щёлкнул — автоматика кабинета, настроенная на круглосуточный приём новостей, сама вывела на экран экстренный выпуск.

На экране шла картинка со спутника — в море быстро тонули два охваченные пламенем боевых корабля. Возбуждённый голос диктора за кадром скороговоркой сообщал о последних событиях:

— ...в акватории «Шельфа ООН» продолжился страшной трагедией.

ВМС США нанесли массированный ракетный удар по двум лёгким эсминцам объединённого флота ООН. В результате атаки оба корабля уничтожены и стремительно тонут. К месту трагедии спешат спасательные суда и вертолёты. Командующий флотами США заявил, что корабли ООН нарушили двенадцатимильную зону безопасности, установленную конгрессом США. Только что полномочный представитель Белого Дома в ООН зачитал обращение президента США, в котором говорится, что в случае повторных попыток нарушить зону безопасности страна-нарушитель будет лишена Соединёнными

Штатами возможности участия в добычи нефти после восстановления оборудования на «Шельфе ООН». Как сообщают наблюдатели, уничтоженные эсминцы объединённого флота ООН принадлежали России и Арабской коалиции. Мы ждём реакции Москвы. Пока ещё Кремль не делал никаких заявлений. В Пекине здание посольства США демонстранты забрасывают камнями. Полиция применила слезоточивый газ...

Внезапно картинка на экранах сменилась. Судя по всему, камера установлена где-то на высотном доме соседнего квартала. На экране издалека видно здание, буквально

тонущее в огромном людском море. Диктор за кадром ещё более усилил скорость вещания и стал говорить практически без пауз:

— Срочное сообщение! После объявления о гибели эсминца Арабской коалиции здание посольства США в Тегеране в считанные минуты оказалось окружено многотысячной толпой. Разъярённая толпа смела полицейские кордоны и пошла на штурм посольства. В данный момент вы видите, как людские массы врываются внутрь. Из здания слышны выстрелы. По сообщениям полиции, к посольству срочно движутся усиленные войсками

отряды полиции. Мы следим за развитием событий со здания...

Коммутатор открыл на экране новое окно и вывел референта:

— Эдуард Романович, вертолёт
будут через двадцать минут.
Комиссия готова, можно начинать
шлюзование. Ваш вертолёт ожидает
вас в Новосибирске. — Референт
закончил доклад и отключился.

Шрецкий вышел из кабинета.
Да, дела. Интересно, как америкосы
планируют разрешить эту проблему.
Надо лететь, а то если дела и дальше
так пойдут, президент действительно
может и не приехать на открытие.

У лифта между свитой радостно
прыгал сынишка, не забывая

наступать на ноги всем попавшимся. Все попавшиеся усиленно изображали умиление. Шрецкий мысленно усмехнулся: «Ничтожества».

— Вертолёт, вертолёт!!! Папа! Мы полетим кататься на вертолёте! — наследник вцепился в отцовский рукав.

Начальник личной охраны тут же зашептал:

— Эдуард Романович, брать ребёнка в чужой вертолёт с чужими пилотами неосторожно, я бы не рекомендовал...

— Нельзя, сынок, — перебил главного телохранителя Шрецкий, — мы покатаемся в другой раз.

— Ну паааапа! — немедленно начал канючить сын, — я хочу на вертолёт, мы с мамой всегда катались с тобой на вертолёте, — сынишка хлопал зелёными глазёнками.

«Маша...»

— Так уж и быть, поехали! — сдался Шрецкий, улыбаясь.

Начальник личной охраны попытался возразить:

— Но Эдуард Романович, это же...

Шрецкий поморщился и, не дослушав, прошёл в кабину лифта, давая понять, что разговор окончен.

Подъём на лифте, шлюзования, электропоезд, снова шлюзования. Всю дорогу Шрецкий был погружен

в раздумья. Вне всякого сомнения, конфликт в зоне «Шельфа ООН» принимал не самый лучший оборот, и надо было извлечь из этого максимальную выгоду. Изворотливый ум Шрецкого работал на полную мощность, анализируя ситуацию, сравнивая и отвергая различные варианты, скрупулёзно выискивая наилучший, подобно ищейке, идущей по кровавому следу подранка.

Резко вернулось ощущение страха. Шрецкий отвлёкся от мыслей и понял, что снова находится на первом пункте проверки документов. За прошедший час здесь ничего не изменилось, включая положение охранников. Охранник под

тринадцатым номером уже не смотрел на него, но отделаться от неприятного чувства не удавалось.

«Да что такое!» — Мысленно выругался Шрецкий.

На внешней территории уже стояли обещанные вертолёт и личный помощник губернатора. Губернаторский вертолёт и два вертолёта сопровождения оторвались от земли синхронно, демонстрируя неплохую слётанность экипажей. Дорога по воздуху должна занять около часа. Шрецкий устроился поудобней в мягком кожаном кресле, затемнил иллюминатор и включил частоту новостей.

— ...передавали ранее,

разъярённая толпа смяла
полицейские кордоны и штурмом
взяла здание посольства США в
Тегеране, буквально разорвав всех
находившихся внутри. Конгресс США
собирается на экстренное заседание.
Американский президент заявил, что
реакция США на кровавую расправу
не заставит себя ждать. Наблюдатели
из зоны конфликта передают, что
флоты Китая и Арабской коалиции
начали сближение и через час
достигнут границы
двенадцатимильной зоны.
Представитель коалиции в ООН
заявил, что в случае повторения атак
флот коалиции нанесёт ответный
удар, и потребовал от Совета

Безопасности ввести войска ООН в акваторию «Шельфа» и вернуть его под юрисдикцию ООН. Официальный Пекин выдвинул требование приостановить членство США в ООН и подчёркнул готовность Китая выполнять союзнические обязательства согласно договору об Альянсе. Третий член Альянса, Россия, пока не сделала никаких официальных заявлений. В эти минуты президент России собрал правительство на экстренное заседание. Партнёры США по блоку НАТО пока воздерживаются от комментариев. Оставайтесь с нами, мы будем...

Щрецкий выключил новости и

задумался. Шансы на завтрашнее прибытие президента стремительно уменьшались. Что ж, надо ждать официального заявления Кремля, от него и оттолкнёмся. После окончания заседания необходимо любой ценой переговорить с президентом. Присутствие рядом губернатора и председателя Краевой Думы будет нелишним.

Вертолёты совершили посадку на крыше здания правительства края, и спустя три минуты Шрецкий уже входил в кабинет губернатора. Тут, судя по всему, ждали только его. Пётр Викентьевич собрал действительно узкий круг самых доверенных лиц: вице-губернатор, председатель

краевой Думы и он сам. Больше в кабинете никого не было. Шрецкий коротко поприветствовал присутствующих и опустился в кресло.

— Видал, Эдуард Романович, что творится! — Губернатор ткнул пухлой рукой в сторону настенного экрана, где в данный момент была изображена спутниковая карта. Шрецкий узнал акваторию «Шельфа ООН».

— Американцы заявили, что в странах с «антиамериканскими настроениями» будут охранять свои посольства сами. С ближайших баз уже начали выдвигаться воинские части. — Губернатор отдышался и

достал платок, больше
напоминающий небольшую
простыню. — Заварили кашу, а
теперь хвостом вертят. Просят своих
партнёров по НАТО быть верными
союзническим обязательствам и
передать все находящиеся в районе
акватории «Шельфа» корабли из
состава Объединённых сил ООН для
усиления своего флота. Англичане и
немцы уже вошли в акваторию. —
Губернатор принялся вытирать
потоки пота, шумно дыша. —
Китайцы и арабы готовятся пересечь
границу двенадцатимильной зоны.
Ждут только нас, а мы пока молчим.
ООН выдает заявления одно за
другим со скоростью какого-нибудь

пронырливого писаки из жёлтой бульварной газетёнки, только вот америкосы плевать на них хотели. — Губернатор окончательно выдохся.

— Всем нужна нефть, — ухмыльнулся Шрецкий. —

Американцы сделают так, как выгодно им, и весь этот ооновский трезвон их не остановит. Ну а прилипалы из НАТО будут глядеть в рот дяде Сэму в надежде отхватить с барского стола кусочек шельфа послаще. Штаты сделали неплохой ход: ядерный конфликт не нужен никому, а вот переписать квоты добычи нефти, воспользовавшись случаем, будет заманчиво. Неудивительно, что Москва столь

тщательно обдумывает свой шаг. Ситуация непростая: с одной стороны, союзнический долг и платформа на «Шельфе», с другой — отношения с американцами, совместное строительство двенадцатой платформы МКС и второй очереди лунного посёлка. Если Вашингтон заморозит финансирование своего участка...

Настенный голографический экран вспыхнул российским триколором, и голос диктора торжественно объявил о прерывании всех программ в связи с заявлением президента. Глава государства, как всегда, источал уверенность и серьёзность. Он начал с описания

момента. Шрецкий с любопытством ждал сути. «Интересно, как ты выкрутишься», — олигарх завидовал умению президента сохранять лицо в проигрышных ситуациях. В определённых кругах за эту способность президент получил за глаза прозвище «Неваляшка». Однако то, что происходило сейчас, было далеко не стандартной политической проблемой. Наконец президент огласил позицию страны. Чего-то подобного Шрецкий и ожидал. Россия верна союзническому долгу Альянса и в случае агрессии окажет помощь союзникам. Однако боевые корабли Российского флота не будут пересекать границу

двенадцатимильной зоны, так как мы надеемся на дипломатическое разрешение проблемы. Россия предлагает США вернуть шельф под юрисдикцию ООН и создать специальные объединённые силы охраны «Шельфа». После чего президент выразил соболезнования семьям и родственникам погибших моряков и подчёркнул необходимость сохранять ясный ум и трезвость мышления, которые, как никогда, необходимы сейчас России.

«Так вот как, значит, хочешь быть хорошим и нашим, и вашим. А получится?» — Шрецкий уже представил бурю эмоций в штабах оппозиции.

Выступление президента закончилось, и телепрограмма продолжилась ток-шоу модного политического обозревателя, который с жаром принялся обсуждать заявление главы государства.

— Таким образом, господа, — Шрецкий отвернулся от экрана и подытожил: — Президент дал понять, что место на передовой Россия занимать не будет. А значит, его завтрашнее присутствие на сдаче «Подземстроя» вполне возможно. Я свяжусь с президентом, как только у него появится возможность провести с нами разговор. Все необходимые для этого действия уже предприняты.

Пока же предлагаю обсудить наши дела.

Обсуждение шло уже три часа, громадьё планов губернатора сотоварищи, связанных с возможностью личной встречи с президентом, вполне соответствовало необъятным размерам самого губернатора, сменившего за время разговора с десяток носовых платков-простыней. Шрецкий мысленно скривился: «Ещё один метит в московское кресло». Судя по всему, Пётр Викентьевич пытался набрать очки где только возможно. Похоже, решил, что

засиделся в регионах, начал работать на перспективу... Что ж, и из этого можно будет извлечь ощутимую выгоду. А связи с президентом до сих пор нет, вот это уже не самый хороший признак.

Размышления Шрецкого прервал очередной экстренный выпуск новостей, возвестивший о заявлении генерального секретаря ООН, официально потребовавшего от США немедленно прекратить эскалацию конфликта и вернуть «Шельф» под юрисдикцию ООН, после чего было объявлено о созыве экстренного заседания. Однако на этом новости не закончились. Все крупные информационные агентства

наперебой сообщали о целом ряде провалов плана США по самостоятельной охране своих посольств на территории «государств с неблагоприятной политической обстановкой». Страны Арабской коалиции не допустили на свои территории американские армейские подразделения, о чём официально уведомили Белый Дом. Народные возмущения в этих странах разрастались, то тут, то там на граждан США набрасывалась разъярённая толпа, стали поступать сообщения о новых жертвах. В России оппозиция не замедлила воспользоваться невнятной позицией президента, на коммерческих

каналах телевидения представители политических партий и блоков, не преминувших извлечь для себя выгоду из создавшегося положения, уже гневно критиковали правительство и партию власти, требуя более жёсткой реакции на гибель наших моряков.

«Ну как же можно упустить такой прекрасный случай и не заработать пару-другую процентов избирателей», — Шрецкий был далёк от мысли, что потопленный корабль и на самом деле что-то значил для акул от политики. Он хорошо помнил сильнейший политический резонанс, казалось бы, достаточно далёкого от России Индо-

Пакистанского конфликта. Конечно, ситуация там была гораздо более серьёзной, ещё бы, в общей сложности четыре обоюдных ядерных удара. Мир тогда содрогнулся, и многие смекалистые политики среднего уровня сделали себе на этом громкое имя. Вот и сейчас Шрецкий безошибочно угадывал амбиции почуявших многообещающий шанс политиканов.

«Слетаются стервятники. Самые лакомые куски всегда достаются первым. Скоро начнут локтями отталкивать друг друга», — мысленно усмехнулся олигарх.

В этот момент корреспондент на экране сообщил, что флоты Китая

и Арабской коалиции вошли в двенадцатимильную зону «Шельфа». Командующий флотом НАТО потребовал немедленного прекращения продвижения и возврата флотов на исходные позиции, обещая в случае неповиновения выполнить приказ конгресса и уничтожить нарушителей. Практически сразу последовали заявления Пекина и Тегерана с требованием передачи «Шельфа» под контроль представителей ООН. Флоты сближались, время шло, однако никакого развития событий не последовало.

— Ваше мнение, Эдуард

Романович, — Губернатор достал очередной платок, — как дальше будет протекать конфликт? — Даже мощнейшая система кондиционирования, ионизации и обогащения воздуха, установленная в кабинете, не могла ничего противопоставить граду пота, катившемуся по багровому от одышки лицу губернатора. В тёмно-зелёном костюме, вместившем в себя его необъятную тушу, губернатор напоминал Шрецкому гигантскую болотную жабу.

— Полагаю, как и раньше в подобных ситуациях. — Шрецкий тщательно проследил, чтобы ничто не выдало брезгливость в его

взгляде. — Побряцают оружием и разойдутся. Штаты и основные участники этого представления получают в результате пересмотренные и увеличенные квоты. Остальные, кто и так имел мало, будут иметь ещё меньше. Ради чего это всё, бесспорно, и затевалось. Никому не нужен второй Индо-Пакистан, так что в дальнейшем сотрясать воздух будут только политики и ...

— Экстренное сообщение из зоны конфликта! Три минуты назад флот НАТО нанёс удар по передовым кораблям флотов Китая и Арабской коалиции! — комментатор буквально захлёбывался словами. Экран показывал картину настоящего

побоища: корабли, охваченные пламенем и клубами густого дыма, корабли, разорванные на части и стремительно тонущие, корабли, неестественно зарывшиеся в воду... Картинка шла со спутника, и не было возможности разобрать мелкие детали, но уже было понятно, что дело приняло серьёзный оборот. Море вокруг тонущих кораблей было усеяно спасательными плотами и пытающимися выжить людьми.

— Ещё нет данных о потерях, но и так видно, что они огромны, спасательные суда срочно пытаются оказать помощь выжившим. — Внезапно голос комментатора перешёл почти на крик:

— Только что нами получено сообщение: Флоты Китая и Арабской коалиции нанесли массированный ответный удар...

Шрецкий встал и обвёл взглядом застывших в шоке людей.

— Господа, мне необходимо срочно вылететь в Москву.

Шрецкий сидел в Вип-зале аэропорта Толмачёво. Он был мрачен. Ни о каком прибытии президента речь уже не шла. Под вопросом был и сам факт завтрашней сдачи «Подземстроя» госкомиссии. Сейчас необходимо как можно скорее оказаться в Москве, надо держать

руку на пульсе событий. Самолёт срочно готовили к вылету, однако раньше чем через час вылететь не удастся. Охрана и свита молча застыли вокруг, словно превратившись в каменных истуканов, лишь избалованный отпрыск всесильного олигарха как всегда капризничал, недовольный чем-то. Нянька и гувернантка тихо пытались успокоить вредного наследника, предлагая ему откусать сладостей или заняться компьютерной игрой. В конце концов, выбор пал на компьютер.

Шрецкий собрался было в который раз поторопить референта с подготовкой вылета, но тот уже был

рядом и включал коммуникатор.

— Экстренное сообщение по каналам новостей, Эдуард Романович, — казалось, что находящиеся в зале люди перестали дышать. В гробовой тишине звук динамиков разнёсся по всему залу:

— ...обменялись ядерными ударами. Связь с акваторией «Шельфа ООН» и прилегающими к нему районами потеряна. Мы срочно пытаемся получить любую информацию с места трагедии...

— Сообщите капитану самолёта, что если мы не вылетим через полчаса, он может искать себе новую работу, — Шрецкий практически рычал на референта.

Через пятнадцать минут Шрецкий поднимался на борт своего личного самолёта. Усевшись за рабочий стол, олигарх проводил взглядом промчавшегося по салону в направлении компьютерного симулятора сына. Коммуникатор моргнул лампочкой внутренней связи, и командир экипажа доложил, что до взлёта осталось десять минут.

В этот момент референт включил голографический экран и доложил:

— Эдуард Романович, правительственное сообщение.

Изображение государственного флага сменилось каменным лицом премьер-министра. Без лишних слов

и нелишних объяснений премьер сообщил об объявлении в стране военного положения и призвал к соблюдению спокойствия и недопущению паники, назвав это вынужденной временной мерой. На этом правительственное сообщение закончилось.

— Соединяйте меня с президентом до тех пор, пока не соедините. И обеспечьте мне связь с Министерством обороны. Скажите капитану, что нам необходимо быть в Москве так быстро, насколько это вообще возможно.

— Слушаюсь, Эдуард Романович.

Как только самолёт набрал

высоту, Шрецкий затемнил иллюминатор. Солнце оставалось позади самолёта, но даже с этой стороны дневного света, столь нелюбимого олигархом, было ещё много, он раздражал и мешал думать. Переговорить с президентом по-прежнему не удавалось, Министерство обороны тоже молчало. Шрецкий понимал, что сейчас там творится, но до Москвы оставалось ещё половина пути, а информацию надо было иметь на руках немедленно.

— Эдуард Романович, Министерство обороны, Игорь Фёдорович. — Прервал его размышления референт.

Коммуникатор подмигнул индикатором защищённой линии связи, и Шрецкий выдохнул:

— Приветствую тебя, Игорь Фёдорович, что происходит?

— Конфликт у «Шельфа» вышел из-под контроля, — не отвечая на приветствие, заговорил замминистра, почти не делая пауз, — арабы с китайцами имели серьёзное численное превосходство и раздавили натовцев, но те напоследок ответили ядерными ударами.

Компьютеры идентифицировали пуски ядерных ракет, и наши союзники ответили. Всё произошло менее чем за десять секунд. После чего связь с флотами

была потеряна. Точно не известно, что же конкретно там произошло, но не все ядерные ракеты, выпущенные флотами, имели целью корабли противника. Были приняты меры, но подлётное время ракет, выпущенных с подлодок, невелико, китайцы не успели перехватить несколько боеголовок, одна из них ударила по Пекину. Нашим друзьям арабам тоже досталось. Сейчас идёт срочная эвакуация всех жизненно важных объектов и учреждений, мы предпринимаем все меры, чтобы избежать паники, но эвакуация крупных городов дело крайне сложное... — Зам министра перевёл дух.

— Игорь, но почему военное положение? — Шрецкий забыл о приличиях, всё ещё отказываясь верить в самое худшее, — для чего эвакуация? После драки кулаками не машут...

Зам министра помолчал секунду и ответил неожиданно ровным голосом:

— Девятнадцать минут назад Китай произвёл массированные пуски. Цель — страны-участницы конфликта. Остаточное подлётное время — одиннадцать минут. Шестнадцать минут назад натовцы ответили. Цель — страны Альянса. Подлётное время четырнадцать минут. Нас тоже задевает. Девять

минут назад китайцы с арабами произвели пуски второй волны удара. По нашим расчётам, через три-пять минут будет третья волна. Шесть минут назад НАТО произвела пуски второй волны. — Генерал сделал паузу и абсолютно спокойным тоном закончил: — Первую волну мы перехватим. Возможно, почти всю вторую, хотя это «почти» уже никому не поможет. А потом будет третья... Четвёртую перехватывать будет нечем. И некому. У нас нет выбора — нам придётся ответить. Никто в мире не успел провести серьёзную эвакуацию, понимаешь? Никто. На это просто не хватило времени. Президент покинул Кремль. Откуда я

говорю с тобой, ты уже понял. Так что, Эдик, сиди в своём «Подземстрое» и радуйся, что ты так удачно там оказался. — Генерал, не прощаясь, отключился.

Шрецкий обвёл глазами самолёт и понял, что взгляды всех сейчас обращены на него. Только сынишка увлечённо громил очередных компьютерных монстров, не отрывая глаз от голографического экрана, на котором то и дело вырастали грибы ядерных взрывов.

Олигарх ткнул сенсор связи с экипажем и произнёс, с трудом не срываясь на крик:

— Срочно возвращаемся в Новосибирск!!!

Самолет уже заходил на посадку, когда в вечернем небе ослепительно вспыхнуло второе солнце.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

4.1. В связи с невозможностью полного излечения последствий пребывания в условиях внешней среды, все сотрудники Внешней группы должны содержаться в тщательном карантине.

4.2. Доступ в карантинный подуровень разрешён только персоналу лечащей группы медицинского отдела. Во избежание угрозы

астерильности всякий
контакт иных лиц с
Внешней группой
строжайше воспрещается.

4.3. С целью продления
жизни сотрудников
Внешней группы и
повышения эффективности
исследований,
направленных на
разработку способов
борьбы с астерильностью,
весь состав Внешней
группы, не
задействованный в
исследованиях
медицинского отдела, в
свободное от исполнения

функциональных
обязанностей время
должен находиться в
анабиозных капсулах.

Из приказа
директора по
медицине от 14
октября 2111
года.

Старший смены охраны на пункте проверки документов №1 тщательно старался не смотреть в сторону проходящих мимо него в первый шлюз Шрецкого со свитой. Наконец полутораметровая свинцовая стена шлюза опустилась и скрыла источник его страхов. Любая неосторожность в присутствии Хозяина могла стоить работы в ту же минуту. Шипение воздуха в системе герметизации ворот стихло, и индикаторы консоли управления возвестили о начале шлюзования

перед выходом на внешнюю территорию. Старший с облегчением вздохнул и повернулся к новенькому:

— Ну, всё, Тринадцатый, можешь собирать вещички. Уволят тебя завтра же, если не сегодня, это как к гадалке не ходи. Хозяин таких выходок не прощает. — Ему было немного жаль новенького, хотя тот был со странностями. Говорил мало, в компаниях не участвовал, даже не «проставился» по случаю прибытия на новое место работы. Вне службы в город не уезжал, свободное время проводил либо в спортзале, либо в своём небольшом номере. С неделю тому, в неформальной, так сказать, обстановке зам начальника службы

охраны Бункера, пришедшийся старшему родственником, опрокинув рюмку, упомянул, что изучал личное дело вновь прибывшего сотрудника. Бывший майор ГРУ. Зовут его Алекс Тринадцатый, но позвать парня по имени было бесполезно, отзывался новенький только на свой странный позывной, который абсолютно совпадал с его не менее странной фамилией. Досталось мужику от жизни порядком. Спецназ, горячие точки, госпиталья... Лет десять вылезал из мясорубок только на стол к хирургам, вот после очередной такой передряги и списали на гражданку. Впрочем, теперь всё это ему не поможет. Все знают, что

никто из тех, что имели неосторожность смотреть в глаза Хозяину, долго на работе не задерживался.

Тринадцатый едва заметно пожал плечами и ничего не ответил.

После известий о гибели российского корабля в акватории «Шельфа ООН» всеобщее приподнятое по случаю приближающегося дня открытия Бункера настроение померкло. Люди напряжённо ловили слова комментаторов, которые снова и снова сообщали о нарастании напряжения. Случайных людей в службе охраны не было, кто был из служивых, кто из компетентных

органов, поэтому о том, что такое гибель наших солдат, тут знали не понаслышке.

Вскоре в Бункер прибыла очередная группа жильцов, так между собой персонал окрестил владельцев жилых площадей «Подземстроя». Рейсовые автобусы вот уже третий день каждые два часа доставляли из города людей, прибывавших на открытие Бункера. Только сейчас на лицах выходящих из шлюза уже не было улыбок — известия не оставили равнодушным никого. Старший хмуро глядел на мониторы внешних камер, показывающих выползающую из ворот внешней территории тройку

автобусов, возвращающихся в город за следующей партией жильцов, и думал о семье. Жена и две дочери ждали его возвращения домой после недельной вахты только через три дня, но ему было бы гораздо спокойнее, если бы сейчас они были бы в Бункере. Мелькнула мысль связаться с замом начальника службы и по-свойски договориться о приезде семьи. Не положено, конечно, но... Старший решил, что как только произойдёт смена на ужин, сразу же поговорит с родственником.

Сообщение о применении

ядерного оружия в акватории «Шельфа ООН» застало директора по науке в своём кабинете за чашкой кофе. Несколько секунд седой академик осмысливал услышанное, потом решительно протянул руку к коммуникатору. Но доклад секретаря опередил его:

— Лев Ильич, управляющий директор просит вас срочно подойти к нему. — Женский голос дрожал.

Академик не стал терять времени. Межуровневый лифт располагался недалеко от кабинета, и через полминуты главный учёный заходил к главному управляющему. Директор по медицине уже был здесь.

— Господа, Шрецкий только что вылетел в Москву, так что всё руководство Бункера на текущий момент собралось здесь. Вы слышали новости, это ужасная трагедия, мир ещё не оправился от Индо-Пакистанской катастрофы, — управляющий директор ослабил галстук, он заметно нервничал, — глава корпорации не оставил никаких указаний и не отвечает на вызовы...

Директор по науке не стал дожидаться окончания фразы и приступил к делу:

— Люди переживают за своих родственников. Вот уже несколько часов поступают просьбы

сотрудников разрешить вызвать сюда свои семьи. Многие живут в Новосибирске.

— Поддерживаю. Мои люди просят о том же. — Вступил в разговор директор по медицине.

— Но, господа, мы не имеем права! В Бункере пять тысяч сотрудников, если сюда начнут прибывать их семьи... — пытался сопротивляться Управляющий.

— Бункер в состоянии вместить всех. Вы прекрасно знаете наши возможности. — Главный медик, светило мировой величины, как всякий гений, ненавидел политесы. — Наши с вами семьи тут, и мы спокойны. Поэтому давайте-ка

побеспокоимся за вверенных нам людей!

— Но господин Шрецкий не потерпит такого самоуправства, — Управляющий, представив себе реакцию олигарха, попробовал последний довод.

— Репутация господина Шрецкого только выиграет от столь благородного жеста. — Отрезал академик. — Хватит ходить вокруг да около, надо принимать решение. В эти минуты половина персонала сходит с ума от страха за своих близких.

Управляющий директор помедлил ещё пару секунд. Самый молодой из трёх директоров, он, тем

не менее, был старшим по занимаемой должности. Управляющий работал в империи Шрецкого второй десяток лет и был далеко не глуп, дело своё знал, иначе бы не занимал эту должность. Быстро взвесив всё «за» и «против», он принял решение, а после принятия решения никаких сомнений уже быть не может. Может быть только уверенное достижение цели. Именно за это качество Управляющий ценился Хозяином. Он тронул сенсор коммуникатора и отдал приказ вошедшему помощнику:

— Немедленно объявить всему персоналу, что сотрудники,

желающие вызвать свои семьи в Бункер, получают на это разрешение. Так же оповестить весь персонал отдыхающей от вахты смены о необходимости срочно прибыть в «Подземстрой». Свяжитесь с автобусами и отдайте соответствующие распоряжения о доставке людей из города. Выполняйте.

Управляющий директор повернулся к коллегам и закончил:

— Господа, нам необходимо подготовить Бункер к приёму новых жильцов.

Но было уже поздно.

Правительственное сообщение о введении военного положения

повергло всех в шок. Люди, ожидающие прибытия своих близких, не находили себе места. Пункты связи Бункера с внешним миром мгновенно были заполнены пытающимися дозвониться до своих семей. Из города поступали известия о начавшейся эвакуации. Повсеместной паники ещё не возникло, но нервное напряжение достигло предела, многие жители попытались самостоятельно добраться до «Подземстроя» в надежде получить убежище, и на выезде из города в направлении Бункера образовалась гигантская пробка. Рейсовые автобусы Бункера, успевшие покинуть пределы

Новосибирска, были загружены под завязку, люди стояли настолько плотно, что порой не могли пошевелиться. Водители сообщали, что вынуждены двигаться медленнее обычного не только из-за перегруза. Дорога к Бункеру всё сильнее заполнялась электромобилями, спешащими добраться до «Подземстроя», внутри которого сотни глаз не отрывали взглядов от мониторов внешних камер. Но дорога, серой лентой выползающая из ворот Бункера в тайгу, была пуста.

Управляющий директор в который раз безуспешно пытался связаться со Шрецким из кабинета Хозяина. Здесь была мощнейшая

аппаратура связи новейшей разработки, но это не помогало, референт олигарха отклонял все звонки, видимо, следуя указанию Шрецкого. Внезапно автоматика приглушила звуки всех экранов и во всю стену вывела спутниковую карту мира. Управляющий поднял взгляд и замер. Армейская навигационная система выдала сотни отметок в атмосфере и стратосфере над обоими полушариями, двигающихся встречными курсами. Ниже кроваво-красным пульсировали строчки идентификации: «Внимание! Ракетная атака! Количество отметок: 18». Под зловещим предупреждением система уже выводила данные

расчётов по каждой из захваченных целей. Напротив ближайшей уже горели цифры характеристик: «Расчётное подлетное время 27 минут 39 секунд. Расчётная дистанция до точки поражения 102,178 км». Управляющий как в тумане смотрел на всё увеличивающееся количество отметок и отказывался верить своим глазам. Рёв баззеров боевой тревоги, разнёсшийся по Бункеру, вывел его из оцепенения.

Старший смены охраны на пункте проверки документов положил трубку внешней связи. Он

заметно нервничал.

— Жена говорит, что добраться удастся не раньше чем через час. Вечереет, дорога не очень, к тому же забита сильно, много народа сюда спешит. Хорошо ещё, что быстро выехали из города, представляю, что сейчас творится на дорогах.

— Внутренний телефон скоро расплавится, — ответил оператор шлюза, — тут сотни людей ждут свои семьи. Но до нас от города добрых два часа езды, так сразу не поспеешь...

Рёв баззера заглушил его слова. Люди переглянулись. Опытные специалисты знали разницу между звуком сирены учебной тревоги и

зловещим сигналом боевой. Старший побледнел и выдохнул:

— Неужели война...

— ВНИМАНИЕ! БОЕВАЯ ТРЕВОГА! ВСЕМУ ПЕРСОНАЛУ ЗАНЯТЬ МЕСТА СОГЛАСНО БОЕВОМУ РАСПИСАНИЮ. ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ ПРЕДПИСЫВАЕТСЯ НЕ ПЕРЕМЕЩАТЬСЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ ЖИЛЫХ ПОДУРОВНЕЙ ДО ОСОБОГО РАЗРЕШЕНИЯ! — Ожили динамики системы оповещения.

Пульт связи замигал сигналом вызова.

— Управляющий директор! — Старший смены ткнул сенсор ответа.

— Пункт проверки документов

№1, старший смены Сорок восьмой, слушаю вас, господин управляющий директор. — По форме доложил старший.

— Согласно инструкции при объявлении боевой тревоги весь личный состав обязан покинуть поверхность и занять свои места в Бункере согласно боевому расписанию, — голос Управляющего был твёрд и решителен. Он сделал вдох и продолжил:

— Приказываю всем сотрудникам, несущим службу на поверхности, своих постов не покидать. Мы будем ждать прибытия людей из города столько, сколько это будет возможным. — Директор на

мгновение замолчал и совсем не командным тоном закончил:

— Там наши семьи, там наши дети. Мы должны дождаться.

Дорога на мониторах слежения по-прежнему была пуста. Тысячи людей в эти минуты не сводили с неё глаз.

Вспышка надземного термоядерного взрыва в вечернем небе над городом была настолько яркой, что у охранников, несущих службу на вышках внешней территории, в момент взрыва смотревших в сторону города, мгновенно была сожжена сетчатка

глаз. Ослепшие, обезумевшие от боли люди в попытках покинуть вышки падали вниз, ломая конечности, их крики сливались с воём испытывающих ужас караульных собак в леденящую душу какофонию смерти. Вспышка и мощный электромагнитный импульс мгновенно вывели из строя все камеры и датчики, установленные снаружи. Мониторы ослепли. Люди замерли в шоке.

Не проронивший до этого ни слова Тринадцатый одним движением преодолел пятиметровое расстояние и оказался перед оператором шлюза:

— Открывай ворота! Взрывная

волна скоро будет здесь, там снаружи два десятка человек. Быстрее! — И развернувшись к остальным, добавил: — Выходим, наша помощь там не помешает.

Толстая плита внешних ворот шлюза лениво поднялась, и глазам четверых человек предстала жуткая картина. Далеко за горизонтом, там, где находится город, над стеной тайги, возвышаясь над заревом вспыхнувшего лесного пожара, зловеще клубился огромный серый гриб. В вечерних сумерках он походил на гигантского паразита, впившегося в кожу земли и сосущего из её артерий. Его серые бока волнообразно расширялись, создавая

ощущение, что ненасытная мерзкая тварь растёт, наливаясь выпитой кровью. Стоны раненных и вой собак тонули в нескончаемом крике тысяч испуганных птиц, спешивших улететь подальше от опасности. Живой поток пернатых над головами людей стремился обогнать приближающуюся смерть.

— Подобрать раненных! Всем в шлюз! — Тринадцатый пытался перекрычать шум. Оставить людей на внешних постах было явно неудачным решением. Видимо, начальство понадеялось на удалённость взрыва. И напрасно.

Дважды повторять не пришлось. Бойцы группами по три человека

бегом несли на руках раненных. Огромные свирепые волкодавы, словно напуганные щенята, поджав уши, жались к ногам людей, жалобно скуля.

Тринадцатый помог дотащить раненного в шлюз. Ослепший наблюдатель, падая с вышки, сломал ноги и рёбра, похоже, было повреждено лёгкое, человек хрипел и кашлял кровью. Его осторожно положили на пол. Тринадцатый развернулся к выходу. Последние бойцы вбегали в ворота, а со стороны гигантского гриба уже была видна на горизонте неумолимо надвигающаяся полоса смертоносной тьмы, словно в пустыне жестокая песчаная буря

готовилась навеки поглотить
зелёный цветущий оазис.
Тринадцатый подал сигнал
оператору, и плита внешних ворот
опустилась вниз. Люди уже выходили
из первого шлюза, когда взрывная
волна достигла Бункера. Рёв
сокрушительного удара взбесившейся
воздушной массы был слышен даже
через трёхметровую толщу свинца и
стали.

Управляющий директор не
покидал кабинета с момента
принятия решения о вызове семей
сотрудников, координируя
подготовку Бункера к приёму новых

жильцов. Но дорога, ведущая к «Подземстрою», была пуста. Компьютер беспристрастно отсчитывал время до удара, и Управляющему ничего не оставалось, как с ужасом смотреть на стремительно тающие цифры. Изображение пустой дороги сменилось яркой вспышкой, и мониторы погасли. Директор закрыл глаза, представив, что сейчас испытывают люди, до последней секунды надеявшиеся на спасение своих близких. Он посмотрел на карту, где продолжала разворачиваться трагедия, и почувствовал почти физическую боль. Ведь спасение было так близко,

они не успели совсем немного... Немного! Пронзившая мозг мысль была подобна раскалённой спице. Управляющий сосредоточился на показаниях компьютера. Система работала. Значит, электромагнитный импульс не прошёл защиту армейской техники. Значит, ещё работали спутники, действовали защищённые командные пункты военных. Значит, удар не был столь сокрушителен. Но главное было в том, что система оповещения снова пульсировала предупреждением о приближающемся ударе. До удара оставалось шестьдесят четыре минуты. Шестьдесят четыре! Внезапная догадка давала надежду.

Директор судорожно забарабанил пальцами по консоли компьютера, вводя параметры запроса. Через минуту картина была ясна.

Военные успели перехватить практически все боеголовки первой волны удара, имевшие цели в районе города. Этот сверхмощный взрыв был единственным. Согласно анализу системы, все оставшиеся противоракетные силы и средства брошены навстречу второй волне. Остановить её не удастся, но по расчётам компьютера, Бункер не попадает в зону непредотвратимых ударов. Что будет, когда третья волна достигнет цели, Управляющий думать не хотел. У него оставалось

ещё шестьдесят две минуты. Людям, надевшимся укрыться в Бункере, до спасения не хватило каких-то пяти-шести минут, в тот момент, когда электромагнитный импульс сжёг электромоторы машин. Даже после ударной волны должны были остаться выжившие. Нельзя терять ни секунды.

Управляющий директор активировал конференц-связь с руководителями структурных подразделений и уверенно произнёс:

— Внимание! До следующего удара остается шестьдесят две минуты. Приказываю: начальнику охраны немедленно организовать спасательный отряд для выхода на

внешние территории, осмотреть дорогу и принять меры для поиска и эвакуации всех выживших людей. Инженерному отделу срочно поднять на поверхность весь имеющийся транспорт в распоряжение спасателей. Медицинскому отделу быть готовым к приёму пострадавших. Всем руководителям поддерживать непрерывную связь, докладывать мне лично каждые две минуты, командиру спасательного отряда — доклад ежеминутно.

Тайга смягчила удар взрывной волны, основной таран воздушной массы прошёл над лесом, ломая

верхушки мощных деревьев и
выворачивая с корнем слабые.
Колючие заграждения,
наблюдательные вышки и бетонный
забор разнесло на куски, после чего
на пути воздушной массы встала
Медвежья. Камни и грунт
вперемешку с обломками забора и
построек загромождали некогда
идеально ровную бетонную
площадку внешней территории.
Мощный восьмиосный
электровоздеход, поданный
инженерным отделом на
поверхность через грузовые ворота,
расчищал в завалах дорогу для двух
своих собратьев поменьше,
призванных вывозить пострадавших.

Спасательный отряд, не желая терять драгоценного времени, уже спешил к выходящей из покорёженного леса дороги. Спасателей наскоро сформировали из находящихся ближе всех к выходу охранников шлюзов и внешней территории. Сейчас, разбившись на две группы, двадцать человек бегом двигались вдоль краёв дороги, обходя поваленные деревья, сорванные ветви, выкорчеванные кусты. Земля была усеяна трупами птиц и мелких животных, спустя несколько минут начали находить тела людей. Вскоре обнаружили первых выживших. Когда электромагнитный импульс ядерного взрыва сжёг цепи

электродвигателей, люди пошли пешком, но взрывная волна настигла пытающихся спастись в нескольких километрах от бункера. Лес ослабил силу удара, многие успели укрыться за стволами деревьев, за камнями, в складках местности, но среди уцелевших было много раненых и покалеченных.

Двигаться самостоятельно они не могли, их приходилось вытаскивать на руках, носилок не хватало. Раненых грузили на вездеходы, способных идти наскоро объединяли в группы и направляли к Бункеру. Людской поток возрастал.

Сорок восьмой, возглавляющий одну из спасательных групп, вышел

на радиосвязь с командиром отряда.

— Докладываю: прошли шесть километров, обнаружили уже около трёхсот выживших. Много раненых, пришлите вездеход, на руках не дотащим, тут в основном женщины и дети, мужиков мало, нести некому. Дальше дорога делает поворот вокруг холма, завалы метров пять высотой, с холма сюда всю растительность срезало, вездеходы там уже не пройдут, только если пешком пробираться. Уцелевшие говорят, что где-то за этим холмом остались заглохшие машины и наши автобусы.

Он выслушал указания командира и осмотрелся вокруг. Спасатели торопились выжать

максимум из стремительно истекавших минут, все действия выполнялись только бегом, уцелевшие люди старались помочь вытаскивать раненых из-под лесных обломков, но сил все равно не хватало.

— Тринадцатый! — Старший окликнул новенького. — Получен приказ отправить небольшую группу оповещения вглубь дороги. Задача: не отвлекаясь на оказание физической помощи, пройти как можно дальше, оценить ситуацию, всех найденных направлять своим ходом к Бункеру. Мы сейчас дальше всех, так что пойдёшь старшим. Бери с собой тех троих и вперёд. Держи связь и следи

за временем, до удара осталось двадцать минут.

Тринадцатый уложил очередного раненного на дорогу и кивнул. Через полминуты четвёрка бойцов скрылась за изодранным холмом, от которого осталось лишь скальное основание метров десяти высотой. Продвигаться бегом дальше было уже невозможно, обломки деревьев лежали слишком густо. Наконец холм удалось обойти, и глазам четверых спасателей предстала ужасная картина разыгравшейся полчасу назад трагедии. Вся дорога, насколько хватало взгляда, была заполнена искорёженными машинами и переломанными

деревьями. Повсюду лежали тела погибших. Многих смерть застала в своих автомобилях. В километре дальше по дороге были хорошо видны изодранные остатки автобусов Бункера.

— Идём парами. Вы вдвоём — по левой, мы — по правой стороне дороги. Работаем пять минут, потом обратно, иначе рискуем не успеть, вездеход уйдёт за три минуты до удара. Не останавливаться. Бегом марш! — Тринадцатый отдал команду на бегу, не останавливаясь.

Бойцы бежали вдоль дороги уже четыре минуты, уцелевших по-

прежнему не было. Тринадцатый вышел на связь с командиром спасателей:

— Прошли километр, живых нет. Судя по всему, выжили только те, кто успел выйти за холм. Он смягчил удар. Темнеет, скоро тут вообще ничего не будет видно.

— Возвращайтесь. До удара четырнадцать минут. Вездеход уйдёт за три минуты.

Тринадцатый махнул рукой, и маленькая группа повернула назад. В этот момент сзади донёсся крик о помощи.

— Помогите! — Бойцы обернулись. Из леса, опираясь на ветку, словно на костыль, выходила

немолодая женщина. Группа рванула к ней. Женщина была не одна, мальчик лет десяти поддерживал её за руку, помогая идти.

— Родненькие, я уж думала, так и сгинем в этом кошмаре, — запричитала женщина, — что же это делается-то, помилуй, господи, нас грешных...

— Вас только двое? Ещё есть кто-нибудь живой? — Резко перебил её Тринадцатый. Сейчас не до истерик, времени оставалось всё меньше.

— Там, в овражке, там все сидят, — женщина взяла себя в руки, — Из автобусов мы, мужики наши в Бункере работают, к своим мы

ехали, вызов как только пришёл, вот мы и... — женщину била мелкая дрожь, — как рвануло-то, в овражек сразу, я его заприметила из автобуса, когда ехали, вот мы туда и попрятались, — она выдала фразу на одном дыхании и перевела дух. — Физику я в школе преподаю, сразу поняла, что прятаться надо.

— Сколько там живых и где этот овраг?

— Человек сто будет, одни бабы да детишки, кто меня послушал. Остальные по дороге дойти пытались... тут недалеко совсем, метров пятьдесят, я покажу, родненькие...

Бойцы переглянулись. Было

ясно, что вывести людей до удара невозможно. Женщины и дети были обречены на гибель. Тринадцатый секунду подумал и вышел на связь с командиром спасателей:

— Я Тринадцатый. Обнаружил выживших. Около сотни, семьи сотрудников Бункера, тут только женщины и дети. Вывести до удара не успеем. Будем выводить за холм, времени должно хватить. На дороге от холма до Бункера необходимо отрыть спасательные траншеи, попробуем от одной к другой добраться до Бункера. Как принял меня?

— Принял тебя хорошо. — Голос командира спасателей звучал глухо.

Его семья тоже была где-то на этой дороге. Эфир затих — десятки людей напряжённо ловили каждое слово. — Сделаем всё, что можем. Торопитесь, двенадцать минут до удара.

Боец развернулся к женщине и коротко бросил:

— Показывай дорогу.

Овражек оказался относительно глубоким и довольно узким, взрывная волна пронеслась над ним, не задев укрывшихся людей. Поваленные деревья образовали подобие крыши над оврагом, и сейчас он напоминал большую землянку, в которую забились испуганные люди.

— Внимание! Соблюдайте

спокойствие! Мы — спасательная команда, сейчас мы проводим всех в Бункер. — Тринадцатый говорил громко и подчёркнуто спокойно, чтобы добавить людям хотя бы немного уверенности. — Техника по завалам не пройдёт, поэтому идти придётся пешком, и идти надо быстро, не растягиваться, времени у нас мало.

Спорить никто не стал.

— Ты поведёшь голову колонны, вы — оцепление слева и справа, я замыкаю. — Спасатели приступили к делу. На обочину дороги вышли быстро, но идти было непросто. Вид искорёженных машин и лежащих повсюду тел погибших поверг

ущевших в состояние, близкое к паническому ужасу. Многие плакали, кто-то упал в обморок. Охранники метались вдоль колонны, оказывая помощь, но продвижение шло медленно, дети просто не могли идти ещё быстрее.

— Тринадцатый, что там у тебя? — Вышел в эфир командир отряда.

— Двигаемся к холму, прошли половину пути.

— Три минуты до удара. Мы отрыли щели поперёк дороги. Первая в двух километрах от холма, вторая в четырёх. Большого не успеть. Какая вам нужна помощь? У нас много добровольцев, хотят идти тебе

навстречу.

— Надо готовить грузовой вход, пассажирский всех не вместит. Если есть люди с носилками, пусть встречаются около холма, у нас много детей, идём медленно. Есть расчёт места удара? Как далеко от нас?

— Сейчас. — Командир отключился, видимо, запрашивал Бункер.

Голова колонны была уже недалеко от холма, но люди сильно растянулись по узкой обочине, преодолевая попадающиеся на пути препятствия. Женщины и дети старались изо всех сил, самых маленьких приходилось нести на руках. Рация снова ожила:

— Расчёты сообщают о серии из трёх взрывов, пройдут практически подряд. Если их мощность будет такой же, то первая ударная волна достигнет холма через пять минут, третья — через семь. После этого прямой опасности не будет минут двадцать, потом ещё серия, точнее сейчас сказать нельзя. Следующий эфир через десять минут, сейчас всем выключить рации, не то останемся без связи. До удара семьдесят секунд.

Тринадцатый выключил рацию.

— Никому не оборачиваться! Вверх не смотреть, при вспышке закрыть глаза! Двигаемся быстрее!

Голова колонны огибала холм, когда тёмное небо осветилось ярче,

чем в летний безоблачный полдень.

— Бегом!!! Бегом!!! Все за холм!!!

Две минуты — это так много. И так мало. Земля под ногами содрогнулась, кто-то упал, в лесу то тут, то там раздавался хруст дерева, беглецы выбивались из сил, пытаюсь успеть. Небо вспыхнуло снова, и почти сразу вспышка повторилась, земля дрожала под ногами.

За холмом людей встречало десятка три спасателей. Отстающих подхватывали на руки и несли практически бегом. Когда последние беглецы достигли спасительной стороны холма, позади уже был слышен монотонный вой

надвигающейся воздушной массы.

— Уши заткнуть! Рот держать открытым!

Воздушный таран достиг холма. Следующие несколько минут показались вжавшимся в камень людям вечностью. Землю била крупная дрожь, небо то вспыхивало, то снова погружалось в вечернюю тьму, рёв разбушевавшейся стихии заглушал все звуки, перепады давления грозили разорвать барабанные перепонки.

Тринадцатый сросся с подножием холма. Закрыв глаза, он мысленно отсчитывал минуты. Ничего нельзя сделать. Сейчас остаётся только ждать. Знакомая

ситуация... Сколько раз ему оставалось лишь ждать, не имея возможности что-то изменить. В госпиталях после операций, неподвижно лежащим, опутанным трубками капельниц и дренажей. После боёв, у тел погибших друзей, в ожидании похоронной команды. И тогда, десять лет назад, когда, вернувшись из очередной горячей точки, прямиком в госпиталь, он с нетерпением ждал Машу. Ранение было пустяковое, всего и забот было на пару-другую сеансов биорегенерации, но врачи категорически отказывались выпустить раньше срока. Маша тогда работала на какой-то крупной

бизнес-конференции, после которой она обязательно бы приехала. Она всегда приезжала. Но в тот день Тринадцатый её так и не дождался. Не появилась она и на следующий. Её телефон безразлично выдавал долгие гудки, словно игнорируя надоедливого упрямца. На третий день пришло коротенькое сообщение: «Привет, солнце! Я долго думала и поняла, что лучше мне не приезжать. Прости меня за всё». Позже общие знакомые рассказали о появившемся в жизни Маши всемогущем олигархе. Сейчас, спустя десять лет, ирония судьбы свела его со Шрецким. Зла не было. Не было ни обиды, ни горечи, ни даже

любопытства. Только пустота, не заполненная ничем и никем многие годы.

Боль с годами прошла, осталось лишь одиночество, с которым он свыкся за это время, словно со старым другом. И ещё была работа. Малые войны и большие конфликты вспыхивали по всему миру, без дела сидеть не приходилось. Там, в разгаре боя, он чувствовал себя нужным и полезным, там он жил. Гражданская жизнь стала какой-то чужой, далёкой и непонятной, заставляя его в мирной обстановке чувствовать себя незащищённым и уязвимым; наверное, именно так себя чувствует дикий тигр, внезапно

оказавшийся в центре огромного мегаполиса. Но здоровье бойца спецназа не вечно, и день, которого Тринадцатый так боялся, однажды настал. Первая неделя гражданской жизни едва не раздавила бывшего офицера одиночеством. Надо было срочно чем-то заняться, чтобы не сойти с ума, и он без колебаний согласился, когда старый знакомый, тоже из бывших, предложил порекомендовать его в службу охраны «Подземстроя-2».

Подсознание отметило проход третьей ударной волны и вытолкнуло его из воспоминаний. В ушах звенело, слышать, что происходит вокруг, было невозможно.

Тринадцатый огляделся. Со стороны Новосибирска разгоралась тайга, зарево по всему горизонту освещало искалеченный лес, создавая зловещую игру теней в сумрачном небе. Четыре гигантских грибовидных облака простирались в небо, пыль медленно, но неумолимо застилала небо. Дорога представляла собой месиво из обломков деревьев, камней и грунта.

«Двадцать минут», — ввевшийся в кровь рефлекс думать в бою быстро и чётко помогал принимать решения практически мгновенно. Тринадцатый стал поднимать оглохших, потерявших ориентацию в пространстве людей, жёстами

направляя их в сторону Бункера. Спасатели пришли в себя быстро, сразу же включившись в работу. Самых маленьких детей усадили на носилки по трое-четверо, и спустя минуту колонна уже продиралась по дороге сквозь завалы. Тринадцатый включил рацию.

— Я — Тринадцатый, вызываю Бункер, приём. — Один из охранников, идущих впереди, обернулся и показал кулак с торчащим вверх большим пальцем. Рация работала. Офицер повторил вызов.

— Я — Бункер, слышу тебя! — Через звон в ушах откуда-то издалека донёсся треск эфира.

— Двигаемся к укрытию. Дорога сильно захламлена, люди контужены, скорость продвижения мала. Сколько у нас времени и что ожидать? — Треск и шумы усиливались, связь была неустойчивой, эфир забит наведёнными взрывами помехами.

— Через двадцать одну минуту будет ещё серия ударов, до вас достанет только одна волна, она будет у холма ещё через минуту. Потом у нас будет шесть минут и двадцать три секунды. После этого тут всё накроет. Похоже, по нам ударили прицельно. Расчёты показывают вероятность прямого попадания в Медвежью восемьдесят

три процента. Через двадцать две минуты мы откроем грузовые ворота и постараемся выслать транспорт.

Люди боролись за свои жизни, упрямо двигаясь через завалы. Отблески зарева временами прорезали сумерки, отбрасывая длинные дрожащие тени от искорёженных деревьев, слабо освещая дорогу. Через двенадцать минут идущие достигли первой спасательной щели. Она была забита обломками деревьев, сцепившихся друг с другом. Переплетение ветвей, стволов и корней было настолько плотным, что образовавшийся барьер

собрал вокруг себя гору обломков высотой в несколько метров. Завал пришлось обходить по лесу. Видимость ухудшалась, люди спотыкались и падали, раздирая в кровь руки и ноги, но никто не сдавался, дети практически не плакали, сосредоточенно продираясь сквозь искалеченный лес наравне с взрослыми. По ту сторону завала было значительно чище, люди перешли на бег, и скорость движения возросла.

Вспышка ядерного взрыва на мгновение осветила сумеречное небо, и земля вновь содрогнулась. Стремление выжить заставляло обессиленных людей двигаться на

пределе возможностей. Ко второй спасательной щели они вышли, опередив летящую позади смерть на пару десятков секунд. Отвал каменистого грунта, извлечённого при сооружении укрытия, задержал обломки леса, и укрытие практически не было завалено деревьями. Спасатели спешно укладывали людей как можно плотнее друг к другу, последний человек вжался в дно за мгновения до взрывной волны. И снова рёв воздушной массы и треск ломающихся деревьев заполнили собой всё вокруг. Снова дрожала земля, и рвал барабанные перепонки перепад давления. Но на этот раз всё

закончилось быстро.

Тринадцатый поднялся и посмотрел вокруг. Кое-где людей изрядно засыпало грунтом, в одном месте в щель упали обломки деревьев, значит, там есть пострадавшие. До Бункера осталось два километра. До смерти — шесть минут. Не успеть. Вся надежда на вездеходы. Взбесившийся воздушный поток сделал дорогу почти чистой, но что творится сейчас у подножия Медвежьей, было не известно. Надо выводить людей на дорогу и идти, других вариантов нет. Радиосвязь была невозможна, количество и сила возмущений в атмосфере создавали непреодолимые помехи.

Тринадцатый принялся поднимать людей. Когда спустя две минуты люди выбрались на дорогу, со стороны Бункера ярко бил свет фар приближающихся вездеходов.

Сорок восьмой на ходу спрыгнул с брони.

— У нас меньше трёх минут! Женщин и детей на малые платформы, носилки с ранеными на большую. Быстрее!!! Всем держаться крепче!

Облепленная людьми техника рванула к Бункеру. В третий раз счёт шёл на секунды. Тринадцатый привычно сидел на броне и смотрел на приближающийся зев грузового входа. Ярко освещённый шлюз на

фоне сумеречного неба казался далёким маяком, нёсшим надежду потерявшемуся в штормовой ночи кораблю.

«Тридцать секунд», — вдруг напомнило подсознание. Тройка вездеходов, не сбавляя скорости, влетела в шлюз. Огромная плита внешних ворот двинулась вниз. Шипение воздуха в системе герметизации ещё не успело стихнуть, как первый удар сотряс сопку. Все шлюзы были открыты заранее, и вездеходы, не останавливаясь, шли к лифту. Персонал давно покинул подгорное пространство на уровне земной поверхности, и сейчас здесь

командовала автоматика. На проносившихся мимо экранах системы мониторинга тревожно мигали индикаторы радиационной опасности. Как только замыкающая машина проходила очередной шлюз, мощные плиты ворот опускались, и система нагнетала в закрывшийся шлюз повышенное давление, усиливая надёжность преград. Головной вездеход был уже недалеко от ворот лифтовой платформы, когда сопка вздрогнула второй раз. Двигатели заглохли, свет фар погас. Защита не выдержала электромагнитного импульса близкого взрыва.

— Бегом!!! Все в лифт! Детей и

раненных на руки! Быстро!!! — подсвечивая светом фонаря вход на лифтовую платформу, проорал команду Тринадцатый. Мимо уже бежали люди с детьми на руках, мелькали силуэты несущих носилки спасателей.

— Внимание! — разнёсся звук динамиков внутренней связи. — Всем службам боевая готовность! Две минуты до прямого попадания.

Лифт пошёл вниз, набирая скорость. Сопку снова тряхнуло, но платформа уже плавно уносила измученных людей на трёхкилометровую глубину.

— ОДНА МИНУТА ДО ПРЯМОГО ПОПАДАНИЯ. —

Система оповещения беспристрастно
вела отсчёт.

Грузовой лифт не имел ни стен,
ни крыши, и в тусклом свете
аварийного освещения было видно,
как по мере погружения над
головами людей периодически
сходились мощные створы,
блокирующие лифтовую шахту.

— Тридцать секунд до прямого
попадания.

Лифт остановился, и створы
ворот поползли в стороны. Яркий
свет ворвался в шахту и слепил
привыкшие к полумраку глаза.

«Успели», — подумал
Тринадцатый.

Женщины, подхватив детей,

бежали к выходу. Спасатели поднимали носилки с ранеными.

— ДВАДЦАТЬ СЕКУНД ДО ПРЯМОГО ПОПАДАНИЯ.

На выходе спасшихся людей встречали сотрудники медицинского отдела, одетые в костюмы радиационной защиты.

— ДЕСЯТЬ СЕКУНД ДО КОНТАКТА.

Стало видно, что большая часть территории грузового склада, в который открывались ворота лифта, была затянута полупрозрачной плёнкой и превращена в огромный герметичный пузырь.

— ПЯТЬ.

— ЧЕТЫРЕ.

— ТРИ.

— ДВЕ.

— ОДНА.

— КОНТАКТ.

Всякое движение замерло.

Казалось, что люди перестали даже дышать. В наступившей звенящей тишине не было слышно ни звука. Потом откуда-то издалека послышался тихий глухой гул. Он приближался. Спустя несколько секунд этот негромкий звук заполнил собой всё вокруг, словно мириады крохотных мягких лапок невидимо крались вокруг, как будто огромный песочный бархан неторопливо перетекал с места на место, или едва уловимое дуновение ветра

беспокоило недавно опавшую листву.
Тринадцатый положил ладонь на
стену. Огромный Бункер мелко
дрожал.

— Господа, полагаю, мы можем начинать. — Управляющий директор открыл заседание Совета директоров. Решение об эвакуации семей сотрудников Бункера и последующая операция спасения подняли авторитет директоров на недостижимую высоту. По всеобщему молчаливому согласию, три директора вот уже пятнадцать дней коллегиально управляли Бункером, сохранив вертикали подчинённости без изменений.

Управляющий перевёл взгляд на

директора по науке и предложил:

— Лев Ильич, прошу вас начать.

Академик постучал пальцами по сенсорам консоли управления компьютера, и на голографическом экране возникла проекция Бункера в разрезе.

— Пятнадцать часов назад мы закончили полную проверку Бункера, включая все системы согласно проекту. Результаты таковы. — Учёный включил лазерную указку и повёл доклад снизу вверх. Лучик упёрся в самый нижний уровень.

— Уровень один: реактор. Реактор в норме, повреждения отсутствуют, деформации в пределах расчётных допусков. Все системы

исправны.

Указка переместилась вверх по проекции на триста метров.

— Уровень два: система жизнеобеспечения. Повреждения отсутствуют. Оранжереи, биофермы, водный цикл, склады — всё в норме, деформации в допустимых пределах. Все системы исправны. Однако для успешной автономной работы в условиях замкнутого цикла имеющегося обслуживающего персонала недостаточно.

Лучик поднялся ещё немного.

— Уровень три: медицинский. В ведомстве Ивана Николаевича, как в сказочном Багдаде, всё спокойно. — Академик мрачно улыбнулся, его

пристрастие к чёрному юмору было общеизвестно. Он продолжил, подняв указку выше, на самый маленький уровень Бункера:

— Уровень четыре: личный уровень Шрецкого. Предлагаю переименовать его в уровень управления. Тут тоже всё в норме, аппаратура и все системы исправны.

Лучик снова чуть подпрыгнул.

— Уровень пять: жилой и уровень шесть: «Улей». Все системы исправны.

Академик очертил указкой самый верхний уровень и продолжил:

— Уровень семь: научный. У нас тоже всё в норме. Теперь о грустном.

Директор по Науке посветил указкой шахты грузового и пассажирского лифтов.

— Согласно проведённым расчётам, Медвежья получила прямое попадание термоядерного заряда огромной мощности. Точно сказать сложно, порядка двухсот или более мегатонн в тротиловом эквиваленте. Что стало с сопкой, можно только догадываться, однако точно известно, что обе шахты лифтов завалены не менее чем на первые сто метров. Системы подгорных шлюзов больше не существует. Все коммуникации связи уничтожены. Мы не можем предпринять попытку связаться с

другими выжившими, никакой сигнал не пробьётся через трёхкилометровую толщу. Получать какие-либо данные о состоянии дел на поверхности невозможно. Мы пытаемся использовать сейсмодатчики, но серьёзных результатов пока нет. Судя по всему, один из двух запасных пассажирских входов в Бункер разрушен в результате сильнейших колебаний поверхности. Второй запасной пассажирский вход и запасной грузовой вход, по расчётам, исправны, но есть вероятность того, что на поверхности они завалены. Согласно компьютерной модели ситуации, на поверхности сейчас

круглосуточная ночь, вызванная
сильнейшим загрязнением
атмосферы. Ориентировочная
температура минус пятнадцать
градусов по Цельсию, и она
продолжает понижаться. К концу
месяца морозы подойдут к отметке в
минус тридцать градусов.
Температура будет продолжать
падать с приходом зимы. В другой
ситуации я бы предложил
организовать выход научной группы
на поверхность с целью установки
приборов изучения внешней среды, а
также ретрансляторов связи, но
фактически выход из Бункера
находится в эпицентре ядерного
взрыва, там сейчас сильнейшая

радиация. Вышедшие на поверхность будут обречены на гибель. В настоящий момент мы планируем провести работу по разработке возможных способов защиты людей от внешней среды, но говорить об этом пока преждевременно. — Академик выключил экран и закончил: — На этом у меня всё, господа.

Несколько секунд собравшиеся молчали, обдумывая услышанное.

— Иван Николаевич, огласите сводку по медицинскому отделу, — продолжил Совет Управляющий.

Маленький сухой профессор, несмотря на седую голову и солидный возраст, не уступал в

энергичности своим студентам. Бодро пошелестев распечатками, светило медицины сверился с какими-то цифрами и сказал:

— В результате спасательной операции в Бункер было доставлено пятьсот двадцать семь человек. Четыреста два человека в составе первой группы, эвакуированной после первого взрыва, и сто двадцать пять человек в составе второй группы, эвакуированной непосредственно перед массированными ударами, в том числе тридцать два спасателя. Все они прошли тщательное обследование. По поводу первой группы беспокоиться не о чем.

Последствия полученной ими небольшой дозы облучения мы устранили, с этим труда не возникло. У тридцати процентов наблюдаемых пациентов диагностированы травмы разной степени тяжести, в основном переломы и ушибы. Была проведена терапия согласно показаниям, последний пациент этой группы выписан три дня назад.

Профессор отложил одну кипу распечаток, взял в руки другую, поменьше, и нахмурился:

— Со второй группой дела обстоят сложнее. Тяжёлых физических травм не наблюдалось, в этой области лечение прошло успешно. У многих пациентов

наблюдаются психологические травмы, в настоящий момент эти люди проходят лечение, мы прогнозируем положительные результаты уже в скором времени. Основная проблема в последствиях жёсткого излучения, люди побывали в зоне высокой радиоактивности. Мы предприняли интенсивную терапию, использовали все доступные средства. На данный момент из состава второй группы выписано четверо пациентов. Однако уже сейчас можно сказать, что нам удастся справиться с этой проблемой, но это займёт некоторое время. Согласно проведённому нами анализу, большинство пациентов

второй группы покинут медицинский уровень через три-четыре недели. У меня всё.

Директор по медицине положил распечатки на стол и сложил руки на груди, давая понять, что доклад окончен. Управляющий взял слово:

— Что касается общего положения дел, то ситуация следующая: все новые жильцы были распределены по свободным подуровням, уже подготовлены места жительства для второй группы эвакуированных. Жилые площади Бункера заняты на семьдесят один процент, так что проблем с размещением не будет. Психологическая атмосфера пока

относительно спокойная. В первые дни в отдельных подуровнях имели место вспышки паники, но их удалось погасить оперативно и без физического воздействия. В целом ситуация стабильная.

Управляющий директор сделал паузу.

— Однако, господа директора, хочу обратить ваше внимание на следующее обстоятельство: количество сотрудников службы охраны не достаточно для обеспечения надёжного уровня безопасности. Никто никогда не верил в реальность ядерного кошмара, поэтому штаты охраны создавались по минимуму. В

сложившейся ситуации мы не можем
рисковать сохранностью и
неприкосновенностью складов,
оборудования и аппаратуры,
безопасностью реактора — всё это
выходит на один из первых планов.
Сейчас мы имеем двести девяносто
пять сотрудников охраны на семь
подуровней и почти двадцать пять
тысяч человек. Причём тридцать два
из них проходят лечение в ведомстве
Ивана Николаевича. Помимо этого
есть ещё одно очень важное
обстоятельство.

Управляющий Директор обвёл
взглядом коллег и подытожил:

— Господа, необходимо принять
решение. Перед нами две

безотлагательных проблемы. Первая: увеличение состава службы охраны. Вторая: почти двадцать тысяч бездельников, не занятых никаким общественно полезным трудом. Среди персонала растёт недовольство сложившимся неравенством. Мы должны разработать разумное решение этих проблем как можно скорее.

— Хорошо. Теперь ещё один тест. — Лечащий врач указал на опутанное различными проводами и проводочками кресло и склонился над медкартой, делая пометки.

Тринадцатый уселся поудобнее,

и медсестра принялась проворно укреплять целый ком датчиков, опутывая бойца с головы до ног. Вскоре он стал напоминать эдакую футуристическую мумию. Вот уже три недели Тринадцатый находился в карантинном покое Медицинского уровня вместе с остальными спасателями и спасёнными. Делать сутки напролёт было ровным счётом нечего, и если бы не небольшой спортзал, разрешение на регулярное посещение которого Тринадцатый буквально выгрыз у главврача, он уже умер бы от скуки.

Медсестра закончила обряд мумифицирования и коснулась консоли. Кресло тихо зажужжало, и

по дисплеям побежали многочисленные строчки и диаграммы. Через десять минут мелодично пропел короткий сигнал, и принтер нехотя исторг из себя распечатку. Врач пробежал глазами данные, что-то записал и произнёс:

— Ну, вот и всё на сегодня. — Медсестра занялась распаковкой паутины проводов. — Результаты обнадеживающие: регенерация идёт успешно, скорость восстановления клеток несколько ниже ожидаемой, но вполне в допустимых пределах, вывод радионуклеидов и продуктов распада согласно графику. Остальные позиции тоже в норме. Одним словом, лечение проходит успешно.

Будем продолжать терапию, и через три недели вы будете полностью здоровы. — Врач улыбнулся. — Можете идти, я вас больше не задерживаю.

Тринадцатый вернулся в палату. Там было на удивление шумно и многолюдно, помимо выздоравливающих тут собрались практически все сотрудники Бункера, чьими родственниками оные являлись. Люди что-то оживлённо обсуждали между собой, с разных сторон доносились обрывки споров, оппоненты энергично дискутировали, время от времени указывая друг другу на те или иные строки, выведенные на мониторах

системы оповещения. Тринадцатый подошёл к своей кровати. Рядом стояла группа охранников Бункера, среди которых он узнал старшего своей смены. Сорок восьмой и три водителя вездеходов пострадали менее остальных и были выписаны ещё недели полторы назад.

— Тринадцатый! Здоров, братишка. Слышал новости? — Старший протянул распечатку. — Полчаса назад на все мониторы вывели постановление Совета директоров. Весь Бункер только об этом и говорит.

— Нам повысили зарплату, или понизили? — Хмыкнул Тринадцатый.

— Вообще отменили! — хохотнул старший. — Ладно, мужики, я к семье, врачи говорят, что ещё две-три недели, и всех выпишут. Старик профессор-то, оказывается, светило с мировым именем в области всяких лучевых болезней, или как оно у них там зовётся. — Сорок восьмой зашагал к женскому отделению. В тот вечер спаслись его жена и обе дочки, он заходил проводить семью после каждой смены и всегда приносил новости.

— Надо же... Странно, что они не поставили руководить какого-нибудь доктора косметологических наук; оказывается, кто-то наверху был не лишён здравого смысла. Или в

новосибирском Академгородке в тот момент все косметологи были заняты, — сострил кто-то. Разговаривающие люди негромко засмеялись, и обсуждение возобновилось.

Тринадцатый лёг на кровать и принялся читать распечатку постановления. Да, серьёзно. Бункер в полной изоляции, на поверхности сущий ад, выбираться туда равносильно самоубийству, сколько это продлится, никто понятия не имеет, но, судя по всему, очень долго. Связи нет, выходы частично завалены, частично повреждены, фронт работ огромен, специалистов и рабочих рук катастрофически не

хватает. В связи со всем этим на базе убежища создана Корпорация. Все совершеннолетние обитатели Бункера могут пройти собеседование и поступить на работу в Корпорацию, согласно результатам профессиональных тестов. Деньги отменяются на неопределённое время и заменяются системой кредитов и норм. Работники Корпорации получают за работу кредиты, дающие возможность приобретать дополнительные нормы. Стандартные взрослые и детские нормы обитателей Бункера, не являющихся сотрудниками Корпорации, почти вдвое меньше, чем у являющихся. Вот так даже, всё

очень просто. Да уж, господа толстосумы из дорогостоящих подуровней вряд ли когда-либо могли себе представить такой поворот событий. Впрочем, о прежней жизни теперь остались лишь воспоминания, и всем придётся заново научиться жить в другом мире... Тринадцатый пробежал глазами остальной текст постановления. Расчёты норм и ставок, расшифровка системы кредитов, местонахождения основных институтов Корпорации, прочие детали, список первоочередных вакансий... Совет директоров подошёл к делу основательно, ничего не скажешь. Что ж, это хорошо. Более всего

Тринадцатый не хотел увидеть панику и бездействие, но Совет демонстрировал компетентность и полную уверенность в правильности предпринимаемых шагов, что вселяло надежду и спокойствие в потрясённых страшной трагедией людей. Логично. Опытный офицер отлично знал простое правило, безотказно действующее в критических ситуациях: хочешь отвлечь личный состав от деструктивных мыслей — займи людей работой.

В бездействии дни текли медленно, словно тягучий густой

кисель. От сна уже тошнило, лечебные процедуры занимали только несколько часов бесконечных суток, врачи категорически запретили задерживаться в спортзале более трёх часов. Тринадцатого спасала только огромная электронная библиотека Бункера. К началу третьей недели от дня создания Корпорации практически все пациенты были выписаны, в карантинном покое оставалось лишь несколько человек. Старые боевые раны давали о себе знать, выздоровление шло медленнее, чем у других, и врач собирался продержать его на процедурах ещё неделю. Палата опустела, и время вовсе

остановилось. За пределами карантина, наоборот, бурлила жизнь. Иногда забегал навестить Сорок восьмой, сообщая, что он буквально на пару минут, и рассказывал новости. За две недели в Корпорацию вступили почти все совершеннолетние обитатели Бункера. Было ясно, что рано или поздно, но её сотрудниками станут все. Служба охраны разрослась в десять раз, все охранники, работавшие с первых дней, теперь занимают командные и преподавательские должности, и ему, Тринадцатому, тоже приготовлена соответствующая должность. Во всех Отделах Бункера созданы учебные

группы, полным ходом идёт подготовка и обучение вновь принятых сотрудников, уже функционирует общеобразовательная школа для детей.

— Физику там, кстати, преподаёт твоя старая знакомая, с которой ты людей из оврага тогда в лесу вытаскивал, она тебе привет передавала, просила тебя зайти, как выздоровеешь, провести деток. — Старший улыбнулся. — Мои пигалицы тоже у неё сейчас учатся, ох, и намучается она с ними!

Сорок восьмой посмотрел на часы и заторопился:

— Ну, пора мне. Ты давай, выздоравливай, врач к концу недели

тебя отпустить собирался. Крайний ты у него остался. — Старший пожал руку и почти бегом выскочил из палаты.

По планетарному времени было уже далеко за полночь, но в Бункере не существует смены дня и ночи, и биоритмы людей постепенно стали перестраивались под графики своих рабочих смен. Одним из основных принципов постановки рабочего процесса, по распоряжению Совета, было круглосуточное функционирование всех элементов Корпорации, что позволяло одновременно обеспечить

занятостью большое количество людей и не оставлять важные участки Бункера без контроля ни на минуту. К тому же все квалифицированные специалисты помимо основной работы были приписаны к учебным группам, перед которыми стояла непростая задача по профессиональной подготовке новых сотрудников Корпорации, и деловая активность в Бункере не затихала ни днём, ни ночью.

Молодой сотрудник сейсмологической группы в третий раз ввёл в компьютер данные сейсмодатчика для пересчёта. Результаты были прежними. Трижды

ошибиться он не мог никак, всё было проверено и перепроверено. А раз так, тогда... Сейсмолог оставил задачу прежней, приказав компьютеру сделать анализ по данным всех имеющихся датчиков. На мониторе возникла диаграмма. Сейсмолог с минуту изучал сложившуюся картину, после чего решительно направился в кабинет руководителя группы.

Спустя тридцать минут вызов директора по науке разбудил Управляющего:

— Артём Валерьевич,
необходимо срочно собрать Совет.

— То есть вы хотите сказать, что нас пытаются спасти? — Управляющий директор смотрел на диаграмму сейсмологов.

— Нет, мы не можем делать подобные заявления. — Академик указал на синусоиду диаграммы и стал терпеливо объяснять: — Всё, что у нас есть, это данные с сейсмодатчиков. А они показывают, что на поверхности земли над нами явно ведутся взрывные работы. Сейсмические характеристики вибраций практически полностью идентичны, что свидетельствует о применении зарядов одинаковой мощности. Кроме того, эта активность наблюдается в течение

последних шести часов, до этого момента никаких серьёзных колебаний не фиксировалось уже несколько недель. Эпицентр колебаний каждый раз смещается на несколько десятков метров. И последнее обстоятельство: область источников колебаний находится в районе запасного выхода из Бункера. Если точнее, то это рядом с выходом шахты запасного пассажирского лифта номер один, который повреждён и не функционирует. Поэтому первые колебания мы приняли за усадку грунта, попавшего в ствол лифтовой шахты.

— Похоже, что кто-то ищет запасной вход в Бункер. Связи с нами

нет, основной вход уничтожен, а сами мы за месяц не подали признаков жизни. Наверное, спасатели пытаются проверить, выжил ли тут хоть кто-нибудь. — Управляющий директор вывел на экран карту местности. — Расположение запасных выходов являлось сугубо конфиденциальной информацией, но данные эти имелись и в аппарате губернатора, и у военных. В двухстах километрах от нас находится защищённый командный пункт командующего военным округом.

Управляющий взволновано ходил перед изображением карты. Он ослабил галстук и расстегнул

воротничок сорочки, известие о скорой помощи извне вселяло надежду. Наверняка слухи об этом известии уже разнеслись по всему Бункеру.

— Вероятно, обстановка на поверхности нормализовалась, и была организована операция спасения. И теперь спасатели пытаются добраться до запасных выходов. Необходимо активировать запасной пассажирский выход номер два и выйти им навстречу. Спасатели подвергаются большой опасности, пытаясь оказать нам помощь, ведь Медвежья была в эпицентре ядерного взрыва, там сейчас сущий ад, люди рискуют ради нашего спасения и не

знают, что второй вход разрушен. Мы должны организовать встречную экспедицию!

Директор по медицине явно не разделял оптимизма Управляющего. Седой профессор выбрался из огромного кресла и подошёл к компьютеру:

— С точки зрения сложившейся ситуации вопрос, кому больше нужна помощь, очень спорный. — Главный медик ввел команду, и на изображение карты наложилась схема ядерных ударов. — Обратите внимание, господа. Новосибирск подвергся массовой атаке, семь ударов по левобережной стороне города, девять по правобережной.

Сверхмощные удары, любого из которых достаточно, чтобы полностью разрушить населённый пункт такого размера. Метрополитен в городе относительно неглубок, убежищ, подобных Бункеру, город не имеет. Военным досталось практически вдвое больше: если координаты верны, то только прямых попаданий они получили не менее двух. Уровня их защиты мы не знаем, но и так ясно, что ничего современнее «Подземстроя» в стране нет. Компьютерная модель событий показывает, что все крупные и средние региональные, краевые и областные центры подверглись атакам, особенно сильна была третья

волна. Можно с высокой долей вероятности предположить, что потери и разрушения огромны, и организовать серьёзную спасательную операцию, позволяющую извлечь нас с глубины в три тысячи метров, никто сейчас возможности не имеет. Мы же перенесли единственное прямое попадание без последствий.

— И что же, Иван Николаевич, вы предлагаете? Не подавать признаков жизни до скончания веков? — Видно было, что Управляющий опешил от услышанного настолько, что забыл о приличиях и позволил себе перебить старого профессора.

— Я лишь хочу сказать, — главный медик поморщился, — что в радиусе десяти километров от Бункера произошло шесть термоядерных взрывов, в том числе четыре — сверхвысокой мощности, не менее двухсот мегатонн каждый, один из которых пришёлся точно по сопке. Мы сейчас в полной изоляции, наша внутренняя среда стерильна. Внешняя же среда над нами предельно агрессивна. Даже краткосрочное нахождение на поверхности чревато гибелью. Мы не можем допустить длительного открытия входов, это неизбежно приведёт к заражению Бункера, поэтому спешить принять здесь

спасателей преждевременно. Я предлагаю организовать выход на поверхность небольшой группе встречающих, наши средства защиты и антирадиационные препараты позволят людям поднять сопротивляемость радиации на срок около восьми часов. Мы поднимем группу, и через шесть часов заберём её назад. За это время она установит контакт со спасателями, а заодно соберёт данные для анализа состояния внешней среды. Пока у нас нет никакой информации об уровне опасности на поверхности, разгерметизация Бункера может стать фатальной. С последствиями же нескольких кратковременных

выходов на поверхность мы справимся.

Медик закончил и снова уселся в кресло. Маленький старичок тут же утонул в его бескрайних просторах.

— Разумно. Заодно группа установит антенны связи и некоторые приборы, — поддержал предложение директор по науке. — Мы сможем восстановить связь с внешним миром.

— Что ж, очень хорошо. Я полностью согласен с вами, господа, — подытожил Управляющий. — Давайте обсудим состав и сроки экспедиции.

Тринадцатый нанёс быструю серию ударов в разные уровни и мгновенно сместился, зайдя мешку «за спину». Акцентированный удар завершил комбинацию. Боксёрский мешок был маленьким, лёгким и мягким и не лучшим образом подходил для отработки столь мощных приёмов. Но в небольшом спортивном зале карантинного покоя он был единственным представителем боевых тренажёров, и Тринадцатый свыкся с ним, словно со старым другом, за эти долгие томительные недели лечения. Таймер спортзала недовольно звякнул, сообщая об истечении максимально возможных трёх часов

тренировки, и уставился на бойца нолями дисплея, словно глазами, укоризненно требующими от надоедливого посетителя очистить помещение. Тринадцатый с досадой вздохнул и погладил мешок рукой по избитому боку.

— До завтра, дружище. Не скучай тут.

Возвращаться в пустую палату не хотелось, но выбора не было. Повесив полотенце на плечо, боец прошёл к душевым.

В палате его уже ждал Сорок восьмой. Он был возбуждён больше обычного и возвестил главную новость, едва Тринадцатый шагнул за порог:

— К нам с поверхности идут спасатели! Скоро наше затворничество закончится, весь Бункер стоит на ушах. Совет отправляет экспедицию им навстречу, установить контакт и наладить связь. В группе десять человек, пятеро наших и четверо из Научного, потащат на поверхность антенну коммуникатора. Старшим экспедиции идёт зам начальника службы охраны, так что через десять часов будем знать новости с поверхности из первых рук.

Он довольно улыбнулся. Тринадцатый развёл руками:

— Будете перебираться наверх, меня не забудьте, а то так и

проваляюсь тут до старости. Я скоро начну сам с собой беседы вести. Сколько меня ещё будут мурыжить наши доблестные эскулапы, о Всезнающий?

— Вроде три дня осталось, так что держи крышу двумя руками, чтоб не съехала, — Сорок восьмой заржал и хлопнул Тринадцатого по плечу. — Пора мне. — После чего, как всегда, буквально вылетел в дверь.

Боец проводил взглядом товарища и лёг на кровать. Потолок над головой за эти недели был изучен вплоть до квадратного миллиметра, впрочем, как и стены, и пол, и нехитрая обстановка палаты. Даже библиотека уже не спасала,

организм стал упорно сопротивляться сначала сидячему, а потом и лежащему положению при многочасовом чтении. Хотя читать электронные книги лёжа было занятием не самым удобным. Тринадцатый скучал по настоящим книгам. С обложками, страницами и стежками переплётов. Было в них что-то тёплое и живое, чего не найдёшь ни в одном электронном шрифте в мире, словно крохотная частичка души её создателей, вложенная в труд, обрела самостоятельность и живёт теперь своей жизнью. Неважно, что ты держишь в руках, небольшой томик или огромный фолиант, книга подчас

подобна молчаливому собеседнику, способному рассказать многое, будто маленький верный друг, в компании с которым ты уже не чувствуешь себя одиноким. Никакой файл не способен заменить такое. Но настоящих книг в медицинском уровне не было. Во всём Бункере, судя по справочным данным, настоящая, неэлектронная, библиотека имелась только в уровне управления, и Тринадцатый твёрдо решил добраться до неё при первой же возможности. А пока же оставалось только терпеливо ждать выписки. После месяца ожидания, три дня выглядели сущей безделицей. Вот только как же бесконечно долго

тянутся минуты этой самой безделицы...

Тринадцатый подошёл к мониторам системы оповещения и вывел на экран последние новости. Сообщалось о спасателях на поверхности и экспедиции, готовящейся выйти им навстречу. В данный момент инженеры проводили проверку шахты лифта, входных шлюзов, систем защиты от внешней среды, научники готовили экипировку и снаряжение, медики подбирали свои чудо-препараты и готовились как можно быстрее ликвидировать астерильность, неизбежно возникнувшую после открытия шлюзов. Всё остальное

население Бункера деятельно
участвовало в обсуждении
предстоящей экспедиции. На все
семь уровней только он,
Тринадцатый, не занимался ничем,
кроме напряжённой борьбы со
скукой. Старт экспедиции состоится
через четыре часа, после чего шлюзы
закроют. У группы будет шесть часов
на выполнение поставленных задач.
Потом шлюзы откроют, заберут назад
людей, закроют, и начнётся
стерилизация внутренней среды.
Понятно. Стало быть, реальные
новости будут часов через
одиннадцать-двенадцать. Чёрт, как
же всё-таки долго ещё ждать. И
неугомонный Сорок восьмой в это

время будет ещё на смене, после чего первым делом отправится к семье, так что сюда он заглянет и вовсе через сутки.

Тринадцатый улыбнулся. Добродушный и бесшабашный Сорок восьмой, которого вне службы все знакомые называли просто Витёк, никак не вязался с образом степенного отца семейства. Кипучая энергия, бурлившая внутри папаши двух рыженьких дочек, вечно требовала выхода. Оставалось загадкой, как старший смены до сих пор ухитрялся не разорваться на множество очень мелких кусочков на работе, где основную часть времени приходилось сохранять

неподвижность, серьёзность и крайнее немногословие. Зато после смены он с лихвой наверстывал своё, порой Тринадцатому даже казалось, что этот человек может пробежать марафонскую дистанцию, не переставая о чём-то рассказывать, и при этом даже не собьёт дыхания. По-крайней мере, автобиографию старшего смены Тринадцатый прослушал уже раз десять, а биографии жены и детей — раз двадцать. Когда-то Сорок восьмой отслужил лет двадцать в милиции, после чего по протекции родственника и попал в охрану империи Шрецкого. Милицейское прошлое и охранное настоящее

совершенно не укладывались с добротой и открытостью Витька. Наверное, именно таким был сказочный Дядя Стёпа милиционер, разве что ростом повыше. Тринадцатый снова улыбнулся и, вздохнув, полез в каталоги электронной библиотеки.

Сорок восьмой стоял рядом с оператором шлюза и смотрел, как экспедиция проходит последнее шлюзование перед лифтом. Инженерная группа, проводя проверку или прозвонку, или протряску, или чёрт-знает-до-чего-там-ещё додумались хитроумные

яйцеголовые, определила, что шахта не понесла серьёзных повреждений, и уже дважды был сделан пробный прогон лифта. И вот теперь десяток фигур в серебряных скафандрах радиационной защиты, катя перед собой небольшую платформу с грузовыми мотосанями, навьюченными оборудованием, втягивался в лифтовую шахту. Этот вход был запасным, его серьёзная эксплуатация никогда всерьёз не планировалась, и серьёзной шлюзовой системы наверху не было, а был всего один шлюз с подпором давления, находящийся между лифтовыми воротами и воротами во внешний мир. Располагались эти

самые ворота где-то в небольшом холме в лесу, вроде бы в километре от противоположной главному входу стороны сопки, поэтому шахта была наклонной, а не вертикальной, как на главном. Хорошо хоть тут, изнутри Бункера, лифтовое помещение запирает грамотная Z-образная тройка шлюзов. Старший представил, что сейчас творится на поверхности, и поёжился. Всё-таки те, кто идёт сверху, геройские мужики. Быть в эпицентре жёсткого излучения и, несмотря на это, упорно прорываться в Бункер, чтобы спасти людей — это дорогого стоит. Будет возможность, надо с ними посидеть за бутылочкой, спасибо

сказать. Да и опять же, водочка, она, родимая, и радиацию, говорят, из организма выводит.

Экспедиция вошла в лифт, и створы шлюза закрылись. Через мгновение на мониторе отобразился вид лифтовой кабины, передаваемый установленной под потолком камерой. Мотосани занимали почти весь центр лифта, и людям приходилось тесниться вдоль стен. Лицевые щитки скафандров имели с внутренней стороны автозатемнение типа «Хамелеон», с внешней — светоотражающее покрытие, в связи с чем отличить, кто есть кто, было совершенно невозможно, и группа напоминала Сорок восьмому десятку

серебряных близнецов-инопланетян из какой-нибудь сказки, которые он частенько, выдумывая на ходу, рассказывал дочкам. Иногда Витёк, сменившись с хлопотного дежурства, забывал, чего именно насочинял накануне, и в ответ на ультимативные требования продолжения истории срочно приходилось придумывать что-то новое. При мысли о двух маленьких несносных рыжих бестиях уголки губ старшего тронула улыбка: теперь материала для сказок хватит на неделю вперёд.

В этот момент лифт достиг поверхности, и экспедиция начала выталкивать из лифта в шлюз

платформу с санями, после чего лифтовые двери закрылись и люди пропали из поля зрения камер. Сейчас научники должны установить в шлюзе камеру и ретранслятор радиосвязи, если кабель-каналы не повреждены и шинопровод в рабочем состоянии, и только после этого начать шлюзование, согласно плану экспедиции. План этот наизусть знал каждый обитатель Бункера, и десятки тысяч глаз сейчас всматривались в мониторы — Совет директоров пошёл навстречу множественным просьбам освещать встречу спасателей в реальном времени. Через несколько минут экраны вздрогнули и вывели картинку из

шлюза, в тот же момент на частоте экспедиции раздался знакомый голос руководителя экспедиции. Родственник делал проверку связи, и директор по науке лично подтвердил качество приёма. Сорок восьмой облегченно вздохнул: пока всё идёт хорошо. Вскоре камера была установлена и во второй секции шлюза. Первая секция закончила создание подпора давлением, и ворота шлюза медленно распахнулись в темноту. Две серебристые фигурки с какими-то приборами в руках шагнули в темноту, и некоторое время ничего не происходило, потом руководитель экспедиции сообщил, что выход

неплотно завален обломками деревьев и снегом, после чего группа приступила к расчистке.

Спустя сорок минут путь был свободен, и люди покинули поле зрения камеры. Радиосвязь резко ухудшилась, эфир был заполнен шумом и треском. Сквозь щелчки и шипение помех с трудом удалось разобрать доклад руководителя. Кажется, согласно плану, научная часть группы приступила к поиску подходящего места для установки мощного ретранслятора и каких-то ещё приборов, названия которых Сорок восьмой разобрать не сумел, а руководитель с остальными двинулся в направлении предполагаемого

местонахождения спасателей. И ещё вроде бы там, наверху, ночь, снег, холодно и ничего не видно. И жутко фонит радиация. Вскоре связь с экспедицией пропала, видимо, люди отошли достаточно далеко от выхода. Витёк посмотрел на часы. Минус пять часов, время до возвращения экспедиции. До окончания смены ещё семь, так что теперь оставалось только ждать, и старший смены направился проверять несение службы на постах.

Витёк заговорщицки подмигнул и тронул сенсор. Двери лифта послушно разъехались в стороны, и

Тринадцатый вошёл в кабину.

— Только быстро! Смотри, не заблудись там, — осклабился Сорок восьмой, — и ромашек дочкам не забудь.

Двери закрылись, и лифт понёс Тринадцатого вверх. На улице стоял ослепительный полдень, и ему пришлось минут пять стоять на месте, ожидая, пока привыкшие к ровному искусственному свету Бункера глаза адаптируются к яркому солнечному свету. Вокруг царствовало тёплое и ласковое бабье лето. Запасной выход Бункера открывался из небольшого холма посреди маленькой полянки, со всех сторон окружённой исполинскими

соснами, сквозь густые кроны которых до самой земли били длинные тонкие солнечные лучи. Их было великое множество повсюду, словно кто-то, побоявшись потерять солнце, скрепил его с землёй невесомой паутиной, и теперь надёжно прикованное светило, натянув лучи, будто струны, стремительно мчалось куда-то сквозь бесконечное лазурное небо, неся за собой Землю.

Тринадцатый подставил ладонь под солнечный луч. Тот немедленно принялся ласково греть кожу, отчего захотелось лечь, растянуться на траве и смотреть, как без усталости несёт Землю весело спешащее куда-то

солнце. Но сперва надо было найти ромашки, Витёк очень просил. Тринадцатый представил, как облепит рыжего папашу его не менее рыжая детвора и, улыбнувшись лучу, пошёл на поиски. Найти местечко с цветами, собрать немного, а там, если останется время, можно будет немного и поваляться. Идти по траве в госпитальных тапочках было неудобно, трава упиралась в открытые части ступни и норовила пощекотать. Тринадцатый уже очень давно не боялся щекотки, и это мелкое хулиганство со стороны травы его забавляло. Деревья расступились, и он вышел на большую залитую солнцем поляну. Лёгкий тёплый

ветерок по-дружески ткнул в щёку, и ярко-зелёная трава тихо зашёлестела, подсказывая что-то. Тринадцатый пригляделся и понял, что именно. В пяти метрах, слегка наклонив голову, пряталась ромашка. Ага, попалась. Он пошёл к цветку, радуясь, что поиски не затянулись, всё-таки Витёк выпустил его на свой страх и риск. Эскулапы пронюхают — будет ему такой втык от начальства, никакими цветочками не отделаешься. Однако через пять шагов оказалось, что ромашка ближе не стала. Странно. Тринадцатый увеличил темп и лёгким броском перебежал на четыре шага. Ромашка отбежала на такое же расстояние.

Мда, так можно и очень сильно опоздать. Он стремительно метнулся к цветку. Ромашка не менее стремительно метнулась от него.

Погоня продолжалась минут пять, но разделяющее их расстояние не изменилось. Тринадцатый остановился. Ромашка тоненько насмешливо захихикала. Ах, так! Он нахмурился. Нужны подручные средства. Боец пошарил по карманам больничной куртки. В одном был штурмовой пистолет, в другом пара ручных гранат. Из нагрудного кармана торчала рукоять боевого ножа. Странно, что он не заметил этого раньше. Ромашка испуганно поникла. Нет, всё это решительно не

годится. Тринадцатый не собирался убивать цветок. Цветок надо было взять в плен, это же ежу понятно. Нужно что-то другое. Ромашка воспряла духом и снова захихикала. Нет, ну вот зараза, ещё и смеется. Внезапно откуда-то из детства пришла мысль. Рогатка! Точно, нужно сделать рогатку. Ромашка тоненько взвизгнула и пустилась наутёк. Ничего, от рогатки далеко не убежишь. Мысль была стоящей, но резать больничные штаны на рогаточную резинку не хотелось. Ладно, и так поймаю. Тринадцатый побежал вслед испуганному цветку, стремительно набирая скорость. Ромашка добежала до опушки и

скрылась за деревьями. И это не страшно, пойдём по следам. Далеко не уйдёт, устанет. Цветы растения малоподвижные, к долгому бегу не привычные, выдохнется быстро.

Впереди раздался знакомый тоненький писк, затем треск кустов, и на поляну выскочил Шрецкий. В руках он сжимал вырывающуюся ромашку. Увидев прямо перед собой Тринадцатого, олигарх резко свернул в сторону и побежал вприпрыжку вокруг поляны, с криками: «Уволю! Уволю!». Бегать за ним не хотелось, и Тринадцатый подумал, что рогатку всё же придётся сделать. Вырывающаяся из рук Шрецкого ромашка одобрительно запищала.

— Сбоку заходи, слева! —

Раздался над ухом голос Витька.

Тринадцатый обернулся. Витёк, держа в руках сачок для ловли бабочек угрожающих размеров, крался наперерез скачущему олигарху. Тот заметил Сорок восьмого и кинулся было назад, но там уже ждал Тринадцатый. Шрецкий попытался добежать до леса, но среди деревьев быстро бежать он уже не мог. Видя, что поимки не избежать, олигарх отбросил цветок, подпрыгнул и ухватился за солнечный луч. Луч, тащивший за солнцем Землю, не выдержал дополнительной тяжести и лопнул. По лесу прокатилось эхо

жалобно звящего звука. Все замерли. Но равновесие уже было нарушено. Тонкие струны лучей, не выдерживая нагрузки, начали рваться, и вскоре отовсюду лилась жалобная мелодия гибнущих лучей. Последний лучик лопнул, и солнце стало стремительно удаляться. Через мгновения оно исчезло совсем. Наступила темнота, стало холодать. Звёздное небо моментально затянули тучи, в леденеющем воздухе тихо зашуршали снежинки. Тринадцатый огляделся. Видимость ноль. Надо уходить к Бункеру, пока ещё можно. Но сначала нужно найти Витька, ведь не дойдёт сам.

Он пошёл сквозь темноту туда,

где Витёк стоял в последний раз. Сбоку из темноты вынырнул силуэт Шрецкого. Олигарх сидел на пенке, сложив руки на коленях, весь покрытый толстым слоем льда, словно замороженная во льдах лягушка. Тринадцатый, не останавливаясь, прошёл мимо. Шрецкий его не интересовал, нечего было луч рвать. Пускай теперь сидит, в воспитательных целях. Где-то здесь должен быть Витёк, вот его надо быстрее отвести в Бункер, его там дочки уже заждались поди. Но Сорок восьмого почему-то нигде не было. Тринадцатый точно знал, что стоит именно на том самом месте, где должен быть Витёк. Куда же он

подевался? Боец сделал ещё шаг, и его нога наткнулась на что-то ещё мягкое, но уже холодное. Даже несмотря на непроглядную тьму, он точно знал, что это было.

Тринадцатый мгновенно вскочил с кровати. Остатки сна стремительно покидали сознание, вместе с ними блекли и таяли краски кошмара, секунду назад ещё казавшегося яркой полноцветной реальностью. Спустя миг всё встало на свои места. Он присел на кровать. Нет. Не всё. Тринадцатый прислушался к себе. Какое-то нехорошее предчувствие не оставляло его в покое. Боец задумался. Чутьё на опасность у него было редкостное. Друзья говорили

иногда, что и дикий зверь так не чует беду. Может, потому и выжил он, один из всех, пройдя столько лет огня, боли и крови. Вот только работало это чутьё исключительно лишь там, где жизни угрожала опасность. И не было и следа его в мирной жизни, не предупреждало оно ни о подлости псевдодрузей, ни о предательстве любимой, ни о злобе завистников. В день мировой катастрофы на душе было беспокойно с самого утра. А тут... что может произойти здесь? И всё же что-то было не так. Что-то ускользало, нечто такое, что ещё совсем недавно было перед глазами, и сейчас оно тоже было где-то рядом,

но уже невидимое, неслышное, словно растворившееся в воздухе.

Тринадцатый посмотрел на часы. Выходит, он заснул незаметно для себя и проспал возвращение экспедиции. Неудивительно: в пустой палате, словно в вакууме, минуты, часы, дни — все они похожи друг на друга, как близнецы, и тянутся эти близнецы подобно патоке, густой и липкой, как будто не хотят они уходить в лету и цепляются за тебя, за стены, за воздух, за всё, что попадаётся им на пути, в отчаянной попытке задержаться хотя бы на мгновение. Вполне вероятно, что на всём медицинском уровне он вот уже неделю был единственным

пациентом. А если так засыпать во время прибытия спасателей, то можно остаться и единственным обитателем Бункера. Тринадцатый мрачно улыбнулся и взглянул на монитор системы оповещения. Никаких сообщений о результатах экспедиции не было. Ладно, скоро к врачу на осмотр, там и узнаем. А потом и Витёк примчится, как всегда выпалит всё на одном дыхании и умчится обратно. Вот ведь неуёмный, к нему надо генератор прицепить, пусть электричество вырабатывает. Причём в противостоянии Витёк — реактор у последнего шансов было не много. Тринадцатый взял полотенце и пошёл в душевые, гоня прочь

чёрную тень, притаившуюся где-то в глубине подсознания.

Сорок восьмой закончил очередной плановый обход постов своей смены и сделал необходимые пометки в файле несения дежурств, после чего вопросительно посмотрел на оператора шлюза. Тот так же молча покачал головой. Ничего. Вот уже час как экспедиция должна была вернуться, но никаких сигналов от неё до сих пор не поступило. Прямую трансляцию на Бункер отключили по распоряжению Совета, и Сорок восьмой получил указание при первых же сигналах экспедиции

оповестить специально
организованную встречающую
группу, в задачи которой входила
дегазация, деактивация, медпомощь
и прочие необходимые действия.
Совет собрался ещё два часа назад и
регулярно запрашивал экспедицию
по радио, но эфир молчал. Через час
закончится действие препаратов,
повышающих сопротивляемость
организма к радиации, и люди
получат такую дозу излучения, что
даже думать не хотелось о
последствиях.

— Есть движение на
мониторе! — Доклад оператора
шлюза чуть не заставил старшего
подпрыгнуть от неожиданности. Он

тут же доложил Совету и привёл в готовность встречающую группу, практически не сводя глаз с экрана. Камера внешней секции верхнего шлюза показывала слабые блики света со стороны выхода, где ещё две минуты назад была темнота. Световые пятна дрожали и прыгали по полу, однако ближе не приближались.

— Вход снегом занесло, расчищают. — Догадался Сорок восьмой. Совет снова запросил экспедицию в эфире. В ответ раздался треск и шипение помех, сквозь которые едва различимый голос что-то хрипло говорил, но разобрать можно было только

короткие обрывки фраз, среди которых были «требуется помощь» и «пострадавшие». Картинка на мониторе оживилась, на пороге шлюза появились серебряные фигуры, парами тащившие на себе неподвижных людей в закопчённой зимней одежде камуфляжной расцветки.

— Начать внешнее шлюзование! Встречающей группе приготовить носилки! — динамики транслировали команды управляющего директора. Сорок Восьмой кивнул оператору, и тот приступил к работе.

На мониторе было видно, как за спинами плотно стоящих в шлюзе

людей закрывается внешний створ. Запасной вход был невелик, и десяток человек в скафандрах, удерживая пятерых пострадавших, плотно заполнили собой всё пространство маленького шлюза. Верхний шлюз не сохранил исправного освещения, и в тускло-зелёном изображении инфракрасной подсветки единственной камеры было невозможно хорошо разглядеть тесно навалившихся друг на друга людей. Межсекционная перегородка поднялась и открыла доступ во внутреннюю секцию шлюза. Установленная там камера транслировала, как люди в некогда сверкающих, а сейчас вымазанных

грязью серебристых скафандрах неуклюже затаскивали в тесное помещение пострадавших, снаряжение которых ещё больше мешало транспортировке. Через пару минут шлюзование завершилось, и двери в кабину лифта открылись, впуская экспедицию. Наконец лифт, размерами ещё меньший, чем шлюз, закрылся и пошёл вниз. Лифтовая кабина имела две камеры и была хорошо освещена, но люди в скафандрах и снаряжении набились в неё так плотно, что разобрать что-либо было трудно. Директор по радио что-то спрашивал у руководителя экспедиции, но, судя по всему, рация у того была повреждена,

в ответ слышался только треск и щелчки. Встречающая группа уже ожидала экспедицию у ворот лифта. Сорок восьмой смотрел на изображение кабины лифта, пытаясь угадать в плотной толпе родственника. Несладко пришлось мужикам, однако. С головы до ног в грязи, ободранные, скафандры местами прорваны, у кого-то даже лицевой щиток шлема был покрыт паутиной трещин. Видимо, на поверхности сущий ад.

Но... Что-то в увиденном не нравилось старшему, что-то было не так. Что же? Внезапно он понял. Оружие. Когда экспедиция уходила, оружие было только у охраны,

научники шли лишь со своими приборами, теперь же оружие было у всех, даже у пострадавших, не подававших признаки жизни. И ещё он понял, что именно напоминали ему разводы бурой грязи на блестящих скафандрах радиационной защиты. Сорок Восьмой рванулся к шлюзу, на ходу бросив удивлённому оператору:

— Открывай!!! Все двери! Быстро! И сразу же закрывай за мной! Первый шлюз оставь открытым! — и, рванув гарнитуру рации, закричал: — Встречающей группе немедленно покинуть лифтовое помещение! Всем перейти в шлюз немедленно!

Пульт управления располагался у выхода из третьего шлюза, Старшему надо было миновать в общей сложности шесть шлюзовых секций, он нырял под поднимающиеся плиты перегородок, как только щель увеличивалась на ширину тела.

— Что происходит? — недоумённо запрашивал старший встречающей группы, к вопросам которого тут же присоединился Управляющий:

— Сорок восьмой, что вы там делаете?

Витек уже вбегал в лифтовую, когда сигнал оповестил о прибытии лифта.

— Это ловушка! Нападение! Все в шлюз, быстрее!!! — Он стал заталкивать ничего не понимающих людей в шлюз, кто-то побежал сам, некоторые возмущались и сопротивлялись. Из открывшихся дверей лифта хлынули люди, на бегу вскидывая оружие.

Сорок восьмой с размаху пробил рукой защитный пластик кнопки аварийного закрытия шлюза, резко зазвучала сирена, и плита переборки пошла вниз. Сзади слитно ударили автоматы, крики людей утонули в грохоте выстрелов, заполнившем собой небольшое помещение. Старший обернулся. Фигуры в вымазанных кровью серебристых

скафандрах со следами пулевых отверстий в упор расстреливали мечущихся в панике людей. Несколько человек из встречающей группы попытались нырнуть под опускающуюся плиту шлюзовых ворот, и двое «пострадавших» в обожжённом камуфляже, вооружённые автоматами, сообразив, что происходит, бросились за ними. Витёк изо всех сил оттолкнулся ногами от пола и обрушился на автоматчиков. Те не удержались на ногах, и все трое покатались по полу в сторону от шлюза. Старший вскочил на ноги, но тут что-то сильно ударило его в спину. Он покачнулся, ловя равновесие, но

второй удар под лопатку бросил его на землю. Рот почему-то сразу наполнился слюной, тёплой и соленой. Сорок восьмой проводил взглядом слипающуюся с полом плиту переборки и попытался встать, но сделать этого отчего-то не получалось. Тогда он развернулся на спину. Видно было плохо, всё вокруг оказалось подпернуто красной пеленой. Витёк решил, что кто-то заменил основное освещение аварийным и удивился, что не заметил этого раньше. Рядом с ним стояли серебряные близнецы-инопланетяне из сказки, которую он всю смену сочинял для дочек. Сорок восьмому захотелось рассмотреть

серебряных близнецов получше, но яркий всплеск огня в пламегасителе автомата больно резанул по глазам, и их пришлось закрыть. Ударов пуль, разрывающих грудь, он уже не чувствовал.

Тринадцатый сидел в диагностическом кресле, как обычно, опутанный проводами подобно футуристической мумии, когда по всему бункеру взревели баззеры боевой тревоги. Врач испуганно вскочил из-за своего стола и замер в нерешительности.

— Что случилось? — откуда-то из-за спины дрожащим голосом

спросила медсестра. — Что это?

Судя по расширенным от испуга глазам доктора, тот и сам бы хотел узнать ответ на этот вопрос. Все сомнения разрешил грохот динамиков системы оповещения:

— ВНИМАНИЕ! БОЕВАЯ ТРЕВОГА! ВСЕМУ ПЕРСОНАЛУ СРОЧНО ЗАНЯТЬ МЕСТА СОГЛАСНО БОЕВОМУ РАСПИСАНИЮ! ПОЛНАЯ ГЕРМЕТИЗАЦИЯ УРОВНЕЙ, ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ ДО ОСОБОГО СИГНАЛА!

Сообщение повторилось дважды, и динамики затихли; тем временем на мониторах системы высветился текст объявленного

предупреждения. Доктор попытался связаться с кем-то из начальства, но ничего вразумительного ему объяснить никто не смог. Тринадцатый пожал плечами. Очень интересно. Вот, значит, к чему это смутное ощущение опасности с самого утра. Однако сделать всё равно ничего нельзя, уровни загерметизированы, он у медиков, помещения охраны в «Улье», придётся дожидаться либо сообщений от руководства, либо разгерметизации, а пока, кроме ожидания, заняться нечем.

— Доктор, это надолго. Давайте закончим? — предложил он эскулапу. Перепуганный врач, неподвижно

сидевший около коммуникатора в ожидании ответа очередного абонента, вздрогнул и поднял глаза.

— Да, да, разумеется, — занявшись привычной работой, он почувствовал себя увереннее.

Вскоре невозмутимое спокойствие Тринадцатого передалось окружающим, и люди успокоились. Медсестра даже предположила, что тревога учебная, в целях проверки систем герметизации, и доктор важно согласился. Тринадцатый промолчал, погруженный в свои мысли. Тревога боевая, это было ясно. Что-то действительно произошло, и сидеть в пустой палате дальше он не

собирался. Как только сообщение между уровнями восстановят, надо будет, так сказать, прибыть к месту службы.

— На сегодня всё, вы можете идти, — доктор улыбался резиновой улыбкой.

— Когда меня выписывают?

— Через два дня, думаю, вы будете полностью здоровы. Но организм ещё ослаблен, поэтому в течение недели вам противопоказаны тяжёлые физические нагрузки и...

— Доктор, а нельзя ли выписать меня сегодня? — Тринадцатый пристально смотрел эскулапу в глаза. — В связи с особыми

обстоятельствами? Всё-таки учебная тревога — штука серьёзная...

Врач поспешно закивал головой:

— Да, конечно! То есть мы такое не практикуем, но в связи с особыми обстоятельствами... — он замялся, — я могу выписать вас на амбулаторное лечение, после окончания учебной тревоги вам надо будет пройти ещё два сеанса процедур, — в голосе доктора снова появились нотки испуга.

— Вот и хорошо, я обязательно приду, — Тринадцатый улыбнулся медсестре и, пожав врачу руку, вышел из кабинета.

Как скоро будет снят запрет на перемещения, он не знал и, не желая

тратить время впустую, направился в спортзал.

Когда, закончив тренировку и приняв душ, Тринадцатый вернулся в палату, его уже ждали. Молодой рослый парень лет двадцати в новенькой форме охранника стоял посреди помещения и беспомощно оглядывался.

— Вы — Тринадцатый? — оживился он, заметив входящего. Тринадцатый кивнул.

— Вас срочно вызывает начальник охраны. Следуйте за мной, — важно сообщил мальчишка и добавил: — Специально для нас снята герметизация и активирован лифт.

Тринадцатый зашлёпал
больничными тапками вслед за
проводатым. Форму уничтожили ещё
в день катастрофы при дезактивации,
и другого обмундирования, кроме
больничной пижамы, у Тринадцатого
не было.

В лифте он принялся
рассматривать новоиспечённого
бравого воина. Судя по возрасту и
состоянию формы, мальчишка,
бесспорно, был из числа вновь
поступивших на работу в
Корпорацию. Крепкий, холёный,
чистенький, причёска, аккуратный
маникюр. Парнишка, видимо, из
состоятельной семьи, возможно,
даже из Вип-подуровней. Новенькая

форма сидела на нём ладно, сам супермен прямо-таки раздувался от гордости. Почему бы и нет: исходя из норм и кредитных ставок, опубликованных Советом, можно было сделать вывод, что охрана позиционировалась как одна из привилегированных специальностей.

Тринадцатый мысленно хмыкнул. Конечно, на семи уровнях бункера много чего нуждалось в неусыпном надзоре, и реактор, и системы жизнеобеспечения, и пульта управления шлюзами, хранилища баз данных... список маленьким не был. Но любой грамотный правитель всегда помнит, что охрана в любой момент может

стать очень эффективным рычагом управления. Множество президентов и премьер-министров вышло из недр силовых структур, ещё большее количество государственных переворотов было осуществлено их руководителями. Неслучайно даже в самых развитых демократиях личный состав сил охраны правопорядка зачастую был сопоставим, а кое-где даже превышал количество боевых штыков вооружённых сил. Полицейские дубинки разрубили на своём веку немало гордиевых узлов и узелков, не поддававшихся ораторам. Отчасти, не потому ли численность службы охраны за первые же две недели существования Корпорации

выросла с менее чем трёхсот сотрудников до более чем трёх тысяч? Никакую другую службу не поспешили укомплектовать так быстро.

Лифт достиг «Улья», и новоявленный супергерой снова возглавил шествие. Напротив каждой дверей межуровневых лифтов стояло по два вооружённых охранника. Сразу же бросилось в глаза оружие несущих службу: не только короткие резиновые дубинки, наручники и служебные пистолеты, согласно обычному штатному расписанию, но и десятизарядные автоматические карабины, служебное гладкоствольное оружие. На

коротких дистанциях, например, в условиях бункера, картечный выстрел из такого карабина по незащищённой цели означал для последней неминуемую смерть. У входа в подуровень начальника охраны так же стоял вооружённый парный пост. Очень интересно.

Начальника охраны за свою недолгую работу в бункере Тринадцатый видел всего один раз, при приёме на работу. Отставной генерал милиции считал своим долгом лично проводить финальное собеседование с каждым вновь принятым на работу охранником. И не все, по слухам, его проходили успешно. Шептались, что генерал

видит человека насквозь почище рентгена. Тринадцатый тогда вошёл в кабинет и доложил по форме о прибытии. Сидящий за столом жилистый мужчина лет шестидесяти оторвался от изучения его личного дела и поднял седую голову. Немигающий взгляд серых глаз был действительно тяжёл. Генерал смотрел пронзительно, словно для него не существовало ни кожи, ни черепа, ни даже мозга, одна лишь душа стоящего перед ним человека. И сейчас в неё очень внимательно всматривались из-под седых бровей давно немолодые, но поразительно чистые глаза. Глаза человека, повидавшего в этой жизни многое.

Начальник службы охраны был далеко не прост. Генерал пожал ему руку и, коротко кивнув на личное дело, сказал:

— Читал. А теперь и сам вижу, что не подведёшь старика.

На этом тогда собеседование и закончилось. Все знали, что Старик не любил пространных бесед, предпочитая словам действия.

У входа в кабинет начальника службы охраны новоиспеченный герой остановился, и его бравый вид несколько увял. Было видно, что мальчишка не горит желанием лишний раз показываться на глаза старику. Тринадцатый вошёл в кабинет. Генерал сидел за столом,

напротив него расположилось
десятка два человек в униформе
охранников, со многими из них
Тринадцатый уже был знаком. «Все
бывшие военные», — машинально
отметил он и представил, как
забавно будет сейчас выглядеть его
доклад по форме в больничной
одежде. Однако докладывать не
пришлось.

— Садись, майор, — ещё на
вдохе прервал его генерал и жестом
указал на свободное кресло. Его
воспалённые глаза смотрели устало,
лицо прорезали глубокие морщины,
отчего он выглядел сейчас намного
старше своих лет. Многочасовое
напряжение сильно измотало

старика. — Не будем терять времени, кто знает, сколько у нас его осталось, — генерал ткнул узловатым пальцем в сенсор, и на мониторе замелькали кадры.

Тринадцатый узнал видеозапись выхода экспедиции на поверхность. Генерал не торопясь комментировал:

— Вы видите, как экспедиция, высланная навстречу спасателям, поднимается наверх. В верхнем шлюзе они установили две камеры, по одной в каждой секции, и ретранслятор для связи бункера с переносной РЛС, которую они же должны были развернуть на поверхности. Вон она, эта РЛС, на снегоходе упакована. Эти кадры

знакомы всем, их транслировали на весь бункер. Экспедиция должна была вернуться через пять часов, но в назначенное время никто к шлюзу не пришёл, и трансляцию было решено прекратить. За это время экспедиция связь не поддерживала, на запросы не отвечала, РЛС не заработала.

Генерал сделал глоток воды. Тринадцатый заметил, что стакан в его руке почти незаметно дрожит. Значит, произошло что-то действительно очень плохое. Сначала боевая тревога, потом старик обратился к нему по воинскому званию, чего на гражданке вообще никто никогда не делал, теперь эта дрожь в руках. А ведь генерала так

просто не напугаешь, он калач тёртый... Старик снова коснулся сенсора и продолжил:

— Спустя сорок семь минут после истечения срока экспедиция вышла на связь с сообщениями о пострадавших и о необходимости срочного оказания помощи. Как вы слышите, сигнал сильно засорён помехами и практически неразборчив. Освещения в обеих секциях шлюза нет, только инфракрасная подсветка камеры. В шлюз вошли участники экспедиции, неся на руках неизвестных людей, предположительно пострадавших. В общей сложности пятнадцать человек.

Тринадцатый взглянул на экран, где пять пар одетых в серебряные скафандры людей, несущих на руках неподвижные тела, входили в шлюз. Сразу всё стало ясно. Десять вооружённых людей несли на руках пятерых вооружённых пострадавших. Оружие и снаряжение у каждого. В реальных условиях, для облегчения ноши, оружие и снаряжение с раненых бы сняли — либо не взяли с собой вообще, либо несли силами уцелевших. На экранах была наспех организованная диверсионная группа. Судя по бурным разводам и характерным отверстиям на скафандрах, экспедиция перестала существовать ещё пару часов назад. В

Этот момент на экране выскочившие из лифта диверсанты расстреливали встречающую группу.

— Тревогу поднял старший смены охраны шлюза, Виктор Костецкий, радиопозывной Сорок восемь. Если бы не его оперативные действия, потери были бы гораздо серьезнее. Костецкий успел спасти одиннадцать человек и сорвал попытку врага прорваться в шлюз. Сам он погиб.

Тринадцатый смотрел на лежащего в луже крови Витька. Один из скафандров подошёл к Сорок восьмому и дал короткую очередь. Вспомнилось, как Сорок восьмой, вечно кипя неуёмной энергией,

влетал в палату и выпаливал новости. Вроде и знали друг друга всего ничего, но ведь находил время навестить, а после того, как Тринадцатый остался единственным пациентом эскулапов, не пропустил ни дня. Вроде бы мелочь... но вся жизнь состоит из таких вот мелочей. Где-то внутри стало больно. Жаль дочек, смышлёные они у него не по годам, не поверят в сказку о командировке или полёте на Луну. Теперь ясно, зачем всех здесь собрали.

— В результате нападения наши потери составили двенадцать человек убитыми, плюс состав экспедиции, — генерал вывел на

экран списки погибших. — После атаки нападавшие уничтожили камеры наблюдения. Мы закрыли все переборки и заблокировали их в лифтовом холле. Они потребовали впустить их в бункер и предоставить управление лифтом, иначе угрожают сбросить сверху в шахту лифта ядерный заряд и взорвать его. Возможно, что это не блеф: сразу после нападения камеры и датчики в верхнем шлюзе были уничтожены электромагнитным импульсом. Ученые сообщают, что фиксируют мощные детонации на месте шлюза, похоже, кто-то взламывает ворота, чтобы получить доступ в шахту. Мы закрыли все переборки,

блокирующие шахту лифта по длине, но если заряд будет взорван внутри шахты, они не выдержат. В лучшем случае, шахта будет завалена на всю глубину. В худшем — можем лишиться верхнего уровня. Но это ещё не всё. Есть опасение, что нападающие смогут найти последний оставшийся выход, и тогда мы будем погребены здесь заживо. На принятие решения у нас есть три часа, — старик выключил мониторы и сел в кресло. Слова давались ему нелегко, он перевёл дух и продолжил:

— Совет собирается оповестить всех и готовит сетевой опрос, хотят узнать мнение людей. Медики

говорят, что нападающие и тут, и наверху не меньше суток сидят на антирадиационных препаратах, иначе уже бы изжарились давно. После такой передозировки антирада половина из них обречена и без облучения, а те, что покрепче, получают серьёзные осложнения. И наверняка они в курсе. Не думаю, что надо впускать в бункер вооружённых головорезов, способных запросто убить два десятка ни в чём не повинных людей, но и рисковать мы тоже не можем: что происходит наверху и насколько серьёзны угрозы напавших — неизвестно. Тягаться нам с ними тяжело, боевого оружия нет, только служебное, личный

состав — одни новички, все, кому доводилось понюхать пороху, сидят здесь, — генерал обвёл взглядом сидящих и закончил:

— Совет дал добро выслать разведку для сбора информации. У нас пока ещё остается последний запасной выход. Я хочу выслушать ваши соображения.

Несколько секунд в кабинете стояла тишина, затем прозвучало одно предложение, потом второе, спустя минуту обсуждение шло вовсю. Тринадцатый слушал молча и не вмешивался, пытаюсь по смыслу реплик определить степень подготовки присутствующих. В общем-то, перед ними стояла вполне

обычная для разведподразделений задача по сбору информации о противнике, вот только в случае неудачи горе-разведчики приведут врага прямо к последнему входу в бункер. Спустя десять минут стало понятно, что ни разведчиков, ни армейских спецназовцев среди присутствующих нет, но и случайно здесь тоже никто не оказался, повоевать успели все. Его размышления прервал старик.

— Почему молчишь, майор? Это же твоя вотчина, — стоило генералу заговорить, как в кабинете все смолкли. — Скажи, сынок, что думаешь. Двадцать пять тысяч душ сейчас, возможно, на волоске висят.

Тринадцатый мгновение молчал. Все взгляды устремились на него, и в наступившей тишине стало слышно, как громко тикают старинные часы на генеральском столе. Массивный, покрытый витиеватой резьбой ореховый корпус в виде бурого медведя, держащего двумя лапами на груди циферблат с ажурными стрелками, среди нагромождения электроники и мигания индикаторов смотрелся очень необычно и немного странно, словно обрывистый островок чего-то очень живого, упорно борющийся за существование в бездушном мире потоков безразличных ко всему электронов.

—

Ситуация вполне

понятная, — Тринадцатый встал, чтобы лучше видеть реакцию слушателей. — Диверсионную группу впускать в бункер нельзя, это ясно и так. Но у них есть боевое оружие, которого нам очень не хватает. Необходимо этим воспользоваться. Нет смысла рисковать людьми, пытаясь выбить их из лифтовой. Так же как нет смысла применять сонный или отравляющий газ, там у всех есть средства защиты. Предлагаю загерметизировать помещение и откачать оттуда воздух. Судя по видеозаписям, систем регенерации кислорода с закрытым циклом у них нет, так что долго они не

продержатся. А девять боевых стволов нам пригодятся. На поверхность должна пойти группа в составе двенадцати-шестнадцати человек, плюс кто-то из учёных на тот случай, если ядерный заряд действительно существует, и попытаться его найти. Необходим запас антирада на всякий случай, а также средства маскировки. Использование скафандров радиационной защиты исключается, они сильно сковывают обзор и движение, сводя на нет мобильность и маневренность. Не помешали бы ещё взрывчатые вещества и средства взрывания, возможно, они есть в инженерной группе, или их можно

синтезировать в наших лабораториях, надо поговорить с учеными. Группа выйдет из бункера через обнаруженный противником вход, скрытно сблизится и произведёт сбор данных, а в случае благоприятной ситуации — уничтожит врага либо проведёт диверсию. В конце концов, главное — выиграть время, даже на антирадиационных препаратах при таком излучении противник долго не продержится. Детали операции необходимо разрабатывать, привязываясь к карте местности и в соответствии с имеющимися в нашем распоряжении средствами. Это пока всё, — Тринадцатый внимательно следил за лицами присутствующих,

но явных признаков малодушия ни у кого заметно не было.

Что ж, это хорошо, значит, группу сформируем. А там дальше уже будет видно, кто чего стоит, это уже поверхность покажет.

Генерал ответил не сразу. С минуту он раздумывал, анализируя услышанное, затем потянулся к коммуникатору и послал сигнал вызова в центр управления, где в эти минуты шло заседание Совета директоров.

Платформа грузового лифта почти бесшумно скользила вверх по наклонной шахте, спеша доставить

на поверхность необычную группу людей, рассыпавшихся по периметру платформы и оставивших центральное пространство лифта абсолютно пустым. Тринадцатый ещё раз оглядел группу. Пятнадцать бойцов, приняв изготовку для стрельбы с колена, ждали выхода наружу, в дальнем углу неуклюже сгорбились две фигурки в скафандрах радиационной защиты. Научный отдел выделил в помощь двоих специалистов. Говорят, добровольцев было больше тысячи, население бункера, ужаснувшееся кадрами кровавой расправы, единогласно проголосовало за отказ впустить чужаков в убежище, даже не

захотев разобраться, кто же просит помощи, словно там, наверху, все с автоматами и жаждут крови. В конце концов, те, кто пролил кровь, уже заплатили за это не самой лёгкой смертью от удушья. Тринадцатый ласково провёл рукой по автоматному стволу. Практически новый, последняя модификация. Девять из пятнадцати диверсантов были одеты в армейскую форму с шевронами РВСН. Видимо, защищённый командный пункт командующего округом не смог принять весь личный состав. Или принять смог, но не смог защитить. Остальные были в гражданской одежде, а это означало, что там,

наверху, находятся не только военные, но и обычные люди, возможно, и женщины, и дети, которым грозит неминуемая гибель. Однако население бункера в своём голосовании было непреклонно.

Всё-таки человек — очень эгоистичное существо. Ведь ещё месяц назад многие из них сами играли в догонялки со смертью, пытаясь успеть укрыться в бункере в день катастрофы, а после двадцать пять тысяч человек пребывали в состоянии шока. Люди не могли свыкнуться с мыслью, что прежнего мира больше нет, и, возможно, они — это всё, что от него осталось. Лечебные подуровни были

заполнены пациентами с тяжёлой депрессией, многие продолжали надеяться на то, что помощь придёт. И вот теперь, сытые, здоровые и в безопасности, они отмежевались от тех, кому повезло меньше, от тех, кто болен, голоден и ищет спасения, словно не испытывали сами в тот роковой день первобытный, почти животный страх. Своя рубашка снова оказалась ближе к телу, и находящиеся на поверхности единоголосно зачислили в прокажённые. Хотя, конечно, начинать поиски помощи с автоматных очередей — не самая удачная мысль. Но кто знает, что пришлось испытать тем, кто выжил в

ядерной плавильне... Тринадцатый и сам не знал, как бы он поступал на их месте, доведись ему пройти через такое, и был уверен, что никто из голосовавших не смог бы ответить на этот вопрос, не покривив душой.

Скоро будет ясно, что на самом деле происходит на поверхности. Майор имел простой и чёткий приказ: разведка, оценка степени угрозы, по возможности уничтожение противника. Группу снарядили за два часа, что было очень быстро не только для людей гражданских. Горнолыжный термокостюм, стоивший до катастрофы маленькое состояние, конечно, не штурмовой комплект, и

не мимикрирующий фотохромный комбинезон, но лёгок, не стесняет движений, а греет и защищает от ветра даже лучше. Маскировку организовали просто, наскоро сшив широкие белые балахоны, оканчивающиеся внизу подобием штанин. Они, конечно, промокнут и будут доставлять неудобство, но выбирать не приходилось. Противогаз с широким обзорным стеклом и встроенной гарнитурой ближней связи защищал дыхательные пути и слизистые оболочки лица, но от жёсткого излучения спасти не мог. Вся надежда была только на антирадиационные препараты, передозировка которых ничем

хорошим не светила, так что времени терять не стоило.

До шлюза добрались без происшествий, и через несколько минут шлюзования группа ступила на поверхность. Пока научники суетливо устанавливали внутри и снаружи шлюза видеокамеры и подключали ретранслятор, Тринадцатый огляделся. Запасной грузовой выход находился от осаждённого пассажирского на удалении в пять километров, это расстояние планировалось преодолеть за три часа, учитывая лесисто-холмистый характер местности. Но всё вокруг изменилось до неузнаваемости. Судя

по часам, сейчас был почти полдень, но всё было погружено в полумрак. Небо едва светилось, затянутое мутной бурой мглой, словно кто-то смешал в одном стакане краски всех цветов радуги и выплеснул на небо получившуюся в результате тёмную грязную жижу. Миллионы тонн пыли, поднятые ввысь на десятки километров ядерными взрывами и дымами от пожаров тысяч городов и миллионов гектаров лесов, заслонили собою солнце на многие годы. Счётчики Гейгера зашкаливали, показывая смертельно опасный уровень излучения, а на месте красавицы Медвежьей, возвышаясь над землёй едва на пару десятков

метров, уродливо, словно гигантский гнойник, выпирал оплавленный, весь в застывших подтёках, каменный блин. Вокруг, насколько хватало взгляда, простиралась безжизненная пустыня, засыпанная землисто-серой смесью пепла и снега. Ядерный взрыв, уничтоживший сопку, был наземным и имел чудовищно огромную мощность. Похоже, по бункеру били сознательно.

— Мы закончили установку оборудования, шлюз закрыт, выполняется подпор давлением, — в наушнике зазвучал голос кого-то из научных спецов. — Можно идти.

Тринадцатый проверил связь с бункером. Ему ответил Старик,

контролирующий операцию из центра управления. Связь была неустойчивой и сильно засорённой помехами. По мере удаления от выхода помехи усиливались, обещая скорую потерю сигнала.

— Идти след в след, построение «Змейка» в колонну по одному, в ложбины и ямы не наступать. Дистанция между бойцами четыре метра, дистанция между подгруппами двадцать метров, — майор отдал команду и, прикинув направление на цель, повёл группу.

Стрелка компаса хаотично дергалась в разные стороны, магнитные и радиационные аномалии делали компас

бесполезным, и он шёл, полагаясь на опыт, руководствуясь выбранными в качестве ориентиров оплавленными остатками Медвежьей. Ещё в бункере он разбил бойцов на пять частей-подгрупп. Первым шёл головной дозор, и от впереди идущего зависело очень многое, поэтому эту тройку Тринадцатый возглавил сам. Далее шли ещё две тройки, потом пятёрка из учёных и охранников, пятая тройка являлась тыловым дозором. Снег местами доходил до колен, но поверхность под ногами была относительно ровная: давление в несколько миллионов атмосфер в совокупности с огромной температурой в миллионы градусов,

в доли секунд возникшие в эпицентре ядерного взрыва, гладко выбрило местность на километры вокруг, и идти было несложно. Майор, словно бульдозер, неумоимо пробивал дорогу, периодически нарушая тишину в эфире ближней связи для короткой лаконичной переклички. Спустя час было пройдено три километра, когда поднялся ветер. Идти стало труднее, и без того слабая видимость резко ухудшилась. Завихрения воздуха швыряли в идущих бойцов охапки грязного снега, пытаюсь залепить обзорные стёкла противогозов, били в грудь, заставляя замедлять шаг, заматали пробитую отрядом тропу,

противясь всякому присутствию следов человека на земле, которую он столь жестоко и безрассудно погубил. Ещё через полчаса впереди, на клубящейся в воздухе серой снежной пыли, заметались отблески света. Осаждённый выход был где-то в километре отсюда.

Тринадцатый отдал команду, и группа заняла круговую оборону, оставив учёных в центре получившегося кольца. Дальше пойдёт только головной дозор. Майор дал себе несколько минут передохнуть и двинулся на блики света. Понемногу ветер начал ослабевать и вдруг полностью пропал, так же внезапно, как

появился. Тринадцатый поднёс к стеклу противогаза бинокль. Метрах в трёхстах, вокруг горящей бочки, похоже, из-под мазута, плотно прижавшись друг к другу, сидело десятка четыре людей, практически не проявлявших никакой активности. Это казалось странным, учитывая ведущуюся подготовку к ядерному взрыву. Майор подал знак, и дозор перешёл на скрытное передвижение. Ползти по сорокасантиметровому снегу было невозможно, поэтому бойцы шли полуприсев, часто останавливаясь, чтобы не дать ногам устать. Когда до сидящих осталось около тридцати метров, Тринадцатый снова взглянул в бинокль. Вокруг

костра сидели дети. Грязные и закопчённые, сбившиеся в кучу. Кто-то спал, кто-то пустым безразличным взглядом смотрел на огонь, некоторые слабо шевелили губами, видимо, переговариваясь друг с другом. Из темноты вынырнула фигура взрослого, и пламя от костра осветило закутанного в целый ворох рваного тряпья сутулого старика. Майор проследил взглядом направление, откуда появился старик, и разглядел в полутьме крупные тёмные пятна. Похоже, техника.

Оставив людей наблюдать за лагерем, Тринадцатый двинулся к ней в обход костра. В двадцати

метрах от лагеря детей наполовину занесённые снегом стояли девять грузовиков, два из которых имели железные кунги и являлись армейской техникой. Деревянные кузова машин практически полностью были выломаны, судя по всему, на дрова, на один из грузовиков были погружены какие-то бочки. Оба кунга были нетронуты, и из дверной щели одного из них слабо пробивался свет. Возле последнего грузовика, метрах в тридцати, горел второй костёр, вокруг которого сидели и лежали взрослые, подобно старику, укутанные во что попало. Майор оглянулся. У первого костра старик с инъектором в руке ходил от

ребёнка к ребёнку.

Звук прогремевшего в двухстах метрах взрыва через гермошлем противогаза оказался тихим и нерезким. Тринадцатый мгновенно среагировал на вспышку, бросившись в снег и слившись с грузовиком. Теперь понятно, где находится осаждённый вход. Короткая вспышка взрыва, на секунду осветив местность, показала много интересного. У лагеря взрослых стоял часовой с автоматом наизготовку. Похоже, что сторожил он самих отдыхающих, вокруг машин охраны не было. За лагерем взрослых всё так же в тридцати метрах располагался точно такой же третий

лагерь, а вокруг осаждённого входа стояло два старых бронетранспортёра конца двадцатого века, БМП, бульдозер и с десятков грузовиков.

В этот момент на БТРах зажгли прожекторы. Видимо, их берегли от попадания случайных осколков, поэтому огни гасили на момент проведения взрывных работ; скорее всего, стекла прожекторов даже накрывали чем-то, уж очень близко к входу стояла техника. В ярком свете было хорошо видно, как из-за техники выходят укрывавшиеся за ней люди с лопатами, ломami, носилками, вёдрами и каким-то ещё инструментом, и двигаются к

развороченному холму, из которого торчат металлические конструкции шлюза. Несколько фигур с оружием создавало оцепление холма, и у майора вновь возникло подозрение, что охраняют не объект, а рабочую силу. Очень интересно. Нужен кто-то, испытывающий непреодолимое желание поделиться информацией. Надо посмотреть в кунгах.

Но всё произошло гораздо проще. Когда Тринадцатый был уже рядом с кунгом, стоящим в группе грузовиков и достаточно плохо заметным из любого лагеря, старик отделился от детского костра и пошёл навстречу спецназовцу, не поднимая головы и стараясь не

сбиться с занесённой недавним ветром тропы в глубокий снег. Майор достал нож, и, как только старик оказался рядом, аккуратно ткнул его рукоятью в затылок. Подхватив оседающего старика на руки, Тринадцатый забросил бессознательное тело на плечо и скрылся в темноте.

— От него фонит так, как будто он и есть эпицентр, — сообщил по ближней связи один из научных, склонившихся над стариком. — Сейчас придёт в сознание, — человек в серебряном скафандре поднёс к носу старика пластиковую

ампулу и раздавил её. Старик слабо застонал и, пошевелившись, открыл глаза. Поначалу пустой взгляд начал обретать ясность, внезапно его зрачки расширились.

— Засоображал, — усмехнулся Тринадцатый и на всякий случай показал старику нож. — Лежи спокойно и тихо отвечай на вопросы. Понятно?

Старик поспешно закивал.

— Где находится ядерный заряд? — искажённый мембранами противогаза голос звучал глухо и зловеще, от каждого вопроса старик вздрагивал.

— В крытом грузовике он, заперт. На пассажирской двери там

ручка выломана, приметная это машина, — на вид старику было лет шестьдесят, наверное, ровесник начальника службы охраны, усталый голос звучал слабо, но уверенно.

— Как охраняется?

— Во втором кунге медпрепараты хранятся, там постоянно дежурят двое солдат с автоматами, — старик закашлялся и продолжил: — А заряд просто заперт, всё равно никто не знает, как им пользоваться. Ядерную реакцию обычными методами не вызвать. Генерал говорит, что у него есть дистанционное управление, он его в БМП держит, всегда при себе, — старик снова зашёлся в кашле.

Снова, как всегда неожиданно, поднялся ветер и закрутил в воздухе грязную карусель. Старик съёжился и задрожал от холода. Тринадцатый отдал команду, и бойцы сомкнулись в кольцо, загораживая старика от ветра. Воспользовавшись паузой, тот спросил:

— Вы снизу, из бункера? — в его голосе неприкрыто звучала надежда.

— Из бункера. Кто такой генерал? — продолжил допрос майор.

Старик стёр облепивший лицо снег, неуклюже протёр глаза и ответил:

— Не знаю я точно. Когда первый взрыв ударил, в метро я был.

На Заельцовской, это у нас предпоследняя станция ветки, на другом конце города от аэропорта. В том районе-то и взорвалось в первый раз, да так сильно, что весь город сразу превратился в пылающие руины. Тогда все, кто успел, в метро укрылись. Да только потом по всему городу начали бить, туннели обрушились, выход обломками завалило наполовину. Поначалу выбирались наружу, копались в развалинах продуктового неподалёку. Да только многого там не найдёшь, от города одни камни остались, даже первых этажей не уцелело, и горит всё, в центре смерч огненный. Через несколько дней начала вода

поступать из разрушенных туннелей, и метро стало затапливать, за два дня всё залило. А наверху пожары не стихают, и радиация сильнейшая, решили из города срочно уходить, а куда? Ни еды, ни воды, снег грязный идёт, кожу нарывает. Всем, что по дороге из-под обломков магазинов достать смогли, и питались. За городом снежная пустыня, холодно, тёплой одежды нет, какое тряпье подобрать посчастливилось, в то и закутывались. Детки плакали, кушать хотели...

Старик снова закашлялся. На этот раз кашлял он долго, потом сплюнул на снег ржавый комок и отдышался:

— Ночью заметили в небе ракеты сигнальные. Пошли туда, там солдаты и техника, главный у них генералом Ладейником представился. Из военного командного пункта они, ракетчики. Бункер их разбомбило, Ладейник собрал всех, кто остался, погрузился на технику исправную и пошёл к городу. Неделю возле города стоял, ракеты в небо пускал, выживших ждал. У него и припасы, и медикаменты, и препараты антирадиационные. Объявил, что к «Подземстрою» идти надо, что, может, и не задело его вовсе. Дней двадцать сюда шли, компасы не работают, плутали, пару раз круга

давали, на свои же следы выходили. От города, почитай, три тысячи отходило, а до сопки меньше трёх сотен дошло, поумирали по дороге люди от облучения. Кому тут раньше бывать довелось, как увидели, что от сопки-то осталось, так и поняли, что прямо здесь рвануло. Паника началась, многие сперва бежать отсюда хотели, подальше от радиации, да только куда. Ладейник сказал, запасной вход искать надо, быстрее найдём, быстрее спасёмся, уходить всё одно некуда, а пока ищем, на антирадиационных уколах продержимся. Кто-то согласился, а кто-то нет. Несогласные собрались уходить, так генерал приказал им

вслед из БМП стрельнуть очередью из пушки. Раненых добили, а остальных поставили под автоматы и заставили копать. У него взрывчаткой один из грузовиков доверху гружёный, вот и начали холмы покрупнее взрывать, вход, стало быть, искать. А вчера неожиданно ваши ребята, земля им пухом, вышли к нам совсем с другой стороны.

Очередной приступ кашля сбил старика с ног и скрутил пополам. Один из учёных достал инъектор и сделал ему укол в шею. Спустя полминуты старика перестало трясти.

— Мы как увидели людей в скафандрах, так и обрадовались,

думали, всё, дождались. Старший ваш сказал, что надо доложить начальству, чтобы бункер подготовить к нашему приёму, обеспечить медицинскую помощь, отдельные герметичные помещения, чтобы во всём бункере стерильность не нарушить. Говорил, надо собрать и установить какую-то станцию связи, что они с собой принесли, тогда можно прямо отсюда с начальством связаться. Ладейник согласился, взял солдат и помогать пошёл. Дошёл с вашими до станции и убил всех. Потом сказал, что враньё это всё, не пустят нас в бункер, если бы хотели, то сразу впустили. Надо захватывать бункер, а если не получится, то у

него есть ядерный заряд, жить захотят, быстро откроют. Переодел добровольцев в скафандры и отправил вниз. Солдат-то у него совсем мало осталось, человек тридцать всего, из бронетранспортёров почти не вылезают. Бункер так и не открыли, назад никто не вернулся. Ладейник объявил их предателями и приказал вскрыть шахту и сбросить туда ядерный заряд, говорит, если не откроют, пока вскрываем, то нам всё одно скоро умирать, так и весь бункер с собою прихватим. Да только шлюз больно крепкий оказался, едва первые ворота продырявили, а внутри ещё одни оказались. Нервы у

людей сдают, Ладейник совсем озверел, и часа не проходит, чтобы кого-то не расстрелял, — старик выдохся и замолчал, пытаясь восстановить дыхание. Ветер стих, и было видно, как от старика шёл пар, пробиваясь через витки намотанного на шею тряпья. Транквилизатор делал своё дело.

Старик глубоко вздохнул и, набравшись храбрости, посмотрел Тринадцатому в глаза:

— Сынок, я всё понимаю. У ребят ваших вчерашних глаза были добрые, они помочь нам хотели искренне, врал генерал, гореть ему вечным пламенем, — старик не выдержал и опустил взгляд. — У тебя

глаза не такие, страшно мне смотреть в них. Ясно, зачем пришёл. Я всё покажу, только деток с собой заберите, пропадут ведь, совсем худо им, — старик поник и осел на грязный снег.

Грузовик со взрывчаткой стоял отдельно от костров и другой техники, на удалении ста метров от осаждённого шлюза. Неподалёку урчал двигателем БТР охраны, направив на машину включенный прожектор. Вооружённые люди на руках перетаскивали плоские прямоугольные деревянные коробки от грузовика к шлюзу. Похоже,

тротил, стандартные
двадцатипятикилограммовые ящики
с шашками.

Тринадцатый опустил бинокль.
Двенадцать бойцов, неразличимые в
полумраке, рассыпавшись веером,
лежали в грязном снегу в двадцати
метрах от машин, ожидая команды.
Вскоре цепочка несущих взрывчатку
людей исчезла в темноте, и
наблюдатель, высовывавшийся по
пояс из люка БТР, немедленно
скрылся внутри, лязгнув крышкой.
Майор решил подождать ещё
немного. Минут через пять, уже не
удивляя своей внезапностью,
поднялся ветер, и вокруг завьюжило
бурым снегом. Вот теперь пора.

Тринадцатый коротко взмахнул, и пара бойцов, пригибаясь, устремилась за ним, подходя к бронетранспортёру с тыла. Оставив обоих бойцов около люков десантного отделения, майор, обходя смотровые триплексы, забрался на броню рядом с прожектором. Взявшись покрепче, он резко развернул прожектор так, что тот стал светить куда-то вниз и вбок. Тринадцатый достал нож и бесшумно отступил за пулемётную башню. Лязгнул замок, и в открывшемся люке показалась голова наблюдателя в армейской шапке-ушанке с опущенными вниз ушами. Наблюдатель, даже не обернувшись,

выругался и полез на броню, неуклюже скользя руками по засыпанному снегом железу. Майор скользнул к спине возящегося с прожектором солдата и, аккуратно приподняв свободной рукой ушанку, нанёс короткий мощный удар ножом в шею. Направленное под нужным углом лезвие в одно движение перерезало сонную артерию и пробило трахею, наблюдатель захрипел, обливаясь кровью и пытаясь обхватить ладонями рану, рухнул на броню и скатился в снег.

— Какого хрена ты там делаешь? — донёсся из бронетранспортёра недовольный хриплый голос. — Чего возишься,

руки отсохли, что ли?

Как только, громыхнув замком, крышка люка механика-водителя поползла вверх, Тринадцатый одним прыжком оказался рядом. Водитель высунул голову, собираясь осмотреться, и в этот момент клинок вошёл ему в глазницу по самую рукоять. Не теряя времени, майор ухватился за воротник армейского полушубка и, рывком выдернув тело из люка, сбросил на землю. После чего быстро вернул прожектор в первоначальное положение и замер между открытыми люками. Но ничего не происходило. Подождав ещё немного, Тринадцатый включил фонарик и осторожно заглянул в люк

так, чтобы в случае опасности ослепить противника светом и выиграть пару секунд. Третий член экипажа спал, укрывшись плащ-палаткой с головой. Майор скользнул в люк. Спать на посту нехорошо. А в боевых условиях — тем более. От этого могут быть различные мелкие и немного неприятные неожиданности. Например, у тебя могут украсть плащ-палатку. Или ты можешь так и не проснуться. В этот раз у нерадивого часового приключились обе неприятности сразу.

Больше в БТР никого не было, десантное отделение пустовало, и Тринадцатый, спрыгнув с брони,

коротко скомандовал в эфир:

— Начали.

Почти половина бойцов группы, как выяснилось, имела боевой опыт вождения БТР, было даже два танкиста, поэтому экипаж из трёх человек для трофейной брони сформировали мгновенно. Пока майор обговаривал с ними детали, бойцы вытаскивали из грузовика ящики с тротилом и исчезали в темноте.

— Грузовик не заводится, — прозвучал в наушнике доклад.

Тринадцатый повернулся к командиру экипажа и усмехнулся.

— Тогда план «Б». Цепляй.

Командир коротко кивнул, и

экипаж скрылся в БТР. Стальная коробка развернулась и задним ходом сдала к грузовику. Спустя две минуты слегка опустошённый склад на колёсах утащили во мрак.

В отличие от склада взрывчатки, стоянка грузовиков не охранялась. Майор, бесплотной тенью скользя от машины к машине, осмотрел их всех. Грузовики с открытыми кузовами, видимо, заводить уже не планировалось, топливо было слито, а деревянные и резиновые части пошли на дрова. В нетронутom состоянии оставались только оба кунга, в одном из которых, согласно рассказу пленного старика, находился ядерный заряд, в другом —

склад медикаментов, в котором постоянно дежурили двое солдат. Старик не обманул, первый кунг действительно стоял запертый и безлюдный, а из крыши второго слегка торчала небольшая жестяная труба походной печки, над которой в грязной круговерти снежных хлопьев метался, разрываемый порывами ветра, чёрный дым. Четвёрка бойцов в белых балахонах тихо окружила кунг.

— Четвёртый, как у вас? — вышел в эфир Тринадцатый.

— Думаю, заведём, — откликнулся старший подгруппы, отправленной заниматься грузовиком с зарядом. — Движок в порядке, ещё

немного.

Из темноты со стороны докладывающего раздалось чихание мотора, сменившееся дребезжащим тарахтением холодного двигателя.

— Порядок, — деловито сообщил Четвёртый.

Дверь кунга заскрипела и отворилась, и на пороге в прямоугольнике света возникла фигура в расстёгнутом армейском полушубке.

— Эй, куда собрались, почему без предупреждения? — солдат секунду пытался взглядеться в темноту, но ничего не увидел и спрыгнул на землю.

Майор отвёл для замаха руку и

резко нанёс мощный удар ножом в солнечное сплетение. Мгновенный нервный спазм заставил лёгкие врага сократиться, выдавливая весь кислород. Противник беззвучно осел на снег, хватая ртом воздух, но вдохнуть он так и не успел. Тринадцатый аккуратно вытер лезвие о рукав убитого, чтобы не дать стекающей крови сделать рукоять скользкой, после чего свободной рукой взялся за поручень и одним прыжком оказался внутри кунга. Сидевший перед «буржуйкой» на ящике солдат, увидев перед собой странную фигуру, на мгновение опешил и, спохватившись, схватил лежащий рядом автомат. Но было уже

поздно. Майор преодолел разделяющие их два метра одним движением. Клинок ножа полоснул по кисти руки, хватающей автомат, не останавливаясь, описал дугу и вонзился в горло. Тринадцатый увернулся от брызнувшей крови, пропустив мимо себя падающее тело. Заглянувший в дверь боец в белом вопросительно приподнял голову. Майор кивнул:

— Минируй.

Медицинский грузовик завелся сразу. Это сильно упрощало дело — разрабатывая план, Тринадцатый серьёзно сомневался в том, что машины будут на ходу. Теперь можно действовать быстрее, ветер мог

стихнуть в любую секунду, и тогда видимость улучшится.

Оба кунга, не включая огней, тихо сдали назад, отъезжая от костров всё дальше.

— Тринадцатый, я — «Коробочка», приём, — сквозь шипение помех пробился командир экипажа БТР.

— На связи.

— Грузовик оттащили метров на пятьсот и заминировали. Отошёл от него на предел видимости, жду указаний.

— Постарайся подпустить вплотную, взрывай только наверняка и сразу к нам. Как принял меня?

— Принял тебя хорошо.

Выполняю, — подтвердили с БТР.

Тринадцатый через бинокль смотрел в направлении осаждённого шлюза, но практически сплошная стена бурого снега не позволяла увидеть ничего дальше пяти метров. Из-за снежной завесы вынырнул Четвёртый и доложил:

— Кунги отогнали насколько смогли, снег глубокий, местами ямы, в результате застряли оба, но метров на триста всё же укатились. Колея широкая, видна хорошо, но если ветер не перестанет, через полчаса заметёт. В каждую колею положили по ящичку тротила и шесть возле грузовика, что около костра, где раньше детишки грелись, как ты

сказал.

— Жаль, наши учёные мужи сообразили нам только четыре радиовзрывателя, — пожалел майор, — ещё пару ловушек не помешало бы. От подгруппы научных ничего?

— Пока молчат.

Со стороны шлюза вспыхнуло, и сквозь мембраны противогаса глухо донёсся звук взрыва. Тринадцатый посмотрел на Четвёртого:

— Пора. Скоро пойдут за новой партией тротила и хватятся грузовика.

Четвёртый кивнул и нырнул обратно в снежную круговерть.

Тринадцатый вышел в эфир

ближней связи и скомандовал:

— Внимание! Готовность три минуты. «Коробочке» начинать самостоятельно по ситуации. Подгруппам минирования ждать моего сигнала. Без команды не стрелять, в бой не вступать, в случае вынужденной перестрелки действовать парами, как учил. После подрывов отходить к кунгам и занимать круговую оборону. Первая подгруппа со мной. Как принято?

Командиры подгрупп подтвердили приём, и эфир замолчал. Тринадцатый лежал наполовину засыпанный снегом и привычно отсчитывал время. Ветер стих, уже не удивляя своей

внезапностью, и в сумрачной тишине потекли секунды.

Через одиннадцать минут со стороны, где когда-то располагался склад взрывчатки, донеслась автоматная очередь, и в небо взвилась сигнальная ракета.

Майор протёр лицевой щиток и поднёс к глазам бинокль. Далековато. От шлюза к месту событий, ревя мотором, пронёсся БТР и начал шарить прожектором вокруг. Стало видно, как сидевшие на броне люди озираются вокруг и запускают в небо осветительные ракеты. Один из них влез на пулемётную башню. Какой ты у нас догадливый. А ты подпрыгни, повыше станет, вдруг увидишь чего.

Ещё, говорят, помогает газетку под ноги постелить, тоже обзор улучшается. Кто-то из бегающих вокруг бронетранспортёра людей замахал руками, и все устремились к нему. Ну, наконец-то, вот он, острый глаз, а то я уже начал переживать, думал, никто не заметит. Тем временем толпящиеся в одном месте люди, придя к решению, полезли на броню, и БТР, взревев двигателем, устремился вперёд, свирепо вращая прожектором.

— «Коробочка», я —
Тринадцатый. Бэтээр нашёл колею,
идёт к тебе.

— Принято, — лаконично
отозвался командир экипажа.

Через минуту на месте едва виднеющегося пятна света от прожектора вражеской машины прогремел оглушительный взрыв, от звука которогоаложило уши даже в противогазе. Несколько тонн тротила взлетело на воздух. Ослепительная вспышка больно резанула по глазам, и земля подпрыгнула, сбивая людей с ног. Тринадцатый сглотнул пару раз, восстанавливая слышимость. В наушнике зашипело:

— Я — «Коробочка». Порядок. Хотели брать на буксир. Долбануло так, что даже мы подпрыгнули. Там воронка метров пятьдесят. У нас тут настоящий камнепад. Идём к вам. Приём.

— Принял тебя. Иди на радиомаяк, свет не включай. Увидишь кунги, прячься за них и жди команды. Четвёртый, включай маячок. Как приняли меня?

— Я — «Коробочка», принято.

— Я — Четвёртый, принято.

Майор снова приник к биноклю. Сейчас начнётся. От шлюза к месту взрыва двигалась целая колонна: БТР, БМП, бульдозер и три грузовика с тентами. Наверняка в машинах вооружённые сторонники генерала, подневольных с собой брать бы он не стал. Значит, они остались около шлюза, причём под минимальной охраной. Сейчас бы наведаться туда, да жаль, времени нет. Тем временем

колонна достигла места взрыва и остановилась, шаря лучами прожекторов по воронке и вокруг неё. И как, много чего разглядел? Тринадцатый представил, как, должно быть, огорчился Ладейник. Да, видимо, сегодня не твой день. Ну что ж ты так, в самом деле. Надо было подготовиться получше, я не знаю, с гороскопом свериться, что ли. Связаться с астральной плоскостью. Или ментальной окружностью. Одним словом, тебе нужна ещё взрывчатка. Кстати о взрывчатке. Сейчас ты расстроишься и решишь взорвать ядерный заряд прямо в раскуроченном шлюзе. Между нами, заряд-то у тебя не

очень. Где ты его взял? В музее РВСН? Ладно, не бойся, я почти никому не расскажу.

Колонна пришла в движение, направляясь к лагерю. От Тринадцатого до него было метров сто, но хаотично мельтешащие лучи прожекторов с двигающейся техники позволяли довольно неплохо наблюдать за происходящим. Пропажу обнаружили, и из грузовиков начали выскакивать вооружённые люди. У костров зазвучали отдельные выстрелы, было видно, как обыскивают упавших. Видимо, генерал нашёл виноватых. На этот раз следы обнаружили быстро, тут же была организована

погоня. Майор нахмурился. Первым из преследователей шёл БТР с десантом на броне. Жаль. Я именно так и думал. Не захотел brave генерал Ладейник быть впереди на лихом коне.

— Я — Тринадцатый. Четвёртый, к тебе гости. Головная машина — бэтээр, идёт прямо по колее. Повторяю, в бой не вступать, сразу же отходить к кунгам. Как принял?

БТР поравнялся с майором. Их разделяло около пятидесяти метров, и Тринадцатый насчитал десяток человек десанта на броне. За бронетранспортёром шёл БМП, затем грузовики. Выходило, что пехоты у

генерала не меньше сотни.

— Принял тебя хорошо, — откликнулся Четвёртый.

Было хорошо видно, как в момент взрыва морда бронетранспортёра подпрыгнула и сдетонировал боекомплект. В разные стороны полетели оторванные колёса, пулемётная башня и сидевшие на броне десантники.

— Я — Четвёртый, есть подрыв, — прозвучал доклад.

— Я — Тринадцатый. «Коробочка», рви к лагерю, к разобраным машинам, проходи мимо бээмпэ на предельной, работай по грузовикам, бээмпэ обходит подорванный бэтээр справа от тебя.

Как принял?

— Я — «Коробочка». Принял тебя хорошо, работаю.

БМП, приблизившись к горящему бронетранспортёру, сошла с колеи влево по направлению движения и, не доезжая до него, остановилась. Застучал пулемёт, посылая раскалённый свинец в темноту наугад. Лучи прожекторов осветили стоящие вдали кунги, и огонь прекратился. Генерал не хотел повредить содержимое похищенных машин, но продолжить движение не решался. Подошли грузовики, и началась выгрузка пехоты. Со стороны кунгов раздался одиночный выстрел, и прожектор БМП, жалобно

звякнув разбитым стеклом, погас. Тут же последовало ещё несколько выстрелов, и БМП осталась без источников света, после чего невидимые стрелки принялись за включенные фары грузовиков. Среди выгружающихся началась неразбериха, люди открыли огонь в разные стороны, стреляя в темноту наугад. Внезапно из темноты, слепя преследователей, ударил прожектор и, рыча двигателем, показалась «Коробочка». БМП завращал башней, но наведению на цель мешал подорванный БТР, перекрывавший линию огня. Крупнокалиберный пулемёт коробочки дал пару коротких очередей, и замыкающий

колонну грузовик взлетел на воздух. Послышались крики раненых, началась паника.

Тринадцатый улыбнулся: экипаж своё дело знал. Когда БМП, взревев, развернулась вслед неожиданному противнику, горели уже все три машины, и «Коробочки» не было видно за пылающими грузовиками. Пора было заканчивать. Тринадцатый привстал на колено и навёл бинокль на лагерь разобранных машин. Там шла игра в кошки-мышки. «Коробочка» сновала вокруг стоянки грузовиков, прячась за ними от автоматической пушки БМП генерала, который вёл огонь, не обращая внимания на свой лагерь, но

поразить ненавистную цель пока не мог. Орудийные снаряды разворотили несколько грузовиков, начался пожар, и всполохи пламени в ночи ещё сильнее осложняли задачу безумному генералу, оставшемуся без световых приборов.

— Тринадцатый, я — «Коробочка». Мы так долго не продержимся, — затрещал эфир голосом командира экипажа, — как принял меня?

— Принимаю тебя хорошо. Затащи его в пространство между крайней машиной и костром детского лагеря, точно на линию между горящей бочкой и задним бампером. И сразу уходи оттуда. Как

принял?

— Принял тебя. Сделаем.

«Коробочка» рванула к костру детского лагеря и остановилась, подманивая БМП. В зареве пожара было видно, как в разные стороны от лагеря в панике бегут люди. Из клубов дыма показалась кабина бульдозера, пытающегося перекрыть бронетранспортёру дорогу. Тринадцатый, не вставая с колена, поднял автомат и посадил на пенёк мушки голову тракториста. Если убить, то бульдозер какое-то время будет продолжать движение и врежется в горящие грузовики. И ещё сторит, чего доброго. А ведь вещь в хозяйстве необходимая. Мысленно

хихикнув, майор чуть опустил прицел и плавно нажал на спуск. Автомат презрительно плюнул огнём, и незадачливый тракторист схватился за плечо. Но здравая мысль так и не шла в его голову. Вторая пуля, ужалившая неуёмного механизатора практически в то же место, здорово подхлестнула мозговую активность. Бульдозер остановился, и вывалившийся из кабины человек скрылся в сумерках.

БМП на высокой скорости обогнула остановившийся бульдозер и выскочила в тыл коробочке. Та, взревев двигателем, рванула с места в пространство между детским костром и горящим грузовиком.

Рывкнула автоматическая пушка, но стрелку явно было далеко до уровня подготовки экипажа трофейного бронетранспортёра. Снаряды легли туда, где БТР уже не было, вспахав костёр и подняв в воздух клубы грязного снега вперемешку со снопами пламени и искр. «Коробочка» снова прикрылась грузовиком и остановилась, светя прожектором назад, в сторону генерала. Тринадцатый достал маленькую трубочку пульта управления радиодетонатором и, сняв защитный колпачок, положил палец на кнопку. «Коробочка» резко прыгнула вперёд, огибая пожар, и помчалась, набирая скорость. Сзади

показалась БМП генерала. Боевая машина остановилась рядом с горящим грузовиком, около которого подгруппа Четвёртого заложила стапятидесяти килограммовый фугас. Орудийная башня БМП хищно потянула пушечным стволом вслед удаляющейся коробочке, и майор нажал на кнопку. Вспышка взрыва разорвала мрак, и всё погрузилось во тьму.

Резкий запах зацепил ноздри, в горле запершило. В голове сотни маленьких молоточков дружно колотили по мозгам, видимо, пытаясь разгладить извилины. Глаза

открывать не хотелось, но едкий запах не прекращался, и с этим надо было разобраться. Тринадцатый разлепил веки. Мутная пелена перед глазами не желала пропадать, в ушах стоял звон, сквозь который пробивался глухой шум. И этот шум раздражал. Майор попытался игнорировать надоедливый звук, но он только усиливался и нагло лез в правое ухо.

— ...себя чувствуете? Вы меня слышите? — нахальный звук не желал оставлять майора в покое.

Кто-то очень маленький и противный ужалил его в бедро и убежал. Молоточки в голове, судя по всему, боялись жалящих насекомых и

начали разбегаться, пелена перед глазами обрела резкость и оказалась обзорным стеклом противогаза, за которым маячило лицо в серебряном гермошлеме скафандра радиационной защиты.

— Вы меня слышите? — повторил владелец лица.

Звон в ушах уменьшился, и наушник донёс смысл вопроса до Тринадцатого.

— Слышу, — майор сидел на снегу, поддерживаемый бойцами. Над ним склонились оба научных сотрудника, приданных его группе, один держал в руке инъектор. — Что произошло?

— Не знаю, что там было ещё у

генерала в бээмпэ, наверное, тоже взрывчатку хранил, — Тринадцатый узнал голос Четвёртого. — Только после подрыва фугаса его броня рванула так, что сейчас на том месте воронка чуть меньше той, что осталась от грузовика с тротилом. Минут пять шёл дождь из камней, земли и обломков техники.

— Потери? — к майору
вернулось ясность мышления.

— В первой подгруппе кроме тебя оба «двухсотые». Погибли в момент взрыва. Остальные в порядке. Около кунгов поначалу туго пришлось, но «Коробочка» вовремя подоспела, выручила.

Транквилизатор возымел

эффект, боль ушла, сменившись лёгкостью движений. Тринадцатый встал. Вокруг него столпились бойцы группы, рядом стояла трофейная «Коробочка». Майор посмотрел на научных:

— Как дети, что передали из бункера?

Один из серебряных скафандров поспешно заговорил:

— Дети уже в бункере, ими медики занимаются. Совет говорит, что можно взять с собой всех, кто не проявляет агрессии, но директор по медицине считает, что шансов мало, они все тут слишком долго находятся и имеют высокую передозировку антирада, скорее всего, никого

спасти не удастся, поэтому он не рекомендует задерживаться здесь слишком долго, — научник перевёл дух и добавил: — Нам тоже надо торопиться, три часа осталось всего до окончания действия препаратов.

Тринадцатый посмотрел вокруг. Ветра не было, но несмотря на это, видимость ухудшилась. Там, высоко в небе, за многокилометровым слоем пыли начинался вечер, и невидимое больше с истёрзанной человеческой глупостью земли солнце неспешно тянулось к западу.

— Экипажу к машине. Проводим зачистку. Четвёртая подгруппа на броню, учёных в десантное отделение. Всех

выживших собирать около костра. Четвёртый, займись бульдозером, он должен быть на ходу. Остальные подгруппы — в цепь, дистанция пять метров, прочесать всё от кунгов до лагеря, собирать оружие и особенно боеприпасы, всё складывать в десантное отделение. Если сейчас не собрать, снег пройдёт, никогда уже не найдём. Вперёд марш!

Группа принялась за работу, и майор полез на броню.

Сопротивления никто не оказывал. БТР зашёл в центр пустого лагеря и остановился недалеко от единственного уцелевшего костра.

Луч прожектора направили вертикально вверх, чтобы было видно издалека. Бойцы рассредоточились вокруг «Коробочки». На свет прожектора начали выходить люди. Измученные, замёрзшие, голодные, потерявшие надежду, закутанные в грязное рваное тряпье, обитатели лагеря обречённо брели к костру.

— Бульдозер в полном порядке, и соляры полбака, — доложил Четвёртый.

— Принял тебя. Разворачивай в сторону дома, будешь дорогу пробивать, тут люди еле на ногах стоят, а идти придётся быстро, — Тринадцатый окинул взглядом

старающуюся держаться поближе к пламени костра толпу.

Спустя час поднялся ветер, и дальнейший сбор трофеев потерял смысл. Майор отозвал своих людей в лагерь и подвёл итоги. Собралось человек восемьдесят мужчин и женщин, людской поток иссяк, больше на свет никто не выходил. Собравшиеся люди жались к огню и испуганно косились на вооружённых бойцов в противогазах, придававших им ещё более жуткий вид. Тринадцатый выждал ещё десять минут и отдал команду двигаться к бункеру. Бойцы начали выстраивать колонну. В голове шёл бульдозер, пробивая дорогу, за ним люди,

замыкал шествие БТР. По расчищенному пути люди шли довольно быстро, и через час прожектор бульдозера упёрся в знакомый холм. Створы полузасыпанных грязным снегом ворот приветственно сверкнули металлическим блеском в свете прожектора, и в ответ на запрос в эфире зазвучал надтреснутый от волнения голос начальника службы охраны:

— Рад слышать тебя, сынок. Я знал, что не подведёшь старика. Ты, я погляжу, никак прихватил с собой что?

— Задание выполнено. Имею с собой восемьдесят выживших и две

единицы техники. За один раз все не поместимся, так что встречайте людей первым рейсом, — майор смотрел, как опускается мощная плита ворот, открывая вход в шлюз, и впервые почувствовал бункер домом. А как приятно иногда бывает вернуться домой...

Когда лифтовая платформа остановилась и двери лифта поползли в стороны, Тринадцатый, привычно устроившийся на традиционно считающемся командирским месте возле пулемётной башни, увидел знакомый матовый блеск герметичного пузыря.

Директор по медицине сидел в своём кабинете и читал сводку лечащей группы. Седой профессор был мрачен, словно грозовая туча. Дела в карантинном подуровне шли из рук вон плохо.

— Иван Николаевич, к вам Артём Валерьевич и Лев Ильич, — возвестил коммуникатор голосом секретаря.

Профессор поднялся навстречу входящим и, обмениваясь рукопожатиями, предложил:

— Присаживайтесь, господа.

Стоящая в дверях секретарь вежливо осведомилась:

— Желаете что-нибудь? Чай, кофе?

— Двойной эспрессо, — исполнительный придвинул кресло к столу.

— А мне чайку, дочка, да покрепче, — сделал заказ директор по науке.

— Иван Николаевич, вам как обычно?

Профессор лишь махнул рукой, и секретарь выскользнула за дверь. Директор по науке также не выглядел весёлым:

— Что у тебя, Иван Николаевич? Третьи сутки не спишь уже, —

академик, как всегда, держал в руках рабочую папку, с которой никогда не расставался. Вот и сейчас из неё в разные стороны торчал ворох различных распечаток. — Вот, решили навестить тебя в твоей берлоге.

Главный медик нахмурился:

— Поспишь тут. Ребята наши с поверхности привели сто четырнадцать человек, из них тридцать шесть детей. Состояние критическое, все пациенты получили радиоактивное поражение за 600 бэр, в том числе большая часть — свыше 1000 бэр. Только за первые сутки умерло тридцать два пациента взрослой группы и девять детей.

Процесс гибели клеток спинного мозга остановить не удаётся, сильная передозировка антирада привела к отторжению костномозговых трансплантатов и вызвала серьёзные изменения в биохимическом составе крови, усугублённые остро развивающейся лейкемией. За вторые сутки скончался ещё двадцать один взрослый и двенадцать детей. Далее не лучше, каждые новые сутки приносят новые смерти, к исходу недели осталось всего лишь девятнадцать пациентов, — голос профессора звучал тихо, усталые глаза печально смотрели на стопки кардиограмм, сводок, результатов исследований и анализов. Он извлёк

из кучи бумаг лист с распечаткой и ткнул им в сторону собеседников: — Вот самые свежие прогнозы. Вероятность спасти хотя бы кого-нибудь — один и шесть десятых процента. Лечащая группа работает круглосуточно, в четыре состава, но мы ничего не можем сделать, чтобы переломить отрицательную динамику.

Вошла секретарша с дымящимися на подносе чашками. По кабинету разлился тягучий аромат кофе.

— А в каком состоянии наши сотрудники? — академик держал чашку двумя руками, словно хотел согреть таким способом руки. Было

совершенно не понятно, как он не обжигается.

— У них тоже плохи дела, — сокрушённо покачал седой головой профессор, — мы для удобства называем эту группу внешней. Те двое, что были в антирадиационных скафандрах, будут полностью здоровы через три-четыре недели. Но вот остальные... их спасти не удаётся. Что там творится наверху, если антирад лишь отсрочил летальный исход, можно только догадываться, но у них теперь даже кости излучают, — главный медик вздохнул и с грустью добавил: — Мы делаем всё, что в наших силах, но известные технологии и методики

лечения в состоянии лишь ненадолго продлить им жизнь. Через два с небольшим месяца необратимые процессы достигнут критической точки, и люди погибнут. Сотрудники внешней группы обречены. За наше спасение они заплатили собственными жизнями, — профессор резко поднял голову: — Но так просто я не сдамся, — его глаза пылали, лучше слов доказывая решимость учёного. — У нас здесь имеется двадцать анабиозных камер, больше, чем достаточно. Я погружу их в абсолютный анабиоз. Уже сформирована аналитическая группа, чьей задачей является изучение и разработка методик

борьбы с лучевой болезнью и её последствиями. Я сам возглавляю исследования. Будем размораживать ребят только на время необходимых процедур, это позволит нам выиграть время, возможно, нам ещё удастся найти способ их спасти, — главный медик потянулся за своей кружкой и спокойным голосом закончил: — Я не позволю просто так списать людей, спасших нас от последней в этой войне бомбы, едва не ставшей для всех последней в буквальном смысле.

Управляющий директор и директор по науке переглянулись.

— Вот о бомбе мы и пришли поговорить с тобой, Иван

Николаевич, — издалека начал
Управляющий.

Тринадцатый снова лежал на
больничной кровати, словно и не
покидал медицинский уровень вовсе.
На этот раз болеть было гораздо
веселее, весь личный состав группы,
выходившей на поверхность,
располагался на соседних койках.
Медики отвели под них целый
подуровень. Тщательно
изолированный от внутренней среды
бункера, он представлял собой
герметичную спайку двух блоков,
жилого и лечебного. Небольшой
жилой блок состоял из спального

помещения, маленькой столовой, санузлов, комнаты отдыха, использовавшейся в основном для встреч с посетителями, и даже имел небольшой спортзал, в котором по настойчивым просьбам майора установили боевой тренажёр, принесённый из штатного спортзала службы охраны. Говорили, что старик лично распорядился отдать единственный экземпляр, узнав о необычной просьбе Тринадцатого. Да и ни к чему он теперь. Обитатели бункера, пережившие разрушение цивилизации и гибель миллиардов людей, потерявшие близких, навсегда расставшиеся с прежним привычным образом жизни, ещё недавно

подвергавшиеся угрозе уничтожения
безумным генералом всего того
немного, что позволяло им выживать,
слишком устали от насилия.
Заходившие проводить товарищей
коллеги по службе рассказывали, что
в бункере практически не возникает
конфликтных ситуаций, а те
немногие, что изредка имеют место,
разрешаются даже без повышения
голоса. Вместо силовых дисциплин
основное место в подготовке
сотрудников охраны заняли
воспитательно-психологические, и
боевой тренажёр был обречен
покрываться толстым слоем пыли в
дальнем углу кого-нибудь
технического помещения. Здесь же

ему был всегда рад как минимум один человек. На этот раз врачи не накладывали на тренировки никаких ограничений, и майор подолгу не выходил из спортзала снимая таким образом неприятный осадок, остающийся от лечебных мероприятий.

Сами медицинские процедуры по сравнению с предыдущим лечением стали гораздо продолжительнее и сложнее. В отличие от жилого, медицинский блок демонстрировал самый серьёзный подход к делу. Помещения биорегенераторов, вибро— и барокамер, различных диагностических и лечебных

устройств и приборов занимали вдвое большую площадь. В последние три дня к ним добавили ещё один отсек, в котором уже заканчивалась наладка и калибровка анабиозных камер. Глядя на всё это, бойцы улыбались и не упускали возможности отпустить в адрес медиков пару-другую шуток. Сильные и крепкие мужики чувствовали себя превосходно. Правда, временами то у одного, то у другого случалось лёгкое недомогание или головокружение, но за исключением этих мелочей всё было в полном порядке, и люди рвались покинуть порядком надоевший всем за неделю

карантинный подуровень. Сами медики, не снимавшие лёгких, ослепительно белых стерильных скафандров, реагировали на подначки с улыбками, на все вопросы отвечали уклончиво, ссылаясь на неисповедимые пути начальства, и во всём проявляли прямо-таки стоическое терпение, в особенности по отношению к повальным нарушениям режима посещений.

Проходящих лечение бойцов, вернувшихся с поверхности, медики окрестили Внешней группой; название быстро прижилось, и теперь на их больничных одеждах помимо стандартных нашивок с фамилией пациента красовались

нашивки с надписью «Внешняя группа». Сотрудники Внешней группы вернулись в бункер героями, и не только родственники, но и множество совершенно незнакомых людей в свободное от смен время заходили навестить и поддержать рискнувших своими жизнями ради спасения всех. Особенно часто приходили дети, воспитатели приводили их небольшими группами, и тогда в комнате встреч не смолкал разноголосый детский гвалт.

Помещение для встреч представляло собой просторный отсек, разделённый посередине прозрачной герметичной стеной, по одну сторону которой располагались

посетители, по другую — больные. По всей протяжённости стены была установлена система микрофонов и динамиков, создающая эффект присутствия внутри перегородки людей, находящихся за ней. Любознательная детвора требовала рассказов о событиях, произошедших на поверхности, снова и снова заставляя очередного героя повторять специально придуманную для детей бескровную версию событий, в результате чего любимой детской игрой стала игра «во Внешнюю группу». Часто дети приносили свои рисунки и прикрепляли их на прозрачную стену комнаты встреч. Глядя на старательно выведенные

нетвёрдой детской рукой неуклюжие
фигурки сотрудников Внешней
группы, прогоняющих коварного
злодея или ведущих за собой сквозь
холод, тьму и ветер спасённых
людей, бывалые бойцы не
чувствовали себя забытыми и
одинокими, что исключало
психологические осложнения,
поэтому подобные контакты
всячески приветствовались
лечащими специалистами.

— Это же изощрённое,
медленное убийство! — продолжал
буйствовать директор по медицине.
От накала эмоций сухонький

профессор выскочил из огромного кресла и с быстротой, поразительной для своего возраста, перемещался вдоль стола от одной стены кабинета до другой. — Вы хотите сократить обречённым людям и без того короткий остаток жизни! Чудовищно! Невероятно!

Исполнительный устало вздохнул:

— Да поймите же, Иван Николаевич, никто, кроме сотрудников Внешней группы, не сможет провести эту операцию с наименьшим риском. Они имеют опыт работы в экстремальных условиях, смогут успешно противостоять опасности, если

таковая возникнет, у них есть необходимые навыки работы с техникой, они знакомы с местностью, в конце концов, только они знают, где именно находится ядерный заряд.

Директор по науке провожал взглядом мельтешащую фигуру профессора, от чего у него начала кружиться голова.

— Ядерный заряд оставлять на поверхности нельзя. Ни в коем случае. Совершенно непредсказуемо, к чему это может привести. Никто не знает, что будет через пять, десять, или более лет, — академик терпеливо излагал аргументы. Вот уже второй час они с Управляющим

пытались убедить главного медика в необходимости организации экспедиции на поверхность. — Кроме того, приборы фиксируют увеличение ионизации воздуха в шахте побывавшего в осаде лифта на три десятитысячных процента, а это означает, что герметичность шлюза нарушена. Нет ни необходимости, ни возможности сейчас проводить поиск и устранение разгерметизации, надо принимать оперативные меры, и в наших силах забетонировать шлюзовую камеру наверху, причём мы можем сделать это достаточно быстро. И наконец, Внешние знают, где находится похищенная РЛС, мы сможем

задействовать её для попыток связи с другими выжившими, как и планировалось нами ранее. Плюс установка приборов для изучения внешней среды. Нам необходима эта экспедиция!

— Но посылать туда Внешнюю группу означает своими руками сократить им жизнь! — не сдавался профессор.

Всю свою жизнь он посвятил спасению людей, и сейчас всё его естество восставало при одной только мысли о выходе смертельно больных людей на поверхность.

— Послав туда других, мы получим новых обречённых на гибель. При этом цели операции

могут и не быть достигнуты, — не отступал Управляющий, — и что тогда? Будем посылать снова и снова? А Внешняя группа гарантированно проведёт все необходимые действия за один цикл антирада. И потом, они будут одеты в скафандры радиационной защиты, что существенно снизит дозу поражения.

— Хочу также напомнить, что помимо ядерного заряда на поверхности остался грузовик с медикаментами, в том числе и антирадиационными препаратами. Они тебе пригодятся, Иван Николаевич, и Внешние смогут найти машины быстрее, чем кто

другой. И вообще не факт, что кому-то другому удастся их найти, — академик машинально размешивал ложечкой давно уже остывший чай. — На поверхности ночь и сильные ветры, переносящие огромные массы пепла, пыли и снега, все следы уже давно занесены.

— Я всё это слышу уже битый час! — заявил профессор.

Руководитель внутри него боролся с врачом. Первый хорошо понимал неизбежность организации выхода на поверхность, отдавая себе отчёт в том, что предлагаемый вариант являлся наилучшим с точки зрения минимизации опасности, грозящей оказавшимся в условиях

внешней среды людям. Но второй не желал мириться с той жуткой ценой, которую снова придётся заплатить сотрудникам Внешней группы. Седой профессор вернулся в своё кресло и закрыл глаза. Внутренняя борьба давалась ему нелегко, с каждой потраченной на раздумья секундой он словно старел на год, маленькая поникшая фигурка, сидящая в огромном кресле, вдруг оказалась подобна крохотной песчинке, случайно занесённой ветром на широкий лист кувшинки. Наконец главный медик вяло пошевелился и с тоской произнёс:

— Как я буду после этого смотреть им в глаза?

Директор по науке возвращался к себе в кабинет. Он был мрачен, и попадавшие навстречу сотрудники спешили оказаться поближе к стене, уступая ему дорогу. Только что закончившаяся встреча Совета с сотрудниками Внешней группы оставила на душе тяжёлый осадок. Академик поразился, с каким мужеством эти люди восприняли известие о своей скорой смерти и тех немногих днях жизни, что ещё оставались у них. Тринадцать пар глаз спокойно смотрели через стекло перегородки с трёхметрового расстояния, а ощущение было такое,

будто все они глядят в упор и только на него. Академик с трудом поборол в себе почти непреодолимое желание опустить глаза. Когда-то очень давно, будучи мальчишкой, он увлекался старинными, ещё плёночными фильмами позапрошлого века. Ему вспомнилась картина, где несколько героев отправлялись навстречу многократно превосходящему по численности врагу, ценой своей жизни спасая мирных стариков, женщин и детей. В память тогда врезалась фраза: «Профессионал не хочет умереть и не ищет смерти. Но он всегда к ней готов». И сейчас перед глазами у него стояли лица людей

Внешней группы,

военные, все принимали участие в боях, многие имели ранения. А их командир и вовсе провёл полжизни в локальных войнах и конфликтах, и в службу охраны Бункера попал после серии тяжелейших операций, где ему буквально чудом спасли жизнь. Обидно и больно было сознавать, что людям, уцелевшим в кровопролитных сражениях и пережившим гибель цивилизации, придётся умереть после того, как отгремели последние взрывы и выстрелы. Директор вздрогнул, вспоминая, как командир Внешних, выслушав доводы о необходимости повторной экспедиции, улыбнулся и абсолютно спокойно произнёс:

— Я пойду. Скучно неделями отлёживать бока на больничной койке. Так от тоски можно умереть быстрее, чем от болезни. Даже жаль, что выходить надо лишь один раз.

В тот момент на лицах Внешних появились улыбки. Сила духа этих людей внушала уважение. Академик подумал, что ещё долго будет видеть во сне их глаза.

Директор по науке отогнал тяжёлые мысли и заставил себя собраться. Необходимо подготовить экспедицию к выходу. И надо будет создать специальную группу, которая станет работать над усовершенствованием защиты от внешней среды. Когда-нибудь, рано

или поздно, кому-нибудь придётся снова покинуть бункер, и к тому времени стоит усвоить сегодняшний урок.

Скафандр радиационной защиты был явно не предназначен для залезания на броню. Не порвать бы, усмехнулся Тринадцатый. Да, неудобная штукавина, движения сковывает прилично. Но защищает хорошо, а ради этого определённые неудобства можно и потерпеть. Майор полез в кабину бульдозера, который должен пойти первым, пробивая дорогу, и хлопнул по плечу сидящего за рычагами Четвёртого:

— Как?

— Порядок. Солярки хватит ещё километров на пятьдесят, и у «Коробочки» примерно столько же, — Четвёртый пощёлкал тумблерами управления прожекторами, проводя финальную проверку, — надо бы покопаться в лагере, где машины горели, я там видел несколько бочек, их взрывом раскидало. Может, найдём ещё.

Майор согласно кивнул и вышел в эфир:

— Я — Тринадцатый. У нас всё готово к подъёму, можно начинать.

— Вас понял, начинаю подъём, — откликнулся дежурный оператор, и через пару секунд

лифтовая платформа пошла вверх, плавно набирая скорость.

Экспедицию снарядили основательно. Научники перебрали до винтика трофейные машины, провели полную дезактивацию и обслуживание, добавили прожекторов, а на бульдозере даже защитили кабину противорадиационными материалами. В десантном отделении БТР были аккуратно уложены небольшие увесистые контейнеры приземистой формы, внутри которых находились какие-то научные приборы, предназначенные для установки на поверхности. Все они были заранее активированы, их

оставалось лишь уложить на землю и заякорить. К бульдозеру был прицеплен довольно большой термос с освинцованным пенобетоном, предназначенным для заливки повреждённого шлюза. Термос неторопливо вращался вокруг своей оси наподобие обычной бетономешалки, деловито жужжа электродвигателем, словно большой майский жук.

Наверху ничего не изменилось за прошедшие дни. Вокруг всё та же безмолвная ледяная пустыня, теряющаяся всё в той же безлунной и беззвёздной ночи, вверху всё те же километры непроницаемой для света пыли, а внизу всё та же грязно-бурая

смесь пепла и снега. От старой колеи не осталось и следа, и бульдозер с порога приступил к работе, вновь пробивая дорогу мимо погибшей Медвежьей.

— Андрей, давай к лагерю, ребята с приборами закончат и догонят. — Тринадцатый курсовым прожектором обозначил направление движения. — От лагеря до шлюза метров сто будет, там тоже какие-то грузовики стояли, заодно поглядим, может, осталось чего интересного.

— Легко, — Четвёртый перебросил передачу, и бульдозер уверенно пошёл по лучу света, разрезая мощным отвалом на две части грязно-снежную пустыню.

Майор смотрел на уныло плывущую мимо мёртвую бесконечность и вспоминал, как красиво было в этих местах два месяца назад, когда штатный автобус «Подземстроя» вёз его к новому месту работы. Ухабистый просёлок весело петлял меж могучих деревьев, и врывающийся в открытые окна летний ветерок щекотал лицо. Прозрачный утренний воздух пах лесом, травой и цветами, ласково грело яркое августовское солнце, а в лазурном небе, далеко в бесконечной выси важно висели лёгкие снежно-белые перистые облака, снисходительно взирая на копошащихся где-то внизу людей. На

нависающей над дорогой ветке сидела любопытная белка, чёрными бусинами глаз внимательно разглядывая урчащий автобус и готовая в любой момент пуститься наутёк. Повсюду разливалось разноголосое птичье пение. В некогда стоящем здесь лесу жили тысячи птиц. Птицы... звонкие крылатые существа, не умеющие жить без солнца, неба и полёта, они погибли первыми, встретив смерть в воздухе, эти маленькие отважные пилоты будто понимали, что им не выжить в условиях ядерной зимы.

— Командир, у тебя семья есть? — голос Четвёртого вывел его из раздумий. — То есть была? — он

поспешно поправился.

Все знали, что с момента появления в Бункере майор всегда был один.

— Нет, Андрей, — не сразу ответил Тринадцатый, — и не было.

— А что так?

Несколько секунд майор молчал, словно вспоминая что-то. Затем коротко произнёс:

— Не сложилось.

— А вот у меня сын, — Четвёртый улыбнулся, — через месяц одиннадцать исполняется. В тот день я на смене был в первом уровне, а тут мясорубка эта у шельфа. Я, как только разрешение на эвакуацию дали, сразу к телефону, жене сказал,

чтобы машину не жалела, пулей сюда. Почти успела, после первого взрыва их и подобрали. Автомобиль наш в хлам, а сами без единой царапины, — Четвёртый немного помолчал. — Я тогда чуть с ума не сошёл, думал, что погибли. Только после смены узнал, что вы их спасли. Сынишка вчера прибежал навестить, сказал, что когда вырастет, станет доктором и обязательно меня вылечит. И тебя, кстати, тоже обещался, — широкая мечтательная улыбка Четвёртого отражалась через лицевой щиток гермошлема в зеркале заднего вида, слабо подсвеченным тусклым освещением кабины бульдозера.

Внезапно начался ветер, и стало ясно: что-то за прошедшие дни всё же изменилось. Порывы ветра стали значительно сильнее. В грязной круговерти видимость резко упала, и Тринадцатый корректировал курс, щупая прожектором висящую в воздухе снежно-пепельную кашу, полностью закрывавшую обзор дальше десяти метров.

— Сбрасывай скорость. Где-то перед нами должна появиться воронка, мы около места, где был детский костёр, — майор воткнул луч прожектора вниз, и через минуту он действительно провалился в занесённую снегом яму. — На два часа отсюда шлюз. Только аккуратно.

— Как ты всё это нашёл? Не видно же ни черта, — удивился Четвёртый.

— По памяти, — майор снова обозначил курс прожектором. — Я же в тот раз первым шёл, считал расстояние по шагам, ориентиром был угол сопки, мы мимо него проехали.

Разорванный шлюз выскочил из снежной пелены так неожиданно, что бульдозер чуть не наткнулся на него.

— Приехали, — объявил Четвёртый.

— Пошли разматывать шланги. Ты в детстве случайно не хотел стать специалистом по ночному

бетонированию в сложных
метеоусловиях? — глядя на
озадаченное лицо Четвёртого,
Тринадцатый издал короткий смешок
и, толкнув дверь, исчез в
завьюженной темноте.

Ветер стих только через два
часа, к этому времени работы по
установке приборов и
бетонированию шлюза были
закончены, и группа приступила к
поискам кунгов и РЛС. Машины
нашли быстро, но занесённые снегом
чуть ли не до крыши грузовики
наотрез отказывались заводиться, из-
за чего их пришлось выдёргивать из

сугробов бульдозером. Вскоре выяснилось, что кунг с медикаментами в ходе боя получил немало пробоин, двигатель был повреждён, и стало ясно, что эта машина своим ходом уже не пойдёт. Грузовик с ядерным зарядом почти не пострадал, но промёрз основательно. Ему долго грели поддон картера паяльной лампой, затем таскали на буксире, заводя «с толкача». Наконец, после часа возни, двигатель кунга закашлял и запустился, вибрируя с такой силой, что казалось, он вот-вот выпрыгнет из-под капота.

— Четвёртый, медикаменты на буксир — и в лагерь. Заодно проверь

там бочки, о которых говорил. Третья подгруппа, все уцелевшие машины осмотреть, оставшееся топливо слить. И не забудьте те, что вокруг шлюза, — майор отдал приказ и занялся осмотром ядерного заряда.

В стенках кунга хватало пулевых отверстий, но сам заряд повреждён не был, оставалось только установить детонатор, и смерть будет готова собрать свой кровавый урожай. Да, Совет был прав: оставлять ядерную бомбу на поверхности нельзя.

Спустя полчаса на связь вышел Четвёртый и доложил об обнаружении двух полупустых и одной полной бочек с солядкой.

Ракетчики оказались запасливыми ребятами, даже несмотря на мировой кризис энергоносителей и повсеместный переход на электрическую тягу. Что ж, тем лучше, теперь вопрос о топливе для техники на какое-то время снимается. Майор посмотрел на хронометр, до окончания действия антирада оставалось ещё три часа, пора было собираться в обратный путь. Он вышел в эфир и запросил «Коробочку», занимавшуюся поиском РЛС. В ночь нападения на лагерь пленный старик достаточно подробно рассказал, где именно погибла первая экспедиция, и что брошенная станция должна быть где-

то неподалёку от места кровавой расправы.

— Я — «Коробочка», РЛС нашёл, с ней сейчас научники возятся. Нужна помощь, тут под ногами сплошной застывший камень, приходится бурить отверстия под опоры, — командир экипажа сделал паузу, и секунду в эфире был слышен только треск помех. Затем донеслось тихое: — И первая экспедиция тоже здесь.

Небольшая колонна стояла в десяти метрах от развёрнутой и готовой к работе радиолокационной станции. Упёршаяся во все стороны

разлапистыми опорами, надёжно
заякоренная, РЛС напоминала
огромного металлического паука,
широко расставившего лапы,
внимательно обзирающего небо
спутниковыми глазами-тарелками и
хищно шевелящего усами-антеннами.
Рядом, удерживаемая растяжками,
гибкой нитью уходила вверх тонкая
стрела радиомачты. Невдалеке от
паука возвышался маленький курган
из пепла и снега. На его вершине,
подобно памятнику, был установлен
растерзанный пулями грузовой
снегоход. Напротив кургана застыла
шеренга людей в серебряных
скафандрах с автоматами в руках.
Стоящий у подножия памятника

человек поднял руку, шеренга вскинула автоматы, и воронёные стволы уперлись в мрачное небо.

— Огонь! — скомандовал майор, и залп разорвал тишину, на миг осветив курган.

— Огонь! — снег плакал под раскалёнными гильзами, и серые капли мгновенно застывали на морозе, становясь похожими на жемчужины, несправедливо брошенные кем-то в грязь и холод радиоактивной пустыни.

— Огонь! — третий залп хлестнул мрак ослепительной плетью, и братская могила погрузилась во тьму.

— Саша, компьютерные расчёты анализов крови готовы, — Даша держала в руках увесистую пачку распечаток, — биохимия, активность радионуклидов, скорость вывода продуктов распада, — она аккуратно раскладывала на столе распечатки, — в лаборатории обещают через час закончить с динамикой гибели клеток костного мозга, — девушка погладила по щеке сидящего за уставленным всевозможной медицинской электроникой столом молодого мужчину в белом стерильном комбинезоне. — Тебе надо отдохнуть, третью смену работаешь,

на тебе лица нет.

Мужчина устало улыбнулся и изобразил губами поцелуй:

— Ты же знаешь, сейчас это невозможно.

— Какие новости?

Александр познакомился с Дашей в первый день работы в бункере. Молодой перспективный учёный защищал кандидатскую в области лучевых болезней под руководством самого профессора, и тот немедленно потянул любимого ученика за собой на новое место. И не напрасно. Лаборатории «Подземстроя» являлись шедевром технического оснащения и обещали стать сильнейшим научным центром,

который, вне всякого сомнения, очень скоро стал бы конкурентоспособен не только внутри страны, но и за рубежом. У старого профессора был фантастический нюх на перспективы, и коллега принял это предложения без колебаний. Впоследствии он неоднократно благодарил судьбу за предоставленный шанс, но впервые это произошло, когда Александру представили Дашу, младшего научного сотрудника, назначенного на должность его ассистента. С тех пор они практически не расставались.

— Особенного ничего.

Радиокомплекс, что развернули
Внешние, функционирует согласно
всем расчётным параметрам, но
связаться ни с кем пока не
удалось, — Даша печально
вздохнула, — возможно, мы
единственные, кто уцелел. Хотя
научный отдел выложил в сеть
довольно большой отчёт с расчётами,
смысл сводится к тому, что толщина
пылевого слоя в атмосфере достигает
не менее двадцати пяти километров
при содержании радиоактивных
частиц порядка тридцати пяти
процентов. Коэффициент отражения
радиоволн настолько велик, что
сигнал попросту не может пробиться
через всё это.

— Пыль со временем будет оседать, — заметил Александр, — если мне не изменяет память, частица диаметром в два микрона оседает со скоростью 2 км в год или что-то вроде этого, ну и ещё осадки будут пыль вымывать...

— Не будут, — Даша печально вздохнула, — расчёты показывают девяносто процентное разрушение озонового слоя. Парниковый эффект атмосферы нарушен, конвекция практически отсутствует, везде установилась свехустойчивая погода, ледяные засухи и ураганные ветра. Ядерная ночь и ядерная зима будут длиться не менее четырёх лет, пока не восстановится озоновый

слой, а атмосфера полностью очистится лет через десять.

— Значит, мы с тобой ещё погуляем под звёздами, — Александр попробовал улыбнуться, но Даша лишь грустно покачала головой:

— Если только в скафандрах, Сашенька. Анализ показывает уничтожение всех или почти всех АЭС в мире и до конца не просчитанный синергизм тысяч мегатонных взрывов. Во внешней среде огромное количество изотопов стронция, цезия и высокоактивных изотопов урана, а у последних только период полураспада сотни тысяч лет! Непосредственно над нами и вовсе

эпицентр, даже подумать страшно, что там произошло. Приборы фиксируют фон уже в 3000 рентген в час, и он продолжает расти. А ведь без озонового слоя есть ещё мощная солнечная радиация. Просто удивительно, что ребята из Внешней группы ещё держатся, тут никакой антирад не спасёт.

При этих словах Александр поник. Именно ему профессор поручил возглавить недавно созданную аналитическую группу, первоочередной задачей которой была разработка методик лечения, позволяющих спасти Внешних. Но пока всё было тщетно, для исследований необходимо время, а

вот его-то как раз катастрофически не хватало.

Он попытался отогнать на время мрачные мысли:

— А как же МКС? А лунные шахты? Ведь там несколько тысяч человек, они не могли пострадать!

— Научный отдел тоже надеется на это, — Даша присела на краешек стола, из-за чего её миниатюрная фигурка, затянутая в белую ткань комбинезона, стала напоминать гипсовое изваяние. — Наших мощностей недостаточно для связи с лунным посёлком, но с МКС мы сможем связаться, как только радиосигнал будет в состоянии пробить пылевые слои.

Международная станция должна быть нетронута, если только по ней не нанесли удар сознательно.

— Стало быть, время покажет, — подытожил Александр. — Через два часа начинается совещание по проблемам лечения Внешней группы, мы должны предоставить полную сводку о положении дел на текущий момент. Дашенька, радость моя, давай-ка в лабораторию, и не оставляй их в покое, пока не закончат, — он ласково пожал ей ладошку и потянулся к консоли компьютера.

Совещание оказалось коротким.

Главный врач лечащей группы обрисовал ситуацию с состоянием здоровья Внешних. Она была неутешительной. Болезнь прогрессировала, и если с разложением клеток внутренних органов биорегенераторы ещё справлялись, то остановить неуклонное разрушение ДНК, клеток костного мозга и гибель кровяных телец они были не в силах. Затем настала очередь Александра, но и ему предложить было особо нечего. Ни одна из существующих методик не могла предотвратить неминуемый летальный исход, имелась пара перспективных наработок, представлявших серьёзный интерес,

но материал был сугубо теоретический, для его реализации требовалось значительное время и специальное оборудование. Директор по медицине выслушал доклады и некоторое время молча просматривал сводки, периодически делая пометки и время от времени уточняя цифры. Наконец он оторвался от работы и посмотрел на присутствующих:

— Последний пациент из числа людей, спасённых с поверхности Внешними десять дней назад, умер сегодня утром. Это была десятилетняя девочка. — Профессор вышел из-за стола и неторопливо направился к выходу. —

Предназначение врача — лечить и спасать пациентов. У нас с вами в высшей степени благородное предназначение, коллеги, — тихий голос седого старика, казалось, гремел, словно просторный кабинет вдруг стал для него мал и тесен. — Виктор Юрьевич, — профессор обернулся к главврачу лечущей группы, — вызывайте на работу дополнительную смену или две, если потребуется. Всему составу Внешней группы необходимо провести усиленный сеанс регенерационных и очищающих процедур и, во избежание перенасыщения кровотока и лимфотоков продуктами распада, не позднее пятнадцати минут после

завершения терапии Внешняя группа в полном составе должна быть погружена в глубокий анабиоз.

— Но, Иван Николаевич, теория анабиоза действительно не рекомендует глубокое погружение пациентов с высоким уровнем ионизации организма! — взволновано напомнил Александр. — Вы же знаете, что явление глубокого погружения до конца не изучено!

— К чёрту теорию! — отрезал Профессор. — Вот ты её до конца и изучишь. На то тебе и аналитическая группа, работай. Нам нужны новые методики, и я их получу во что бы то ни стало. Я больше не желаю читать доклады о смерти пациентов, иначе

для чего мы здесь? Работай, Александр Дмитриевич, работай. Всё необходимое для исследований ты получишь, я сам займусь основными направлениями. Свяжись с Данилевским из научного, он будет оказывать тебе содействие от физиков, — директор протянул секретарю исписанный лист бумаги: — Готовьте приказ, и сразу же мне на подпись. — Уже в дверях седой Профессор остановился и, обернувшись, добавил: — Будем выводить больных из состояния анабиоза на время проведения необходимых процедур, анализов и применения новых методик. До тех пор, пока не удастся добиться

положительной динамике; всё остальное время пациенты будут лежать в глубоком анабиозе, — мгновение помолчав, он уже тихим голосом спокойно закончил: — Это их единственный шанс. Хватит смертей, этих людей мы так просто не отдадим.

Тринадцать анабиозных камер с поднятыми крышками чем-то напоминали гигантские открытые рты, готовые проглотить своих пациентов. Тринадцатый с интересом разглядывал один из самых последних продуктов высоких технологий погибшей цивилизации.

Анабиоз был штукой дорогостоящей и использовался в основном в Лунном посёлке, и ничего подобного ранее видеть майору не доводилось. Камера представляла собой стоящий на основании четырёхметровый цилиндр из матового металла, в центре которого по диагонали полустоя располагалась прозрачная ложе-капсула, в которую укладывался человек. В настоящий момент медики размещали Внешних по капсулам, энергично обклеивая их тела разнообразными датчиками.

Мысль о том, что после непрерывных шестичасовых процедур снова придётся лежать, совсем не радовала, и Тринадцатый,

печально вздохнув, полез в капсулу. Молодой врач моментально облепил его целым пучком проводов, оканчивающихся присосками, и крышка капсулы медленно захлопнулась, отсекая все звуки. На панели напротив лица загорелся зелёный огонёк, и стенка гигантского цилиндра закрылась, отгородив майора от внешнего мира. Зелёный огонёк сменился жёлтым, и вдруг стало очень холодно. Через мгновение холод стал практически невыносимым, но спустя секунду воздух внутри капсулы потеплел, жёлтый огонёк поменялся на зелёный, и двери камеры открылись. Крышка капсулы поползла вверх, и

Тринадцатый увидел врача, обеспокоенно смотревшего на него.

— Что-то не так, доктор? — спросил майор. Обеспокоенный взгляд сменился довольным выражением лица:

— Добрый день. Нет, наоборот, всё в полном порядке, — доктор с улыбкой принялся отлеплять присоски датчиков.

Майор вылез из капсулы и осмотрелся. Вокруг суетились улыбающиеся медики, помогая ничего не понимающим бойцам покидать анабиозные камеры.

— Сколько времени мы тут пролежали? — спросил он врача.

Тот быстро пролистал какие-то

бумаги, что держал в руках, и с интересом посмотрел на Тринадцатого.

— Вы уже поняли? Судя по вашей медицинской карте, ранее вам сталкиваться с анабиозом не приходилось, — в глазах молодого специалиста читалось любопытство. — Все члены Внешней группы провели в глубоком анабиозе ровно месяц. Как вы догадались?

Майор коротко улыбнулся:

— По выражению вашего лица. Оно сменилось с обеспокоенного на удовлетворённое, когда открылась крышка капсулы.

Врач секунду помялся, затем сконфуженно прогудел из-под

лёгкого гермошлема:

— Я очень волновался, это был мой первый анабиоз, и сразу же глубокое погружение. У нас всего один специалист с опытом работы в этой области. Но всё прошло хорошо, вы перенесли погружение просто идеально. — Он указал на открывающуюся дверь: — Пройдёмте в диагностический отсек, вам необходимо пройти целый ряд тестов, после чего приступим к биорегенерации и другим процедурам.

Тринадцатый нахмурился и пошёл к выходу. Месяц в анабиозе воспринимался как пара мгновений, и память о шести часах

неподвижности была свежа настолько, что известие о неизбежном повторении отлёживания боков навевала тоску.

Худенький доктор еле поспевал за могучей фигурой майора, перейдя чуть ли не на бег, он ухитрился первым юркнуть в двери и, указывая на один из диагностических аппаратов, произнёс:

— Я ваш лечащий врач, меня зовут Антон Александрович, можно просто Антон. Присаживайтесь сюда, пожалуйста. Как вы себя чувствуете?

— В порядке. Только ни сидеть, ни лежать не могу, пролежни не дают, — пробурчал майор.

Антон улыбнулся и кивнул медсестре, которая немедленно принялась за уже набивший оскомину обряд электрического мумифицирования.

— Придется смириться с этим неудобством, ограниченная подвижность при проведении большинства медицинских процедур является неизбежным сопутствующим фактором, — доктор выдал витиеватую фразу, и Тринадцатый про себя поморщился.

Скорее уж абсолютная неподвижность, если, конечно, медик не защищает за активность дыхание и сердцебиение. Он обречённо наблюдал за процессом

превращения себя в клубок из проводов, датчиков, анализаторов и ещё целого сонма присосок и липучек неизвестного ему предназначения, предчувствуя скорую смерть от скуки.

После диагностики потянулись бесконечные часы биорегенерации, затем масса других не менее унылых процедур; наконец, спустя почти девять часов, когда ни на минуту не перестававший улыбаться медперсонал уже буквально валился с ног от усталости, с разнообразной терапией было покончено, группу накормили ужином и выделили пятнадцать минут на водные процедуры. Майор стоял под горячим

душем и довольно жмурился, чувствуя, как озорные струйки воды весело колотят по плечам и ласковыми змейками стекают по спине. Вылезать из душевой кабины решительно не хотелось, и казалось совершенно несправедливым, что в анабиоз нельзя погружаться прямо вот так, стоя под душем. В конце концов медики начали настойчиво торопить, и выйти из душа всё же пришлось.

Тринадцатый подошёл к своей капсуле, возле которой терпеливо ждал Антон, глядя на то, как бойцы Внешней группы уныло разбредаются по своим анабиозным камерам. Майор вздохнул и занял

место на ложементе. Молодой врач быстро налепил на тело нужные датчики и, виновато улыбнувшись, что-то нажал на панели управления. Крышка капсулы опустилась, наступила уже привычная тишина, вспыхнул знакомый зелёный огонёк, и стенка камеры закрылась.

«Очень интересно. На этот раз всё будет так же быстро?» — промелькнула мысль, но тут цвет индикатора сменился на жёлтый, и тело снова сковало непереносимым холодом.

Всё произошло точно как в первый раз. И во второй. И в третий.

С каждым новым разом ощущения не менялись. Зато изменялась продолжительность погружения и длительность процедур. Если сначала Внешних размораживали спустя месяц, а процедуры занимали порядка десяти часов, то теперь будили уже через два-три месяца, и различная терапия длилась порой более суток; методики становились все сложнее, а лица сотрудников лечущей группы всё напряжённей. Они уже не улыбались, как когда-то в начале, и всё хуже скрывали проскальзывавшую во взглядах безысходность. Бойцы поначалу пытались вести счёт погружениям, но где-то после пятнадцатого

пробуждения интерес к этому занятию был потерян, люди приноровились спать во время многочасовых процедур, обедали молча, разговоры практически не велись, в воздухе почти физически ощущалась сильная моральная усталость Внешних. В карантинном подуровне в права владения вступило царство гнетущей тишины, изредка нарушаемое приглушёнными гермошлемами стерильных комбинезонов фразами медиков и негромкими чертыханиями сотрудников Внешней группы, уныло бредущих из анабиозного отсека в процедурный или обратно. И вновь в который раз закрывалась стенка

анабиозной камеры, и вновь
Тринадцатый безразлично смотрел
на жёлтый огонёк индикатора.

Заседание Совета директоров в этот раз обещало быть долгим. Ещё за час до его начала Александр связался с физиками и узнал, что Данилевский тоже получил указание от своего директора явиться на Совет, но ни тот, ни другой не были поставлены в известность относительно темы заседания. Уже полтора часа оба учёных ожидали в приёмной центра управления указания войти и гадали, чем могло быть вызвано это неожиданное приглашение, ведь руководителей их

уровня редко заслушивали на Совете. Секретарь-референт управляющего директора в ответ на вопросы лишь пожимал плечами, и когда внезапно коммуникатор на его столе голосом управляющего потребовал пригласить руководителей аналитических групп, Александр выдохнул с явным облегчением. За время, проведённое в ожидании, он успел детально изучить небольшое помещение приёмной вплоть до мелких царапин на боковых поверхностях секретарского стола и едва заметных потёртостей на напольном покрытии у выхода. Секретарь продублировал приглашение войти и нажал на

сенсор, открывая двери. Александр
посторонился, пропуская
Данилевского вперёд, и вслед за ним
перешагнул порог центра
управления.

Управляющий директором жестом
указал им на кресла:

— Прошу садиться, господа.

Александр, усевшись, с
любопытством оглядывал
просторное помещение, до предела
напичканное всевозможной
электроникой. До этого момента ему
никогда не доводилось бывать в
центре управления, хотя сам
управленческий уровень он по долгу
службы посещал достаточно часто.
Тем временем Управляющий вывел

на настенные экраны ряд графиков и цифровых таблиц:

— Коротко введу вас в курс дела. Как известно, за прошедшие семь лет нам так и не удалось установить связь с кем бы то ни было, и мы по-прежнему не имеем никакой информации о том, удалось ли выжить кому-то ещё после катастрофы. Расчёты, основанные на показаниях приборов наблюдения, установленных во внешней среде, показывают, что содержание пыли в атмосфере упало на семьдесят процентов от первоначального. В такой ситуации мощности наших систем должно было хватить на устойчивую связь с МКС, если ей

посчастливилось уцелеть, либо с другими пережившими ядерные удары убежищами. Но ничего похожего до сих пор не произошло. — Управляющий взглянул на директора по науке и продолжил: — Научный отдел считает, что возможной тому причиной является потеря мощности наземной РЛС вследствие разрядки элементов питания и многолетнего загрязнения, вызванного частыми ураганными ветрами, обильно переносящими пыль и пепел. Кроме того, несмотря на дискретный режим работы всех внешних приборов, их энергоресурс так же нуждается в возобновлении. В связи с этим Совет

принял решение вывести из анабиоза Внешнюю группу и организовать выход на поверхность с целью проведения профилактики всего комплекса установленного во внешней среде оборудования. С Внешней группой на поверхность пойдут несколько научных специалистов для проведения тонкой подстройки систем в случае необходимости. Я прошу руководителей аналитических групп сжато обрисовать наши возможности по осуществлению данной экспедиции, — закончил Управляющий.

Аналитики переглянулись. Никто не ожидал подобного поворота

событий. Физик, взяв слово первым, поднялся с кресла. Было видно, что он тоже волнуется, выступая перед Советом.

— Действительно, согласно нашим данным и расчётам, толщина пылевого слоя в атмосфере за эти годы упала как минимум впятеро, и его плотность сейчас составляет тридцать два процента. Но... — Данилевский механическим движением стянул очки, рассеянно протёр стекла и водрузил их на место, — озоновый слой до сих пор окончательно не восстановился, сейчас лето, но температура на поверхности над Бункером минус пять градусов по Цельсию, нами

регистрируется мощная солнечная радиация. Кроме того, начавшая в последнее время восстанавливаться конвекция вызвала многочисленные осадки, вымывающие из атмосферы на землю радиоактивные частицы, и общий радиационный фон на поверхности ещё более возрос, — физик опасно покосился на членов Совета, однако перебивать его никто не собирался, и он продолжил:

— В результате многолетних исследований нами разработаны принципиально новые средства защиты от жёсткого излучения и других, опасных для человека воздействий внешней среды, которые успешно прошли испытания в

лабораторных условиях, однако как они поведут себя в реальных условиях, мы можем представлять только теоретически. Тем не менее, мы считаем, что в совокупности с новыми антирадиационными препаратами Александра Дмитриевича будет возможно обеспечить почти девяностопроцентную защиту выходящих на поверхность сотрудников, — Данилевский опустил в кресло и перевёл дух. Доклады никогда не были его стихией, гораздо комфортней он чувствовал себя около электронного микроскопа или протонной пушки, различные же официальные

мероприятия всегда давались физику с трудом.

Теперь все ожидали доклада аналитика от медицины, и Александр, сам того не замечая, встал с кресла, подобно Данилевскому. Пару секунд он молчал, пытаясь решить, с чего же начать, мысли предательски разбегались в разные стороны, требуя обрисовать сразу несколько разных проблем.

— Александр Дмитриевич, вы можете добавить что-нибудь по существу вопроса? — поторопил Управляющий.

— Да, но... то есть, разумеется... — наконец Александр

собрался и сфокусировался на волновавшей его теме. — Нам действительно удалось значительно улучшить ранее существующие антирадиационные комплексы, в частности мы добились не только увеличения самой сопротивляемости организма, но и кардинального снижения вредных побочных эффектов, особенно необходимо отметить, что предложенный нами препарат имеет втрое увеличенную продолжительность действия и допускает четырёхкратное повторение цикла без разрушающего влияния на биохимию крови, — Александр посмотрел на директора по медицине, и тот одобряюще

кивнул. — Однако хочу обратить внимание Совета на тот факт, что мы по-прежнему не можем излечить сотрудников Внешней группы, их жизням всё так же угрожает постоянная опасность. Несмотря на то, что в момент проведения сеансов биорегенерации нам уже удаётся добиваться превышения скорости регенеративных процессов в тканях и крови над темпами гибели клеток, решить основную проблему мы ещё не в силах. Внешние подверглись настолько мощному воздействию радиации, что в результате у них излучают костные ткани скелета. Разрушение нитей ДНК и клеток костного мозга неуклонно

продолжается, и ни остановить, ни замедлить этот процесс нам до сих пор не удалось. Если мы не найдём способ переломить отрицательную динамику, то менее чем через сорок суток биологического времени последует летальный исход, — Александр переводил взгляд с одного директора на другого, пытаясь прочесть их реакцию по глазам, но руководство Бункера никак не выдавало своих эмоций. — Я подчёркиваю, что выход Внешних на поверхность ещё более усугубит крайне тяжёлое положение дел.

Аналитик замолчал, ожидая ответа.

Управляющий директор перевёл

взгляд на главного медика и коротко спросил:

— Ваше мнение, Иван Николаевич?

Седой профессор откинулся на спинку кресла, из-за чего его крохотная фигурка стала практически не видна на фоне массивных кожаных просторов.

— Мое мнение Совету уже известно, я полностью согласен с моим молодым коллегой, — донеслось откуда-то из глубины огромных кресельных недр. — Расчёты показывают, что совокупность новых средств защиты от внешней среды и новых антирадиационных препаратов

позволит организовать работы на поверхности на срок порядка суток. За это время выполняющий работы персонал получит дозу радиации, не превышающую семидесяти рентген, и это при том, что местность над бункером имеет степень загрязнения почти в восемь тысяч рентген в час. С последствиями подобного облучения мы справимся за пару дней. Я считаю, что в этой ситуации не имеет смысла задействовать Внешнюю группу, этим могут заняться и другие.

Управляющий директор вопросительно посмотрел на директора по науке. Академик неторопливо кивнул:

— Учитывая вышеизложенное, считаю предложение медицинского отдела вполне приемлемым. Мы организуем экспедицию из шести специалистов-техников и оборудуем бульдозер грузопассажирским прицепом. В нашем распоряжении имеются планы местности и схемы расположения всего установленного на поверхности оборудования, составленные сотрудниками Внешней группы, кроме того, видимость наверху с тех пор должна была намного улучшиться. Я думаю, что проблем с экспедицией не будет, её задачи достаточно просты.

— В таком случае, —
Управляющий поднялся и вышел из-

за своего стола, — решение принято. Заседание Совета прошу считать оконченным.

Жёлтый огонёк снова сменился на зелёный, стенка анабиозной камеры раскрылась, и крышка капсулы привычно поползла вверх. Стоящий на прежнем месте Антон прогудел через гермошлем своё обычное «Добрый день» и принялся отлеплять от тела датчики. Неуловимое напряжение, повисшее в воздухе, Тринадцатый почувствовал сразу. Медики вели себя неестественно спокойно, но в их глазах даже через стекла лицевых

щитков гермошлемов читалась тревога. Из анабиозного отсека Внешних сразу же провели в комнату встреч, где за прозрачной стеной их уже ожидал совет директоров в сопровождении начальника службы охраны.

«Очень интересно, — подумал майор, — совет директоров и генерал, собственными персонами. Намечается выход на поверхность, не иначе». Мысль о возвращении в мрачную завьюженную радиоактивную пустыню неожиданно принесла самые положительные эмоции. «Что удивительного, мы тут уже начали скисать не то от монотонной

обречённости, не то от обречённой монотонности. Так недолго и телеграммку получить с текстом: „Уезжаю зпт целую зпт твоя крыша тчк“. Наверняка любой из ребят сейчас двумя руками ухватится за любую возможность покинуть эту персональную консервную банку хоть на час. Посмотрим, с чем пришёл Совет. А старик сильно сдал за эти годы... сколько уже прошло, лет пять? Или семь?»

Пока бойцы занимали места, рассаживаясь на установленные вдоль стены кресла, никто из посетителей не проронил ни слова. Наконец, когда возня утихла, Управляющий произнёс:

— Доброе утро, господа. Мы вновь вынуждены просить вас о помощи. Сегодня утром на поверхность была отправлена экспедиция с целью проведения работ по профилактике внешнего оборудования. Поначалу всё шло хорошо, группа производила обслуживание приборов, установленных в районе выхода из шлюза, и выдвинулась к радиолокационному комплексу. Спустя час руководитель экспедиции сообщил, что достиг места назначения и приступает к работам. Менее чем через три минуты в эфире раздались крики о помощи, затем возник сильнейший импульс помех,

и связь с экспедицией пропала. Вот уже два часа как рации членов экспедиции не отвечают. Совет обращается к вам с просьбой выйти во внешнюю среду, провести эвакуацию профилактической экспедиции и по возможности выяснить обстановку. В вашем распоряжении будут последние разработки наших аналитиков, — Директор закончил и замолчал, ожидая реакции Внешних. Как и представлял себе майор, возражений не последовало.

БТР взревел двигателями и выкатился из шлюза. Тринадцатый

огляделся. Над головой мрачно нависало грязное небо, светлое пятно в центре которого выдавало место расположения солнца. Стало значительно светлее и теплее: термометр показывал минус шесть, а непроницаемый ночной мрак сменили серые сумерки, словно в унылый осенний день неожиданно собралась разразиться гроза. Снега вокруг прибавилось, судя по недавно протоптанным от шлюза к местам нахождения установленных на поверхности приборов и датчиков тропинкам, толщина снежного покрова местами превышала один метр. Сама пустыня напоминала старое разноцветное лоскутное

одеяло, давно выцветшее и покрытое пылью, отчего лоскуты имели лишь чёрный, серый и грязно-жёлтый цвет. От самых ворот по направлению к РЛС ядовитую скатерть прорезала свежая снежная дорога с бульдозерной колеёй, терявшаяся в сумерках.

«Коробочка» аккуратно вырулила дорогу и пошла по колее. Часть бойцов находилась внутри, в десантном отделении, остальные сидели на броне. Майор облокотился на пулемётную башню и, всматриваясь в сумрак, пытался разглядеть узкую тёмную полосу, тянущуюся вдоль горизонта. Однако слабая освещённость не давала

уверенности в том, что это не игра воображения, и Тринадцатый решил отложить это занятие до лучших времен. Отвалы, тянущиеся по обеим сторонам пробитой в снегу дороги, в высоту кое-где достигали двух метров, и стало понятным, почему профилактическая экспедиция потратила так много времени, добираясь к РЛС. К тому же водитель бульдозера не знал местности и шёл по начерченным планам, видимо, поэтому дорога сначала почти по прямой доходила до уничтоженного лагеря, а затем под острым углом сворачивала назад и в сторону, к месту установки РЛС.

— Командир! — Четвёртый

сидел на броне вперёдсмотрящим. — Взгляни на это, — он направил луч прожектора на дорогу. — Тянется где-то от лагеря, я не сразу заметил, — на снегу прямо в колеях от колес бульдозера бежал пунктир из неглубоких круглых лунок почти правильной формы, достигающих почти метра в диаметре. — Не могу понять, что это.

Майор приказал остановить бронетранспортёр и спрыгнул на снег, Четвёртый последовал за ним.

— Андрей, посвети, — ставший надёжнее, радиационный скафандр не стал удобнее, и Тринадцатый лёг на снег, чтобы как можно ближе рассмотреть странное углубление.

Вблизи оно уже не выглядело однородным. На дне лунки по направлению, противоположенному движению бульдозера, две трети отпечатка были чуть глубже, а треть, направленная по ходу движения, была испещрена множеством маленьких точек.

— Хренасе! — майор встал и начал отряхиваться.

— Командир, ну и что это такое? — Четвёртый выключил фонарик. — Никогда таких следов не видел.

— Я тоже, — Тринадцатый хмыкнул. — Только это, без сомнения, след от лапы. Кто-то довольно большой на четырёх лапах

шёл по следу бульдозера, втянув когти в мягкие подушечки, чтобы не проваливаться в снег. И этих самых когтей до неприличия много. К тому же, судя по всему, этот кто-то по своим следам вернулся обратно. А ещё, — Тринадцатый указал на едва заметную широкую полосу, тянущуюся вдоль дороги по всей её протяжённости, — у него есть хвост, тяжёлый и шерстяной, — майор связался с бункером и доложил об обнаружении следов биологической активности, после чего в эфире ближней связи отдал команду:

— Десанту — к машине. Дальше идём пешком. Первая подгруппа — головной дозор, удаление двадцать

метров, третья — тыловой дозор, удаление тридцать метров, вторая подгруппа — на броню, обеспечить боковое наблюдение. Четвёртый, пойдёшь со мной в связку с головняком.

Андрей кивнул.

Связкой называлось звено боевого порядка, соединяющее головной дозор с ядром группы. После перестроения движение продолжилось, и уже через двадцать минут впереди идущий доложил, что наблюдает бульдозер и РЛС.

— Головному дозору — стой, ядру продолжать движение до сближения с головным, тыловому дозору держать дистанцию, —

приказал Тринадцатый и, махнув рукой Четвёртому, направился к стоящей впереди первой подгруппе.

Подойдя к бойцам, майор поднёс бинокль к лицевому щитку гермошлема. Зрелище было странным. Впереди, в ста метрах по дороге, лежал на боку искорёженный грузопассажирский прицеп, разодранный на полосы, словно полураскрытый цветочный бутон. Далее, метрах в пятнадцати, стоял целёхонький бульдозер с открытыми дверями. Судя по дымку, едва курящемуся над выхлопной трубой, он был заведён, и в баке ещё оставалось топливо. Пространство между бульдозером и распущенным

на ленточки прицепом вызывало ощущение, что тут поработал гигантский миксер. Прямо перед бульдозером возвышался огромный, весь в крохотных дырочках, словно губка, сугроб грязно-серо-желтого цвета, из которого в разные стороны торчали металлические опоры, напоминающие паучьи лапы, и усы антенн. Растяжки стоящей рядом с РЛС радиомачты, густо увешанные какими-то маленькими грязными тряпками, больше напоминали сушилку для белья. От бульдозера к РЛС вели протоптанные в снегу тропинки, однако ни живых людей, ни тел погибших нигде видно не было.

Рядом заурчала, приближаясь, «Коробочка». Тринадцатый приказал экипажу оставаться на месте и быть готовым поддержать огнём.

— По радиокомплексу не стрелять. Ни при каких обстоятельствах. Четвёртый и Третий, займитесь бульдозером. Первый и Второй, за мной, дистанция пять метров.

Бойцы осторожно двинулись вперёд. В разодранном прицепе было пусто, в кабине бульдозера тоже. Четвёртый влез на бульдозер и занял водительское место.

— Тут всё в порядке, только солярки кот наплакал, — доложил он в эфире.

— Командир, я что-то вижу, — раздался голос Третьего, стоящего на подножке кабины. Он спрыгнул вниз и направился по тропинке к РЛС. Подойдя к опоре, боец присел на корточки. — Тут лежал человек, отпечаток чёткий.

Майор подал знак бойцам за спиной идти следом и развернулся в сторону Третьего. Тот выпрямился и зашёл за опору:

— Здесь ещё один отпечаток тела. Похоже, тут начинали очистку станции, — Третий смахнул рукой на землю кучу дырявого снега. — Вот дерьмо!

Тринадцатого и Третьего разделяло каких-нибудь метров

десять, но он успел сделать только один шаг. Отсюда было хорошо видно, как из сотен дыр в сугробе, накрывавшем РЛС, хлынул серый поток насекомых, очень напоминавших тараканов величиной с ладонь. Волна насекомых мгновенно опрокинула бойца на снег и полностью захлестнула его. Эфир разорвал дикий крик боли, тут же перешедший в бульканье. Подбежавшие к майору бойцы бросились на помощь товарищу, но его не было видно под колышущимся живым ковром.

— Всем назад! — закричал майор. — Первый, Второй, на бульдозер, быстро!

В этот момент с растяжки радиомачты сорвалась вниз одна из висящих там тряпок. Беспорядочно кувыркаясь в воздухе, она почти уже упала на снег, как вдруг в полуметре от поверхности тряпка резко разгладилась и тонкой пластиной спланировала к кишашей куче из насекомых. В сантиметре от гребня кипящей насекомыми волны пластина издала разрывающий барабанные перепонки свист на грани ультразвука, и тараканья волна на мгновение застыла. Свистящая пластина изогнулась и выхватила из гребня таракана покрупнее, после чего взмахнула белесыми перепончатыми крыльями и, резко

изменив направление полёта, стремительно поднялась ввысь, унося добычу. Висевшие на растяжках радиомачты «тряпки» дождём посыпались вниз.

Бойцы уже были на бульдозере, и Тринадцатый, глядя, как небо над его головой заполняется стремительными тварями, побежал к машине.

— Четвёртый, разворачивайся! — майор на ходу взлетел на подножку кабины.

В этот момент стая летающих тварей атаковала кучу насекомых. Раздался многоголосый взрыв ультразвука, который не остановил даже гермошлем, уши пронзила

дикая боль, и Тринадцатый почувствовал, как из носа потекли тёплые струйки крови. Один из бойцов закричал и упал на землю. Не поднимаясь, он сорвал с себя гермошлем и, зажав ладонями кровоточащие уши, начал кататься по земле.

— Четвёртый, тормози! — майор прыгнул с тормозящей машины и побежал к лежащему на снегу бойцу.

Внезапно тот вскочил на ноги и, рванув из-за спины автомат, дал длинную очередь в живое облако над головой. Реакция тварей была поразительно высока: облако молниеносно расступилось,

пропуская через себя летящие пули. Одна тварь замешкалась и получила попадание в самый центр. Дырявая тряпка, кувыркаясь, упала на землю. Пулевое отверстие в ней начало зарастать прямо на глазах. Боец снова вскинул автомат и открыл беглый огонь. Но на этот раз тварь была настороже. Она проворно отпрыгивала, уворачиваясь от пуль, отталкиваясь от земли всем телом. Наконец ударник автомата глухо щёлкнул, извещая об опустошении магазина. Подоспевший к бойцу Тринадцатый схватил его за локоть и потащил к бульдозеру.

— Я всё равно достану эту тварь! — боец вырвался и бросился к

лежащей на земле «тряпке».

— Назад! — майор метнулся за ним, но было уже поздно.

Дыра в «тряпке» окончательно заросла, и тварь стремительно рванулась ввысь. Затем она резко изменила направление полёта, оказавшись в нескольких метрах от стрелявшего бойца, и молниеносно плюнула ему в грудь тонкой струей тёмно-зелёной слизи. Скафандр на его груди задымился под расплзающимся пятном, боец закричал от боли и упал на снег. Он попытался стереть слизь руками, но вязкая кислота мгновенно прожгла перчатки и начала разъедать руки. Тринадцатый подхватил истошно

кричащего человека и потащил к бульдозеру. Внезапно раненый затих и перестал шевелиться. Тело в руках словно потяжелело вдвое. «Всё», — понял майор. Подоспевший на помощь боец помог втащить тело па борт бульдозера.

— Давай к бункеру, пока на нас ещё кто-нибудь не обиделся, — бросил Тринадцатый Четвёртому.

Дважды повторять не пришлось.

— Тыловому дозору на броню, «Коробочке» прикрывать бульдозер, уходим к бункеру, в темпе. Как приняли меня?

Старшие доложили о приёме, и группа начала ускоренное отступление. Впереди шёл бульдозер,

пробивая дорогу напрямик, позади, развернув назад пулемётную башню, ползла Коробочка.

— Тринадцатый, я — бункер, как там у вас? — ожил эфир дальней связи.

— Командир, мне кажется, что на нас движется сугроб... — неуверенно произнёс Четвёртый.

Тринадцатый проследил взглядом указанное направление и ответил бункеру:

— Нас здесь совсем никто не любит, — и отключился.

Сейчас было не до них. Прямо в лоб бульдозеру, похожий в серых сумерках на большой грязно-бурый сугроб, стремительно мчался

владелец странных круглых следов.

Размером со средний грузовик, покрытый густой длинной кучерявой шерстью, странный зверь туловищем больше всего походил на медведя, а головой на коалу с двухметровой пастью акулы, из которой в несколько рядов торчали чуть ли не тридцатисантиметровые жёлтые клинки зубов. Короткие мощные лапы около полуметра в обхвате оканчивались в два раза более широкими утолщениями, подобно снегоступам, позволявшим зверю передвигаться по глубокому снегу, практически не проваливаясь. На крупе существа подрагивал свёрнутый кольцами толстый

мохнатый хвост. Медведь стремительно приближался, нагнув голову.

— Держитесь! — Четвёртый начал поднимать стальной отвал, чтобы прикрыть кабину от столкновения с живым тараном.

Удар был настолько силён, что бульдозер подпрыгнул и заглох, а держащихся за поручни людей стряхнуло с машины, словно оторвавшиеся от порыва урагана флюгеры. Тринадцатый пролетел через дорогу и плашмя вошёл в снежный завал. «Ну надо же, — подумал майор, выкарабкиваясь наружу. — Прямо как злодей из старого диснеевского мультфильма,

который, пробивая собой дверь или забор, оставлял на них трафарет своего тела».

— «Коробочка», работай по зверю, как только он выйдет из-за бульдозера, как принял меня? — Тринадцатый осторожно выглянул из импровизированной норы.

— Принял тебя хорошо, — «Коробочка» принялась разворачивать вперёд пулемётную башню. Тем временем обалдевший от удара медведь собрался с мыслями и решил обойти бульдозер с фланга. Оббежав по дуге чихающую и не заводящуюся машину, зверь снова бросился в атаку, целя в борт. В этот момент упавший с бульдозера боец

открыл по медведю огонь из автомата. К нему присоединился спешившийся десант БТР. Зверь негодуяюще взревел и, не сбавляя скорости, изменил направление движения в сторону автоматчиков. Перед самым носом медведя бойцы бросились в разные стороны, и разогнавшаяся туша с размаха врезалась в отвал дороги, подняв в воздух настоящий взрыв грязного снега и пепла. Отпрыгнувшие бойцы метнулись за спасительную броню БТР, однако один из них не стал укрываться и, подбежав к зарывшемуся в снег зверю, разрядил магазин в мохнатый зад. Внезапно скрученный кольцами хвост медведя

резко распрямился и снизу вверх нанёс бойцу страшный удар. Тело, словно поломанное пополам, подбросило в воздух, и вывернувшийся из снега зверь подхватил его на лету зубастой пастью. Раздался хруст и чавканье, медведь остановился и принялся пережёвывать добычу. С его стороны это оказалось ошибкой. Крупнокалиберный пулемёт «Коробочки» захватил цель и дал длинную очередь, изрыгая пламя, словно проклятия. Из туши зверя во все стороны полетели кровавые клочья, медведь оглушительно взвыл и рванулся прочь от ужасного противника, размазывая

волочащимся хвостом остающиеся за собой чёрные кляксы крови и вопя от страха. Через несколько секунд грязно-бурый силуэт убегающего зверя растворился в серых сумерках.

Четвёртый стоял перед бульдозером и смотрел на согнутый почти пополам стальной отвал. Он обернулся на звук шагов и, увидев Тринадцатого, задумчиво изрёк:

— Как такое могло появиться на свет всего за семь лет? И каким образом выжили птицы?

— Это не птицы. Андрей. Это летучие мыши. Точнее, то, что с ними стало, — майор полез на борт бульдозера. — Поехали, надо возвращаться домой.

Поредевшая Внешняя группа, переодетая в больничные пижамы, вновь сидела в комнате встреч. Напротив, за прозрачной стеной, было целое столпотворение: члены Совета, генерал, руководители и ведущие специалисты обеих аналитических групп, учёные, врачи, инженеры — всего десятка три человек теснились в небольшом помещении, никак не рассчитанном на такое обилие посетителей сразу. Вот уже два часа Внешние снова и снова описывали произошедшее на поверхности, отвечая на десятки вопросов и уточняя множество

деталей.

— Я ещё раз повторяю, — устало объяснял Четвёртый, — эти тараканы сожрали тело вместе со скафандром за пару десятков секунд. Я сидел в кабине бульдозера, и мне было хорошо видно, что после того, как эта гадость вернулась внутрь РЛС, на снегу остался только отпечаток тела, не было даже ни капли крови.

На половине гостей стоял негромкий гул, референты фиксировали сказанное, специалисты обсуждали информацию, кто-то делал пометки в компактном ноутбуке.

— А вы уверены, что не могли

ошибиться? — задал вопрос кто-то из аналитиков. — Всё-таки кабина бронирована и обзор из неё не самый удобный. Возможно, кровь всё же была?

— Я уверен, — угрюмо перебил Первый. — Я был оттуда в двух метрах, хотел помочь, но его даже не было видно из-за кишащей дряни. Зато хорошо были видны отпечатки тел. На них тоже не было ни капли крови. И обрывков скафандров не было. Ни одной нитки, ни куска пластика. Эти твари жрут всё, что попадает им на пути, кроме железа. Поэтому они и живут внутри станции, прячутся там от летающих тряпок.

— Скорее всего, насекомые выделяют какую-то очень активную кислоту, наподобие той, следы которой мы обнаружили на скафандре и теле убитого летучей мышью бойца, — руководитель медицинской аналитической группы протянул профессору распечатку. — Вот анализ этих следов, только что поступил из лаборатории. Очень странные химические соединения, в наших условиях получить такое не удастся.

— А что произошло с летающим животным после атаки кислотой? — поинтересовался человек в очках, одетый в комбинезон научного отдела.

— Оно улетело, — ответил Тринадцатый, — присоединилось к стае.

— Просто улетело и всё? Не попытавшись защитить добычу? Быть может, у существа закончился яд, или оно ослабело от потери крови вследствие пулевого ранения?

— Не думаю, — майор покачал головой. — Крови на снегу было совсем немного, и рана затянулась за считанные секунды. Оно изначально не планировало агрессию, иначе мы бы здесь сейчас не сидели.

— Вы не могли бы объяснить свою мысль?

— Пожалуйста. Когда по стае была выпущена автоматная очередь,

она буквально расступилась, освобождая дорогу пулям, не говоря уже о том, что раненое существо умудрялось уклоняться от пуль, выпущенных с десятиметровой дистанции, просто отталкиваясь от земли всем телом, подобно тому, как плавают медузы. У них очень хорошая реакция и высокая скорость. Визуально, во время охоты на тараканов они очень быстро ускорялись где-то до ста метров в секунду. С учётом кислоты, нам нечего было ему противопоставить, тем более на ближней дистанции. Наше оружие недостаточно скорострельно для этого, и имеет слишком малый боезапас.

Тринадцатый замолчал.

— И всё же, почему оно не напало на вас в момент оказания помощи раненому, если вы были столь беззащитны? — не унимался очкарик. — Почему на вас не набросилась вся стая?

— Возможно, оно просто было не в курсе нашей беззащитности? — усмехнулся майор. — Существо спасало свою жизнь, защищаясь. Как только агрессия была подавлена, оно вернулось в стаю. А стаю мы и вовсе не интересовали, её интересовали эти серые тараканы-переростки, летучие мыши их с удовольствием едят. Именно поэтому мыши и приспособили под жильё

радиомачту, она стоит удобно, прямо рядом с гнездом тараканов, далеко лететь не надо.

— То есть вы хотите сказать, что эти так называемые летучие мыши не агрессивны по отношению к человеку? — вступил в разговор академик. — Но они же чуть не убили вас ультразвуковой атакой?

— Атаковали не нас, — Тринадцатый был терпелив словно каменное изваяние Будды. — Я уже говорил, что во время этого крика тараканья волна словно замирала. Этот звук предназначался насекомым, мы просто попали в зону действия. Хотя лично я, имея такое снаряжение, не хотел бы специально

проверять дружелюбие этих существ.

Сидящий рядом с академиком Данилевский задумчиво произнёс, снимая очки:

— Вероятно, тут имеют место моменты резонанса частот ультразвука и биологических колебаний организмов насекомых, — оторванный от своего микроскопа, он, как обычно, волновался и принялся протирать стекла очков прямо о комбинезон. — Если бы у нас был образец особи...

— Вы что, не понимаете? — не выдержал Первый. — Они сжирают человека без следа за двадцать секунд! Если бы не эти летающие тряпки, нами бы тоже пообедали! К

РЛС невозможно подойти близко. И кто знает, не понравилось ли тряпкам плевать кислотой? Как они встретят нас в следующий раз?

— Если мы вообще в следующий раз до них доедем, — хмуро пробурчал командир экипажа Коробочки. — Медведь этот бессмертный, если в борт ударит, бэтээр перевернёт запросто. А если этот подарок радиоактивной природы вернется не один? Он так быстро бежит, что у меня поворотное устройство пулемётной башни за ним не успевало. Это хорошо он остановился, когда проглатывал тело Василенко, а то неизвестно ещё, чем бы дело закончилось, — боец устало

прикрыл глаза. — Я в него всадил восемь 14,5-мм пуль, на дистанции в тысячу метров пробивающих десятимиллиметровую броню навылет, ни одно живое существо бы не выжило, а этот только заорал и убежал ещё быстрее, чем прибежал, — он открыл глаза и добавил: — Там, на поверхности, все носятся, как ошпаренные.

— Да, ситуация складывается неутешительная, — управляющий директор жестом призвал всех к тишине. — Выходы на поверхность всвязи с высоким уровнем опасности для жизни придётся прекратить вплоть до успешной разработки эффективных мер защиты.

Соответствующие распоряжения и указания Совет подготовит завтра. На сегодня совещание окончено. Главный врач лечащей группы согласился предоставить аналитикам ещё один час для уточнения деталей, после чего сотрудникам Внешней группы необходимо вернуться к лечению.

Члены Совета попрощались и вместе с частью учёных покинули помещение. Ещё через час потянулись долгие унылые сутки бесконечных процедур, закончившиеся жёлтым огоньком индикатора анабиоза.

Даша шла по неширокому коридору медицинского уровня в подуровень аналитиков. Её смена начиналась только через час, но ей хотелось пораньше увидеть мужа, который вот уже сутки не возвращался с работы. Александр всегда лично от начала и до конца контролировал все сеансы терапии сотрудников Внешней группы, дотошно вникая в любые мелочи, дававшие хоть малую толику возможности хоть как-то продлить жизнь этим людям. Сегодня утром закончились именно такие сутки, однако дома супруг до сих пор не появился. Наверняка ведь сидят сейчас с Данилевским за

компьютером. С тех пор, как решением Совета обе аналитические группы были объединены в одну, рабочие места её руководителей находились в кабинете Александра. Медицинский уровень был менее загружен работой, и физиков-аналитиков переселили к медикам. С тех пор двое учёных часто засиживались над решением никак не поддававшихся им проблем. Совет директоров требовал отчёта после каждого пробуждения Внешних и выкладывал эти данные в открытую сеть. Угасший было за семь лет интерес обитателей бункера к процессу лечения Внешней группы после прошлогодних трагических

событий на поверхности снова возрос, и рейтинг публикаций до сих пор не опускался ниже шестидесяти процентов.

Даша вошла в кабинет мужа. Так и есть, снова они никак не могут расстаться со своей работой. Андрей сидел на стуле верхом и, энергично жестикулируя, о чём-то спорил с сидящим возле компьютера Данилевским, не замечая появления супруги. Женщина остановилась в дверях и с улыбкой смотрела на мужа, в этот момент напоминавшего ей ребёнка, увлечённо играющего в кавалеристов. Он так и остался большим мальчишкой, переполненным грандиозными

планами, лёгким на подъём и заражающим всех вокруг своим прямо-таки неуёмным оптимизмом. Она влюбилась в него в первый же день их знакомства, когда девять лет назад увидела молодого кандидата наук с этими совершенно не вяжущимися с научной степенью качествами.

— Здравствуй, Дашенька, ты сегодня как всегда очаровательна. Как там Данилка поживает? — Данилевский первым заметил стоящую в дверях молодую женщину.

— Спасибо, ты, как всегда, внимательней родного мужа, — улыбнулась Даша. Она подошла к Александру сзади и обняла его

руками за шею, зарывшись губами в волосы на затылке. — Данилка уже в садике, так папу и не дождался, — Даша принялась шутливо душить мужа, — дорогой, я ревную тебя к работе. Когда ты вернёшься к жене?

— Сдаюсь, сдаюсь, — поднял руки вверх Александр, — я люблю только тебя! — он чмокнул её в щеку. — Вот закончим твою смену и вместе вернёмся.

— Ты уже сутки не спишь, и собрался проработать ещё двенадцать часов? — Даша нахмурилась. — Ты когда последний раз ел? Забыл про свою язву? Хочешь, чтобы я с ума сошла от беспокойства? — накинулась она на мужа. — Сейчас

же отправляйся домой!

— Да она же не в курсе последних новостей! — осторожно подал голос Данилевский. — Саша, расскажи ей, всё равно к концу смены Совет выложит в сеть отчёт.

— А что произошло? — встревоженно поинтересовалась Даша. — Что-то не так с анабиозом?

— Нет-нет, с анабиозом все как обычно, Совет специально задержал новости, чтобы дать нам возможность без лишних осложнений погрузить Внешних, — Александр встал и, усадив жену на стул, принялся мерить шагами кабинет. — Шесть часов назад дежурная смена радиогруппы

приняла слабые сигналы. Передача идёт с МКС! И они разговаривают с кем-то, находящимся на Земле! Мы не одни выжили в этой катастрофе! После девяти лет одиночества мы услышали голоса других людей!

— Но это же замечательно! — обрадовалась Даша. — Но почему Совет тягивает с объявлением таких новостей? Это же прекрасно! Мы сможем узнать, что стало с планетой, связаться с кем-то ещё!

— Ну... не совсем, — Александр кивнул на Данилевского, — вон господин физик пусть объяснит, это его вотчина.

Под вопросительным взглядом Даши Данилевский мгновенно

смутился и тут же принялся вытирать об халат стёкла очков, подслеповато моргая.

— Нельзя... то есть, конечно, можно... но мы не можем... — физик окончательно запутался и запнулся на полуслове.

Страдальчески вздохнув, он нацепил очки и сосредоточился:

— Дело в том, Дашенька, что наших возможностей едва хватает на неуверенный приём радиосигналов. Радиокомплекс на поверхности захвачен насекомыми и частично повреждён, большая удача уже то, что мы способны их слышать. По нашему мнению, это стало возможным благодаря

восстановлению озонового слоя, что позволило наладиться конвекции в атмосфере, вследствие чего за последние два года выпало большое количество осадков. Они вымывают атмосферный пылевой слой, в том числе и радиоактивные частицы, что привело, с одной стороны, к увеличению уровня заражённости земной поверхности, с другой — к уменьшению ионизации атмосферы. Теперь радиосигналу практически ничего не препятствует, поэтому мы и можем его принимать, — физик остановился и перевёл дух, словно молодой преподаватель, только что закончивший читать свою первую лекцию.

Но от дальнейших мучений его спас Александр:

— Понимаешь, дорогая, Совет опасается, что жители начнут немедленно требовать наладить двухстороннюю связь с МКС, а отобрать радиокomплекс у насекомых мы сейчас не можем. Из-за этого может начаться нездоровый ажиотаж и ненужные волнения, а так будет объявлено, что после следующего планового пробуждения Внешняя группа выйдет на поверхность и займётся радиокomплексом. Таким образом, Совет собирается выиграть дополнительное время, выяснить настроение служащих, получше подготовиться к сражению за РЛС.

Даша понимающе кивнула:

— Что ж, с позиции Совета это логично. Но я не понимаю, почему в огромном бункере, рассчитанном чуть ли не на семьдесят тысяч человек, оказался всего один комплект радиокомплекса?

Александр облокотился о стену кабинета и сложил руки на груди:

— Никто ведь всерьёз не верил в возможность ядерной катастрофы. Поэтому и комплекс был один, и техники на весь бункер всего-то три вездехода, которые мы потеряли в день трагедии при эвакуации людей с поверхности, — неистребимый темперамент возмутился столь неподвижной позе, и глава

аналитиков вновь отправился в обход кабинета. — У нас ведь на биофермах никогда не было, к примеру, ни одной коровы, зато мы успешно выращиваем устриц, экзотические водоросли и ещё с десяток морских существ, блюда из которых до катастрофы стоили бы половину моей зарплаты.

Компьютер на столе мелодично пропел короткий сигнал, и Александр бросился к нему, словно голодный хищник на добычу. Аналитик ткнул худым пальцем в консоль, и принтер тихонько загудел, выплёвывая из себя листы распечаток. Александр, не дожидаясь окончания печати, принялся

выхватывать их из бумагоприёмника и буквально поедать глазами. Взгляд его тускнел с каждым прочитанным листом всё сильнее. Наконец Александр закончил и протянул бумаги Данилевскому. Физик посмотрел на медика:

— Есть изменения?

Александр печально покачал головой:

— Ничего кардинального. Мы, как всегда, почистили им кровь и восстановили ткани, а наша очередная разработка, как обычно, не дала результата. Нам снова не удалось повлиять на процесс разрушения ДНК и клеток костного мозга, — он опустил взгляд и с

грустью добавил: — У нас остаётся всё меньше и меньше времени, — медик вздохнул, немного помолчал и поднял глаза на физика:

— Как думаешь, когда вы будете готовы?

Данилевский задумчиво потёр подбородок:

— Полагаю, месяца через четыре. Во-первых, на поверхности будет середина лета и плюсовая температура, а значит, не будет и снега, что облегчит охоту летающим мышам. Во-вторых, в тёплой среде газ более летуч, чем в холодной, что увеличит скорость диффузии в воздухе. Ну и, в-третьих, образца насекомого у нас нет, так что все

расчёты сугубо теоретические, нельзя гарантировать восприимчивость этих мутантов к стандартным средствам, даже многократно усиленным, — учёный задумался и принялся корректировать цифры на экране компьютера. — Но кислотостойкость скафандров мы повысим существенно, молодец Рязанцев, светлая голова...

— Вы что, собрались тараканов травить? — недоверчиво протянула Даша.

— Совершенно непредсказуемые шансы на успех, — заявил физик, — однако мы вполне можем их выкурить из РЛС на какое-

то время. И если данные Внешних верны, то как только тараканы окажутся на открытой местности, за них примутся летучие мыши. Если всё пойдёт согласно плану, эту операцию можно будет повторять до полного очищения радиокompлекса, — Данилевский забарабанил пальцами по консоли компьютера, запуская какую-то сложную специализированную программу. На дисплее замелькали синусоиды диаграмм, формулы и таблицы. Не отрываясь от работы, он добавил:

— Ещё на всякий случай мы изготовили несколько огнёметов. По отдельной просьбе командира

Внешней группы.

На этот раз пейзаж, лежащий вокруг, разительно отличался от привычной картины. Затянутое серыми облаками пасмурное небо низко нависало над головой, мелкими каплями густо шёл дождь, изогнутый косой стеной давлением сильного ветра, под колёсами слюняво чавкала жирная бурая грязь. Приборы показывали уровень заражения местности более десяти тысяч рентген в час, огоньки шкалы индикатора защиты скафандра вплотную подошли к отметкам красной зоны критической угрозы.

«Да, приятный летний дождичек,
— подумал Тринадцатый,
— ласковый и тёплый. Я бы даже
сказал, очень тёплый. Прямо-таки
горяченький. Счетчик Гейгера сейчас
удивляется сам себе: вряд ли он
когда-нибудь догадывался, что
способен показывать такие цифры».

Майор сидел рядом с Четвёртым
в бронированной кабине ползущего
сквозь двадцатисантиметровый слой
жижи бульдозера и внимательно
разглядывал тянущийся по обе
стороны горизонт. В прошлый выход
зрение не обмануло его, у самой
линии встречи земли и неба ровная
покрытая грязью пустыня
действительно переходила во что-то

другое. Наверное, это следы пожарища когда-то возвышавшегося здесь величественного леса, хотя точно определить не представлялось возможным, слишком велико расстояние. Если этот нежный, словно мякоть кокоса, радиоактивно-кислотный дождь, всё же закончится, надо будет попробовать выйти из кабины и воспользоваться биноклем. Тринадцатый посмотрел в монитор камеры заднего обзора. Трясущийся позади бульдозера прицеп с ёмкостью, наполненной предположительно ядовитым для тараканов газом, наполовину закрывал плетущуюся в арьергарде «Коробочку». Весь личный состав

Внешней группы и два приданных для проведения профилактики РЛС техника находились внутри десантного отделения бронетранспортёра, и «Коробочка» тускло мерцала в рассеянном солнечном свете мокрой от дождя броней цвета хаки. Экипаж БТР принаравливался к новому поворотному устройству башни, и бронетранспортёр вертел стволом пулемёта, словно вентилятор пропеллером. Если так пойдёт дальше, то «Коробочка» взлетит. Майор улыбнулся и принялся ещё раз прогонять в памяти инструкции по применению газа. Процесс был несложным и полностью

автоматизированным, все операции должны будут выполняться двумя электроманипуляторами; по идее, если не произойдёт ничего непредвиденного, люди покинут машины лишь после того, как с тараканами будет покончено.

— Командир, я — «Коробочка». Вижу медведя, движется параллельным курсом, удаление семьсот метров. Приём, — зашипел в наушнике эфир ближней связи.

— Принимаю тебя, — Тринадцатый попытался разглядеть зверя в боковую амбразуру кабины. Серая туша действительно скользила вдали, грациозно выбрасывая вперёд лапы, словно бежать ему

приходилось не по глубокой жиже, а по асфальту. — Попугай его немного. Дай предупредительную очередь.

«Коробочка» чуть повела башней и плюнула огнём. Жижа перед бегущим зверем грязными фонтанами взлетела в воздух. Зверюга немедленно дала дёру подобру-поздорову. Эфир зазвучал довольным голосом командира «Коробочки»:

— Похоже, это был наш старый знакомый. Узнал нас.

Тринадцатый вспомнил, как на глазах заживала рана на теле летучей мыши, кровавые клочья, летящие из туши получившего очередь из крупнокалиберного пулемёта

медведя, и снова поразился живучести новых обитателей планеты. М-да, природа не терпит пустоты. Человек веками старательно истреблял её творения в угоду собственному благополучию, в погоне за наживой стирая с лица земли сотни и тысячи живых видов, загрязняя воду, отравляя воздух, пожирая недра, вырубая леса. Он никогда не считался с теми, кто был слабее, и не задумывался над тем, что обречённые им на гибель существа тоже имели своё право на жизнь. Не останавливаясь ни перед какими жертвами, человек не переставал усеивать костями слабых подножие своего трона, гордо именуя

себя венцом творения эволюции, пока, вконец не ослеплённый своим глупым тщеславием, не перешёл ту роковую черту, за которой уже нет возврата. И эволюция сделала выводы. И приняла меры. Венец творения был пинком сброшен со своего трона и низвергнут глубоко под землю, за его место уже борются новые, молодые и сильные, лучше приспособленные, среди которых уже нет места для вчерашнего чванливого царя природы. Загнанным в норы, подобно крысам, остаткам человечества теперь предстоит заново доказать своё право носить венец повелителя — или незаметно исчезнуть с лица

планеты, которую они попытались убить столь изощрённо и почти успешно. И на этот раз правила игры будут намного жёстче.

Майор заново воспроизвёл в памяти подробности сегодняшнего утра. Выход из анабиоза сопровождался множеством сюрпризов. Сначала новый молодой врач, обслуживающий анабиозную камеру Четвёртого, сразу после открытия капсулы поприветствовал обалдевшего от неожиданности Андрея словами:

— Добрый день, папа! — чем сразу же превратил обычную унылую атмосферу анабиозного отсека в смех, шутки и дружеские подначки.

Затем главврач объявил о предстоящем выходе на поверхность и подготовленном для этого новом снаряжении, что было воспринято Внешними сродни празднику, ибо утомительное однообразие медицинских процедур сводило людей с ума. И в завершение сотрудников Внешней группы в зале встреч ожидали члены Совета, первым делом обрисовавшие людям положение дел в мире, составленное по данным радиоперехватов за четыре месяца.

Картина была печальна. Цивилизация погибла, от человечества остались лишь жалкие крохи, из последних сил

сражающиеся за существование. Обмен ударами продолжался три дня, пока не погибли последние из дерущихся. Территории, на которых ещё недавно находились ядерные державы, сейчас представляли собой перепаханные ядерными ударами радиоактивные пустыни. Синергизм термоядерных взрывов вызвал мощные сдвиги тектонических плит, и большинство островов погрузилось в океан. Говорили, что одно неглубокое подземное убежище на каком-то из японских островов не разрушилось при погружении Японии в океан, и люди оказались на глубине в полкилометра под водой в медленно затапливаемом бункере.

Первые полгода они боролись за жизнь, потом в эфире были слышны лишь их обезумевшие голоса, надрывно кричащие что-то бессвязное. Ещё через три месяца связь с ними прекратилась. Неглубокие убежища, шахты и метрополитены крупных городов не выжили в огне ядерного кошмара и погибли либо сразу, либо в течение первого месяца от разгерметизации и заражения. Старые и хорошо известные разведкам сражавшихся стран надёжные укрытия были разбиты прицельными ударами друг друга, ни одно правительство не уцелело, стратегические объекты противника уничтожались в первую

очередь. Через месяц после того, как прогремел последний взрыв, миллионы тонн радиоактивной пыли полностью окутали планету, и наступила ядерная зимняя ночь, накрывшая планету на восемь долгих лет. Температура на поверхности земли резко упала в среднем на пятьдесят градусов, и привычная биосфера планеты погибла. На территории Африки не разорвалось ни одной ракеты, но принесённое ветрами заражение и резкое похолодание мгновенно уничтожило всю растительность и животный мир, обрекая людей на гибель от эпидемий, голода и холода, и целый континент превратился в кладбище.

Зыбучие пески и ураганные ветра безраздельно властвовали над огромным континентом, стирая с его лица память о неразумной цивилизации. Лишь одно подземное убежище на территории Южноафриканской республики продолжало функционировать.

Многочисленные убежища, выстроенные в основаниях горных цепей Анд и Кордильер, избежавшие прямых попаданий, но не имевших абсолютной герметичности, медленно погибли от заражения и атак мутировавших насекомых, разносящих эпидемии жутких болезней. Множество укрытий не выжило после того, как иссякли

запасы энергии. На огромных материках обеих Америк спустя девять лет после великой катастрофы жизнь сохранилась лишь в трёх убежищах на территории бывших США, Аргентины и Бразилии. В Европе в результате сдвигов в земной коре подземные воды ушли из области Альп, и обитатели убежищ были вынуждены выходить на поверхность в поисках воды, что привело их к медленной гибели от радиации и заражения. Единственным местом, где ещё остались люди, была Швейцария. Высеченная в скалах колоссальная сеть подземных тоннелей, обеспеченная всеми необходимыми

запасами и охватывающая почти всю страну, приняла в себя почти четыре миллиона граждан. Надежды на многовековой нейтралитет не оправдались. Сразу несколько ядерных держав нанесли мощные удары по стране, многочисленные банки которой хранили деньги заклятых противников, стремясь свергнуть врага в финансовый голод. Глобальная разветвлённая сеть подземных тоннелей, призванная сохранить жизнь людям, на деле превратилась в огромную заражённую резервацию. Слишком большая площадь убежища и наличие многочисленных выходов на поверхность не позволяли ни

надёжно контролировать герметичность, ни сохранить полностью замкнутый цикл очистки и регенерации воздуха. В результате в подземной Швейцарии в первые же месяцы начали вспыхивать очаги болезней, и тысячи расплодившихся насекомых разносили эпидемии всё глубже. Система воздухоснабжения переносила заражение с поверхности, усиленное внутренними пандемиями, и подземную страну захлестнули зловонные щупальца неминуемой гибели. Где-то в самом сердце туннелей, возле атомного реактора, небольшая кучка учёных и медиков ещё боролась за выживание,

неумолимо проигрывая битву со смертью.

На территории России на связь выходили два подземных укрытия, одно из которых, судя по всему, являлось «Подземстроеном-1», и военный бункер где-то на Урале, но оба убежища начали испытывать всё возрастающие перебои с энергией, в одном из них вспыхнул пожар, и связь с ними в конце концов пропала. Военный бункер просуществовал какое-то время, но после проведения очередной вылазки на поверхность погиб от вспыхнувшей эпидемии чумы. Вот уже три года территория России считалась мёртвой. В Азии к настоящему времени уцелели только

два китайских убежища в Гималаях, но в связи с высоким перенаселением сейчас там бушевал голод. Катастрофическая нехватка продовольствия послужила причиной гибели единственного уцелевшего бункера на территории Индии, связь с которым прервалась почти год назад. На землях исторически холодных стран в разгар ядерной зимы температура опустилась ниже отметки в минус семьдесят градусов, и всё живое погибло.

Меньше всех пострадала Австралия, не получившая ядерных ударов в дни Великой катастрофы. Однако последствия ядерной зимы

там ощутили сполна. Мощнейшие ураганы и смерчи, бушевавшие многие годы, полностью разрушили все прибрежные города, чудовищные цунами заходили вглубь береговой линии на десятки километров, без солнечного света процесс фотосинтеза прекратился, планктон и водоросли погибли, и океан опустел, перестав приносить пищу. Выжившие люди ушли к центру материка, опустевшего после гибели теплолюбивой австралийской флоры. От некогда сорокамиллионного населения осталась едва четверть, и жизнь сосредоточилась вокруг четырёх крупных убежищ в центральной части материка,

организованных на базах
космодрома, ядерной
электростанции, фабрики по
обогащению урана и крупного
хорошо защищённого
правительственного комплекса,
построенного за десять лет до войны.
Людям удалось сохранить урановые
шахты и остатки промышленности.
Осадки вымывали из атмосферы
радиоактивную и химическую пыль,
остатки цивилизации вели упорную
борьбу с заражением, пытаясь
отстоять для осколков человечества
хотя бы один клочок земли. Три года
назад, когда зима начала стихать и
температура на австралийском
материке поднялась выше нуля, было

начато строительство
многокилометровой стены,
призванной объединить четыре
убежища и создать накрытую
куполом герметичную зону,
непроницаемую для радиоактивных
осадков, однако строительство шло
медленно, не хватало людских и
пищевых ресурсов.

Неоценимую помощь оказывала
МКС, ведущая наблюдение за
формированием и маршрутами
движения ураганов и вовремя
предупреждавшая о надвигающихся
опасностях. По счастливой
случайности по станции не стреляли,
и две тысячи пар глаз с орбиты и
пятьсот с Луны трое суток смотрели,

как язвы термоядерных взрывов терзают их планету, навсегда уничтожая всё то, что ещё недавно казалось незыблемым и вечным. Потом всё заслонил вопрос выживания. Люди потеснились, оранжереи расширились. Сообщение с Луной не требовало больших затрат, и посёлок регулярно получал пищу, что позволило не замораживать работы, и шахты добывали, оборудование работало, отрезанный от родной планеты осколок человечества начал борьбу за существование. Со временем была налажена связь с уцелевшими убежищами, и МКС стала координирующим центром для

последних представителей
человеческой расы.

Майор отвлёкся от мрачных мыслей и сосредоточился на предстоящей операции. Связь с внешним миром была необходима. Что ж, посмотрим, что получится сделать на этот раз. Бульдозер подходил к стальному пауку радиокomплекса, снег сошёл, РЛС была облеплена толстым слоем грязи, в которой было хорошо заметно множество знакомых отверстий. Уже знакомые грязные «тряпки» всё так же увешивали растяжки радиомачты, ища случай пообедать. Вот и прекрасно, сейчас этот случай представится.

Тринадцатый коротко взмахнул рукой, и бульдозер остановился в двадцати метрах от радиокomплекса. Майор взял в руки пульт управления электроманипуляторами, и стрела небольшого крана, смонтированного на прицепе, установила на земле приманку для насекомых. Она представляла собой объёмный лабиринт в виде металлического куба с мелкоячеистыми стенками, наполненного различными органическими отходами. Специальное устройство внутри куба источало сильный запах, который теоретически должен был привлечь тараканов.

План, разработанный

аналитической группой, был прост: установившуюся микроэкосистему уничтожить слишком сложно. Поэтому необходимо вынудить колонию насекомых добровольно сменить место обитания на более сытное, используя ядовитый газ с целью создания неблагоприятных условий для жизни тараканов внутри радиокомплекса.

Как только приманка была установлена, Четвёртый, заложив дугу, подогнал машину практически вплотную к РЛС с противоположной стороны и остановился, в любую секунду готовый дать задний ход. Тринадцатый щёлкнул кнопкой, и манипуляторы прицепа потянули к

корпусу станции рукава толстостенных шлангов. Майор дождался, когда шланги почти коснутся РЛС, и подал давление. Со стороны казалось, что корпус станции обдали мощными струями два огромных огнетушителя. РЛС окутался белым паром и летящими в разные стороны кусками грязи. Через десять секунд дальняя сторона корпуса радиокомплекса брызнула фонтанами спасающихся насекомых. Они практически мгновенно почуяли приманку, и шевелящаяся серая масса с поразительной скоростью устремилась к кубу. В этот момент в небе над станцией вздрогнули растяжки радиомачты, и вниз

дождём посыпались беспорядочно кувыркающиеся в воздухе летучие мыши. У самой земли измятые «тряпки» дружно ударили крыльями, и усиленные мембраны гермошлемов пробил слитный ультразвуковой удар. Для летающих существ настало время обеда.

Спустя двадцать минут разрываемый летучими мышами кишачий поток, соединяющий РЛС и приманку, начал иссякать и вскоре прекратился, старые тряпки вновь замерли на тросах радиомачты, однако майор продолжал водить манипуляторами, обрабатывая станцию газом до тех пор, пока ёмкости не опустели. Настало время

для второй фазы операции.

БТР подошёл поближе, и из десантного отделения вышли пятеро бойцов с ранцевыми огнёметами наготове. За ними, опасливо оглядываясь, вылезли двое техников с такими же ранцами за плечами, только заправленными сжатым под высоким давлением воздухом. Техники принялись выгружать различное оборудование и модули радиокомплекса, бойцы осторожно двинулись в обход станции. Тринадцатый покрепче затянул лямки неуклюжего огнёмета, вылез из кабины бульдозера и присоединился к бойцам. Начался ремонт станции. Техники чистили

комплекс, производили замену повреждённых блоков и модулей на новые, изготовленные с учётом имеющегося опыта общения с насекомыми, и устанавливали свежие элементы питания.

— Тараканы! — срывающимся голосом одного из техников зазвенел эфир.

Под только что снятым очередным модулем обнаружилось с десяток насекомых. Огромные тараканы мгновенно набросились на учёного, облепив ему руку по локоть, но новый скафандр пока выдерживал кислотную атаку. Подоспевшие на помощь бойцы оттащили техника от станции и сжатым воздухом сбили

тварей на землю. Полыхнул огнѐмет, накрывая напалмом копошащихся в мокрой жиже тараканов, и в жирной грязи весело заиграло пламя, задиристо шипящее испаряющимися дождевыми каплями. С растяжки сорвалась тряпка летучей мыши и неожиданно шлёпнулась в грязь рядом с огнѐм. Тут же за ней последовала вторая, третья, и вскоре уже несколько десятков мышей облепили костѐр плотным кольцом. Грязные плоские тряпки видоизменились: теперь они напоминали маленьких ежей, плотно прижавшихся друг к другу и сплетающихся колючками. В небе над пламенем беспокойно кружили

сотни существ. Люди, с опаской глядя на неожиданное развитие событий, осторожно отступили подальше от РЛС.

— Да они же греются! — догадался кто-то.

Эта мысль показалась Тринадцатому не лишённой смысла. Он отошёл подальше от радиокomплекса и вскинул раструб огнёмета. Мощная струя жидкого пламени мгновенно превратила в полыхающий хищными языками огненный бассейн сорок квадратных метров грязевой хляби. Мечущееся над РЛС живое облако отреагировало молниеносно, летающие существа устремились к новому источнику

тепла, подобно метеоритам шлепаясь в грязь поближе к огню. Окружающее радиокomплекс пространство очистилось, и техники продолжили работы. Время от времени обнаруживались тараканы, одинокие или небольшими группами. Их привычно сбивали в грязь сжатым воздухом и заливали напалмом. В остальном всё протекало спокойно, лишь огнѐметчики периодически обновляли костры, отвлекая летучих мышей от станции. Майор достал бинокль и некоторое время разглядывал удивительных существ, так запросто менявших форму тела. Затем он сосредоточился на окрестностях. Похоже, эпицентр

термоядерного взрыва был окружён тянущимися на многие десятки, а может, даже сотни километров болотами. Это всё, что осталось от некогда стоявшего здесь величественного многовекового леса, погибшего в пламени ядерных ударов и последовавших за ними всепожирающих пожаров.

Уже наступил вечер, стало смеркаться, все необходимые операции были завершены, и группа отправилась в обратный путь.

На половине пути к лагерю на связь вышла Коробочка:

— Командир, у нас гости. Два

медведя двигаются к нам наперерез, третий на расстоянии визуального контакта, пока не приближается. Судя по характерным белым подпалинам на хвосте, это наш старый знакомый.

— Время до контакта с нападающими?

— Тридцать секунд.

— Дай предупредительную очередь.

БТР выбросила всполох пламени в сторону приближающихся медведей, на мгновение разогнав яркой вспышкой сгущающиеся сумерки.

— Не помогло, они увеличили скорость.

— Огонь на поражение по ближайшей цели.

Крупнокалиберный пулемёт бронетранспортёра злобно застучал, отправляя навстречу атакующему зверю смертоносный рой стальных пчёл. Ближайший медведь будто с размаху пробил невидимую стену и кубарем покатился по расплескивающейся грязи. Хищное жало БТР не умолкало, сопровождая огнём кувыркающуюся тушу ревущего от боли зверя, разбрасывающую во все стороны кровавые ошметки. Второй медведь, почувствовал смертельную опасность, резко изменил направление и рванул прочь,

распустив сжатые на спине кольца хвоста, смешно болтающегося теперь в такт движениям. Тем временем израненный зверь встал на лапы и, тяжело хромя, заковылял к болотам, утробно вопя. Однако далеко уйти ему не удалось. Когда раненый медведь был уже на полпути к цели, сохранявший нейтралитет обладатель мохнатого хвоста с белыми пятнами внезапно набросился на него, и оба зверя, сцепившись в клубок, покатались по земле. Спустя несколько секунд всё было кончено, белохвостая громадина возвышалась над телом мёртвого врага, неторопливо пережёвывая огромные куски мяса, отхватывая их от туши

акульей пастью с бесчисленными рядами огромных зубов. Всем своим видом белохвостый демонстрировал удовольствие, важно прохаживаясь вдоль поверженного противника в промежутках между приёмами пищи.

— Вот ведь хитрец! — произнёс Четвёртый, внимательно разглядывающий развернувшееся представление. — Интересно, он заранее всё продумал или это был экспромт?

Оба бойца негромко рассмеялись.

К моменту, когда сотрудники Внешней группы сдали своё

снаряжение на обработку и вновь оказались в руках медиков, бункер гудел, словно растревоженный улей. Радиокомплекс работал отлично, и была установлена устойчивая связь с МКС, а через неё и с остальным миром. Бездействующая годами радиогруппа была вынуждена организовать работу в две параллельные смены, обеспечивая непрерывный обмен и обработку хлынувших информационных потоков. Проводившие стандартные лечебные процедуры врачи, обычно молчаливые и мрачные, на этот раз находились в приподнятом настроении, высказывая надежду на успешное сотрудничество и обмен

опытом с коллегами из других стран.

— Ко времени вашего следующего пробуждения мы будем уметь значительно больше, — горячо убеждал Четвёртого сын, — ещё немного, и с болезнью будет покончено!

Четвёртый улыбался, глядя через стекло биорегенерационной камеры на молодого врача, извергавшего из себя потоки оптимизма.

— Давай, Андрей Андреич, на тебя вся надежда! — динамики системы связи донесли его шутливый голос. — А то мы уже не можем смотреть без тошноты на эти морозильники.

Покинувшие на долгие годы

карантинный подуровень яркие эмоции вернулись, и люди вновь получили надежду на спасение. Главврач даже решился отклониться от графика и выделил два часа для встречи с родственниками тем, у кого они были. Под шум общего ажиотажа Тринадцатый попытался было пробраться в спортзал, но был пойман врачами и препровождён в комнату встреч, где остальные Внешние увлечённо общались с родными и близкими. Из школы привели на встречу начальные классы, и пространство за перегородкой мгновенно наполнилось шумом и гамом, любопытные детские лица

прижимались к прозрачной стене, смешно плюща носы. Для малышей шести-девяти лет сотрудники Внешней группы были мифическими героями из сказок, рассказываемых иногда родителями на ночь. Майор с грустью смотрел на бледные лица детей первого поколения, родившегося в Бункере. Они никогда не видели над головой ни яркого солнца, ни звёздного неба, не представляли себе безбрежной сине-зелёной бесконечности океана, не имели возможности бегать по лужам и играть в снежки, не знали, как это — залезть на дерево или замереть в кустах, играя в прятки с родителями или друзьями. Поколения, для

которого была привычной узость коридоров, электрический свет подуровней и набор стандартных рационов питания.

Когда спустя несколько часов на панели перед глазами вновь вспыхнул зелёный огонёк и стенка анабиозной камеры закрылась, Тринадцатый успел подумать, что сегодня был хороший день. Угасающая в людях надежда на спасение вспыхнула с новой силой.

Александр не удивился, увидев сидящего за главным расчётным компьютером Серебрякова, чья смена закончилась ещё пять часов

назад. В аналитической группе все уже давно молчаливо признали за одержимым пареньком право занимать это место в любое время суток. Вот и сейчас молодой врач лихорадочно набирал что-то на клавиатуре, его пальцы порхали над сенсорными клавишами с фантастической быстротой. Руководитель аналитической группы печально вздохнул. Парень так долго не протянет, попросту сгорит на работе. Его отец — сотрудник Внешней группы, и мальчишка с малых лет мечтал стать врачом и спасти его.

После установления связи с выжившими остатками человечества

Внешних не будили вот уже пять лет. Вспыхнувшая поначалу надежда на спасение быстро обернулась разочарованием. Реальное положение дел оказалось крайне тяжёлым. Кроме них в Европе жизнь уцелела только в Швейцарии, где последние несколько тысяч выживших отступили под натиском беспощадных эпидемий к реактору и взорвали подземные тоннели, намертво отгородив себя от гигантского кладбища, распространяющего смертельную заразу. Группе учёных и врачей удалось наладить замкнутый цикл воздухо— и водопотребления и спасти последние остатки своих

людей.

В остальном мире спаслось лишь семь убежищ. Формула выживания была простой и практически недоступной большинству людей, начавших борьбу за жизнь после великой катастрофы: автономный реактор, замкнутые циклы воды и воздуха, абсолютная стерильность и герметичность, чётко налаженная система питания. Тысячи различных убежищ, не имевших хотя бы одного пункта из этого списка, не смогли пережить и половину ядерной зимы.

Одно из двух критически перенаселённых китайских убежищ погибло два года назад.

Разразившийся голод вызвал сотни смертей, ослабевшие обитатели не успевали вовремя уничтожать трупы, и в убежище вспыхнула эпидемия чумы. Через месяц умирающие люди вышли на связь и сообщили, что отключают системы защиты реактора. Спустя сутки сейсмодатчики зафиксировали сильное возмущение земной коры. Во втором убежище голод привёл к каннибализму, началась анархия, насилие. Герметичность была нарушена в ходе неконтролируемых беспорядков, и в убежище стали проникать насекомые с поверхности, что быстро привело к заражению внутренней среды. Кто-то там ещё

оставался и даже поддерживал связь, но было ясно, что эти люди доживают последние месяцы, убежище обречено.

В Австралии, не пострадавшей от ядерных ракет, в первые годы ядерной зимы недооценили опасность радиоактивной пыли, переносимой атмосферными потоками, сосредоточившись на спасении аграрной и пищевой промышленности. Возведение так называемого Большого Ромба, огромного крытого мегаполиса, призванного стать абсолютно чистой зоной, удалось начать только в последние годы. Но до этого момента солнечная радиация и

радиоактивные осадки уничтожили и отравили огромные территории, что повлекло гибель большой части спасшихся людей, животных и растений от заражения, лучевых и онкологических болезней. Подобно другим континентам, обилие трупов животных вызвало резкий рост популяций насекомых, являющихся переносчиками инфекций, и австралийский континент захлестнул всплеск эпидемий.

На данный момент население Австралии составляло менее пяти миллионов человек, а численность всех остальных выживших едва превышала сто тридцать тысяч, пятая часть которых проживала в русском

бункере, являвшимся крупнейшим из всех убежищ. Но самое главное было то, что благодаря исследованиям, с первых дней направленных на излечение Внешних, методики и технологии бункера в области лечения лучевых болезней и защиты от вредного воздействия внешней среды были самыми совершенными, намного опережающими всех остальных. Специалисты бункера в этой области были самыми квалифицированными, а оборудование лабораторий и аналитических центров оказалось наиболее технологичным. Помощи ждать было не откуда, наоборот, вся медицина выживших обращалась за

помощью в бункер, для чего даже были специально выделены отдельные каналы связи.

Заботясь о выживании большинства, Совет запретил всякие выходы во внешнюю среду во избежание угрозы нарушения стерильности. Процедуры вывода Внешних из анабиоза, требовавшие огромных затрат энергии, были временно приостановлены до получения надёжных методик лечения. Но Серебряков не сдавался. Он практически жил на работе, задерживаясь на две, а иногда и на три смены. В такие дни в подуровень аналитиков приходила хмурая седая женщина и молча, взяв за локоть,

уводила сына домой. Парень был гением. К двадцати трём годам на его счёту уже было с десятков действительно революционных разработок. Антирадиационные препараты нового поколения, не имевшие побочных эффектов, скафандры радиационной защиты, легко выдерживающие запредельные излучения, эффективные методики биорегенерации и интереснейшие теоретические разработки. Но проблема гибели клеток ДНК и костного мозга по-прежнему была непреодолима. Получив отказ Совета на просьбу об организации выхода на поверхность с целью получения образцов мутировавшей фауны и

флоры, молодой учёный создал сложнейшую самообучающуюся программу, которая просчитывала и анализировала выдвигаемые им версии и созданные методики сразу в нескольких направлениях. Программа была настолько сложна, что досконально её, кроме Серебрякова, не знал никто; впрочем, только он один и верил в излечение Внешней группы.

— Андрей, иди домой. Иначе ты точно умрёшь если не от голода, то от недосыпания. — Александр хлопнул по плечу прилипшего к монитору коллегу.

— Да, да, сейчас. Мне совсем немного осталось, — скороговоркой

забормотал Серебряков.

— Послушай, Андрей, — Александр заслонил собой экран монитора. — Я понимаю, ты веришь в то, что сможешь спасти своего отца и других, но, похоже, начальство уже поставило на этом крест.

Серебряков замотал головой и сделал вдох, подготавливая гневную отповедь, но начальник жестом остановил его:

— Не перебивай и слушай внимательно. Не знаю, чем это тебе поможет, но я пришёл предупредить тебя. Только что Совет обменял у МКС на твою формулу антирада технологию беспроводной передачи энергии. В условиях земной

атмосферы это что-то около тридцати километров. Научному отделу поставлена задача изготовить и откалибровать эти устройства. Через год Внешнюю группу разбудят и отправят на поверхность. Соединённый проводами с бункером передатчик установят непосредственно у входа, а приёмниками заменят элементы питания радиокомплекса и других внешних приборов, после чего всякие выходы во внешнюю среду будут прекращены на неопределённый срок, возможно, на десятки лет. Для обслуживания передатчика достаточно твоих новых скафандров, а приёмники, судя по формулам, и

вовсе могут обойтись без профилактики добрую сотню лет. Внешних снова заморозят и уже никто не знает, на сколько, — Александр посмотрел Серебрякову в глаза и закончил: — И последнее. Всё, что я тебе сейчас сказал, уже закрыто грифом секретности с допуском уровня «ноль». Во всём бункере только шесть человек имеют такой допуск, и ты не в их числе.

Молодой учёный устало закрыл воспалённые глаза, откинулся на спинку стула и тихо произнёс:

— Спасибо, Саша. Я успею.

Крышка капсулы поднялась, и

Тринадцатый вылез из анабиозной камеры. Встречавший его Антон не выдержал взгляда в упор и опустил глаза.

— А ты изменился, Антон. Даже через гермошлем видно, — спокойно произнёс майор. — Сколько лет прошло?

— Шесть, — тихо ответил врач, не поднимая взгляда.

— Добрый день, папа! — донеслось со стороны капсулы Четвёртого.

— Здравствуй, сынок. Ты стал совсем взрослым. И совсем худым, — майор узнал знакомое ворчание. — Мать совсем тебя не кормит, что ли?

— Кормит, да не в коня корм, —

В ответ засмеялся сын и громко добавил, обращаясь к вылезавшим из капсул бойцам: — Господа, после совещания с Советом прошу всех оставаться в комнате встреч, мне необходимо ознакомить вас с некоторыми деталями вашего нового снаряжения.

На поверхности снова была зима, но на этот раз солнечная и белоснежная. Бульдозер пробил выход через огромный сугроб, образовавшийся около шлюзовых ворот, и замер в направлении на РЛС. Следом выкатилась «Коробочка», и Внешние взяли скрывающую шлюз

скалу в кольцо. Вторым рейсом на поверхность доставили группу техников, приступившую к установке передатчика энергии. Тринадцатый стоял на борту бульдозера и в бинокль осматривал местность. Сейчас назвать простирающуюся вокруг снежную пустыню мёртвой было уже нельзя. Судя по снежному покрову, снегопад закончился несколько дней назад, и вдали, у кромки заснеженной растительности, можно было заметить цепочки различных следов, больших и маленьких, ненадолго выходящих из поросли на открытое пространство и возвращавшихся обратно. Видимо, населявшие руины

леса существа за что-то не любили эпицентр некогда прогремевшего здесь взрыва.

— Какая всё-таки красивая это штука — небо! — молодой Серебряков подошёл к отцу, сидевшему за рычагами бульдозера. — За пятнадцать лет я уже почти забыл, как оно выглядит.

Четвёртый недовольно покосился на сына:

— Вот посмотрел, и будет. Возвращался бы ты, сынок, обратно. А то будешь вместе со мной изображать мороженую говядину.

— Не волнуйся, папа, — засмеялся молодой учёный, — мне ничего не угрожает, ты же знаешь, я

сам разрабатывал эти скафандры.

Тринадцатый окинул взглядом щуплую фигурку в серебряном скафандре. Да, голова у парня действительно была светлая. Приборы показывали уровень заражения в десять тысяч рентген в час, а индикатор опасности скафандра задорно горел зелёным цветом под отметкой «ноль». Кто бы мог подумать, что такое возможно.

— Зачем тебе надо было самому вылазить сюда? Техники и без тебя бы справились, — не унимался Четвёртый.

— С оборудованием радиокомплекса могут возникнуть нестыковки, мне лучше

присутствовать при этом самому, — уклончиво ответил сын и замолчал.

Через три часа все необходимые работы в зоне шлюза были закончены, и техники вернулись в бункер. С Внешней группой осталось только трое молодых специалистов, включая младшего Серебрякова, и маленькая колонна привычно направилась к РЛС. Железный паук стоял на своём месте, слегка присыпанный снегом, рядом возвышалась радиомачта, увешанная серыми тряпками, а тараканий куб был накрыт сугробом с тысячами знакомых отверстий. Тринадцатый усмехнулся и подмигнул Четвёртому:

— Все на своих местах согласно

боевому расписанию.

Четвёртый хмыкнул в ответ. Майор вышел из кабины бульдозера на борт и поднял бинокль. Снег вокруг тараканьей колонии был покрыт следами миллионов крохотных лапок. И лишь с одной стороны следов не было. Со стороны РЛС, ближе всего обращённой к радиомачте. Расчёт оказался верным, летучие мыши зорко следили за каждым движением в логове насекомых, и выходящие наружу со стороны радиокомплекса тараканы первыми попадали под удар. Тринадцатый закинул за плечи ранец огнёмета и спрыгнул в снег.

— Вы куда? — озадаченно

спросил Серебряков-младший. — Зачем вам это? — он с тревогой смотрел на раструб огнёмета.

— Пойду навещу старых друзей, — улыбнулся майор, — невежливо приходить в гости без подарка. Смотри внимательно, тебе будет интересно, — с этими словами Тринадцатый направился к тараканьему кубу.

Остановившись на полпути между РЛС и колонией, майор поднял огнётмет и дал долгую струю напалма, отсекая куб почти тридцатиметровой стеной огня, кровожадно взметнувшей в небо языки пламени. И тотчас же с растяжек посыпались серые тряпки,

беспорядочно кувыркающиеся в хаотичном падении. У самой земли тряпичная куча с неуловимой для глаза быстротой превратилась в облако летящих идеально ровных пластин. Слитный взмах сотен крыльев сотряс воздух, дружный хлопок было слышно даже через гермошлем. Летающие пластины шлёпались на землю поближе к огню, и вот уже сотни небольших серых мохнатых колобков тесно жались друг к другу, в несколько рядов окружив пламя со всех сторон. Тринадцатый обернулся. Молодой учёный зачарованно смотрел на развернувшееся действо. Майор подошёл к нему и протянул бинокль:

— Вблизи они ещё интереснее. Только подходить не советую, — развернувшись в сторону «Коробочки», Тринадцатый вышел в эфир ближней связи:

— Я — Тринадцатый. Техники могут приступить к работам.

Спустя полчаса огонь погас, и на растяжках радиомачты невидимая прачка вновь развесила свои мятые серые платки. Молодой Серебряков подошёл к майору и знаком попросил перейти на защищённую внутреннюю частоту. Учёный рассказал об этом своём небольшом усовершенствовании ещё в бункере,

при подготовке к выходу. Переговоры на этой частоте могли слышать только люди, одетые в скафандры Внешней группы.

— Скажите, Тринадцатый, а когда можно будет отвлечь от охраны бронетранспортёр? Нам пора выполнить самую важную часть операции.

— Бэтээр? Хоть сейчас. Пяти человек с огнёметами достаточно для охраны ваших техников. Эти маленькие грязные тряпочки в случае необходимости окажут поддержку намного более мощную, чем обычный крупнокалиберный пулемёт. К ним даже медведь ближе пятидесяти метров не подходил, а

ведь нам так и не удалось убить ни одного из этих зубастых зверей, — майор вопросительно посмотрел на молодого учёного.

— Тогда поедemте немедленно. Нам надо туда, — Серебряков махнул рукой в сторону поросли, виднеющейся вдали. — Туда, где живут эти ваши медведи или кто-то ещё. Чем больше, тем лучше.

Майор покачал головой и молча направился к бульдозеру. Щуплая фигурка учёного поспешила за ним, стараясь попадать след в след, чтобы не увязнуть в снегу. Физическая активность тяжело давалось обитателю бункера, не проходившему за день и полукилометра.

— Да нас там съедят! — изложил своё мнение Четвёртый, узнав о направлении движения. — Вот этот самый белохвостый парень этим и займётся! Куда нам с ним среди пней и обломков тягаться? — бушевал боец.

Тринадцатый спрятал улыбку. Было понятно, что Четвёртого медведем не испугать, он просто переживал за сына, который вырос где-то за границами его участия, но, даже будучи взрослым человеком, всё равно оставался для отца ребёнком.

— Я — Тринадцатый, «Коробочка», идёшь первым, мы за тобой. В случае контакта работай с предупреждением, как принял? —

майор захлопнул дверь в кабину и уселся на сиденье, прижав худое тельце сына поближе к отцу. Пусть погрееет отцовской любовью, как раз сейчас в нём пара много, горяченький, наверное.

— Принял тебя хорошо. Выдвигаемся, — ответил командир экипажа, и маленькая колонна поползла вперёд.

— Наша задача проста, — тем временем объяснял Серебряков на защищённой частоте, — мы выставим три анализатора в местах обитания живых существ. Они выполнены в виде лежащего на боку кокона с входным отверстием и изготовлены в трёх размерах:

большой, средний и маленький. Их удобная форма должна привлечь животных, которые устроят внутри анализатора своё логово. Анализатор за доли секунды способен взять из тела существа несколько пункций и в последующем обработать их, подвергнув химическому, биологическому, радиологическому и спектральному анализу. Данные по радиоканалу будут переданы моей аналитической программе на главный вычислительный компьютер аналитической группы. И радиоканал, и код передачи надёжно защищены, об этом я позаботился.

— И в чём смысл всех этих сложностей? — не унимался

Четвёртый, всем своим видом демонстрируя своё отцовское недовольство непутёвым поведением сына, столь безрассудно подвергаящим себя опасности.

Молодой учёный коротко ввел Внешних в курс дела, описав сложившееся в мире положение и выработанные правила выживания.

— С завтрашнего дня любые выходы на поверхность будут запрещены Советом на неопределённый срок. Мне нужно знать, как изменились выжившие виды под воздействием радиации. Это единственная возможность спасти всех вас. О моей операции никому неизвестно, оба техника —

мои друзья, они не подведут. Анализаторы оборудованы технологией беспроводной передачи энергии и в состоянии прослужить сотни лет, пока подаётся питание. Мне пришлось взломать и перепрограммировать систему учёта и распределения энергии бункера, чтобы скрыть несанкционированную энергоподачу на эти устройства. Потребляют они очень немного, и эту утечку не обнаружат очень долго, — закончил он свой рассказ.

— Красиво, — оценил майор.

Четвёртый не сказал ничего, но даже мимолётного взгляда хватило, чтобы увидеть, как его распирает от гордости за сына.

Колонна достигла опушки. Вблизи это оказалось чем-то вроде заболоченной местности, застывшей на морозе. Всю поверхность простирающегося за горизонт болота покрывала узловатая растительность, расползавшаяся подобно запутанной кольцами колючей проволоке, переплетаясь друг с другом не то корнями, не то стволами, не то стеблями. В высоту это порождение рентгеновских лучей колебалось от полуметра до метра. Бульдозер с трудом пошёл вперёд, прорезая дорогу сквозь заросли. С каждым десятком метров его скорость всё замедлялась, наконец, пройдя метров двести, бульдозер встал.

— Дальше не пройдем, — сообщил Четвёртый, — плотность этой гадости слишком возросла. Если только прицеп отцепить.

— Не надо, этого расстояния вполне достаточно, — Серебряков взял в руки пульт управления манипуляторами прицепа. — Папа, сдай назад на пятнадцать метров, мы установим самый большой анализатор прямо на границе колеи. — бульдозер зарычал, откатываясь назад и подталкивая впереди себя прицеп. Молодой учёный повернулся к майору:

— Тринадцатый, вы не могли бы собрать пару обломков растительности в качестве образцов?

Майор кивнул и спрыгнул в снег. Идти по плотным кольцам растительности поначалу оказалось нелегко, стеблекорни всячески пытались зацепиться за обувь и ноги, под слоем снега многих хитросплетений просто не было видно, приходилось наступать осторожно, больше руководствуясь инстинктом, чем глазами. Тринадцатый подобрал несколько обломков и закинул их в кабину бульдозера, после чего залез на борт и принялся наблюдать, как Четвёртый помогает сыну собирать анализатор. Заботливый папаша больше мешал, чем помогал, за что парень постоянно прикрикивал на

него. Глядя на это, майор вспомнил старый анекдот про чукотского космонавта: «Не трожь ничего руками!» В конце концов раздосадованный отец покинул область высоких технологий и с выражением лица оскорблённого недоверием гения влез в кабину. Тринадцатый ухмыльнулся и промолчал.

Серебряков-младший явно отлично знал, что делал. Не прошло и часа, как из двухметровой кучи элементов манипуляторы собрали огромный кокон чуть ли не пяти метров в диаметре. Молодой учёный влез внутрь, выполнил какую-то настройку и уже возвращался к

бульдозеру, когда в эфире раздался голос командира экипажа БТР:

— У нас гости. Медведь на два часа, удаление триста метров, приближается.

Четвёртого как ветром сдуло. Спустя секунду он уже сгрёб в охапку ничего не понимающего сына и бегом тащил его к бульдозеру.

— Мне надо на него посмотреть! — сопротивлялся учёный.

— Из кабины посмотришь, — отрезал папаша, забрасывая сына внутрь.

На этот раз майор не смеялся. Что такое медведь, никому объяснять не надо было. Тринадцатый смотрел

через бинокль на стремительно приближающегося зверя, широкие лапы которого уверенно держали хозяина как на глубоком снегу, так и на пружинящей растительности. Белые отметины на свёрнутом в боевое положение хвосте выдавали старого знакомого. Мощная туша зверя с хищной грацией парила над замерзшим болотом. Медведь подбежал метров на пятьдесят и остановился, потягивая костяным носом воздух. Туго свернутые кольца хвоста расслабились, и мохнатая плеть упала вниз. Зверь обиженно заверещал и попятился.

— Узнал, стервец, —
удовлетворённо прозвучал голос

командира БТР. Медведь не уходил, то отбегая, то нерешительно подбираясь поближе

Зверь задрал голову и снова печально завыл.

— Это его территория, — понял Тринадцатый. — Четвёртый, уходим задним ходом, не будем зря его тревожить. Может быть, наш анализатор ему понравится.

Второе устройство молодой учёный решил установить километрах в десяти от первого, и вся процедура повторилась, с той лишь разницей, что кокон анализатора был не более полутора

метров в диаметре. Майор собрал обломки растений, и бульдозер попятился назад, толкая почти пустой прицеп.

Третий анализатор имел диаметр около полуметра и два метра длины. Его было решено разместить на обратном пути где-то между первым и вторым. Пока семейка гениев пыталась манипулятором затолкать кокон под переплетение стеблекорней, майор пошёл за традиционными обломками. Шагать стало уже привычней, и Тринадцатый довольно легко отошёл от бульдозера метров на двадцать. Приметив подходящий отросток стеблекорня, майор уже

собрался его отломать, как вдруг острое чувство опасности ударило в спину. Тринадцатый мгновенно метнулся в сторону, и мимо него на высоте головы пролетело нечто белёсое, словно кто-то швырнул в майора подушкой. Он стремительно развернулся, вскидывая автомат, и резко упал назад, едва успев убрать голову от второй летящей твари. В спину больно уткнулись острые корни, но кустарник спружинил и помог быстро встать на ноги. Тринадцатый краем глаза уловил движение и, коротко развернувшись навстречу летящей твари, дал короткую очередь практически в упор. Тварь отбросило назад, и она

скрылась в переплетении корней. Ещё два белесых существа бесшумно скользили между стеблекорней, готовясь к атаке, и, судя по осыпающемуся с растительности снегу, путь к бульдозеру тоже был отрезан.

— Тринадцатый, я — «Коробочка», цели не вижу! — взволнованно доложили с БТР.

— Я — Четвёртый, цели не вижу, — подтвердил Четвёртый.

Майор замер. Вокруг царило полнейшее спокойствие. Но обострённый годами боёв почти звериный инстинкт безошибочно заставлял ожидать скорого нападения.

Существа

атаковали

одновременно с двух сторон. Две твари бросились в голову сзади, другая пара метнулась в ноги спереди. Тринадцатый бросил тело в сторону, пытаясь с разворота достать врага короткой очередью, но неудобный скафандр сковывал движения, и пули ушли в пустоту. Майор упал в заросли и замешкался, неуклюжее снаряжение не позволяло двигаться быстро. Едва ему удалось встать на ноги, как тварь атаковала голову практически из-под ног. Времени на смещение уже не оставалось, и Тринадцатый резко выбросил в летящую цель локоть, планируя ударом направить её по

касательной. Однако в негнущемся скафандре из хлёсткого удара вышел лишь неуклюжий тычок, и руку обожгла боль. Тварь упала к ногам и тут же получила автоматную очередь в упор. Раздался скрежещущий крик, и существо скользнуло в заросли стеблекорней.

— Командир, они вокруг тебя хоровод водят, невозможно вести огонь, можем тебя зацепить, — с досадой произнёс командир БТР.

Майор осторожно отступал к бульдозеру, левую руку жгло. С кустов впереди осыпался снег, и майор снова замер. Тварь находилась между корней метрах в десяти. Тринадцатый осторожно поднял

автомат, морщась от боли в руке, и плавно выжал спуск. Короткая очередь впилась в белёсое тело, и тварь, громко заскрежетавав, умчалась в сторону. Майор отходил, медленно вращаясь вокруг своей оси. Одна тварь кралась по его следам, заметить других пока не удавалось. Крадущаяся по следам тварь поравнялась с лежащими в снегу стреляными гильзами и остановилась, исследуя невиданные ранее предметы.

«Очень интересно, — отметил Тринадцатый и потянул из подсумка гранату. — Однако снова придётся выдергивать кольцо зубами. Стоматолог пришёл бы в ужас!» —

Майор сплюнул кольцо в снег и плавным движением отправил гранату в сторону зверя, после чего, сделав три широких шага назад, упал вниз и вжался в сплетения стеблекорней. Граната упала в метре от белесого существа. Оно замерло на секунду, готовое мгновенно скрыться при первых же признаках агрессии, но то, что упало на землю, было маленьким, не шевелилось и совсем не выглядело опасным. Тварь бесшумно поползла к лежащему на снегу непонятному зелёному предмету. Звук взрыва перешёл в вопли раненого существа, кувыркающегося в воздухе под действием взрывной волны.

«Любопытство когда-нибудь тебя погубит», — мстительно подумал Тринадцатый, глядя вслед спасающейся бегством забрызганной черной кровью изодранной в клочья белесой твари. Больше на него никто нападать не хотел, и майор поспешил вернуться к бульдозеру. Четвёртый помог командиру взобраться в кабину, и машина дала задний ход.

— Командир, ты как, цел? — старший Серебряков тревожно поглядывал на друга, не отвлекаясь от управления.

— Рука сломана, а так все в норме, — поморщился Тринадцатый. — Совершенно невозможно поэту работать в столь

нервных условиях, — глядя на расширившиеся от прозвучавшего заявления глаза молодого учёного, майор улыбнулся и добавил: — Снаряжение неудобное, скафандры негнущиеся, беременный пингвин по сравнению со мной в этом одеянии — балерина. И кроме того, все местные обитатели решительно отказываются умирать, что несколько обидно. Возможностей нашего оружия хватает лишь на то, чтобы только попугать их, что прямо-таки возмутительно!

Четвёртый, орудовавший рычагами с каменным выражением лица, глядя на отвисающую челюсть сына, не сталкивавшегося ранее с

чёрным юмором, не выдержал и заржал в голос.

— Вот и отлично, ещё пять дней, и будет как новенькая! — Серебряков-младший постучал указательным пальцем руки по монитору, на котором красовался снимок поломанной руки, — перелом уже затянулся, сейчас идёт укрепление костной мозоли.

Тринадцатый посмотрел на снимок. В этом он разбирался хорошо, сказывался опыт множества ранений и месяцев госпитального лечения, накопленный за два десятка лет практически непрерывного

участия в боевых действиях. Рука срослась идеально, парнишка постарался на совесть. С тех пор, как неделю назад Внешнюю группу вновь погрузили в глубокий анабиоз, молодой Андрей лично занимался лечением майора, настояв на необходимости полного выздоровления пациента перед анабиозом. Приказ Совета о строгом учёте энергозатрат и запрещении любых мероприятий, прямо или косвенно способствующих взаимодействию с внешней средой и нарушению стерильности, действительно вышел на следующий же день после погружения Внешних в анабиоз. Что ж, может, Совет и

прав: в первую очередь необходимо заботиться о десятках тысяч жителей, несколько человек могут и подождать. Тринадцатый помрачнел. Они ждали полтора десятка лет, подождут и ещё, выбора всё равно нет, без анабиоза им не прожить и месяца.

Оставалось надеяться, что анабиозные камеры не отключат со временем, сочтя и этот расход энергии слишком расточительным.

Серебряков появлялся каждую вторую смену и сам проводил все лечебные процедуры. За исключением Тринадцатого, в карантинном подуровне было пусто, лишь только в установленные часы

появлялся кто-нибудь из персонала для проведения уборки или организации приёма пищи, и не замолкавший ни на минуту голос молодого учёного, исковерканный гермошлемом, глухо разносился по пустым помещениям. Парень задавал тысячи вопросов, его интересовало буквально всё. Об отце, которого он почти не видел, о жизни до Великой катастрофы, которую он почти не помнил, о войнах, про которые он почти не знал, и ещё о миллионе разных вещей.

— В детстве, до катастрофы, я хотел стать солдатом, как отец. Непобедимым и могучим, которому по плечу любые преграды и

трудности, — рассказал однажды молодой учёный. — Всё мечтал о героических подвигах, как будто все надеются только на меня, и я, великий воин, в одиночку спасаю всех, — он засмеялся и виновато развёл руками: — Так и не получилось им стать. Да и размерами не вышел, — Серебряков подмигнул, — но интерес остался, так что допрос с пристрастием продолжается!

Но больше всего учёного поражала способность майора, не оглядываясь, чувствовать спиной приближение сзади. Парнишка всячески пытался подкрадываться незаметно, но так и не преуспел в

этом ни разу. Тринадцатый лишь добродушно улыбался и отнекивался от объяснений, которых у него и не было. Это чувство опасности за спиной развилось в огне войн, под пулями и осколками, среди крови и смерти, неожиданно и необъяснимо, и не раз спасало ему жизнь. Неугомонный Серебряков ежедневно выстаивал множество теорий, призванных объяснить это загадочное явление, которые на следующий же день признавал несостоятельными и вновь набрасывался с расспросами на майора.

— Здравствуй, Андрей
Андреич, — ещё с порога

поприветствовал учёного
Тринадцатый, вернувшийся в
спальное помещение из столовой.

— Это совершенно
непостижимо, — раздосадовано
пробубнил Серебряков, вылезая из-
под дальней кровати. — Вы даже не
вошли в помещение, а уже
почувствовали моё присутствие. И
всё же, как вам это удаётся...

— Вообще-то я заметил твой
ботинок, торчащий из-под
кровати, — улыбнулся майор, — а у
нас под кроватями медицинские
скафандры по пятницам не валяются.

Парнишка сконфуженно потёр
ладонью гермошлем в районе лба,
посмотрел на хронометр и вздохнул.

— Через шесть часов начнутся финальные процедуры, после чего вас погрузят в анабиоз. Нам надо поговорить, сейчас идёт пересмена, какое-то время про нас никто не вспомнит. Я перепрограммировал системы наблюдения, и у нас есть четыре минуты, в течение которых наблюдение и запись из этого помещения вестись не будут.

Серебряков раскрыл ноутбук и развернул его экраном к майору.

— Это подробный план медицинского уровня. Запоминайте, возможно, это пригодится, — он выделил на плане одно помещение красным цветом: — Вот здесь моё рабочее место. Это — главный

вычислительный компьютер
аналитической группы, внутри
которого находится моя
аналитическая программа. Я назвал
её «Пирогов», в честь великого
русского хирурга, разработавшего
уникальные методики лечения и
спасшего множество жизней.
Программа имеет периодически
обновляющиеся резервные копии в
разных уголках сети, но её пусковой
механизм доступен только отсюда.
«Пирогов» имеет два структурных
компонента: основной, доступный
для всеобщего пользования, и
скрытый, не известный никому и
тщательно защищённый. Оба
компонента являются составными

частями друг друга, поэтому обнаружить скрытую часть очень сложно, а уничтожить отдельно от открытой части — невозможно. «Пирогов» имеет взаимосвязи со всеми базами данных бункера и мгновенно получает все новые данные, появляющиеся в Корпорации. Открытый компонент программы занимается разработкой методик лечения лучевых и биологических болезней и созданием технологий защиты от вредных воздействий внешней среды. Это сейчас самые важные направления в работе бункера, наши разработки являются самыми передовыми среди остатков человечества. Программа

самообучается, и никто не решится обойтись без неё ещё очень много лет, — Серебряков огляделся и продолжил:

— Теперь самое важное. Я детально изучил все существующие в архивах отчёты Внешней группы об операциях на поверхности, а также все истории болезней и все меры, предпринятые для излечения за прошедшие пятнадцать лет. На основе этого я и создал скрытый модуль. Он имеет всего три раздела, основной и два вспомогательных. Первый занимается разработкой методики излечения сотрудников Внешней группы, туда внесены все ваши параметры вплоть до связи с

компьютерами анабиозных камер. Остальные два раздела посвящены снаряжению и оружию. Без конкретных данных с поверхности скрытый модуль был всего лишь игрушкой, калькулятором вероятностей, но теперь ситуация изменится. Чем больше данных об изменениях в биосфере соберут анализаторы, тем больше будет исходного материала для исследований. Я уверен, со временем проблема будет решена!

Голос учёного дрожал от волнения. Он на мгновение замолчал, переводя дух.

— Далее, — Серебреков выделил красным ещё два

помещения. — Это
автоматизированные лаборатории
аналитической группы. Здесь
располагается физическая, а вот
тут — медицинская. Мы
изготавливаем в них
экспериментальные образцы.
«Пирогов» может подать на
изготовление любую свою
разработку, указанную оператором, и
отследить ход выполнения работ. Вот
в этих точках находятся
транспортёры выдачи изготовленных
образцов, там несложно, при
необходимости разберётесь, —
парень посмотрел майору в глаза, и в
этом взгляде совсем ещё молодых
глаз без труда угадывался тяжёлый

осадок усталости, боли и разочарования в эгоистичной толпе, забывшей свои клятвы и отказавшейся от обречённой на ледяной сон горстки людей, погубивших свои жизни ради их же спокойствия и безопасности.

— И последнее, — Андрей закрыл крышку ноутбука и сунул его под мышку. — «Пирогов» работает всегда, если только хотя бы один компьютер бункера включен. Для вызова его оболочки достаточно с консоли главного вычислительного компьютера набрать команду «ПИРОГОВ». В кавычках, большими буквами. Чтобы активировать взаимодействие со скрытым

модулем, необходимо в диалоговом окне «Пирогова» набрать фразу: *«Здравы будьте, Николай Иванович, как продвигаются изыскания?»*, после чего скрытый модуль запросит пароль. Вот он, — Серебряков протянул майору клочок бумаги, на котором в три строки тянулись символы. Тринадцатый узнал знакомые наименования и тактико-технические характеристики основных видов стрелкового оружия. — Я думаю, вам будет несложно это запомнить, — улыбнулся учёный. Немного помолчав, он закончил:

— Знаете, я не могу чувствовать спиной, как вы, но я почему-то точно

знаю, что больше никогда не увижу отца.

Коммуникатор на его руке пискнул, и молодой учёный посмотрел на хронометр:

— Наше время истекло, мне лучше уйти как можно скорее, — не проронивший ни слова Тринадцатый поднял ладонь в знак прощания, и Серебряков, не оборачиваясь, пошёл к выходу.

Майор проводил взглядом щуплую фигуру в белом скафандре и лёг на кровать, обдумывая услышанное. «Вот как всё обернулось. Парнишка очень умён и не стал бы поднимать шум по пустякам. Значит, от Внешней

группы действительно решили отказаться, так сказать, отложили проблему до лучших времён. Хотел бы я знать, когда они наступят, эти лучшие времена. И наступят ли. Много вопросов и ни одного ответа, остаётся лишь ждать. Впрочем, ожидание в этом случае не будет томительным, ведь время в анабиозе абсолютно незаметно. Как и смерть».

Прежде чем занять место на ложементе внутри капсулы, Тринадцатый повернулся к Серебрякову и положил тяжёлую ладонь на слабое плечо учёного.

Майор посмотрел ему в глаза и негромко произнёс:

— Ты стал воином, Андрей! Лучшим из многих. Никогда не сдавайся. Мы обязательно прорвёмся, помни об этом.

Прозрачная крышка капсулы опустилась, и на панели знакомо зажёгся зелёный огонёк. Но прежде, чем стенка анабиозной камеры закрылась, Тринадцатый поднёс к голове опутанную контактами датчиков руку и отдал честь невысокой, неуклюжей, сутулой фигурке в белом скафандре, неподвижным изваянием застывшей у порога.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*...И позабыли люди
уроки Истории,*

*И позабыли люди
проклятие, постигшее
Древних.*

*И вновь взялись они за
оружие,*

*И вновь человек пошёл
на человека.*

*И разгневались на
неразумных потомков души
Древних,*

*И обратили на них
свою жестокую ярость.*

И пробудилось Древнее

Зло,

*И вновь полилась рекой
кровь.*

*И вновь взметнулся в
небо всепожирающий Гриб,
И не было никому
спасения.*

*И тогда поднялся
Великий Арториус Мудрый,
И тогда встал он на
пути Древнего Зла.*

*И прекратил Великий
Арториус его кровавую
жатву,*

*И заточил он Древнее
Зло в небытие навеки.*

*И объединил Великий
Арториус разрозненных*

людей,

И создал Мудрый
Арториус монолитный и
сильный народ.

И завещал Мудрый
Арториус помнить
проклятие Древних,

И завещал он навсегда
забыть насилие.

И возстало из непа
воспрянувшее духом
Человечество,

И началось
возрождение былого
могущества...

Из Легенды
времен эпохи

Убежищ

*О Великом
Арториусе
Мудром,
Объединителе.
747 год После
Великой
Катастрофы.*

Совет был непреклонен. Его проект отвергли вот уже в третий раз. Упрямые свиньи! Арториус швырнул в угол пиджак, кипя от злости. Старые закоряченные глупцы, не видящие дальше своего носа! Безмозглые хранители зашкваренных традиций! Он принялся сдирать с ног брюки. Дряхлые маразматика, цепляющиеся за пустые, покрытые многовековой пылью стереотипы! Брюки полетели вслед за пиджаком. Арториус проводил их взглядом и решил, что этого явно недостаточно.

Сделав три шага, мужчина принялся ожесточённо пинать лежащую в углу одежду. Он ненавидел костюм, этот пережиток давно сгинувшей эпохи, который спустя семь веков служил лишь единственной цели — быть ритуальным одеянием для заседаний Совета Корпорации.

Арториус вспомнил, как был счастлив, когда впервые получил костюм. В тот момент это был его триумф. Триумф мальчика, родившегося в семье младших сотрудников свиной биофермы, всю жизнь прожившего в крохотном кубрике Улья, с завистью глядевшего на обитателей комфортабельных подуровней Вип. Эти никчёмные

тупицы не стоили и грамма его гениального мозга, но жили в роскоши просто потому, что получили её с рождения. Он сам добился своего высокого положения, годами терпя насмешки богатых, унижения начальства, смрад свиней и глупость родни. Целеустремлённый юноша упрямо лез вверх, несмотря ни на что и для достижения цели не брезгуя ничем, будь то грубая лесть, тонкая интрига или тысяча оторванных от самого сердца кредитов, на накопление которой были потрачены годы. Начав с самой жалкой должности младшего сотрудника вонючей свинной биофермы, за двадцать лет он дошёл

до кресла третьего заместителя самого Управляющего, и теперь, стоя на пороге своего кабинета и благоговейно держа на ладонях вытянутых рук костюм, мужчина был на вершине блаженства от сознания того, что его звёздный час пробил.

А что оказалось на самом деле?! Костюм обернулся яркой мишурой, прикрывающей сгнившую переборку, а Совет мудрейших и светлейших умов Корпорации оказался кучкой дряхлых старцев, слепо следующих давно потерявшим смысл традициям. Арториус закончил вымещать злобу на смявшемся комке одежды, достал из небольшого шкафчика рабочий комбинезон отдела Управления и

принялся одеваться. Кипящее внутри возмущение не желало успокаиваться. Его блестящие идеи оказались ненужными, всё, что требовалось от третьего помощника — это тупое подчинение и слепое следование раз и навсегда установленным семь с лишним столетий назад правилам. Мужчина скользнул взглядом по крошечному кубику и в бешенстве сжал кулаки. Да если бы эти ископаемые имели хоть малую каплю здравого смысла, то он ещё пять лет назад уже мог жить в самом роскошном подуровне бункера, а возможно, и в сказочно шикарных апартаментах Ромба. Но превратившийся в подуровень

престарелых Совет не интересовали
безграничные перспективы,
открывающиеся в случае внедрения
гениального проекта Арториуса. Как
сказал Управляющий? Ваша
концепция противоречит идеалам
взаимопомощи и взаимовыручки
Убежищ? Вот как! Противоречит
идеалам, стало быть! Отлично, но вот
только чьи это идеалы? Дряхлых
маразматиков из Совета? Или
живущих в комфорте владельцев
роскошных подуровней? А может
быть, населения тех самых Убежищ
или Ромба, запросто и незаслуженно
пользующихся плодами наших
тяжёлых трудов? Никто из сорока
семи тысяч обитателей тесных,

донельзя перенаселённых кубриков
Улья не отказался бы поменять эти
странные, неизвестно когда и кем
установленные идеалы на
возможность получить вместо углого
кубрика просторный подуровень,
имеющий собственный санузел,
бассейн, отдельную спальню с
роскошным ложем и несколько
комнат, или заполучить себе нормы,
положенные членам Совета. А лучше
и то, и другое сразу.

Арториус покинул крохотное
жилище и направился в
административный подуровень Улья,
где находился его кабинет. В
приёмной его уже ждали. Два
десятка человек не помещались в

небольшом помещении, и люди сидели и стояли вдоль стен неширокого коридора, ожидая третьего помощника. Арториус показал присутствующим раскрытую ладонь и коснулся сенсорного замка, открывая кабинетную дверь. Входя в кабинет, третий помощник Управляющего криво усмехнулся в душе, привычно сравнивая его размеры с размерами своего жилища. Здесь могло разместиться не менее пяти кубриков, а ведь полагающийся ему по должности кабинет был самым маленьким из кабинетов руководителей высшего звена. Арториус опустил в кресло за рабочим столом и откинулся на

широкую мягкую спинку. Он любил своё рабочее место. От него веяло властью, престижем и состоятельностью, недоступной в тесном помещении жилого кубрика, в котором Арториус появлялся лишь ради сна и переодевания. В кабинете был даже отдельный санузел, недостижимая роскошь для жилых помещений Улья. Здесь, среди электроники и офисного оборудования, он чувствовал себя спокойно и уверенно. Вот и сейчас милая душе окружающая обстановка остудила кипящие в душе чиновника негативные эмоции, и Арториус принялся разглядывать входящих.

Люди заходили в кабинет,

показывая ладонь в знак приветствия, и рассаживались на стоящие вдоль стен стулья. Пора начинать совещание. Тут у нас свой Совет. Совет Улья. Арториус называл его профсоюзом. Этот древний термин он случайно нашёл в архиве, и его смысловая нагрузка понравилась чиновнику. Когда пять лет назад стало ясно, что Совет не торопится брать на вооружение его, без сомнения, революционные идеи и что карьерный рост достиг своего потолка, доселе убеждённый одиночка, Арториус изменил свою политику. Раз ему было отказано в поддержке сверху, стоило обеспечить себе её снизу, и чиновник принялся

за кропотливую работу по созданию фронта единомышленников. Блестящий ум никогда не допускал просчётов, и идея, в основу которой была положена старая, как мир, проблема неравенства, дала нужные результаты. Обитатели переполненного Улья быстро одобрили предложенные лозунги, видя в целеустремлённом чиновнике, вышедшем из их среды, своего представителя в высшем руководстве. Теперь с Арториусом, ставшим лидером и духовным наставником Улья, приходилось считаться даже Совету. Конечно, все серьёзные руководящие должности в Корпорации занимали выходцы из

Вип, и на выборах в директорат и руководства отделов порой не было ни одной кандидатуры из Улья. Однако сорок семь тысяч жителей, занимающих в основном самые низкие ступени в иерархии Корпорации, были большей частью обитателей перенаселённого Бункера, и с таким количеством голосов были вынуждены считаться все.

— Итак, господа, не будем тратить время впустую, — Арториус поднялся и упёрся ладонями в поверхность стола, обводя взглядом присутствующих. — Совет в третий раз отверг мой план развития, и по закону я больше никогда не смогу вынести его на обсуждение, — в зале

раздался возмущённый ропот, и чиновник позволил себе небольшую паузу, удовлетворённо прислушиваясь к голосам своих сторонников. Его самолюбие нежилось под тёплыми волнами возможности лишний раз ощущать факт собственного признания. Спустя пару секунд Арториус призвал профсоюз тишине. — Господа, сомнений нет. Это не недальновидность Совета. Перспективы, открывающиеся в случае воплощения НАШЕГО плана, очевидны даже жителю Вип, — третий помощник Управляющего особенно выделил голосом слово «нашего». Сейчас было важно подчеркнуть, что Совет отверг не

предложение одного человека, но чаяния десятков тысяч служащих Корпорации.

— Налицо полная неспособность членов Совета к руководству, отсутствие заботы о жителях бункера в целом и, что особенно печально, абсолютное невнимание к проблемам обитателей Улья, а ведь именно мы кормим весь бункер, обслуживаем системы жизнеобеспечения и выполняем всю самую тяжёлую, а подчас и грязную работу, без которой немислимо само существование бункера! Подобное отношение к людям, на плечах которых держится всеобщее выживание, оскорбительно,

возмутительно и категорически
НАМИ НЕ ЗАСЛУЖЕНО!

При этих словах тишину кабинета разорвал многоголосый шум возмущения, и чиновник снова замолчал. Арториус, сохраняя на лице скорбную мину, ухмылялся в душе. Возможность управлять этим тупоголовым стадом доставляло ему почти физическое удовольствие. Он пару мгновений упивался ощущением могущества, после чего поднял вверх руки, прося тишины.

— Апатия Совета лишний раз доказывает несостоятельность нынешних директоров. Мы не можем просто так отказаться от своих взглядов. Не имеем права! Мы несём

ответственность за наши семьи, за будущее наших детей! — снова поднялся шум одобрения. — Сорок семь тысяч жителей Улья, опора и основа бункера, вынуждены жить в тесноте, словно свиньи на биоферме, ограниченные в элементарных бытовых условиях, довольствуясь несправедливыми нормами обеспечения, в то время когда всего лишь двадцать пять тысяч человек занимают уровень Вип и живут в полном комфорте! Зачастую эта роскошь досталась им от рождения и ничем не заслужена! Опутавшие родственными связями всё руководство бункера, жители Випа поколениями продвигают на тёплые

места своих болванов из родни, часто совершенно неспособных к эффективной деятельности, всячески не допуская выходцев из Улья к движению вверх по служебной лестнице!

Кабинет снова взорвался криками возмущения. Арториус обзирал сидящих подобно Цезарю, произносящему в Сенате зажигательную речь. Все выражали полное согласие, необходимое возмущение и абсолютное доверие чиновнику. Тупое быдло, неспособное не то что добиться, но даже сформировать себе в жизни хоть сколько-нибудь высокую цель. Третий помощник мысленно

скривился. Последнее утверждение Арториуса относительно дискриминации жителей Улья было, мягко говоря, несколько преувеличенным, и сам духовный гуру был тому доказательством. Представители Улья часто встречались в составе высших отделов, как научного, так и святая святых Корпорации — медицинского.

Медицина! Кровь, воздух и пища бункера, знаменитого на весь мир центра Исцеления, недостижимого в своих методиках и технологиях для остального человечества. Столетиями оттачивающие своё искусство врачи и исследователи,

беспрестанно совершенствующие
лечебные стационары, могли
справиться с любым заболеванием,
что было недоступно более никому,
даже загадочной Орбите,
легендарному Эльдорадо,
населённой гениальными учёными,
покорившими Луну и открывшими
почти мифический гифтоний,
ушедшей далеко вперёд в
технологическом прогрессе.
Лекарственные препараты и
технологии защиты от окружающей
среды Бункера, имевшего в
международной классификации
Орбиты наименование Рос, были
незаменимы и сиюминутно
требовались везде. Ежемесячно

турболёты Ромба доставляли в Бункер одного или нескольких неизлечимо больных пациентов, и блестящие специалисты медицинского отдела неизменно творили чудо. Больных привозили отовсюду: из других убежищ, с вожделенного континента Ромб, иногда даже с самой Орбиты! А ведь Ромб единственный имел технологию воздушного перемещения, и воспользоваться его услугами стоило огромных расходов. Чем не пример для подражания? Но престарелый Совет Корпорации упрямо продолжал раздавать медицинскую помощь бункера всем желающим за бесценок, бездумно

отвергая грандиозный план
Арториуса по установлению и
развитию монополии на медицину.
Мы могли бы диктовать миру свои
условия и не знать нужды ни в чём,
но вместо этого я должен
довольствоваться жалкими нормами,
жить в крохотном кубрике и терпеть
множество различных ограничений!
Совет не устраивает моральная
сторона вопроса, видите ли! Ну
разумеется, у членов Совета и их
многочисленных родственников нет
проблем с материальной стороной,
почему бы и не поразвлечься с
высокой моралью?! Однако
переломить ход событий в свою
пользу третий помощник

Управляющего не мог, для этого нужны твёрдые позиции в руководстве высших отделов, а их не было. Вот этой-то проблемой и предстояло заняться. Арториус вновь призвал аудиторию к тишине и продолжил:

— Господа, мы не собираемся сдаваться, и мы добьёмся своих целей. Нам необходимо обрести влияние в руководстве высших отделов. Самые перспективные и одарённые из нас должны занять там прочное положение, и я приложу всё своё влияние, чтобы оказать им поддержку. Через два месяца достигнет пенсионного возраста руководитель группы связи. Наш друг

и сосед, всеми уважаемый Памбикус, — Арториус сделал указующий жест, и со стула поднялась худая сутулая мужская фигура в комбинезоне научного отдела, — является высококвалифицированным специалистом в этой области. Мы прочим его на это место. В случае успеха у нас появится первый руководитель группы высшего отдела! Это блестящая перспектива, господа! И мы на этом не остановимся, мы будем продвигать своих представителей во все структуры высших отделов! И когда через шестнадцать лет нынешний Совет так же достигнет пенсионного

возраста, настанет время выборов! Мы выставим кандидатуру уважаемого Памбикуса на должность директора по науке, а кандидатуру вашего покорного слуги — на должность управляющего директора. Если нам удастся проявить сплочённость и победить, большинство в Совете будет за нами! И тогда мы воплотим в жизнь НАШ блестящий план! Труд граждан бункера будет оцениваться по достоинству! Все жители Улья получают тройные нормы, а самые достойные будут переселены в уровень Вип, откуда мы выкинем в тесные клетушки Улья тех, кто не сделал в своей никчёмной жизни

ничего, чтобы заслуженно жить в комфорте и роскоши!

Аудитория разразилась аплодисментами и одобрительными комментариями. Арториус придал своему лицу выражение предельной серьёзности и закончил:

— Но на нашем пути множество трудностей. Опутанные родственными связями, Випы не будут рады видеть наше усиление и станут оказывать нам всяческое противодействие. Но у них есть одно уязвимое место. Это их жадность и привычка к роскоши. Мы можем и должны воспользоваться этим. Поэтому прошу обдумать следующее моё предложение. Необходимо

негласно организовать тайный фонд, средства из которого будут расходоваться по мере необходимости на уплату взяток ради продвижения наших лучших представителей вверх по служебной лестнице, таких, как господин Памбикус, например. Прошу всех обсудить это в своих организациях. Я предлагаю сделать взнос добровольным и установить его размер равным половине процента от ежемесячной оплаты труда. Я первым внесу свою лепту!

Арториус окинул взглядом людей. Многие согласно кивали. Вот и прекрасно. На самом деле приказ на Памбикуса был уже готов,

чиновнику случайно довелось его увидеть, но пара-другая тысяч кредитов на счёту не помешает. Можно будет посетить некоторых обитательниц Вип, которые очень неравнодушны к кредитам и их щедрым владельцам. Чиновник поспешно отогнал от себя мысли об эффектных бронзовокожих женщинах Вип, утончённых, эрудированных и обаятельных, никогда не знавших тяжёлой работы, разительно отличающихся от бледных, хмурых, вечно усталых и молчаливых жительниц Улья.

— А теперь, господа, давайте приступим к обсуждению наших проблем. Я готов ответить на любые

вопросы.

Двери кабинета третьего помощника Управляющего закрылись за последним членом профсоюза, и чиновник запер дверь, исключая появление случайных посетителей. Рабочая смена закончилась. Арториус посмотрел на Памбикуса, сидящего на краю стола и сосредоточенно рассматривающего маленькую бутылочку питьевой воды, завезённой из Суисс.

— Богато живешь, Арти, — хмыкнул Памбикус. — Сколько же стоит такое чудо?

Из всех обитателей бункера

Арториус сблизился только с этим сутулым учёным, наверное, потому, что их взгляды на жизнь практически полностью совпадали.

— Одна такая положена мне раз в смену по должности, — пробурчал Арториус. — Положение обязывает, знаешь ли. Что не может не радовать, потому что покупать такое я бы не стал, это слишком дорого даже для зарплаты третьего помощника, — чиновник достал из шкафчика два стакана. — Открывай, по полбутылки каждому.

— И как они её делают? После такого на нашу воду смотреть не хочется, — Памбикус сделал маленький глоток, бережно держа

стакан двумя руками.

— Секреты технологии, — усмехнулся чиновник, — святая святых! Каждое Убежище держится за свои тайны всеми конечностями. Специализация есть великое сокровище, позволяющее вести торговлю, а значит, выживать.

Некоторое время они молчали, наслаждаясь вкусом. Первым тишину нарушил Арториус:

— Шестнадцать лет, Пам! Ещё шестнадцать лет! Одна лишь мысль о том, что придётся столько ждать, приводит меня в бешенство! А ведь нет твёрдых гарантий, что нам удастся победить на выборах, — чиновник сокрушённо покачал

головой. — Эти старые умалишённые моралисты из Совета... Да если бы не они, у нас уже давно было бы многое! Это словно насмешка судьбы, Пам. Мне придётся пережить каждую минуту из этих шестнадцати лет, ведь наша медицина, на которую мы делаем ставку, не позволит этим треклятым маразматикам уйти ни на день раньше! — Арториус поставил пустой стакан на стол. — Ты читал файл, который я тебе переслал вчера?

Памбикус, по-прежнему сидящий на краю стола, повертел стакан в руках и задумчиво кивнул:

— Читал. Откуда это у тебя? Я думал, что все архивы, имеющие

информацию о насилии, давно уничтожены. Как можно хранить такое? Великая цивилизация превратилась в жалкие осколки именно в результате насилия.

— Неужели ты ничего не понял, Пам? — чиновник шагнул к другу и с жаром принялся объяснять: — Ведь в том случае насилие привело к процветанию! К фантастическому рывку прогресса! И ситуация очень напоминает ту, что сложилась сейчас у нас. Взгляни внимательнее: небольшое отсталое государство на краю континента, не представляющее для цивилизованных стран никакого интереса, разве только в качестве

сырьевого придатка, управлялось абсолютно неспособным правительством, существовало в постоянной нищете и имело жалкую пародию на экономику. Прогрессивный лидер, без всякого сомнения, талантливый руководитель взял власть в свои руки и привёл страну к процветанию! За сравнительно короткий срок под его управлением государство стало самым передовым на всем континенте!

— Но ведь в процессе захвата власти погибли тысячи людей, — Памбикус недоумённо смотрел на третьего помощника Управляющего. — Тот кровожадный

генерал безжалостно уничтожал всех несогласных. Это просто чудовищно!

— Пам, то были древние времена, в которые царили жестокие нравы, — мягко сказал Арториус, усаживаясь на стол рядом с другом. — Мне просто понравился сам принцип. Я вовсе не предлагаю уничтожить весь уровень Вип, ведь все наши лучшие специалисты оттуда. Но вот от нескольких дряхлых стариканов с заостренными мозгами, покрывшимися пылью, я бы избавился с радостью!

— Ну, предположим, мне тоже не нравится Совет. И потомственные Випы, глядящие на меня свысока, хоть и являющиеся моими

подчинёнными, — вернув взгляд на дно пустого стакана, тихо произнёс Памбикус. — Хотя, больше всего я не люблю этих напыщенных и самодовольных граждан Ромба. Они даже в радиоэфире не скрывают своего высокомерия и превосходства. Но дело даже не в этом, — учёный покрутил в руках стакан и поставил его на стол. — Арториус, ты сможешь убить человека?

— Нет, — чиновник сник. — Не смогу. И никто не сможет. Этот процесс ужасен и отвратителен! Человечество вот уже семь веков не приёмлет насилия. Даже сотрудники службы охраны не в состоянии это сделать. А ведь их учат применять

парализаторы. Только десяти процентам службы удаётся пройти тесты на допуск к работе с парализатором, слишком велик процент нервных срывов в результате подготовки. Через меня проходили отчёты. И это при том, что у них есть оружие для убийства.

Памбикус вздрогнул и испуганно посмотрел на Арториуса. Тот успокаивающе махнул рукой:

— Те церемониальные карабины, с которыми охрана стоит на постах по праздникам, на самом деле настоящее оружие для убийства, сохранившееся со времён Великой Катастрофы. Только никто не умеет этим пользоваться, инструкции по

эксплуатации то ли не сохранились, то ли глубоко засекречены. И ещё там нужны заряды, которые то ли хранятся отдельно, то ли и вовсе давно уже не существуют. Я даже не знаю, где они могут быть, вся эта информация закрыта уровнем допуска Совета.

— Но почему Совет скрывает это от служащих Корпорации? — недоумённо спросил Памбикус.

— Ты шутишь? — Арториус удивлённо уставился на приятеля. — Служба охраны — это самое престижное подразделение отдела Управления! Их всего пятьдесят восемь человек! Единственное подразделение, где работают только

Випы — это благородный труд. Сотрудники охраны тщательно контролируют хронометраж смен и плотность заполнения служебных и производственных площадей. Передвижные посты ежесекундно следят за состоянием внутренней среды, за целостностью каждого миллиметра Бункера, за износом и своевременной заменой снаряжения и оборудования работающих людей в любой точке и на любом участке, за соблюдением законов безопасности труда при проведении всех видов работ, за сохранностью запасов и строгим соблюдением правил их хранения. На них так же ложится борьба с возгораниями и

нештатными ситуациями. Я точно не могу сейчас вспомнить всю Инструкцию службы охраны, там было ещё много чего, но и этого вполне достаточно. Это в верхних уровнях у них работы немного, а, например, в первом и втором уровнях они проводят массу времени, особенно на складе урана, да и в других хранилищах тоже. Кто же пойдёт туда на службу, если станет известно, что надо держать в руках тысячекратно проклятое оружие для убийства?!

— Логично, — согласился Памбикус. — Но для нас это сути вопроса не меняет. Переворот с применением насилия невозможен.

Нам необходимо сосредоточиться на подготовке к ближайшим выборам. За шесть лет надо изменить слишком многое, успеем ли? Ведь Совет не будет сидеть сложа руки.

— Не будет, — подтвердил чиновник. — Об этом я и хочу поговорить с тобой, Пам. Нам необходимы единомышленники, — Арториус жестом остановил открывшего было рот Памбикуса. — Нет, не этот тупой сброд, — он махнул рукой в сторону двери, через которую покинули кабинет члены профсоюза. — Эти годятся лишь в качестве рупора для трансляции наших идей в Улей и сбора голосов на выборах. Я говорю о стоящих

мозгах, высококвалифицированных и перспективных. У нас нет ни одного своего человека в высших отделах, кто был бы хоть сколько-нибудь заметной фигурой. Нам с тобой предстоит большая работа, Пам. Я возьму на себя медицинский, ты займёшься научным отделом, он для тебя свой. Необходимо привлекать сторонников. Мы должны заинтересовать молодых и перспективных специалистов нашими идеями, нам надо перетянуть на свою сторону интеллектуальный потенциал Корпорации!

— Звучит, разумеется, блестяще, — покачал головой

Памбикус, — но как это сделать? Среди лучших или перспективных специалистов высших отделов уроженцев Улья нет, а если кто и найдётся, то этот мизер не даст нам преимуществ. Чем же мы заинтересуем Випов? Кредитами? Но они зарабатывают достаточно. Обещаниями не переселять их в Улей в случае нашей победы? — он усмехнулся. — На подкуп всех не хватит никаких добровольных пожертвований.

Арториус засмеялся:

— Думай, Пам, думай! Как раз подкупать многих и не придётся. Кредитами мы будем задабривать наших противников, и делать это

только ради продвижения наших людей вверх, — чиновник заложил руки за спину и принялся неторопливо прохаживаться по кабинету.

— Не понимаю, — нахмурился его приятель. — Объясни, что ты задумал.

— Всё просто и старо, как мир! — воскликнул Арториус. — Идея, Пам! Идея! Вот что заставит людей дать нам то, что мы хотим. Величайшие правители древних веков силой идеи бросали миллионы на алтарь своих желаний! И мы поступим так же! Мы дадим им идею, Пам! Умным — каждому свою, глупым — одну на всех. Как быдлу из

Улья мы пообещали роскошь и просторы Випа, так честолюбцам-Випам посулим высочайшее положение, всеобщее уважение, признание и привилегии. Фанатикам-исследователям — перспективы безграничных возможностей для развития науки и доступ к технологиям других Убежищ и самой загадочной Орбиты! Фанатикам от медицины — возможность исцелить весь мир, а романтикам подарим надежду на переселение из этой подземной норы на континент, на просторы Ромба. Мы дадим им надежду жить под солнцем и небом, Пам! Они не смогут от этого отказаться! —

Арториус остановился и перевёл дух, его глаза лихорадочно блестели. — Мы сделаем ставку на перемены и развитие. Мы скажем, что Совет, в силу своей консервативности и боязни потерять власть в пользу более перспективных и молодых умов, намеренно препятствует усилению положения бункера в мире, и как следствие, ингибирует распространение влияния Корпорации на поверхность. Общеизвестно, что Рос является непревзойдённым центром медицины. Мы могли бы диктовать свои условия всем, даже Орбите!

— Вообще-то медики из Суисс составляют нам определённую

конкуренцию в области эпидемиологии, а очистка-обработка воды там и вовсе лучшая в мире. — Памбикус почесал затылок. — Но в целом это мелочь. Твоя идея, как всегда, гениальна! Арти, ты действительно великий руководитель, в такие минуты я начинаю верить, что у нас есть все шансы, — он с восхищением посмотрел на чиновника.

— Ну, конкурентами мы займёмся через шестнадцать лет, когда победим на выборах, — Арториус уже успокоился и приходил в себя после бурной речи. — Пока же надо обдумать списки кандидатур, способных заинтересоваться нашими

взглядами.

— Я завтра же проанализирую все группы научного отдела, — с готовностью отозвался Памбикус. Налёт меланхолии слетел с сутулого ученика, сменившись жаждой деятельности. — С некоторыми сотрудниками можно будет побеседовать уже на следующей смене.

— Нет, Пам, — перебил приятеля чиновник. — До тех пор, пока тебя официально не назначат руководителем, никаких разговоров. Только сбор информации. Не стоит рисковать, нам торопиться некуда, впереди ещё шестнадцать лет. — Арториус погрузился. — Иногда так

хочется заснуть и не просыпаться до самых выборов, — он вздохнул.

— Это как в детской сказке про спящих героев? — хохотнул Памбикус. — Арти, кто же будет делать за тебя всю работу? И съесть все нормы? — научник встал со стола и направился к выходу. — Мне надо идти, уже пять минут, как началась моя смена. А ты лучше оставайся тут, спящий герой, с тобой у нас гораздо больше шансов.

— Какой ещё спящий герой, порази тебя заражённость, причём здесь сказки? — недовольно поморщился Арториус. — Мы обсуждаем с тобой серьёзные вещи, тут не до детских забав. О чём это

ты?

Научник задержался в дверях:

— Да нет, Арти, всё в порядке.

Просто у меня в группе есть один Вип, новичок, он совсем ещё молод и часто засыпает под конец смены. Так вот, остальные Випы дали ему прозвище «Спящий Герой», есть у них какая-то детская сказка о каких-то героях, что вечно спали в анабиозе, просыпаясь только для того, чтобы совершить подвиг. После чего они снова засыпали. Ты мне сейчас его напомнил, — с этими словами улыбающийся Памбикус вышел.

Оставшийся один Арториус задумался. Предстояла крайне

непростая работа — привлечение на свою сторону сотрудников медицинского отдела. Всех обитателей Улья, работающих в медицинском, он уже проверил по личным делам. К сожалению, никто из них не представлял интереса даже в перспективе, все они занимали либо слишком незначительные, либо и вовсе самые низкие должности, научных успехов у них также не предвиделось. Таким уже давно вправили мозги члены профсоюза, но рассчитывать на подобную мелочь в крупной игре не имело смысла. Стало быть, надо тщательно проанализировать личные дела всех серьёзных специалистов, особенно

подающую надежды молодёжь. И лучше подыскать для этого благовидный предлог, не стоит привлекать к себе излишнего внимания демонстративным интересом к столь обширному списку документации на лучших сотрудников Корпорации.

Дафф висел у иллюминатора и разглядывал неторопливо плывущий внизу шар планеты. Конечно, вид на обзорных экранах зала заседаний был не в пример грандиозней и подробней, но то была лишь трансляция данных с камер наблюдения. Здесь же всё было

реальным, человека от планеты отделяли лишь несколько сот километров космоса и несколько десятков миллиметров стеклокерамики. Дафф любил живой вид и часто подолгу наслаждался зрелищем, открывавшимся из простого иллюминатора. В данный момент станция проходила над Южным полушарием, но разглядеть моря и континенты сейчас не представлялось возможным, внизу бушевала буря. Был сезон штормовых ветров, и беснующаяся стихия безраздельно властвовала над этой частью планеты. Дафф заворуженно смотрел на кипящую пену циклонов и спиральные воронки ураганов,

представляя, как взбешённая природа в бесконечной ярости снова и снова терзает защитные купола Ромба, бросая в бой нескончаемые легионы воздушных масс и радиоактивной пыли. Это вечное противостояние продлится ещё тридцать четыре дня, после чего раздосадованная неудачей стихия отступит, чтобы с удвоенной силой выместить злобу на мёртвых пустынях и ядовитых болотах Северного полушария.

Наручный коммуникатор мягко завибрировал, привлекая к себе внимание, и Дафф услышал нежный голосок своей помощницы:

— Господин Президент, транспортный модуль пристыковался

успешно. Сенатор Кутт просит связи. Соединить?

Латто говорила как всегда взволнованно. Молодая леди всего два месяца назад получила эту должность и пока не научилась скрывать робость, всякий раз охватывающую её при общении с самим Президентом. Впрочем, это не мешало ей отлично справляться со своей работой, а плохо скрываемое волнение даже умиляло старика.

— Соединяйте.

— Ласкового Солнца, господин Президент, — стенной экран моргнул, и на нём появилось изображение руководителя лунного посёлка. Его бледное лицо было

хмурым.

— Ласкового Солнца, Питер, — поддержал приветствие Дафф. — Твой модуль только что пристыковался без происшествий, через пятнадцать витков встречай назад, согласно расписанию. Что у тебя? Ты выглядишь озабоченным.

— Главному инженеру Ноффу всё хуже. Передо мной последний отчёт медиков. Им не удаётся остановить разрушение тканей. Ему осталось жить не более четырёх суток. Население остро выражает своё недовольство безуспешными действиями врачей, ведь весь персонал гифтониевой шахты обязан Ноффу жизнью. Всеобщее

настроение подавленное, люди не гибли у нас вот уже двести лет. Готовиться к объявлению траура?

Старый Президент помрачнел. Он знал Ноффа почти сорок лет и помнил его ещё озорным мальчишкой. Две недели назад маститый учёный, ведущий специалист в области добычи и обработки гифтония, главный инженер лунного посёлка Нофф успел добраться до пункта аварийного ручного управления защитой шахты и спас от неминуемой смерти две тысячи человек. В тот день в результате роковой случайности электроника управления системами защиты

рудника вышла из строя, и обычный метеоритный дождь мгновенно превратился в смертельную бомбардировку. Всё решилось за считанные секунды, когда тяжелораненый Нофф в пробитом скафандре вручную закрыл щиты и выставил защитные поля. Главного инженера нашли лежащим у пульта ручного управления, чудовищно обожжённого, облучённого и в состоянии комы, из которого врачи безуспешно пытаются вывести все эти дни.

— Шансов никаких? Вы уверены в этом? Медики действительно испробовали все возможные средства, ошибки быть не

может?

Сенатор хмуро кивнул в ответ.

Президент представил последствия смерти Ноффа и помрачнел ещё сильнее.

— Питер, ты представляешь, что будет, если он умрёт? Мы потеряем ведущего учёного-гифтолога, и исследования замедлятся. Рабочие в шахтах уже не будут спокойны за свою безопасность, рейтинг этой специальности резко упадёт и темпы добычи руды снизятся. Весть об этой трагедии дойдёт до Земли, а ведь там свято верят в нашу исключительную мудрость и могущество! Это серьёзно пошатнёт наш доселе непререкаемый авторитет.

Сенатор лишь развёл руками.

— Наши медики бессильны.

— А что Рос?

— Мы связались с Росом, они готовы принять Ноффа на лечение, но погружение больного в анабиоз приведёт к мгновенной смерти, а до окончания сезона штормов больше месяца.

— В Росе могут его спасти? —

Дафф снова бросил взгляд в иллюминатор, на бешеную круговорот атмосферных потоков, охватившую Южное полушарие. Спустя пять секунд тщательного анализа президент принял решение. Дафф уверенно посмотрел в глаза сенатору. — Питер, как можно скорее

готовьте Ноффа к доставке на станцию. В ближайшей фазе перигея Луны и Орбиты вам будет отправлен медицинский модуль.

— Вы хотите отправить на Землю челнок? — Кугг привстал от удивления. — Но это же невозможно! В атмосфере мощнейшая буря, это предприятие обернётся катастрофой!

— Действуйте, сенатор, у нас мало времени. — Президент выключил связь и тут же вызвал референта: — Помощник Латто, через полчаса организуйте мне встречу с астронавтами челноков. Соберите в зале заседаний абсолютно всех.

— Слушаюсь, господин

Президент.

Тяжёлый турболёт мягко оторвался от бетонного покрытия аэродрома и направился к границе защитного купола. Командир Нолл перевёл двигатели в режим повышенной мощности. Сейчас диспетчер ровно на сорок секунд снимет защитное поле, и в тишину и спокойствие внутреннего пространства аэродрома ворвётся бушующий за периметром ураган.

— Билл?

— Метеорологи рекомендуют четырнадцатый коридор, через пятнадцать секунд там будет

спокойнее всего, — немедленно отозвался рослый лётчик с нашивками штурмана дальней авиации.

Командир турболёта Джим Нолл немного недолюбливал своего темнокожего штурмана. Билл был крайне немногословен, вытянуть из него нечто, кроме служебных докладов и отчётов, было практически невозможно, вследствие чего многочасовые полёты проходили в молчании и скуке. Джим уже давно бы сделал всё, чтобы сменить напарника, но лучшего штурмана найти будет просто невозможно. Билл обладал просто фантастическим чувством

пространства и мог летать без карт, спутников и прочей навигации там, где побывал всего лишь раз. Только этот штурман мог подойти такому виртуозу полёта, каким являлся Нолл. Их экипаж по праву считался непревзойдённым по мастерству и выполнял только самые сложные задания. Как раз сейчас был именно такой исключительный случай.

— Командир Нолл, дистанция до стенки девятьсот метров, — раздался в наушниках голос диспетчера. — Отключение защитного поля через десять секунд.

Джим вывел турболёт на курс и приготовился отразить натиск урагана.

— До отключения пять секунд.
Три. Две. Одна. Отключение!

Воздушная масса свирепо ударила по летящей машине. В эти секунды всё зависело только от мастерства пилота. Летать в шторм отваживались лишь очень немногие лётчики, малейшая ошибка тут стоила жизни — ураганный ветер не знал жалости. Джим привычно удержал турболёт на курсе, безошибочно корректируя двигателями давление разнонаправленных воздушных потоков, и включил форсаж. Серебряная сигара турболёта рванулась ввысь, стальной иглой протыкая штормовой фронт.

— Командир Нолл, моё восхищение вашим мастерством! Время без купола шесть секунд ровно. Чистого неба и мягких посадок, — диспетчер отключился.

Сдавленный перегрузками штурман молча показал большой палец, и Джим довольно улыбнулся. Новый рекорд авиации! Аэродром находился без купола всего шесть секунд.

Чем меньше времени без защиты, тем меньше сил и средств будет затрачено дезактивационными командами на ликвидацию заражения, принесённого ураганом внутрь периметра. Среди асов дальней авиации, имевших допуск на

штормовые полёты, шло негласное соревнование по снижению этого интервала. Руководство всячески поощряло эту традицию, после каждого открытия купола в шторм выкладывая в информационную сеть данные о личности пилота, установленной им продолжительности времени без купола и количестве средств и ресурсов, сэкономленных лётчиком, которые в противном случае требовалось затратить на дезактивацию открывавшегося сектора аэродрома.

Уже через пять минут весь Ромб будет знать о том, что непревзойдённый Джим Нолл побил

свой собственный рекорд. Нолл представил, как по возвращении посадит на колени маленькую Саманту и будет рассказывать ей о полёте. Любопытные глазёнки вспыхнут, и дочурка будет сидеть, смешно раскрыв ротик, боясь пошевелиться, чтобы не пропустить ни одного слова. На следующий день в школе Саманта будет самым популярным человеком среди сверстников. Преподаватели частенько жаловались, что после полётов отца чуть ли не вся школа сбегалась послушать красочные пересказы Саманты, из-за чего уроки иногда начинались с некоторым опозданием. Ещё бы, профессия

лётчика дальней авиации была мечтой любого ребёнка и успешно конкурировала в рейтингах с астронавтикой и добычей гифтония. Жена, неоднократно говорившая, что дочь не лишена литературного дара, всячески пыталась его развивать, планируя успешную карьеру дочери в журналистике, но маленькая Саманта в свои двенадцать лет хотела, естественно, быть только лётчиком, как её героический отец. Мысли о семье привели Нолла в настолько великолепное расположение духа, что он решил предпринять одну из редчайших попыток разговорить штурмана, как всегда больше похожего на человека

замороженного, чем живого, как только закончатся перегрузки.

Турболёт вырвался из цепких объятий земной гравитации, и невесомость вступила в свои права.

— Ввожу расчёт курса, — временно разморозился Билл. — Тридцать минут до границы зоны штормов, дальнейший маршрут проложен в атмосфере согласно указаниям руководства. По данным Орбиты по всей протяжённости штиль, расчётное время полёта три часа, — штурман закончил доклад и снова замёрз.

Нолл кивнул и занялся уточнением поступивших на экран данных. Полёт обещает быть

интересным, давненько не приходилось летать в атмосфере столь длительное время. Баллистическая траектория была намного быстрее и экономичнее, однако на этот раз их задача была особенная, и указания начальства были предельно чёткими: скорость, перегрузки, атмосферное давление и время полёта не должны выходить за рамки рекомендованных врачами величин. Пассажирское отделение турболёта было заполнено множеством медицинского оборудования, предназначенного только для одного — искусственно поддерживать жизнь единственного пассажира, знаменитого гражданина

Ноффа.

Светило современной науки, кумир миллионов, один из наиболее мощных двигателей прогресса, главный инженер Нофф практически ценой своей жизни спас от гибели гифтониевую шахту со всем персоналом, и теперь счёт его жизни шёл на часы. Вот уже пятнадцать дней жители Ромба, Луны и Орбиты с волнением следили за состоянием здоровья выдающегося учёного. Сам Президент Дафф лично встретился с астронавтами и попросил добровольцев для выполнения сверхважной и сверхопасной миссии, подобной которой ещё ни разу не осуществлялось в истории

астронавтики. Гражданин Нофф срочно нуждался в медицинской помощи Роса. Посадка челнока в условиях пика сезона штормов производилась впервые, это был неслыханный риск, аналитические системы выдавали расчёт-прогноз на успешную посадку один к девятьсот двадцати восьми! Но в случае успеха это был бы грандиозный подвиг астропилотажной группы. Говорят, добровольцев оказалось настолько много, что руководителю полётов пришлось туго в процессе принятия решения.

Двадцать восемь миллионов пар глаз, затаив дыхание, следили за беспрецедентным спуском. За

пятнадцать минут снижения челнок был на грани гибели семнадцать раз, но экипаж командира Гурра совершил чудо и обеспечил себе высшие рейтинги и место в истории. Главный инженер Нофф был доставлен на Землю, и сейчас лучший пилот дальней авиации стремительно вёл могучую машину к Росу, спасая жизнь великому учёному. Это было очень почётное и важное задание. При мысли о завтрашнем немыслимом скачке рейтинга Джима распирала гордость. Главное, чтобы эти кроты из Роса не подвели. Он посмотрел на штурмана:

— Как думаешь, Билл, в Росе смогут спасти жизнь гражданина

Ноффа?

Вечно молчащий штурман неопределённо пожал плечами в ответ.

— Наши лучшие медики не справились, а ведь мы самая прогрессивная страна в мире, — не унимался Джим.

Он решил, что на этот раз обязательно заставит Билла заговорить. Однако тот лишь хмыкнул что-то невразумительное. Но Нолл был настроен решительно и не отступал:

— Про кротов Роса ходит множество слухов; не понимаю, неужели несколько удачных таблеток смогли вызвать такой ажиотаж.

Поговаривают, что они там просто волшебники, играючи лечат любые болячки и живут вдвое дольше нашего. Лично я склонен считать это преувеличением. Не могут какие-то кроты, до сих пор использующие для своего реактора уран, быть в чём-то намного лучше нас. Наша страна сделала всё возможное для спасения Ноффа, но шансов выкарабкаться у него нет. Это будет тяжёлая потеря для всех нас.

И вот тут штурман изрядно удивил своего командира. Выражение лица Билла приняло осмысленный вид, он взглянул на Нолла и чётко произнёс:

— Они справятся.

От неожиданности Джим опешил. Подобная реакция для Билла была столь же бурной, как состояние урагана, бушующего сейчас в атмосфере далеко внизу. Удивлённый Нолл выдохнул:

— Чего?!

— Медики Роса слепят Ноффа заново, и даже лучше, чем было до трагедии, — столь длинной фразы командир не слышал от своего штурмана уже месяцев шесть.

Джим кожей почувствовал, что сейчас представляется редкий шанс вытянуть из молчаливого Билла что-то поистине интересное. Недаром голос темнокожего лётчика был столь уверен и твёрд. Тот, без

сомнения, что-то знал.

— Почему ты так уверен в этом, Билл? — Нолл решил, что выцарапает из Рутта всё, даже если для этого ему придётся свернуть напарнику всю кровь и отдать взамен свою собственную.

— Кроты из Роса веками совершенствуются в медицине. Они больше не занимаются ничем, всё существование их Убежища подчинено развитию медицины. Это самый большой бункер в мире, и семьдесят с лишним тысяч человек в нём либо сами являются врачами, либо обеспечивают медикам бесперебойную исследовательскую деятельность.

Нолл ошалело смотрел на штурмана. Столько слов подряд за прошедшие восемь лет Билл не произносил при нём ни разу. Рутт посмотрел на отвисшую челюсть своего командира, иронично улыбнулся и окончательно добил Джима:

— Двадцать один год назад отец взял меня с собой на работу. Мне было тогда одиннадцать. Он был докером на грузовых складах, обеспечивающих обработку тяжёлых турболётов. В тот день разгружали поставку кислот из Брэйзл. Консоль управления гравикраном внезапно вышла из строя, и ёмкость с серной кислотой врезалась в стену склада,

пробила её и разлилась по бытовому помещению, где в тот момент находилось три человека и я. Все получили химический ожог более девяноста процентов поверхности тела и тяжёлое отравление. Я оказался в коме, точно как сейчас гражданин Нофф. Нас срочно доставили в Рос, всех четверых. Спустя месяц мы уже были дома, целые и невредимые. Более того, волшебники из Роса вылечили врождённые близорукость и глухонемоту, благодаря чему я смог стать лётчиком. Ты веришь в чудеса, Джим? — Билл, не отвлекаясь от рассказа и не глядя на монитор, виртуозно вводил в навигационный

компьютер какие-то поправки. — Если таковые существуют, то одно из них, несомненно, находится глубоко под посадочной площадкой, на которой мы с тобой приземлялись такое множество раз. Я помню этот маршрут с тех самых пор и могу выдать максимально рациональные навигационные данные даже во сне.

Штурман закончил повествование так же неожиданно, как и начал. Спустя секунду он уже принял своё обычное состояние ледяной статуи, невозмутимо разглядывая бегущие на дисплее вычислителя столбцы цифр.

Больше ни на какие расспросы Билл не отвечал.

Инспекция была в самом разгаре, и персонал группы нормирования давно уже сбился с ног, предоставляя инспекторам все необходимые детали для внеплановой проверки баз данных. Руководитель группы, отработав подряд три смены, буквально уполз на отдых, чувствуя себя, словно выжатый лимон. Однако, отдохнув лишь смену и тут же вернувшись в свой кабинет, он всё так же увидел там третьего помощника управляющего директора, который, собственно, и возглавлял инспекционную комиссию. К началу

третьих суток непрерывной работы Арториус был по-прежнему бодр и неустомим. Глава нормирования в который раз удивился потрясающей работоспособности этого человека. Судя по всему, тот просто не знал, что существует такое понятие, как усталость. Каким образом третьему помощнику удавалось оказываться везде и сразу, когда он принимал пищу и как держал в памяти подробную структуру системы нормирования, состоящую из двадцати с лишним тысяч различных норм и поправочных коэффициентов, для всех было загадкой.

Едва руководитель группы нормирования оказался на пороге

кабинета, Арториус встретил его вопросом:

— Как вы можете объяснить тот факт, что информация по учёту фактической задействованности в сменах сотрудников аналитической группы, в отличие от всех остальных подразделений Корпорации, заносится в нормировочные базы данных более чем через смену? Или вы забыли основной пункт устава Корпорации: каждая секунда времени сотрудника Корпорации, отданная им во благо Корпорации, должна быть строго учтена и справедливо оплачена не позднее шести часов после окончания рабочей смены?

Глава нормирования сжался под взглядом третьего помощника, словно на него опрокинули ведро ледяной воды, и сбивчиво залепетал:

— Господин Арториус, здесь нет халатности, это вынужденная необходимость.

Сотрудники аналитической группы — это величайшие умы нашей науки, они часто после окончания своих смен остаются на рабочих местах и продолжают исследования в течение ещё нескольких часов, а в некоторых случаях даже нескольких смен. Мы скрупулезно учитываем всё отработанное ими время, данные тщательно обрабатываются и заносятся в реестры сразу же, как

только учёные покидают рабочие подуровни, — перепуганный управленец задохнулся, выдав всю фразу на одном дыхании.

— Понимаю, — Третий помощник управляющего директора просматривал бесконечные столбцы цифр учётных реестров, бегущих сразу на нескольких дисплеях. Наконец, видимо, удовлетворённый полученным объяснением, он оторвал взгляд от потока цифр и снова перевёл его на руководителя группы нормирования, отчего последний снова сжался в комок.

— Подготовьте мне полный отчёт за прошедший год по всем фактам вынужденных нарушений

группой нормирования хронологии обработки отработанного сотрудниками Корпорации рабочего времени. Отчёт должен в каждом имевшем место подобном случае детально раскрывать причины, послужившие основанием для более позднего оформления учётных реестров. За исключением данных фактов у комиссии нет других претензий к качеству работы группы нормирования, — Арториус замолчал, не сводя глаз с собеседника.

Руководитель группы нормирования, словно ошпаренный, метнулся к своему рабочему столу, на ходу активируя компьютер:

— Всё будет предоставлено вам менее чем через час, господин третий помощник. У нас всё учтено с точностью до секунды, вы получите исчерпывающие данные... — управленец ещё некоторое время, запинаясь, бубнил что-то себе под нос, полностью погрузившись во взаимодействие с компьютером. Спустя минуту в кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь мягким шорохом пальцев, пляшущих по сенсорам консоли управления.

Арториус мысленно улыбнулся. Его как всегда блестящий план сработал безотказно. Почти полгода чиновник исподволь подготавливал

почву для этой проверки, выискивая по всей Сети любые, даже самые абсурдные жалобы на несправедливость учёта и нормирования отработанного времени, собирая основания для доклада управляющему директору. Этот доклад завершался мнением о целесообразности проведения инспекции в ведомстве группы нормирования. Надо сказать, это было задачей не из лёгких. Ведь нормировщики всегда на виду и ошибок не допускают. Ещё бы, каждый работающий служащий Корпорации умеет считать свои кредиты! Поэтому явных нарушений ждать было бесполезно. Но

изворотливый ум Арториуса и в этой ситуации нашёл выход. Чиновник буквально по байту просеял всю неофициальную часть Сети Бункера и нашёл то, что искал. Немногочисленные лентяи, занимавшие самые низшие должности в различных структурах Корпорации, иногда выкладывали в сеть жалобы на несправедливую, по их мнению, тарификацию своего, по большей части бесславного, труда. Но они погоды не делали. Зато определённая часть вышедших на пенсию престарелых обитателей бункера, как правило, являвшихся в прошлом мелкими руководителями отдела Управления, частенько

выказывали своё недовольство всем подряд, в большинстве случаев совершенно безосновательно. Среди мегабайтов подобных ерундовых претензий встречались и претензии к группе нормирования. Вот на это и была сделана ставка. По прошествии полугода доклад был готов и лёг на стол Управляющего. В том, что возглавить инспекцию будет поручено инициатору этой головной боли, Арториус не сомневался.

И вот теперь цель была достигнута. Менее чем через час в руках у Арториуса будет подробнейший перечень сотрудников Корпорации, часто задерживающихся на рабочем месте после окончания

своей смены. В подавляющем большинстве это будут лучшие умы, молодые и перспективные, талантливые учёные, фанатики своего дела, ради которого они не жалеют своего времени. Тот самый список, с фигурантами которого надо будет проводить тонкую и кропотливую работу по привлечению их на свою сторону. Вот они, потенциальные сторонники, вот она, возможность обрести реальную силу. Не какие-то всем известные руководители групп, важные и престарелые, уже давно купающиеся в лучах собственной славы и достигшие всего, а рвущаяся вперёд молодёжь. Недаром основную массу

списка составляли сотрудники аналитической группы. Аналитическая группа! От такой возможности у Арториуса на мигхватило дух. Мозг Бункера. Квинтэссенция креатива научной мысли Корпорации. Единственная группа, находящаяся на особом положении, комплектуемая лучшими умами научного и медицинского отделов. Руководитель аналитической группы назначается Советом и подчиняется только Совету целиком и никому из директоров в отдельности. В составе этой группы только Випы, причём по слухам лишь те, кому талант передастся чуть ли не по

генетической линии. Получить реальную картину о работоспособности и востребованности сотрудников аналитической группы было большим успехом. Арториус прикрыл глаза от сознания собственной гениальности. Да, шестнадцать лет ожидания — это чудовищная пропасть, но это время не пройдёт зря.

— Папа! Почему ты так быстро ушёл на работу? Сейчас не твоя смена! Я соскучился! — детский голосок вывел третьего помощника из раздумий. Арториус открыл глаза.

На пороге кабинета стоял малыш лет пяти и укоризненно глядел на руководителя группы нормирования. Сходство серых глаз, курносых носов и смешно оттопыренных ушей было очевидным.

Руководитель нормировщиков оторвался от компьютера и расплылся в улыбке:

— Сынок, ты снова убежал от мамы? Я скоро освобожусь, ты пока подожди папу дома, хорошо? — управленец виновато переводил взгляд с сына на Арториуса, оказавшись между двух огней.

Арториус никогда не испытывал к детям особых эмоций и относился к ним скорее нейтрально, считая, что

создание семьи и рождение детей — это не для него, так как подобное лишь усложнит карьерный рост и будет ненужной помехой в достижении его далеко идущих планов. Однако смешение работы и личной жизни всегда было неприемлемо для Третьего помощника. И сейчас, видя, что руководитель группы нормирования допускает, судя по уверенному виду карапуза, довольно частые появления ребёнка на рабочем месте, Арториус почувствовал раздражение. Вот так, значит, ты используешь своё рабочее время. Прекрасно! Интересно, как ты его сам себе в таких случаях тарифицируешь? Мысль о том, что

сейчас представляется редкая возможность не просто сбить спесь с обитателя Випа, а основательно попортить ему кровь и, возможно, даже карьеру, привела Арториуса в прекрасное расположение духа. Он вперил в управленца испепеляющий взгляд. Тот, видимо, почувствовав во взгляде чиновника серьёзную беду, граничащую с катастрофой, съёжился чуть ли не вдвое.

— Папа, ты обещал дорассказать сказку про Спящих Героев! — тем временем продолжало вещать чадо. — В прошлый раз ты ушёл на смену на самом интересном месте! — Карапуз был настроен серьёзно и уходит из кабинета явно

не собирався. Он требовательно смотрел на отца и хмурил крохотный лобик. — А чудовище никого не съест? Правда же, они его победят? Они же победили плохих людей, которые хотели сломать наш бункер? — Невооружённым глазом было видно, что карапузу требовались ответы, причём немедленно. Причины, по которым отец не мог продолжить повествование немедленно, его явно не интересовали.

Арториус, собравшийся было разнести в пух и прах незадачливого Випа и не оставить от его руководства камня, на камне внезапно замер. Некая, ещё не

вполне оформившаяся, мысль тенью мелькнула где-то глубоко в сознании. Он улыбнулся карапузу и произнёс:

— Твой пана скоро освободится, он уже почти закончил. Давай дадим ему ещё немного времени. А пока он работает, ты не мог бы мне рассказать, кто такие Спящие Герои? — Арториус движением глаз дал команду руководителю нормировщиков продолжать работу.

Тот едва слышно выдохнул и обмяк от покинувшего его напряжения. Благодарно улыбнувшись, управленец застучал по сенсорам с утроенной скоростью.

— Ты не знаешь про Спящих Героев?! — карапуз изумлённо

воззрился на Арториуса. Казалось, что удивлению малыша нет предела.

— К сожалению, нет, — Арториус с грустью развёл руками. — Никогда не слышал. Возможно, ты смог бы мне рассказать про них хоть что-нибудь?

Карапуз смотрел на чиновника так, как, наверное, смотрят сотрудники реанимационной группы на только что поступившего к ним тяжелобольного, пять минут назад доставленного откуда-нибудь из африканского Убежища. Спустя мгновение малыш буквально взорвался словами, торопливо топая поближе к Арториусу:

— Они охраняют наш бункер от

чудовищ, которые живут снаружи! Раньше, давно-давно, после Великой Катастрофы, — карапуз немного запнулся, сложное слово далось ему с трудом. Однако такая мелочь была не способна удержать поток слов и эмоций, — сверху пришли плохие люди! Они хотели сломать наш бункер, чтобы все погибли! А Спящие Герои их победили! А потом на бункер напали чудовища! И они их тоже победили! А потом ещё были другие чудовища! — тут малыш укоризненно посмотрел на отца и обиженно добавил: — Только папа не рассказал мне дальше, а ушёл на работу. Так нечестно! Ты обещал!

Арториусу по-прежнему не

давала покоя шевелящаяся где-то в глубине сознания мысль. Что-то ещё не сформировалось, что-то важное. Ладно, всему своё время, если необходимо подождать, значит, подождём. Сейчас надо сконцентрироваться на первоочередных задачах. Чиновник снова улыбнулся малышу, отвлекая его от отца:

— И куда же ушли эти герои?

— Они никуда не ушли! — карапуз отреагировал на Третьего помощника, произнесшего подобное вопиющее кощунство, как стрелка компаса на север. — Они спят! Они всегда спят, они в анабиозе!

— А где они спят? — Арториусу

стало любопытно, как ребёнок сможет связать сказку с реальностью. Объяснение нашлось мгновенно, простое и непосредственное, какое дано только ребёнку, не отягчённому грузом многочисленных взрослых проблем и забот:

— Никто не знает! — карапуз важно поднял пухлую ладошку. — Это тайна! Никто не знает, где спят Спящие Герои. Они просыпаются и приходят только тогда, когда надо защищать бункер от чудовищ! Давно-давно они прогнали всех чудовищ и снова легли спать. Никто не знает где! Но если появятся другие чудовища, то Спящие Герои

проснутся, придут и всех прогонят! Правда, папа? — малыш снова принялся за отца.

— Правда, сынок, — руководитель группы нормирования встал из-за компьютера, потрепал по голове сынишку и протянул Арториусу маленький цилиндрик цифрового носителя:

— Детальный отчёт сформирован, господин третий помощник управляющего директора. Исчерпывающая информация по всем параметрам, согласно данным вами указаниям.

Арториус положил цилиндрик в карман комбинезона и направился к выходу, на ходу бросив:

— Хорошо. Работа инспекции на этом закончена. Результаты работы вверенной вам группы признаны полностью удовлетворяющими положениям устава Корпорации. Подробный отчёт по итогам инспекции будет выложен в сети завтра к исходу четвёртой смены.

Арториус вышел из кабинета руководителя группы. Весь состав инспекции уже собрался у выхода из подуровня нормирования. Третий помощник кивнул, и люди заспешили по своим рабочим местам: им ещё предстояло повозиться с отчётами о проделанной работе. Арториус стремительно шагал по переходам

уровня управления, словно и не шли уже третьи сутки без сна. Надо было срочно попасть в свой кабинет. Почувствовать его привычную атмосферу власти для Арториуса сейчас было более необходимо, чем сон или приём пищи, его переполняла жажда деятельности. Чиновник через ткань комбинезона чувствовал цифровой носитель, он жёг третьего помощника, будто был куском раскалённого металла. Крохотный цилиндрок с информацией, казалось, излучал энергию, напитывая его подобно ядерному реактору. Арториусу подумалось, что если он оттолкнётся от пола ещё чуть сильнее, то полетит.

Все его мысли сейчас были внутри этого маленького керамического носителя, содержащего драгоценные мегабайты, ради добычи которых было потрачено почти шесть месяцев кропотливого и изматывающего нервы труда. И вот сейчас терпение и упорство Арториуса дало свои результаты. Дело было сделано. Начало положено.

— Господин Арториус, руководитель группы связи Памбикус просит связи, — голос электронного секретаря, донесшийся из динамиков коммуникатора, застал третьего помощника управляющего директора

в глубоких раздумьях.

Месяц назад, когда с момента окончания инспекции нормировщиков минуло уже четыре смены, чиновник так и не покидал своего кабинета. Полугодичное ожидание заветных результатов обернулось неудержимой жаждой деятельности, и Арториус не желал терять ни секунды. В конце концов он так и уснул, сидя за рабочим столом. Когда испуганный секретарь, спустя полторы смены, опасаясь, не случилось ли чего со здоровьем третьего помощника, решился зайти в кабинет и разбудить чиновника, Арториусу казалось, что он сомкнул глаза лишь на пару минут. В тот день

длительный сон наконец-то привёл в порядок бешено скачущие мысли, и вот уже четвертую неделю, закончив свою смену, каждый раз чиновник оставался в любимом кабинете и обдумывал стратегию своих дальнейших действий.

— Слушаю, — Арториус активировал частную линию связи.

С тех пор, как Памбикус стал руководителем группы Связи, в их целях, которые сам Арториус называл «шестнадцатилетним планом», наметился некоторый прогресс. Назначение на столь серьёзную руководящую должность значительно подняло авторитет

Памбикуса среди Випов, в традициях которых было оценивать человека по его достижениям. Это позволило Паму завести несколько новых знакомств, согласно плану третьего помощника. Арториус тщательно взвешивал каждую кандидатуру, прежде чем дать Памбикусу разрешение на сближение — ошибки на начальном этапе осуществления задуманного были недопустимы. Как и предполагалось, наладить ненавязчивые приятельские отношения с интересующими людьми в научном отделе удалось без особых осложнений. Вскоре Памбикус, а через него и Арториус, стали вхожи в пару компаний по

интересам, объединявших молодых специалистов различных групп научного отдела. С самыми многообещающими из них, с точки зрения шестнадцатилетнего плана, Арториус уже наладил приятельские отношения. В ближайшей перспективе они станут его сторонниками, сомнений не было.

Однако с медицинским отделом всё было гораздо менее успешно. Чиновнику никак не удавалось найти точки соприкосновения с медиками. Специальность у Вип передавалась из поколения в поколение, от родителей к детям. За более чем семьсот лет существования отделов эта традиция стала незыблемой. Вип

из научного часто общались с Вип из медицинского по работе, и совершенно нечасто — по другим делам. Во вновь обретённых компаниях не было ни одного представителя медицинского отдела. Этого третий помощник не ожидал. Не оказалось там никого и из святой святой Роса — аналитической группы. И теперь, предпринимая попытки завязать нужные знакомства в медицинском через своих новых друзей, все из которых были людьми далеко не глупыми, приходилось действовать очень аккуратно. Привлечь к своим действиям внимание Совета означало верную гибель всех планов, поэтому дело

двигалось медленно и пока без существенных успехов. Арториус печально вздохнул.

— Привет, Пам. Ты на рабочем месте? Сейчас же идёт не твоя смена.

— Здравствуй, Арти. Что, не ждал? — Памбикус нахмурился. — Сейчас ещё не то услышишь. Помнишь, вчера с нами связывалась Орбита?

— Естественно. Была моя смена, Пам. У них умирает знаменитый гражданин, тамошние врачи не справляются, вот они и консультировались лично с директором по медицине. Только отправить его к нам всесильная

Орбита не в состоянии, над Ромбом сейчас сезон штормов, — чиновник мстительно усмехнулся про себя. И на старуху бывает проруха. Хоть обо что-то богоподобная Орбита обломала зубы.

— Слушай внимательно, Арти, — внезапно третий помощник понял, что всегда серьёзный и не улыбающийся Памбикус выглядит сейчас ещё серьёзнее. — Несколько часов назад Орбита осуществила успешную посадку челнока на космодром Ромба. Весь надземный мир и всё Южное полушарие следило за этим. Это уникальнейший прецедент! Научный отдел бурлит, в уровне собрались все смены, но это

ещё не всё. Меньше чем через три часа к нам прибудет турболёт, на борту которого тот самый гражданин Орбиты. Только что закончился сеанс связи между Сенатором Ромба и Директором по медицине. Группа интенсивной терапии уже готовится к приёму пациента. Как тебе новости?

Арториус секунду помолчал, обдумывая услышанное. Без сомнения, известия были серьёзные, и стоило разобраться во всём этом более детально. Возможно, что-то удастся использовать в своих интересах. К тому же, спать совсем не хотелось.

— Спасибо, Пам. Я посмотрю,

что можно с этим поделать, — чиновник одобрительно улыбнулся другу. — Всё равно идти домой не хочется.

Памбикус кивнул и отключился. Дисплей коммуникатора погас, и в кабинете снова воцарилась тишина, характерная для нерабочей смены. Многочисленная сложная электроника бездействовала, не мигали индикаторы, молчали звуковые датчики, не работало оборудование. Чиновник неторопливо обвёл взглядом спящий кабинет. При мысли об утлом кубрике, являющимся ему домом, в котором едва бы уместился его рабочий стол, заняв всю эту убогую

клетушку целиком, Арториуса вновь посетило чувство брезгливости, тут же сменившееся злобой. Нет, он никогда не сдастся. Он добьётся своего, во что бы то ни стало. Пусть на это уйдёт даже и пятнадцать с половиной лет. Пятнадцать с половиной!!! Поглоти вас всех заражённость, как же это всё-таки несправедливо долго! Злоба всколыхнулась ещё сильнее. Третий помощник стряхнул с себя эмоции и потянулся к консоли управления электронными системами кабинета. Надо работать. Только так можно приблизить успешный финал этих пятнадцати с половиной лет. Он активировал все системы в режиме

дублирования. Сейчас шла смена самого управляющего директора, имевшего высший приоритет, и Арториус мог только наблюдать. Чиновник снова усмехнулся. Он был самым младшим по положению среди помощников Управляющего, и любой из них так же имел над Арториусом высший приоритет. Но третий помощник умел быть терпеливым и извлекать для себя пользу из любого положения. Системы включились и работу, и по дисплеям побежали строки текущей информации. Чиновник привычно переводил взгляд от дисплея к дисплею, воспринимая информацию налету. Однако спустя пару

мгновении Арториус уже не помнил о вспышке гнева. Разворачивающаяся перед ним картина поглотила чиновника целиком. Происходящие сейчас события были поистине грандиозными.

Знаменитый гражданин Орбиты, находящийся при смерти, оказался ни много ни мало самым главным инженером лунного посёлка, ведущим специалистом по добыче и переработке гифтония! Президент Орбиты лично связывался с Советом по этому вопросу, и Совет уже взял под личный контроль все мероприятия по лечению гражданина Ноффа. Орбита рискнула жизнями астронавтов ради доставки

больного на Землю, причём все астронавты были добровольцами. Лучшие пилоты Ромба поднялись в воздух прямо через эпицентр урагана и в данный момент везли учёного в Рос. Служба охраны уже подготовила шлюзовую группу для выхода на поверхность и встречи турболёта. Совет уже назначил комиссию по лечению Ноффа, которая будет встречать пациента в полном составе. В состав комиссии вошли лучшие умы бункера, руководитель группы интенсивной терапии, ведущие специалисты основных групп медицинского отдела, консультантом от аналитической группы назначен господин Дэн

Трубецкой. Трубецкой? В списках руководителей этой фамилии не значится, Арториус знал их наизусть. Однако она очень, очень знакома. Откуда? Ну конечно же! Перед глазами моментально возник отчёт начальника группы нормирования. Абсолютным лидером аналитического отдела по переработкам и добровольным сверхурочным был сотрудник Корпорации Трубецкой. Рос собрал ради Ноффа цвет научной мысли! А он, Арториус, сегодня в отдыхающей смене! И даже узнал обо всём происходящем случайно! Оказаться за бортом в такой момент!!! Это хуже, чем всепоглощающая вонь

свиной биофермы, которая намертво въелась в память ещё с детских лет...

Арториус перевёл дух. От резкого всплеска адреналина в крови в ушах гулко стучала кровь. Так, спокойно. Думать. Я в отдыхающей смене. Это плохо. Стоп. Это отлично. Сейчас смена Управляющего Директора! Управляющий работает практически ежедневно, у него масса различных дел, которые выходят далеко за рамки стандартной смены. Это шанс...

Третий помощник усилием воли заставил себя успокоиться и активировал прямой канал связи с управляющим директором.

— Я Вас слушаю, Арториус, — в

старческом голосе без труда улавливалась усталость.

— Господин управляющий директор, я ознакомился с экстренной ситуацией, связанной с гражданином Орбиты Ноффом. В данный момент я нахожусь в отдыхающей смене и не загружен работой. Я бы хотел принести посильную помощь Корпорации в столь важном деле. Прошу вас рассчитывать на меня в случае необходимости и не оплачивать эту работу как сверхурочную. Имя и престиж Роса для меня прежде всего, вы же знаете мою позицию.

Арториус затаил дыхание. Управляющий молчал не более двух

секунд, однако третьему помощнику казалось, что тот не отвечает уже час. Наконец старик всё так же устало произнёс:

— Что ж, молодой человек, ваше стремление похвально. Вам надлежит быть через два часа в подуровне совещаний. Будете отвечать за координацию от отдела управления, — старик, не прощаясь, отключился.

Арториус медленно выдохнул. Он почувствовал, как за его спиной разворачиваются крылья.

Подуровень совещаний был забит до отказа, и от белых

комбинезонов сотрудников высших отделов рябило в глазах. Арториус пришёл за час до начала совещания, планируя загодя рассмотреть, запомнить и изучить весь состав комиссии, но на деле он оказался одним из последних. Такое количество народа не собиралось здесь уже много лет, со времени прошлых выборов в Совет. Большую часть людей, заполнивших подуровень, Арториус видел впервые. У чиновника захватило дух, когда цепкая память талантливого управленца начала вытаскивать из своих глубин на поверхность давно заученные голограммы из личных дел лучших специалистов Корпорации и

сопоставлять их с живыми людьми, сидящими сейчас вокруг. Арториус не ошибся в своих прогнозах и ожиданиях. Совет действительно собрал для столь важной миссии лучших из лучших умов Бункера. На третьего помощника и двух его коллег по отделу управления никто из присутствующих не обратил никакого внимания. Подуровень гудел, словно растревоженный улей на биоферме мёда, казалось, что сам воздух здесь пропитан научной энергией высочайшего напряжения. Учёные с жаром обсуждали беспрецедентную посадку космического челнока Орбиты в пик сезона штормов. Споры то тут, то там

то затихали, то разгорались вновь, кто-то чертил какие-то графики, ежеминутно кто-нибудь из учёных выводил на настенные экраны вереницы сложнейших формул.

Арториус мысленно покори́л себя за несообразительность. Как можно было так недооценить цвет научной мысли Роса и прийти на совещание всего лишь за час до его начала. Да, это не флегматичные управленцы из родного отдела. Тут собрались люди увлечённые, высочайшая одержимость их своими профессиями буквально поражала воображение чиновника. На мгновение он почувствовал какую-то общность с этими совсем

незнакомыми ему людьми. Вот так надо работать! Именно так! День, ночь, усталость — всё это ерунда по сравнению с любимым делом. Ничто не способно остановить настоящий Талант! Если бы престарелый Совет так же относился к своей работе, то выводы относительно плана развития по Арториусу были бы совершенно другими, несомненно!

Однако сейчас не время для эмоций. Чиновник взял себя в руки и успокоился. Пора пользоваться такой бесценной возможностью проникнуть в закрытые круги посвящённых. Арториус принялся внимательно изучать присутствующих. Рядом с ним

расположилась группа учёных с красными крестами на нашивках комбинезонов. Медики обсуждали степень тяжести положения ожидаемого пациента и методы его терапии. Самый молодой из них явно пользовался наибольшим авторитетом. По крайней мере, только его никто не осмеливался перебивать. Арториус прислушался.

— И всё же, коллеги, я настаиваю на применении репликантно-регенерационной индукции по Серебрякову, — молодому учёному на вид было не более тридцати пяти, но речь его была уверенна и обстоятельна. Чиновник разглядел браслет

академика на запястье говорившего. Окружившие его коллеги, самый молодой из которых был старше докладчика лет на десять, снова замолчали и обратились в слух. — Метод профессора Дементьева, бесспорно, позволит восстановить разрушенные и повреждённые структуры на клеточном уровне в более сжатые сроки, но необходимо учитывать, что помимо тяжёлых ожогов пациент получил высокую степень поражения жёстким излучением. Орбита фиксировала в тот день мощные космические лучи в совокупности с метеоритным дождём. Именно они вывели из строя автоматику. А это, заметьте, не

просто солнечная радиация. Поэтому лечение требует тщательной деионизации клеток костного мозга и нервных волокон и, скорее всего, репликации какой-то части этих структур. В этом процессе методике по Серебрякову нет равных.

— Этого никто и не оспаривает, — молодому учёному возражал седой профессор, чью позицию, судя по реакции окружающих, поддерживало не менее половины собравшихся. — Ваш научный труд по четырнадцатой модификации методики Серебрякова всем нам хорошо известен. Но скажите, Александр Алексеевич, почему вы настолько уверены в своём

диагнозе? Пациента ещё не доставили в бункер, а возможности Орбиты в области медицины крайне примитивны, — сторонники седого профессора согласно закивали головами.

— Называйте это, если хотите, профессиональным чутьём, — академик Александр был абсолютно серьёзен, — хотя я основывался именно на той же позиции, что и вы. А именно: Орбита не в состоянии поставить полный диагноз. Однако, коллеги, их скудные возможности всем нам хорошо известны. Я составил математическую модель на основе собственного анализа предоставленных Орбитой данных, и

компьютер подтвердил мои предположения с вероятностью в семьдесят восемь и девяносто пять сотых процента. — С этими словами Александр подошёл к терминалу экрана и набрал на консоли команду. Весь настенный экран тут же заполнили диаграммы и цифры, понять которые Арториус не мог. Однако остальные чувствовали себя как дома. На мгновение разговоры в подуровне стихли, и всё внимание присутствующих обратилось на экран. Тишина тут же взорвалась комментариями.

— Судя по дотошности в учёте поправочных коэффициентов и градиентов размытия,

математическая оболочка расчёта принадлежит перу господина Трубецкого? — скрипучий старческий голос директора по медицине мгновенно превратил шумный подуровень в оплот звенящей тишины. Арториус поймал себя на мысли, что даже не заметил, в какой момент старик академик появился среди всеобщего гвалта.

— Совершенно верно, господин директор, — Александр встал в знак уважения перед преклонным возрастом и грандиозными заслугами директора. Арториус отметил, что молодой академик держится абсолютно уверенно и совершенно не испытывает никакого

дискомфорта от того, что держит ответ перед самим директором. Где-то внутри подсознания чиновника защемила лёгкая зависть. Александр тем временем продолжил: — Денис Денисович любезно согласился разработать для нужд моей группы узкоспециализированную оболочку. Другие нас не устраивали, — молодой учёный кивнул кому-то в противоположном углу подуровня.

Арториус проследил взгляд и узнал в человеке, окружённом большой группой людей, ведущего специалиста аналитической группы Трубецкого, голограмму которого он тщательно изучил полчаса назад. По кто же этот молодой академик?

Арториус уже сломал голову в попытках самостоятельно найти ответ на этот вопрос, однако доселе все усилия были тщетны.

Трубецкой приподнялся в кресле и ответил:

— Наша совместная модель вот уже полгода демонстрирует устойчивую работу без сбоев и нарушений. Это новая разработка аналитической группы. — Трубецкой произносил фразы несколько скороговоркой, что выдавало в нем человека, привыкшего объяснять колоссальные объёмы информации людям, не являющимся новичками в предмете обсуждения. Арториус напрягся, не желая потерять

логическую нить объяснений. Порази всё вокруг заражённость! Да он теперь не потеряет не то что ни звука, но даже и байта, и секунды информации. Вот та среда, где должно с ювелирной аккуратностью посеять семена шестнадцатилетнего плана. И глупо было бы искать контакта с людьми, на языке которых ты не говоришь.

— Так как оболочка показала себя в высшей степени надёжной и стабильной, мы планируем на базе данной математической модели подготовить узкоспециализированные продукты для всех подразделений, которые подадут заявки. Полные

характеристики модели будут выложены в сеть к исходу ближайшей третьей смены. Отмечу только тот факт, что наша разработка по стабильности превосходит аналоги американского продукта «Майкрософт» на девяносто один процент, — Трубецкой указал на противоположный настенный экран, куда кто-то из его сотрудников уже вывел густую цифробуквенную вязь характеристик.

— Приятно утереть нос американцам на их традиционном поле деятельности, — прокрихтел директор по науке, неведь откуда взявшийся прямо за спиной директора по медицине. Арториус в

третий раз за час укорил себя за невнимательность. — Как вам это удалось, Денис Денисович?

Директор по науке оторвался от изучения предоставленных характеристик и воззрился на Трубецкого. Арториус последовал его примеру. Да, сегодняшний день был полон неожиданных сенсаций. До сих пор казалось совершенно невероятным, что кто-то, кроме американцев, сумеет создать столь сложную программную оболочку. И какую! Американский бункер ждёт неприятный сюрприз. Чужая конкурентоспособная технология, да ещё и стабильная. Приятно, ничего не скажешь. Арториус улыбнулся.

Хоть это и капля в море. «Майкрософт» из американского бункера исторически был абсолютным монополистом в области программирования высокой сложности, но в силу этой самой высоты той самой сложности отличался не лучшей стабильностью. Мир клял «Майкрософт» и терпеливо переносил все вытекающие из этого мучения. Секреты технологии, монополия бункера. Ничего не поделаешь. Да, хорошо было Древним, уж у них-то подобной проблемы наверняка не было. Арториус ещё раз посмотрел на впечатляющие цифры показателя стабильности новой оболочки от

аналитиков.

— Вот Александр Тимофеевич нам и расскажет. Будьте добры, коллега, в этом немалая заслуга вашей подгруппы, — Трубецкой кивнул, и с кресла рядом поднялся один из аналитиков.

На этот раз чиновник сразу сопоставил заученные голограммы. Это был руководитель подгруппы программирования аналитической группы.

— Это было очень сложной задачей. Мы взяли за основу программу великого Серебрякова «Пирогов». Точнее, ту небольшую её часть, которую нам удалось расшифровать. Но даже этого нам

хватило для создания новой модели. В ближайшем будущем мы продолжим исследования «Пирогова». Надо отдать должное таланту великого Древнего, его подход абсолютно не похож ни на что, известное в современном мире. По этой причине наши изыскания движутся с огромным трудом.

Седой профессор, ранее дискутировавший с молодым академиком, негромко прокомментировал:

— Программный код Серебрякова! Ну конечно, я узнаю схожесть структур. На непревзойдённом гении этого древнего учёного держится вся наука

Роса. Подумать только, основоположник величайшей медицины в мире умер от простого сердечного приступа в двадцать семь лет! В те времена его не смогли спасти. Сколько бы ещё величайших открытий мог подарить медицине его блестящий мозг!

На мгновение все помрачнели. Древняя документальная легенда о великом Серебрякове была известна каждому обитателю бункера со времён школьной программы. Один из первых руководителей аналитической группы, создатель множества основных направлений в медицине, автор более тридцати основополагающих научных методов.

Он работал в тяжёлые времена в первые годы после Великой Катастрофы, работал по двадцать часов в сутки годами, и сердце его не выдержало. Арториус вздохнул. Вот это был человек! Легенда! Его аналитическая программа «Пирогов» функционирует автономно уже более семисот лет, и никто не может постигнуть научную тайну этого творения великого ума древности. Сорок лет назад всезнающий «Майкрософт» присылал в Рос группу лучших специалистов, не поскупившись на жутко дорогие услуги турболётов Ромба. Те исследовали «Пирогова» месяц и в результате уехали ни с чем.

Загадочный артефакт Древних — таков был их вердикт.

Дверь открылась, и в подуровень совещаний вошёл управляющий директор. На этот раз Арториус был начеку. Ну, хоть этого заметил, ухмыльнулся про себя чиновник. Хотя не заметить Управляющего было совсем уж сложной задачей. Старику было уже за девяносто, и передвигался он очень неспешно. Глядя на то, как управляющий директор медленно дошёл до стола Совета и занял своё место среди остальных его членов, третий помощник мысленно брезгливо поморщился. Это не Совет, а собрание музейных экспонатов. И как

разителен контраст этих покрытых пылью раритетов с присутствующими здесь молодыми и полными энергии учёными, без сомнения выдающимися специалистами в своём деле. Арториус подавил в себе вспышку ненависти. Давно уже пора давать дорогу молодым и талантливым. Он, Арториус, ничуть не хуже смотрелся бы в кресле управляющего директора. Наоборот, намного лучше! Уж он-то в своей области, области управления, такой же великий и прогрессивный специалист, как тот же Трубецкой в физике или этот молодой академик в медицине. А возможно, даже и более великий.

Намного более! Но треклятые маразматика не желают замечать его потенциал, порази их всех заражённость.

Управляющий призвал присутствующих к тишине и взял слово. Несмотря на серьёзный возраст, он встал, и согласно традиции обратился к присутствующим стоя, как делал всегда за годы своего руководства, не позволяя себе поблажек.

— Господа, как вы все знаете, через час к нам прибудет особенный пациент. Помимо того, что этот случай крайне тяжел с медицинской точки зрения, необходимо учитывать тот факт, что это ещё и серьёзная

политическая ситуация.
Пострадавший — главный инженер
Луны Нофф, видный учёный,
популярный общественный деятель.
За его судьбой следит весь Верхний
Мир и половина Подземного. От нас
ждут не просто помощи, не просто
спасения человека, но
подтверждения звания величайшего и
непревзойдённого оплота медицины
в мире, оправдания возложенных
надежд; от нас ждут чуда. В наше
медицинское всемогущество свято
верят. Поэтому мы должны, как
всегда, исполнить свой долг перед
пациентом. Для этой задачи и
сформирована комиссия, в состав
которой вы все входите. Вам

предоставляются любые ресурсы. Все данные вы получили ещё до начала совещания, остальное будет понятно после первичного осмотра пациента. Служба охраны уже подготовила шлюзовую группу для разгрузки турболёта. Сейчас мне остаётся лишь огласить основные назначения.

Управляющий Директор сделал паузу и налил себе воды из бутылочки. Арториус машинально отметил знаменитую на весь мир марку воды «Эвиан» из Суисс. Жутко дорогая вещь. Хорошо быть главой Совета. Старик опустил пустой стакан на стол и продолжил:

— По всем вопросам

координации научной и медицинской деятельности полный спектр полномочий выделен академику Трубецкому. Денис Денисович, — при этих словах Трубецкой встал с кресла, — вы имеете права в рамках лечения данного пациента действовать от имени Совета, — академик кивнул и опустил на своё место.

— Руководителем лечущей группы Совет назначает академика Кузнецова, — при этих словах молодой учёный, тот самый, что спорил с седым профессором, поднялся с кресла, кивнул присутствующим и опустил на место.

Арториус не сразу поверил своим ушам и глазам. Этот молодой учёный и есть знаменитый академик Кузнецов?! Неудивительно, что третий помощник не узнал его по голограмме. Кузнецов возглавлял исследования в области биорегенерации и репликации. Он славился тем, что испытывал свои методики на себе. Вот только лет ему на самом деле было эдак на пятнадцать больше... Только сейчас Арториус догадался внимательно посмотреть в глаза учёному. Феноменально! И эти возможности дряхлый Совет заживо хоронит на дне бункера! Не воспользоваться таким товаром просто идиотизм. Что

ж, через пятнадцать с половиной лет у Арториуса будет в руках весь мир. Пятнадцать!!! Чиновник всякий раз был готов буквально взвыть от тоски при мысли о стольких годах ожидания. Они все дорого заплатят за все эти годы его нищеты и лишений. Все! Очень дорого! А у него будет возможность подольше пользоваться плодами своего гения. Уж об этой области медицины он позаботится в первую очередь.

Управляющий перевёл взгляд на Арториуса. Третий помощник рефлекторно съежился, в который раз позавидовав людям, сидящим вокруг. Они-то не имели в крови ни капли раболепия. Ладно, моё время

ещё не пришло. Но я над этим работаю.

— За координацию со службами обеспечения, управления, связи с миром и любыми другими надобностями, могущими возникнуть в процессе лечения, отвечает мой третий помощник Арториус, — Арториус с трудом подавил в себе непроизвольное желание вскочить, словно ужаленный, и постарался встать как можно более спокойно и уверенно.

Все взгляды в этот момент были обращены на него. Главный шаг был сделан. Ради этого стоило... да ради этого всё стоило! Чиновник почувствовал, что теперь его планы

начнут сбываться.

— Ручное управление! —
скомандовал Нолл, привычно
взявшись за штурвал.

Штурман щёлкнул ногтем по сенсору консоли, и Джим вновь ощутил знакомое чувство единения с огромной и мощной машиной. Сейчас они были единым целым, пилот и самый сложный механизм, мозг и тело. Для Нолла словно и не было никогда другого образа жизни, будто машина и впрямь являлась продолжением его самого. Джим безумно любил это ощущение. За это можно всё отдать. Ему всегда было

жаль тех, остальных людей этого мира, кому не знакомо это ни с чем несравнимое чувство неба, состояние безграничной свободы, когда ты наделён крыльями и даже земное притяжение не властно над тобой. Как они живут без всего этого? Без разлившегося вокруг тебя бескрайнего неба, то нежно-голубого и ласкового, бережно хранящего в своих прозрачных глубинах ярко-золотое солнце, то мрачно-бурого и свирепого, бешено рвущего всё вокруг яростными и неукротимыми воздушными армадами. Командир Нолл полуприкрыл глаза и с наслаждением слился с могучей машиной.

Тяжёлый турболёт послушно пополз вниз. Погода, как обычно в это время года в Северном полушарии, стояла отличная, на обзорных экранах чётко просматривалась посадочная площадка у скалы, в которой находился внешний шлюз Роса. Джим повернулся к штурману:

— Билл, сделай несколько снимков, подарю дочке.

Посмотреть действительно было на что. После однообразных песчаных пустынь Южного полушария пейзаж другого края Земли впечатлял. Внизу, насколько хватало глаз, уходя за горизонт, тянулись бескрайние, густо

покрытые невысокой
растительностью тёмно-зелёные
болота, над которыми лёгкий ветерок
лениво перекатывал желтовато-
мутные облачка ядовитых испарений.
Прямо под заходящей на посадку
машиной, в центре безграничного
океана болот, лежало ровное и
гладкое, словно борт турболёта,
каменное пятно почти правильной
круглой формы. В центре
многокилометрового круга
возвышалась оплавленная каменная
масса метров двадцати высотой. Всё,
что осталось от некогда огромной и
величественной горы, попавшей в
эпицентр мощнейших термоядерных
взрывов Великой Катастрофы

древности. В нескольких километрах восточнее останков горного исполина, у самой границы болот, подобно мощному серому клыку древнего чудовища, из гладкого основания выпирала гранитная скала шлюза. Красивое и очень опасное место. Запредельный радиоактивный фон, ядовитый воздух, смертоносная пыль и лишь одному Солнцу известно какие ещё изощрённые воплощения смерти хозяйничают здесь уже более семисот лет.

— Активировать защитное поле, — Нолл отдал стандартную команду и в который раз порадовался, что живёт сейчас, а не двести лет назад, когда генераторы

защитных полей были настолько огромными, что не вмещались даже в тяжёлый турболёт. В те времена пилоты дальней авиации, совершавшие регулярные рейсы между бункерами, часто умирали от неизвестных болезней, зачастую сжигавших человека за считанные дни.

Рутт активировал поле, и огромный, занимающий ровно половину турболёта генератор тихо загудел, заставляя машину едва заметно вибрировать. Ощущение надёжности всегда придавало уверенности Ноллу. Джим прибавил мощности в турбинах, и когда до поверхности оставались считанные

метры, виртуозно чувствуя каждый миллиметр летательного аппарата, быстро и плавно убрал нагрузку с двигателей. Серебряная сигара турболёта, быстро падая с небес на поверхность, без лишних движений, словно бережно дотронувшись, аккуратно опустилась на землю и замерла как вкопанная. Штурман по обыкновению показал большой палец. Джим довольно улыбнулся. Высший пилотаж, индивидуальный почерк мастера. Знаменитую скоростную мягкую посадку Нолла изучали в пилотажной школе, и ювелирности её исполнения завидовали не только новички авиации.

— Генератор стабилен.

Защитное поле накрывает площадку согласно нормам, — доложил штурман.

Командир выключил турбины. Теперь можно немного расслабиться, полёт окончен. Согласно инструкции дальней авиации защитный купол должен быть выставлен таким образом, чтобы обеспечивать защиту турболёту, погрузо-разгрузочной площадке и входу в шлюз бункера. Теперь дело за встречающей стороной и штурманом, в чьи обязанности входили все каргопроцедуры.

— Подождём, пока твои любимые кроты проведут

дезактивацию, — Нолл не упустил возможности поддеть штурмана и, откинувшись на сиденье, включил вибромассаж кресла. Спина приятно захрустела затекшими за время трёхчасового перелёта позвонками, встающими на положенные места.

— Командир Нолл, я — Рос. Вижу вас хорошо. Начинаем шлюзование. — Своеобразный акцент кротов Роса в динамиках внешней связи всегда забавлял Джима.

Он хотел было снова предпринять попытку разговаривать вечно замороженное тело штурмана, но, встретив взгляд Рутта, передумал. Ну и ладно, подумал Нолл, будет ещё

обратная дорога. Впрочем, возвращаться будем по баллистической траектории, так что на всё про всё уйдёт около часа, и штурман вполне может провести это время в своём репертуаре, а именно: не проронив ни слова.

— Защитное поле активировано. Площадь покрытия согласно нормам, — сообщил диспетчеру Роса штурман.

Джим обычно не спускался в бункера без особой на то необходимости, он не любил подземелья кротов и испытывал к последним определенное пренебрежение, в каком бы бункере те ни жили. Но сейчас был именно

особый случай. И хотя Нолл понимал, что его экипаж свою часть работы уже выполнил и максимум, что они могли сделать теперь, так это не мешать медикам, он вдруг решил, что обязательно воспользуется возможностью и спустится вниз. И затащит с собой Рутта. Уж больно любопытно было командиру взглянуть на его общение с горячо любимыми кротами. Однако тащить темнокожего штурмана не пришлось. Едва мощная плита шлюза ушла вниз, открывая вход, и на поверхности показались первые человеческие фигуры в знаменитых на весь мир серебряных скафандрах высшей защиты, Рутт отстегнул

привязные ремни и потянулся за гермошлемом. Нолл понял, что визит обещает быть интересным, и последовал примеру штурмана, занявшись личной герметизацией.

Между тем кроты времени даром не теряли. На поверхности уже деловито копошились с десятков человек, которые сноровисто управлялись с незнакомыми механизмами, только что поднятыми на поверхность из недр бункера. Местная дезактивационная команда фантастически быстро и тщательно вычищала пространство под силовым куполом, включая не только воздух, но и корпус турболёта. Командир Нолл с интересом присмотрелся к

невиданным ранее устройствам дезактивации. Видит Солнце, эти Росы снова придумали что-то новое. Этой техники не было на оснащении дезактивационных команд Ромба, а ведь Ромб всегда использует только самые новейшие образцы достижений научной мысли. Теперь он заметил, что и скафандры на работающих специалистах были другой модификации, отличной от той, что использует весь мир. А ведь всё это оборудование приобретается у Роса. Конечно, что-то можно найти в Суисс, но их уровень был намного ниже и единственное, чем выгодно отличались их изделия от аналогов Роса, была цена. Видимо, поэтому

небольшие и небогатые сообщества обычно покупали снаряжение и оборудование в Суисс. По крайней мере, Нолл видел подобную ситуацию в африканском и бразильском Бункерах.

— Командир Нолл, дезактивация завершена. Степень опасности ноль целых сорок три сотых процента. Мы готовы принять пациента, — диспетчер Роса прервал размышления Джима.

— Ок, начинаем разгерметизацию. — Нолл утвердительно кивнул в ответ на вопросительный взгляд штурмана, и темнокожая рука активировала систему разгерметизации турболёта.

Индикаторы датчика опасности внешней среды моргнули оранжевым светом и тут же переключились на разрешающий зелёный. На консоли высветился уровень угрозы: ноль. Да будет Солнце всегда ласковым! Эти кроты у себя измеряют внешнюю опасность в сотых числах, когда весь мир пользуется целыми. Джим ещё раз удивился. Уровень внешней опасности под куполом, поставленным полчасом назад, меньше единицы! Такие цифры были возможны лишь на Орбите. Даже в самых чистых, максимально безопасных районах Ромба датчики показывали уровень угрозы в три-четыре процента.

Люк турболёта открылся, и на грузовой трап взошли две серебристые фигуры. Штурман устремился к ним навстречу и поднял на уровень головы руку, обращённую раскрытой ладонью к вошедшим. Джим припомнил, что именно так кроты Роса приветствуют друг друга. Да, дела. Восемь лет летаем вместе, и только сегодня выясняются такие интересные подробности. Встречающая фигура ответила на приветствие таким же жестом.

— Транспортёр для пациента готов. Прошу вас открыть транспортное отделение. Мы начнём перегрузку больного, — смешной акцент наполнил маленькое

внутреннее пространство турболёта режущими ухо непривычно твёрдыми звуками «Р».

Пока Рутт выполнял необходимые операции по передаче кротам горы оборудования, в недрах которого содержался главный инженер Нофф, Джим просто стоял в стороне и старался не мешать. Видимо, медицинское оборудование Орбиты тоже было произведено в Росс, потому что местные кроты справились с разгрузкой раз чуть ли не в десять быстрее, чем производилась его погрузка в ангарах Ромба. После того, как транспортёр с бесценным грузом исчез в пасти шлюза, руководитель встречающих

пригласил экипаж турболёта
проследовать в бункер.

«Сейчас начнётся официальная
часть», — подумал Нолл. Он не
любил политику, но случай был
особым, и спустя три минуты Нолл и
Рутт уже стояли на мощной
платформе уносящегося вглубь
планеты лифта.

Их встречала целая толпа
народа. Первая волна встречающих
накатилась на остановившуюся
платформу, будто прибой на
побережье. Транспортёр с больным
был облеплен фигурами в странных,
ослепительно белых мягких
скафандрах и мгновенно исчез за
бронеплитой одного из

многочисленных шлюзов загадочного бункера. Остальных провели в специальное помещение, где пилотов раздели и уложили на какие-то специальные, жутко удобные лежа. Нолла было потянуло в сон, но тут снова началась биологическая и Солнце их поймёт какая ещё обработка тел, одежды и снаряжения.

— К чему это? — Нолл посмотрел на штурмана, явно получающего удовольствие от происходящего. — Мы ещё на поверхности прошли тщательную дезактивацию, уровень опасности меньше единицы! Зачем снова тратить на это время?

На этот раз Билл ответил с

удовольствием:

— Джим, то была грубая первичная обработка. По меркам Роса, это никуда не годится. Их бункер стерилен. Они измеряют степень опасности окружающей среды в десятитысячных долях процента. Так что расслабься и получай удовольствие, — штурман подмигнул командиру, взглядом показывая на подходящего крота с инъектором в руках.

— А это ещё что?! — Нолл с опаской глядел на крохотный раструб инъектора.

— Не бойся, Джим, — Рутт снова улыбнулся, — после этого укола болеть не будешь ближайшие

лет десять. Говорю на основе собственного опыта. Заодно почистишь организм, — белозубая ослепительная улыбка штурмана разозлила Нолла, и он храбро подставил под укол предплечье. Медик слегка коснулся руки инъектором, но Джим так ничего и не почувствовал. Тут же поднесли уже обработанную одежду и снаряжение.

— Всё, господа, мы закончили, — произнёс один из белых скафандров, дождавшись, пока пилоты завершат процесс снаряжения. — Вы можете пройти в бункер. Добро пожаловать в Рос!

За следующей бронеплитой

шлюза их ждала небольшая группа официальных лиц. Старый почтенный джентльмен, подняв руку в уже знакомом жесте приветствия, неторопливо произнёс без тени акцента:

— Мы рады приветствовать вас, господа, в нашем бункере. Через час будет готов полный диагноз главного инженера Ноффа, а также завершена погрузка вашего турболёта согласно заявке Ромба. До этого момента прошу вас быть нашими гостями. Мой помощник господин Арториус окажет вам любую помощь и ответит на все вопросы. Я же вынужден откланяться, меня ждут дела. Желаю вам приятно провести время.

С этими словами официальные лица стали покидать помещение, а к пилотам подошёл невысокий щуплый человек с бегающими глазами и ужасным акцентом.

— Здравствуйте, господа, моё имя Арториус, я помощник управляющего директора Бункера Рос. Вы, без сомнения, устали с дороги, поэтому прошу вас пройти вместе со мной в помещение ресторана, где вы сможете насладиться гостеприимством Роса.

В этот момент Рутт, всё это время напряжённо всматривающийся в лица встречающих, не обращая внимания на низкорослого чиновника, дышащего ему чуть ли не

в пояс, устремился вслед уходящей делегации:

— Дядиа Сэшша, вы меня не помните? Это же я, Билл Рутт! Я Борь'я!

Нолл обалдело смотрел на происходящее. От группы уходящих людей отделился молодой человек лет тридцати с небольшим. Немного прищурившись, он мгновение смотрел на рослого штурмана, после чего широко улыбнулся и пошёл ему навстречу:

— Боря! Сколько лет, сколько зим! Это ты тот крохотный негритеёнок, что мечтал стать лётчиком?!! Как твоё здоровье? Вижу, что неплохо! — крот подошёл

к штурману вплотную и теперь, улыбаясь во весь рот, смотрел на Билла снизу вверх. Рутт был выше его на голову, но в этот момент лицо Билла светилось счастьем ребёнка.

— Всё ОК! Я стал пилотом, дядиа Сэшша, стал благодаря вам! Теперь я лучший штурман во всём мире, а это мой командир Джим Нолл, самый лучший пилот дальней авиации! — Билл указал на Нолла и поспешил представить командиру собеседника: — Знакомься, Джим, это доктор профессор Александр Кузнецовф, благодаря этому человеку я могу летать!

В этот момент Билл разглядел браслет на руке Кузнецова и

поспешно добавил:

— Дядиа Сэшша, вы стали академиком! Разрешите вас поздравить! Через полгода у меня будет сын, я назову его Сэшша, в вашу честь!

— А ты ничего не забыл! Ай да молодец! — было видно, что академик Кузнецов искренне рад встрече. — Мы не зря работали над твоей памятью. А помнишь, как ты поначалу боялся разговаривать и путал русские слова с английскими? — академик озорно подмигнул штурману, но тут же стал серьёзен. — Ты извини, Боря, но мне надо идти. Через час нам предстоит борьба за жизнь главного инженера

Ноффа, и мне надо присутствовать на диагностике. Поэтому я вынужден вас оставить, господа. Спасибо, что не забыл старика, Боря. Будешь ещё у нас, обязательно заходи в гости! — с этими словами Кузнецов поднял ладонь в прощальном приветствии и заспешил к выходу. Рутт что-то сказал ему на прощание по-русски, но этих слов Нолл понять не смог. Стоящий рядом чиновник Арториус, глядя на развернувшуюся картину, с уважением произнёс:

— Ваш друг лично знаком с самим академиком Кузнецовым! Невероятно!

В этом Джим был с ним полностью согласен. Глядя на всё

ещё улыбающегося штурмана, Нолл сказал:

— Сегодня прямо-таки день чудес. Ты заговорил, что моя Саманта, человек, которому под семьдесят, возглавляет бункер, а человек, которому едва тридцать пять, помнит тебя ещё ребёнком. Я долго буду помнить сегодняшний день.

Билл внимательно посмотрел на командира и спокойно произнёс:

— Я говорил тебе, что это место полно самых настоящих чудес. Старику, которому под семьдесят, было за семьдесят ещё двадцать лет назад. А человек, которому едва тридцать пять, старше тебя почти

вдвое. Но самое главное чудо ещё впереди, — Рутт снова улыбнулся. — Джим, ты пробовал когда-нибудь мёд? — с этими словами штурман перевёл взгляд с Нолла на Арториуса.

Чиновник понял его без слов. Широко улыбнувшись, он протянул руку в направлении одного из выходов и произнёс:

— Прошу следовать за мной, господа!

— Господин Президент, ваш челнок готов, — голос помощницы даже через динамики как всегда плохо скрывал благоговейный трепет, что не переставало удивлять старика каждый раз словно впервые.

— Хорошо, помощник Латто, я буду на борту через сорок минут. А сейчас соедините меня с сенатором Моллом.

— Сию минуту, господин Президент, — Латто спешно отключилась.

Дафф подплыл к иллюминатору

и взглянул вниз — на распростёршийся под ним земной шар. Сезон штормов в Южном полушарии закончился четыре дня назад, и на короткий промежуток времени над истерзанной трёхмесячными ураганами землёй воцарился штиль. Весна. Дафф вздохнул. Когда-то давно, более семисот лет назад, до Великой Катастрофы, в это время года вид на расцветающее полушарие был восхитительно красив. Президент перевёл взгляд на стену кабинета, где в мощных рамках висели оригиналы немногих сохранившихся с тех времён голограмм. Их случайно нашли в архивах Орбиты более

пятисот лет назад и с тех пор берегли, справедливо полагая, что некогда простенькие голограммки сейчас бесценны. Прошло уже более пятидесяти лет с тех пор, но Дафф отчётливо, словно это было вчера, помнил свои впечатления от первого просмотра единственной в мире записи, сохранившей для потомков часть Великой Катастрофы. Какой-то Древний из числа первого персонала лунного посёлка, чьё имя история не сберегла, в течение трёх часов вел любительскую съёмку на примитивную видеокамеру, пока не разрядился аккумулятор. В школьной программе изучение этой реликвии было одним из незыблемых законов.

С тех пор Президент часто просматривал эту древнюю запись плохого качества и помнил её наизусть. Фантастически красивый земной шар опоясывали тысячи летящих навстречу друг другу крохотных черточек баллистических ракет, несущих в себе смерть для всего живого и гибель для пока ещё восхитительно прекрасной планеты. Спустя пять минут на её теле стремительно начали вспухать огненные язвы, мгновенно превращавшиеся в грязно-серые гнойники, пока, в конце концов, планета не скрылась полностью в одном огромном облаке пыли и пепла. Каждый раз, снова и снова

просматривая первые пять минут записи, Дафф не мог налюбоваться древней планетой. Ласковое Солнце! Какой же изумительно красивой она была в те давние времена! Какими же счастливыми были Древние, обладая подобным сокровищем. Как стало возможным убить такую красоту? Он бы отдал всё, чтобы хоть на минуту оказаться там, среди живых лесов и океанов.

Закрыв глаза, Дафф представил себе огромный земной шар, но не тот, что лежал сейчас под ним, мёртвый и угнетающе двухцветный, состоящий из блекло-жёлтых песков континентальных пустынь и грязно-коричневых вод ядовитых океанов.

Нет, сейчас он смотрел на синезелёно-голубую планету, сошедшую с электронных страниц детских сказок. Мысленному взору старого Президента представляли зелёные континенты, покрытые бесконечными лесами, состоящими из миллионов исполинских деревьев, любое из которых в несколько раз превосходило размерами баснословно дорогие и чрезвычайно редкие деревья, саженцы которых выращивали в Канаде, единственном на весь мир бункере, где существовала технология выращивания настоящих деревьев. Каждый такой саженец выращивался не менее десяти лет и обходился в

огромное количество обогащённого урана. В год из Канады редко поступало более трёх саженцев, из которых под силовыми куполами Ромба приживались порой не все из них.

Президент снова вздохнул и направил мысленный взор дальше, в сине-зелёную водную бесконечность, на величественные океаны, меняющие цвет от тёмно-синего, почти чёрного, до светло-зелёного, почти бирюзового. Некоторые геологи считают, что этот удивительный феномен древнего океана связан с перепадом глубин, но сердцу Даффа была ближе теория из сказок и легенд, согласно которой

океаны меняли цвет в зависимости от своего настроения, ибо были они существами почти одушевлёнными, гордыми и независимыми, и скрывали в своих глубинах бесчисленные тайны. В музее Орбиты, в котором были собраны все известные артефакты Древних, хранилась единственная в мире древняя книга, напечатанная на настоящей бумаге тех лет. Время не сохранило переплёт и часть страниц, но многое историкам всё же удалось прочесть. В ней рассказывалось об охоте на огромных морских животных древней эпохи, которых автор называл кашалотами. Историки до сих пор спорили, так и не придя к

единому мнению, к какому же жанру принадлежит данная книга. Сторонники версии о технико-технологической документации упирали на подробное описание различных способов и многочисленных орудий, предназначенных для охоты на этих древних животных и последующей обработки добычи. Приверженцы теологической версии считали книгу религиозным произведением адептов культа, получившего в современной исторической науке название «Култ кашалота». В качестве аргументов в пользу этой версии служили приводящиеся в книге тщательные описания китов, строения скелета

кита, а также древние ассоциации китов с созвездиями млечного пути. Сам же Президент был сторонником третьей версии, сторонники которой считали книгу хронико-документальным отчётом об экспедиции Древних за редким представителем вида кашалотов, особо крупным самцом-альбиносом, с целью подтверждения гипотезы о его разумности.

— Господин Президент, сенатор Молл на связи. Я выведу его линию на ваш обзорный экран.

О привычке Президента размышлять, глядя на Землю из иллюминатора, знал весь Верхний Мир, поэтому Латто, увидев

президентское кресло пустым, сориентировалась мгновенно.

— Ласкового Солнца, господин Президент. Мы ожидали вас ещё вчера. — Низкий бас главы Ромба зарокотал в динамиках президентского кабинета. — Все необходимые для заседания Сената документы подготовлены, можно начинать в любой момент.

— Ласкового Солнца, Джек, — Дафф знал всех сенаторов ещё молодыми и амбициозными управленцами, и в разговорах тет-а-тет обычно обращался к ним на «ты», на что никто не обижался. Старика любили, рейтинг Даффа держался в первой десятке вот уже второй

восьмилетний президентский срок. — Ближайший перигей Орбиты и Ромба через час. Я воспользуюсь этой возможностью, — Президент улыбнулся. — Какие новости от Ноффа?

— Он чувствует себя превосходно. — Молл почесал мочку уха. — Два часа назад я проводил сеанс связи с Росом. Главный инженер чувствует себя абсолютно здоровым и рвётся к работе. Но тамошние медики обещают выпустить его только через неделю.

Молл и Нофф были ровесниками и старыми друзьями, что всегда благотворно сказывалось на их взаимодействии. Дафф не

сомневался, что сенатор Ромба регулярно справляется о здоровье главного инженера, поэтому намного проще и быстрее было узнать о состоянии Ноффа у него, нежели давать задание помощникам или устраивать специальный сеанс связи.

— Джек, внесите в регламент заседания анализ поставок урана убежищам. Надо будет пересмотреть некоторые позиции. Канада заявила о готовности поставить нам сразу четыре саженца, Африка выставила на торги почти тройную поставку бокситов и алмазов, Суисс объявило о двух тоннах готовой к торгам воды высшего качества.

— И, конечно же, в качестве

расчётного элемента все запросили уран? — Молл снова почесал мочку уха. Эта его забавная привычка проявлялась в моменты интенсивных размышлений. — Похоже, это напрямую связано со вчерашним известием из Аргентины. Там выставили на торги горнопроходческое оборудование нового поколения. Наши инженеры говорят, что это серьёзный технологический рывок, нам оно тоже небезынтересно, — сенатор Ромба оставил в покое ухо и продолжил: — Полагаю, кто-то из малых сообществ планирует расширяться.

— Согласен с тобой, Джек. Я

тоже пришёл к таким выводам. Все Убежища перенаселены, но Суисс и Канада особенно. Как известно, они являются самыми небольшими по площади, — Президент бросил взгляд на хронометр. — Я думаю, в скором времени мы можем ожидать от них заметного повышения объёмов торговли. На расширение потребуются ресурсы. Мы должны обдумать возможные варианты развития событий. Пусть сенаторы учтут эту информацию. Заседание назначается на завтра, на десять утра.

— Хорошо, господин Президент, я предприму все необходимые действия. Буду рад видеть вас на Земле. Мягкой посадки, —

улыбнулся Молл.

— Спасибо, Джек. До встречи, — Дафф отключился.

До отлёта оставалось ещё немного времени, и Президент вновь позволил себе посмотреть в иллюминатор на неторопливо плывущий внизу жёлто-коричневый шар. В штилевую погоду невооружённому глазу были хорошо видны силовые купола Ромба, раскинувшиеся в самом центре небольшого материка. Приятно будет почувствовать земное притяжение после четырёх месяцев невесомости. Жаль, что годы уже не те, и по земной поверхности ему придётся передвигаться на коляске. Ничего не

поделаешь, возраст берег своё. За две недели запланированного пребывания на Земле он не успеет заново научиться ходить. Дафф с интересом знатока рассматривал небольшую тёмную воронку урагана, только начинающую закручивать свои спирали над самым центром океана. Совсем слабенький. Этот за несколько часов полностью разобьётся о пески мёртвых побережий. Всё-таки Северное полушарие Президент любил больше. С Орбиты ядовитые радиоактивные топи болот не выглядели так зловеще, как на аэрофотосъёмках турболётчиков в сильном приближении. С такой высоты

взгляду открывались лишь обширные
грязно-зелёные пятна
растительности на жёлтых
материках, что создавало хоть какую-
то иллюзию жизни для воображения
Даффа.

Однако пора. Президент на
прощание погрозил пальцем урагану
и, несильно оттолкнувшись от стены
кабинета, поплыл к лифтовым
кабинам.

Нолл сидел за домашним
коммуникатором и читал отчёт
Сената по итогам прошедшего
заседания. Новости привели его в
прекрасное расположение духа.

Кроты сообщества Суисс в попытке победить перенаселённость разворачивали обширное строительство. Ромб уже получил первые торговые заявки, и это было лишь начало. Расширяющимся потребуются различные ресурсы, а это значит, что предстоят полёты. Много полётов. Джим зажмурился от удовольствия, предвкушая наслаждение от приближающейся работы. Так, посмотрим, что у нас есть. Африка и Канада. К ним будет минимум по три рейса, судя по подтверждённым Сенатом торговым соглашениям. Ну и, конечно же, Аргентина, поставщик подземного оборудования. Давно уже Убежища

не заключали между собой столь масштабных сделок. Перевозить всё оплаченное оборудование из Аргентины к заказчикам придётся не меньше недели, причём силами всего флота тяжёлых турболётов авиации Ромба. Действовать надо быстро, пока на маршрутах стоит относительно штилевая погода. Да, предстоящая неделя сулит ежедневные полёты. А работать со Суисс, ведущими работы по расширению, придётся и вовсе не один месяц. Превосходно! Снова в небо! Нолл уже с нетерпением ожидал завтрашнего утреннего совещания в центре управления тяжёлым турболётным флотом.

В прихожей хлопнула дверь, слышалась какая-то возня и по полу затопали частые шаги торопящихся детских ножек.

— Папа! Я пришла! Ты где? — маленькая Саманта вернулась из школы.

Джим посмотрел на хронометр. Что-то рано.

— Я в кабинете. Сэм, ты убежала с последнего урока? — Нолл сделал строгое лицо, развернувшись навстречу вбегающей в кабинет дочке.

— Нее! — Саманта ничуть не испугалась. — Нас отпустили пораньше, учительница истории заболела! — это печальное известие,

похоже, вызывало у ребёнка только самые положительные эмоции. Саманта оббежала рабочий стол и вскарабкалась отцу на колени. — Папа, а вы с дядей Биллом полетите послезавтра в Рос за главным инженером Ноффом? — любопытные детские глазёнки озорно блеснули.

Нолл мгновенно вспомнил разговор с директором школы месячной давности, куда его вызвали на следующий день после возвращения из Роса по поводу сорванных Самантой уроков. Директор в течение получаса выражал недовольство дисциплиной отдельных учащихся при явном

попустительстве их родителей, в силу чего двенадцатилетняя девочка периодически, а именно после каждого выскорейтингового полёта её отца, своими рассказами парализовывала работу школы. Ибо все её обитатели стремились выслушать повествование до конца, совершенно не заботясь о страдающем учебном расписании. Особенно директора возмущал тот факт, что многие учителя открыто присоединялись к прослушиванию, чем непозволительно демонстрировали свою несознательность. Вот и на этот раз история повторилась, причём в ужасающем масштабе! На

протяжении почти трёхчасового рассказа о приключениях экипажа отца в загадочном бункере Рос ни одно разумное существо во всей школе даже не помышляло об уроках. Более того, менее часа спустя после окончания столь красочного изложения событий местные малолетние специалисты выложили голограмму рассказа в школьную информационную сеть и каким-то образом заблокировали возможность его удаления. Да так, что оба дипломированных преподавателя программирования вот уже второй день не могут решить эту проблему! Школьная сеть до сих пор практически забита исходящим

трафиком, все желающие скачивают себе трёхчасовую голограмму этого вопиющего нарушения учебного процесса!

«Угу, — в тот момент подумал Нолл, — первым, кто это скачал, была мать Сэм».

Жена уже показала запись всем своим знакомым и одному достаточно известному журналисту. Последний сразу же определил у девочки несомненный талант и посоветовал приложить все усилия к его развитию. Теперь у жены были далекоидущие планы. Джим улыбнулся, вспомнив, чем закончилась беседа с директором. Излив своё негодование на Нолла,

являющегося причиной всех его бед, директор, виновато запинаясь и страшно стесняясь, попросил на память копии снимков Роса, сделанных Биллом по просьбе Джека во время захода на посадку.

— Нет, Сэм, за гражданином Ноффом полетит другой экипаж. Этот маршрут сейчас безопасен. Ты же знаешь, твой отец выполняет только самые сложные полёты.

— Конечно, знаю! Об этом знают все! — Саманта хитро прищурилась: — Значит, у тебя скоро будет очень сложный полёт?

Ишь ты, нахальное порождение протуберанца, подумал Нолл, уже пытается ловить отца на слове!

Какой выдающийся у нас ребёнок! Джим почувствовал прилив гордости за себя. Но вслух строго произнёс:

— У моего экипажа все полёты сложные, других не бывает. Уж не собралась ли ты, Саманта Нолл, снова сорвать уроки, как сорвала их в прошлом месяце? — Джим показательно нахмурился.

— Ну я же не специально! — Сэм надула губки. — Так получилось! Они сами сорвались. Просто ребята увидели голограммы, которые ты мне привёз, и попросили рассказать. Я старалась закончить очень быстро и говорила только про самое интересное!

— Ага. Разумеется. Три часа

одни только основные факты и ничего лишнего! Что же было бы, реши ты изложить всё подробно? Мы бы вообще не дождались тебя из школы в тот день?

Саманта сделала виноватые глаза. Нолл прекрасно видел, что дочка хитрит и совершенно не чувствует себя хоть в чём-то виноватой. Но воспитание есть воспитание, и отец не менее строго добавил:

— Срывать уроки ты умеешь, это мы знаем. Давай посмотрим, как ты умеешь учиться. Что вы проходите по истории?

Сэм мгновенно повеселела и затараторила:

— Мы проходим Подземный Мир! Подземный Мир состоит из семи убежищ: Америка, Аргентина, Африка, Бразилия, Канада, Рос и Суисс. Каждое Убежище имеет свою уникальную специализацию и технологии, сохранённые со времён Великой Катастрофы. Убежища питаются энергией от собственных атомных реакторов, созданных Древними и работающих на уране, который добываем только мы, то есть Ромб. Так как в современных условиях устаревшие и малоэффективные урановые реакторы уже давно-предавно не используются, мы добываем уран исключительно для торговли с

Подземным Миром, — Саманта перевела дух и тут же продолжила:

— Самое большое Убежище — это Рос, но про него известно меньше всего, потому что Рос далеко и находится в самой опасной зоне планеты, под эпицентрами наиболее мощных термоядерных взрывов Великой Катастрофы.

Специализация Роса — медицина и защита от внешней среды.

Следующее по размеру Убежище — это Америка, оно специализируется на компьютерном производстве и программном обеспечении. Самое маленькое убежище — это Суисс, которое создаёт самую чистую и вкусную воду в мире. Ещё они

занимаются медициной, но так, как Рос, они не умеют. Теперь средние Убежища: это Бразилия, их специализация промышленная химия, Аргентина, и они производят оборудование для подземного строительства и иногда добывают ископаемые. Ещё есть Африка и Канада. Африка добывает несколько очень редких ископаемых, которых нет даже на Луне, а Канада умеет выращивать цветы и самые настоящие деревья! — тут глаза Саманты снова вспыхнули. — Папа! А правда, что в Канаде есть подземный лес? С огромными деревьями?

— Правда.

— А ты там был?

— Как-то раз был, довольно давно.

— Не может быть!!! Ты видел НАСТОЯЩИЙ ЛЕС?!! А деревья правда огромные? А какой он, этот лес? — Саманта чуть не задохнулась от волнения.

— Ну... на самом деле, лес действительно очень большой. Он занимает помещение площадью в четыреста квадратных метров и высотой в шесть метров, причём большинство деревьев почти достаёт до установленных на потолке осветительных систем. Толщина их стволов в нижней части доходит до десяти сантиметров. Они в два раза

крупнее наших деревьев, что растут на площади Мира перед зданием Сената, которые, кстати, выращиваются из канадских саженцев. А в самом центре леса находится небольшое озеро.

Сэм сидела, открыв рот и не сводя с отца восторженных глаз, стараясь не упустить ни единого слова из его рассказа. В таком положении их и застала Келли.

— Отлично, Саманта Нолл, только попробуй завтра сорвать урок, я попрошу отца целый год не рассказывать тебе о своих полётах! — голос Келли звучал сердито, но в глазах бегали весёлые искорки.

— Келли, дорогая, мы и не заметили, как ты вошла, — Джим улыбнулся жене, стоящей в дверях кабинета.

— Естественно. Никто не обращает на мать внимания! — весело прощбетала Келли. — Зачем обращать внимание на такую мелочь?!

Сэм спрыгнула с отцовских коленей и побежала в обход стола к матери.

— Мама! Папа рассказывал мне про настоящий лес! — Саманта прижалась щекой к животу матери, крепко обняв её за талию. — А уроки я завтра срывать не буду. Правда-правда! Я буду хорошо учиться!

— И правильно, — одобрила жена, — если будешь хорошо учиться и станешь лучшим специалистом в своей области, то сможешь сама побывать в канадском лесу.

— Правда? — Саманта смешно задрала вверх подбородок и посмотрела на мать. — А это как?

— Если твой личный рейтинг войдёт в первую сотню, Сенат может наградить тебя поездкой в Канаду. Там ты сможешь провести целую неделю в лесу и подышать самым чистым и приятным воздухом во всём мире. Как твой папа, его так и наградили в своё время, — Келли нежно погладила дочь по голове. — Разве вы ещё не проходили в школе?

Это одна из основных специализаций Канады, и она очень дорого стоит.

— У нас учительница истории заболела! — Упоминание о школьной программе напомнило Сэм о радостном событии, и она просияла. — Сегодня урок отменили и нас отпустили домой пораньше!

Келли притворно нахмурилась:

— Ах ты, карликовый протуберанец, только посмотрите на неё, она ещё и радуется! А ну марш к себе учить историю! Через час я приду проверять специализацию убежищ. И если только мне что-то не понравится, я отключу тебе доступ в сеть до завтра!

Это была чудовищная угроза, и она немедленно возымела своё действие. Саманта испуганно ойкнула и стремительно умчалась прочь из кабинета. Джим с улыбкой посмотрел ей вслед.

— Завтра после занятий нас с Самантой примет сам главный редактор информационной сети, — Келли подошла к мужу и заняла место дочери у него на коленях. — Сэм ждёт большое будущее. Сегодня я получила его рецензию на рассказ Саманты. — Жена поцеловала Джима в щёку и грустно добавила: — Но тебя в ближайшую пару недель мы будем видеть только ночью, да и то не всегда, так?

— Уже читала отчёт Сената? —
Нолл обнял жену.

— Его читал уже весь Верхний Мир, — Келли тяжело вздохнула. — Началась большая торговля, следовательно, будет множество перелетов. Ты же знаешь, я всегда очень переживаю за тебя во время полётов. Прошу тебя, будь осторожен.

— Ты всегда так говоришь. А я всегда осторожен, — Джим засмеялся.

— Перестань! Ты никогда не осторожен, вечно лезешь в самые опасные места! — Келли сердито отмахнулась. — А я ночами спать не могу!

— Не в самые опасные, а в самые интересные, — Джим недвусмысленно потянулся к жене. — Что ты там говорила насчёт осторожности?

Келли выдохнула и потянула застежку комбинезона на его груди:

— Пока забудь.

Сила тяготения непривычно давила на плечи, в висках ещё время от времени шумела кровь. Акклиматизация в таком возрасте не проходит незаметно. Но в целом Дафф был доволен. Он любил планету, любил это ощущение земной гравитации, ставшее уже

совсем далёким для постоянного жителя Орбиты. Единственное, чего не хватало для полного счастья, так это возможности покинуть коляску и пройтись пешком на своих ногах. За долгие годы жизни в невесомости, время от времени прерывающиеся короткими визитами на Землю, мышцы старого Президента практически полностью потеряли свою былую силу. Не то что ногу, руку поднять удавалось с трудом. Однако на этот раз Дафф твёрдо решил провести на планете не менее двух, а то и трёх недель и перед возвращением на Орбиту непременно пройтись собственными ногами по площади Мира, среди

живых деревьев.

— Господин Президент, главный инженер Нофф ожидает встречи, — Латто всю неделю пребывания на Земле не отходила от прикованного к коляске Даффа, подобно наседке. Однако порой её заботы было слишком много.

— Хорошо, пригласите. И оставьте нас одних, — Президент посмотрел на замывшуюся помощницу и добавил более властным тоном: — Когда вы мне понадобится, я вас приглашу, помощник Латто.

— Слушаюсь, господин Президент, — Латто словно ветром сдуло.

Дафф отключил механический привод и попробовал покрутить колёса коляски руками. Коляска сдвинулась на пару десятков сантиметров. Прогресс. Когда пять дней назад он впервые попытался проехать «на руках», ему даже не удалось сдвинуть коляску с места. С тех пор Дафф периодически отключал автоматику и тренировался. Вечером надо будет обязательно поупражнять ноги.

— Ласкового Солнца, господин Президент.

Главный инженер Нофф выглядел не просто здоровым и посвежевшим: создавалось впечатление, что он помолодел лет

на десять.

— Ласкового Солнца, Уильям, — Дафф окинул учёного взглядом. — Тебя прямо не узнать! Хорошо выглядишь. Судя по тому, что я вижу, лечение прошло удачно?

— Даже более чем, господин Президент, — Нофф широко улыбнулся, — медики Роса поистине творят чудеса. Меня не только починили, но и хорошенько почистили, поправили память и зрение. Я теперь как хороший механизм после капремонта, готов к работе и с нетерпением ожидаю возвращения. Просто удивительно, на что способна медицина Роса. Если бы я не был учёным, я бы

сказал, что в Росе живут настоящие волшебники.

— И глядя на тебя, Уильям, я бы в это поверил! — заулыбался Президент. — Может, мне стоит попасть на этой коляске в аварию среди тонн ежедневной документации, пусть меня отвезут в Рос и хорошенько там подлатают! — Дафф подмигнул учёному, и мужчины засмеялись.

— Пойдём-ка, спустимся вниз, Уильям, на площадь. Прогуляемся по парку, поговорим в тени деревьев, — Дафф активировал механический привод, и коляска бодро поползла к выходу. — Нам необходимо обсудить очень важный вопрос, — Президент

выехал из дверей и направился к лифту, кивком остановив поднявшуюся было из-за секретарского стола помощницу. Главный инженер последовал за ним.

— Как ты уже наверняка знаешь, сообщество Суисс затеяло расширение своих границ. Уже сделаны необходимые закупки и производятся взаимные поставки необходимого оборудования и ресурсов между сообществами, — Президент въехал в кабину лифта и, дождавшись, когда в неё войдёт Нофф, коснулся сенсора. Двери бесшумно закрылись, и лифт мягко пошёл вниз.

— Да, знаю. Я старался быть в

курсе событий, происходящих в мире с того самого момента, как врачи разрешили мне читать новости, — ответил главный инженер. — Рос тоже получил от них заявки. Просят в основном скафандры высокого уровня защиты от агрессивной внешней среды, антирадиационные препараты, оборудование для дезактивации. Суисс вполне можно понять, — двери лифта открылись, и Нофф посторонился, пропуская коляску Президента. — Весь Подземный Мир испытывает перенаселение, но их Убежище страдает сверх всего, в силу своей наименьшей площади. Надо отдать должное их храбрости, они сильно

рискуют в попытках углубить свой бункер.

Автоматические створы входных дверей плавно разошлись в стороны, повинаясь команде датчика движения, и собеседники оказались на широком крыльце здания Сената, выходящим на главную площадь Ромба. В самом центре площади Мира был разбит парк из настоящих деревьев, которые старательно выращивали из канадских саженцев. Силовые купола, оберегавшие Ромб от смертоносной внешней среды, не пропускали во внутреннее пространство ничего, в том числе и ультрафиолет, поэтому деревья круглосуточно освещались

искусственно, сложной
автоматизированной системой
канадского производства,
учитывающей смену времени суток,
года, ритмов солнечной активности и
множества других факторов. Деревья
приживались с трудом, но
самоотверженность работников
паркового комплекса приносила свои
плоды: центр главной площади Ромба
украшало уже полтора десятка
трёхметровых деревьев и с десятков
саженцев.

— Вообще-то, Уильям,
исторически самым маленьким
бункером была Аргентина, —
Президент направил свою коляску
через площадь, прямо к растущим

деревьям, и главный инженер прибавил шаг. — Судя по результатам исторических изысканий, она даже не создавалась Древними как целевое убежище. Когда-то на том месте они вели глубинную добычу подземных ископаемых. Позже жилы практически иссякли, как и на всей планете, и добычу решили перенести на ещё большие глубины, что потребовало огромных расходов энергии. В результате туда установили урановый реактор. А в день Великой Катастрофы шахта превратилась в убежище, и благодаря реактору и мужеству Древних выжила в этом кошмаре. За прошедшие с эпохи Древних

многочисленные столетия обитатели Аргентины увеличили своё убежище почти вдвое. Так что сообщество Суисс не так уж и рискует. Опыт расширения есть, да и специализированное оборудование тоже. И потом, в случае возникновения какой-либо опасности заражения, в Росе не подведут, все необходимые договорённости уже достигнуты. — Дафф въехал в тень деревьев и, подняв вверх голову, принялся разглядывать кроны деревьев.

— Какие всё же удивительные это творения природы — деревья! — задумчиво произнёс Президент. — Ты помнишь знаменитый канадский

лес, Уильям? Какие там огромные, почти шестиметровые гиганты? Канадские специалисты утверждают, что до Великой Катастрофы деревья были в несколько раз выше и достигали совершенно фантастических величин. Как хотел бы я увидеть древний лес и вот так же посидеть под исполинскими кронами хотя бы пять минут. — Дафф бережно провёл рукой по коре ближайшего дерева. — И как хорошо, что нам удалось сохранить хоть малую толику живой природы, — он обернулся к Ноффу:

— Кстати, Уильям, а тебе известно, что Суисс, считающийся убежищем наименьшего размера, по

сути представляет собой очень малую пригодную для жизни часть колоссального убежища? Под теми горными цепями Древние создали целую сеть тоннелей, способную вместить в себя население небольшой страны. Но слишком большая площадь Убежищ и наличие многочисленных выходов на поверхность не позволили Древним после Великой Катастрофы сохранить абсолютную герметичность пространства и полную замкнутость цикла регенерации воздуха, что привело к возникновению очагов заражения и последующим вспышкам пандемий смертельно опасных болезней. В

конце концов группа Древних навсегда отрезала от заражённых подземелий небольшую часть, непосредственно примыкающую к реактору, и загерметизировала её. Среди укрывшихся там людей были врачи и различные технические специалисты, которым в результате тяжёлой борьбы за выживание удалось справиться с заражением и наладить полностью замкнутый цикл регенерации воздуха, а также добычу и очистку воды. Вот так и возникло Убежище Суисс. Полагаю, теперь они хотят произвести раскопки древних туннелей и отвоевать у них какую-то часть жизненного пространства.

Дафф замолчал и вновь провёл ладонью по древесной коре. Из-под складок коры выскочил крохотный муравей и деловито вскарабкался на президентский палец. Муравьи были частью лесной технологии и поставлялись Канадой в комплекте с каждым деревом. Каждое существо обходилось приблизительно в килограмм обогащённого урана. Президент осторожно прислонил руку к стволу дерева и терпеливо дожидался, когда муравей решит вернуться домой.

— Спасибо за увлекательный и познавательный рассказ, господин Президент, — Нофф виновато развёл руками, — к моему глубокому

сожалению, я ничего подобного не знал. Совсем погряз в научной работе, ни на что нет времени. Когда вы успели докопаться до всего этого?

— Должен же я иметь представление, как расходуется бюджет на историческую науку! — улыбнулся Дафф. — Вот и читаю иногда отчёты о потраченных средствах! — пока он отшучивался, муравей решил покинуть президентскую руку и гордо исчез в причудливых узорах коры.

— Но, насколько я понимаю, вы пригласили меня поговорить не об этом. — Главный инженер опустился на траву подле президентской коляски. — Речь ведь пойдёт о

гифтонии, не так ли?

— Я завидую вашей
проницательности, Уильям, —
Президент отвернулся от дерева и
внимательно посмотрел на
собеседника.

— Тут нет ничего
удивительного, — спокойно
произнёс Нофф, — о чём ещё
Президенту может понадобится
поговорить с человеком,
посвятившим всю свою жизнь
гифтонию, как не о гифтонии?

— Что ж, и в логике тебе тоже
не откажешь. — Дафф нахмурился и
мгновение помолчал, собираясь с
мыслями. — Дело очень серьёзное, и
суть его в следующем. Пять дней

назад Сенат рассматривал самую последнюю сводку о положении дел с добычей урана. Ситуация непростая. Месторождение истощается. Мы уже заказали в Аргентине новейшее добывающее оборудование последнего поколения, но это продлит разработку максимум на тридцать лет. Анализ состояния залежей показывает, что существующих у нас как обогащённых, так и ещё не добытых запасов урана при нынешних темпах потребления убежищами хватит ещё на шестьдесят лет. Учитывая запасы, накопленные бункерами в результате торговли, был получен точный прогноз, что через семьдесят-

семьдесят пять лет реакторы
Подземного Мира остановятся, —
Президент замолчал и посмотрел в
глаза Ноффу.

— Вы хотите перевести
Убежища на гифтоний? — задал
вопрос главный инженер.

— Да, Уильям. И дело не в том,
что нам очень дорого и крайне
опасно искать новые месторождения.
И не в том, что мы не сможем
переселить людей из Убежищ под
купола Ромба. Общее население
Подземного Мира составит чуть
менее трёхсот двадцати тысяч
человек. У нас достаточно средств и
ресурсов, чтобы принять такое
количество граждан. Но мы не

можем себе позволить потерять уникальные технологии, сросшиеся со своим местонахождением со времён эпохи Древних. То, что попроще, например, технологии Аргентины и Бразилии, мы наверняка сможем скопировать и перенести на материк. С большой долей вероятности, по мнению экспертов, удастся перенести специализацию Америки, а месторождение Африки можно разрабатывать вахтовым методом. Но перенести, а тем более скопировать технологии Роса, Канады и Суисс мы не в силах, несмотря на весь наш высочайший технологический прогресс. Эти технологии, по сути,

являются уникальными артефактами Древних, которые жители вышеназванных Убежищ за семьсот лет отшлифовали до недостижимого уровня. А что такое Рос, объяснять не стоит, ты сам всё видел. Кстати, про него практически вообще ничего не известно. И наконец, ещё одна проблема. Наши психологи утверждают, что среди людей, столетиями живущих под землёй и никогда не видевших неба, окажется немало тех, кто психологически будет не способен покинуть бункер. Они называют это боязнью открытого пространства. Таким людям грозит гибель в результате тяжёлого нервного потрясения. В

подобном случае жить на поверхности смогут только их дети. А таких людей в убежищах может оказаться значительное количество. Мы не можем бросить их умирать без энергии, но и обречь на смерть от психического шока не можем тем более. Наш долг — позаботиться об этих людях. Поэтому, Уильям, твоему ведомству предстоит важная задача: пока ещё у нас в запасе достаточно времени, мы должны заняться разработкой планов и технологий по переводу реакторов Подземного Мира на гифтоний.

Президент перевёл дух. Эх, всё-таки одна неделя гравитации — это недостаточный срок для полной

адаптации в таком возрасте. От напряжения у него на лбу выступила испарина, и Дафф полез в нагрудный карман за платком.

Главный инженер, не произнесший ни слова в течение президентского монолога, поднялся с травы и принялся задумчиво ходить между двух стоящих рядом деревьев.

— Господин Президент, теперь моя очередь дать вам историческую справку. Гифтоний был открыт в конце второго столетия после Великой Катастрофы, а именно пятьсот тридцать один год назад, на обратной стороне Луны при организации иридиевых шахт. Новый элемент назвали от слова, на одном

из основных древних языков
означающего «дар», потому что это
был действительно дар природы
остаткам умирающего
человечества, — Нофф продолжал
размеренно шагать от дерева к
дереву. — Энергоёмкость гифтония
по отношению к урану превышает
последний в десять в двадцать
седьмой степени раз. Кроме того, как
известно, гифтоний не требует
обогащения, его обработка в
условиях космического вакуума
довольно проста и безопасна, и это
всё при том, что свойства гифтония
до сих пор полностью не изучены.
Спустя тридцать лет был рассчитан,
а ещё через двадцать лет собран

первый гифтониевый реактор. С тех пор наша наука его беспрестанно совершенствует. Иными словами, господин Президент, перевести урановый реактор на гифтоний невозможно в принципе. Это концептуально разные устройства, — с этими словами главный инженер остановился перед Президентом.

— Тогда возможно ли собрать для убежищ готовые реакторы? — помрачнел Дафф.

— Не думаю, что да, — Нофф снова зашагал взад-вперед. — Как я уже вам говорил, обработка гифтония требует космического вакуума. Непрофильные технологии убежищ отстают от нас, по самым

оптимистическим подсчётам, лет на четыреста, и даже эта дистанция является заслугой международных торговых взаимоотношений. Поэтому вполне возможно, что сообщества не смогут создать и поддерживать вакуум и другие необходимые условия. Не случайно у Ромба нет ни одного реактора, нам гораздо выгоднее передавать чистую энергию с Орбиты на коллекторы энергоёмкостей материка, чем собирать гифтаниевый реактор в планетарных условиях.

— Какой же вы видите выход из данного положения? — Дафф не сомневался, что один из лучших умов современной науки, человек,

который знает о гифтонии больше, чем кто бы то ни было вообще, не сможет отказаться от соблазна заняться такой сверхсложной проблемой.

— Я считаю необходимым рассмотреть несколько различных вариантов, — продолжил главный инженер. — Возможно, кто-то сможет с нашей помощью установить оборудование для приёма энергии с Орбиты. Возможно, кто-то даже сможет создать и поддерживать необходимые для функционирования реактора условия. Возможно, мы предложим некий третий или даже четвёртый вариант. В любом случае, эта проблема требует серьёзного

изучения. Полагаю, через несколько месяцев мы сможем сформулировать основные варианты способов её решения и технические требования к возможностям убежищ для успешной реализации каждого из них. Затем, на основании ответов сообществ можно будет приступить к подготовке именных программ по энергетизации для каждого конкретного убежища, — Нофф остановился и посмотрел на Даффа. — Как я понимаю, в убежищах не в курсе обозначившейся ситуации?

— Ты понимаешь верно. Уильям. Мы не можем посеять панику и превратить рынок урана, а заодно и жизнь Подземного Мира, в

кошмар. Посему мы будем вести переговоры с Подземным Миром только на основе конкретных предложений по избеганию энергетической катастрофы, — Президент снова отключил автоматику коляски и упёрся руками в колёса. На этот раз коляска сдвинулась на целый шаг. Дафф довольно улыбнулся, включил привод и направил коляску в сторону здания Сената. — Приступайте к работе, господин главный инженер. Ваш челнок стартует через шесть часов, — и, подмигнув Ноффу, совсем не по-президентски задорно добавил:

— Пора спасать мир!

— Таким образом, мой дорогой друг, «Пирогов» может существовать до тех пор, пока существует хотя бы один, причём абсолютно любой, сегмент сети бункера, — Трубецкой положил стило рядом с графической панелью и принялся открывать вторую бутылочку Эвиан.

Арториус внимательно разглядывал сложнейшую структуру, нарисованную профессором. Каким всё-таки непостижимо гениальным был мозг великого Серебрякова.

— Но позвольте, Денис Денисович, в таком случае его способности станут весьма

ограниченными, ведь ёмкость и мощность отдельного сегмента сети довольно невелики, — Арториус кивнул в знак благодарности, принимая от Трубецкого наполненный Эвиан стаканчик.

За время лечения лунного инженера у третьего помощника завязались хорошие отношения практически со всем составом аналитической группы, и с тех пор Арториус старался бывать в знаменитом подуровне как можно чаще. Он избрал беспроектную тактику общения с учёными — беседы об их исследованиях. Увлечённые люди часами посвящали его в мир науки.

Чиновник особенно любил бывать в лаборатории Трубецкого, и не только из-за того, что профессор являлся лучшим мозгом аналитиков, но также благодаря восхитительному, уходящему своими корнями глубоко в эпоху Древних обычаю Вип угощать гостей своими нормами. А нормам аналитической лаборатории позавидовал бы каждый. Вот и сейчас Арториус беседовал с профессором, наслаждаясь лучшим сортом воды в мире, завезённой из Суисс за огромную цену, и знаменитым шоколадом Ромба, стоившим лишь немногим меньше.

— Отнюдь нет, дружище Арториус, тут-то и проявляется во

всём своём величии блеск и загадка
научного гения Серебрякова.
Программный код «Пирогова» не
имеет ничего общего ни с одним
известным в мире языком
программирования. До сих пор нам
удалось расшифровать лишь девять
процентов древнего алгоритма.
Одной из множества ещё не
раскрытых его загадок, помимо ядра
программы, является механизм
компрессии данных. «Пирогову» для
существования требуется только
функционирующий носитель.
Программа абсолютно автономна;
мы уверены, что её загадочный код
включает в себя виртуальный
процессор и все остальные

элементы, необходимые для существования. По своему принципу это самообучающаяся и самосовершенствующаяся программа-симбионт. Она совершенно феноменальным образом получает доступ ко всем сегментам сети, в том числе и к вновь подключенным участкам, и использует для своей работы любые их ресурсы, распределяя нагрузку настолько виртуозно, что общая производительность сети не несёт сколь-нибудь существенных потерь. Поэтому, даже оставив в рабочем состоянии самый малый сегмент сети, мы будем иметь полнофункционального «Пирогова».

Снизится только объём баз данных, оставшихся на отключенных сегментах. Минуту, дружище, — подошедший к профессору сотрудник протянул Трубецкому цифровой носитель. Денис Денисович вставил его в приёмное гнездо на панели коммуникатора, и через секунду оба учёных склонились над дисплеем, обсуждая одну из многочисленных научных проблем.

Арториус протянул руку к стоящей рядом вазочке с шоколадом. Бесподобная вещь! Сколько же всего чудес доступно Ромбу? Чиновник с наслаждением разжевал тёмно-коричневый квадратик. Нет, пожалуй, после приобретения власти на одном

переезде в Вип он не остановится. Жить надо в Ромбе, а возможно, даже на Орбите. Говорят, там нет тяготения и люди буквально летают по помещениям.

— Арториус, друг мой, мне необходимо заняться весьма важным научным вопросом. — Трубецкой на мгновение оторвался от обсуждения. — С вашего позволения я передам вас с рук на руки Татьяне Петровне. Её диссертация была именно по этой теме, и она с не меньшей компетентностью ответит на ваши вопросы, — профессор улыбнулся чиновнику и повернулся к Лемешевой, введившей поправки в какую-то сложную математическую

модель, выведенную на стенной экран: — Танечка, будьте любезны, расскажите нашему другу о тайнах компрессии Серебрякова.

Стоящая у экрана стройная женщина обернулась и, сверкнув белозубой улыбкой, ответила:

— Разумеется, Денис Денисович. Господин Арториус, присаживайтесь поближе, я буду рада вам помочь.

Третий помощник послушно пересел на указанное кресло. В присутствии Лемешевой он всегда тушевался и чувствовал себя далеко не так уверенно, как при общении с жительницами Улья. Вечно уставшие от механической монотонной

работы, бледные и невесёлые, постоянно спешащие после смены в свои жутко перенаселённые кубрики, чтобы успеть сделать все необходимые работы по домашнему хозяйству, они были заняты своими примитивными мыслями и мало чем отличались от своих мужчин. В Улье даже не было деления комбинезонов на мужские и женские модели. А в редких беседах с представительницами слабого пола Улья интеллектуальное превосходство Арториуса было настолько велико, что буквально подавляло собеседниц. Из-за этого они всегда чувствовали себя глупо, а чиновник быстро терял к ним

интерес. Совсем другое дело — обитательницы Вип. Но даже среди них доктор Лемешева выделялась очень ярко. Шелковистое каре густых каштановых волос, бархатная кожа бронзового оттенка, изящные изгибы губ и смелый росчерк бровей, пронзительный взгляд серых глаз и белоснежный комбинезон аналитической группы, словно напылённый на миниатюрную точёную фигурку — у чиновника всегда захватывало дух, стоило ему только бросить взгляд на эту женщину. Вот и сейчас Арториус не сразу нашёлся, что сказать.

— Что интересуется господина третьего помощника на этот раз? —

Лемешева снова продемонстрировала ослепительную улыбку. — Хочу сразу предупредить, что все тайны программы Серебрякова знает только сам великий Серебряков. Так что прошу не ожидать от меня невозможного, — продолжала улыбаться доктор.

Интересно, сколько ей лет? Двадцать семь? Тридцать семь? Или, может, сорок семь? Арториус с трудом оторвал взгляд от её бедер и заставил себя собраться с мыслями. С третьей попытки ему это удалось.

— Денис Денисович упомянул про совершенно феноменальную ёмкость «Пирогова» и способность этой удивительной программы

хранить информации во много раз больше, чем тот объём, что она сама занимает на носителе. Как же такое возможно?

Лемешева улыбнулась ещё шире:

— Вы не совсем верно восприняли формулировку профессора, господин Арториус. Кстати, вы так и не сказали мне в прошлый раз, как вас по имени-отчеству? У нас в отделе не принят столь сухой и безличностный официальный тон, мне было бы удобнее обращаться к вам более естественно.

— Возможно, вы не знаете, Татьяна Петровна, но у обитателей Улья нет как таковых фамилии,

имени и отчества, — глядя на то, как расширились от удивления глаза Лемешевой, Арториус про себя недобро усмехнулся. А что вообще вы в своём Випе знаете про Улей? Живёте себе припеваючи и купаетесь в роскоши. — Дело в том, что в уровне Улей, по площади сопоставимому с уровнем Вип, проживает более сорока семи тысяч человек.

Проблема перенаселённости Улья возникла ещё двести лет назад, уже тогда было неинформативно использовать для идентификации систему фамилий, имён и отчеств по причине весьма многочисленных совпадений. Поэтому мы отказались, в конце

концов, от неё и вот уже двести лет детей в Улье называют одним, но зато совершенно уникальным именем. Мы даже ведём базу данных занятых и незанятых имен. Возможно, для уроженцев Випа наши имена звучат несколько непривычно, зато у нас вы никогда не найдёте двух людей с совершенно одинаковыми именами. Так что Арториус для меня — это и имя, и фамилия, и отчество вместе взятые. Но вы можете называть меня Арти. Так зовут меня близкие люди, — Чиновник слегка выделил последнюю фразу.

— Какая грустная история, ГОСПОДИН АРТОРИУС, мне крайне

неловко, что я не была осведомлена об этом! — Лемешева, не переставая улыбаться, так же слегка выделила обращение. Третий помощник в глубине души досадно поморщился.

— Однако давайте вернёмся к вашему вопросу, — доктор перешла на серьёзный тон. — На самом деле мы не знаем, какой объём занимает «Пирогов». Более того, никто, если можно так выразиться, ещё не смог увидеть эту программу целиком. На данный момент точно известно, что с увеличением объёма сети вычислительные мощности и скорость аналитической обработки данных «Пирогова» возрастают, а с уменьшением — понижаются. Но

всё, к чему когда-нибудь «Пирогов» получал доступ, хранится в его памяти и от размеров сети-симбионта уже не зависит.

— Но это означает, что программа должна требовать под себя бесчисленные терабайты носителей! — возразил чиновник.

— Вот тут и скрыта одна из многочисленных загадок «Пирогова», — Лемешева покачала головой, — никто не знает не только, как и где, но и в КАКОМ виде он хранит информацию. Мы можем только строить гипотезы, одна из которых считает, что программный код великого Серебрякова содержит собственную, уникальную систему

компрессии данных, способную размещать терабайты информации на площади носителя, вмещающей обычный байт.

— Но это же невозможно! — Арториус подался вперёд. — Я, разумеется, не учёный специалист в программировании, но понимаю, что двоичный код не позволяет подобных чудес.

— Дело в том, уважаемый Арториус, — доктор сделала многозначительную паузу, — что «Пирогов» не имеет ничего общего с двоичным кодом.

— Это как так? — чиновник начал опасаться, что нить понимания выскальзывает из его рук.

— Вообще-то, это тоже гипотеза, — Лемешева скромно опустила глаза, — автором которой являюсь я. Я считаю, что так называемым программным кодом Серебрякова, часть которого нам удалось изучить, написано ни что иное как всего лишь интерфейс, предназначенный для взаимодействия «Пирогова» с окружающей средой-симбионтом. Сам же «Пирогов» построен на абсолютно неизвестных науке принципах, что и объясняет его поистине фантастические возможности.

— Невероятно, — в который раз поразился таланту Древнего гения

чиновник. — То есть, правильно ли я вас понял, если «Пирогову» обеспечить доступ к сети какого-то другого убежища, мы получим доступ к их технологиям?

— Если быть точнее, «Пирогов» получит.

— А в чём разница?

— «Пирогов» — это мощный аналитический инструмент. Он ни о чём не сообщает сам по себе, он отвечает только на конкретно поставленные вопросы и решает чётко сформулированные задачи. Чем менее конкретно определён круг переменных, тем более долгим будет процесс анализа, — доктор с грустью вздохнула. — К сожалению,

никто не знает, где найти и как заглянуть во внутренние базы данных «Пирогова». Можно только мечтать о том, какие тайны скрыты в них, — Лемешева достала из низкотемпературного шкафа бутылочку Эвиан, разлила её по стаканчикам и протянула один из них чиновнику.

«Да они просто купаются в ней, — в который раз кольнула зависть Арториуса. — Я получаю одну такую раз в смену, а купить её я и вовсе бы не решился. А они тут у себя, похоже, её даже не считают». Элита бункера обеспечивалась по-элитному. Третий помощник почувствовал свою ущербность. Ну

уж нет, в своей области я такой же талант, как и они в своей. Я это ещё докажу. Они все ещё удивятся. Все! Абсолютно! Арториус подавил вспышку гнева и взял себя в руки.

— Но позвольте, Татьяна Петровна, если всё так, как вы мне сейчас объяснили, то давайте предположим, что мы установили контакт нашей сети с сетью сообщества Суисс. Потом ввели в «Пирогова» самые полные данные анализа содержащейся в этом стакане воды, — чиновник приподнял стаканчик на уровень глаз, — после чего поставили задачу получить точно такую же, но уже в большем количестве. В результате

«Пирогов» бы выдал нам технологию производства Эвиан?

— Точно так, — подтвердила Лемешева.

— Мой дорогой Арториус, вы готовитесь взломать секреты специализации всех сообществ, или только Суисс? — чиновник узнал весёлый голос академика Кузнецова.

Арториус встал и показал выдающемуся медику раскрытую ладонь:

— Очень рад видеть вас, Александр Алексеевич, как продвигаются ваши изыскания?

Кузнецов хохотнул:

— О! Вижу, Танечка и вас втянула в свой круг искателей

сокровищ Древних! — академик укоризненно посмотрел на Лемешеву и добавил, обращаясь к Арториусу: — Предупреждаю, это занятие способно превратить всё ваше свободное время в поиски привидений.

— Это не пустая трата времени, Саша! Вы прекрасно об этом знаете! — взвилась Лемешева.

Кузнецов лишь отмахнулся и направился к ожидающей его группе медиков и аналитиков во главе с Трубецким. Трубецкой подмигнул Арториусу и развёл руками: мол, ничего не поделаешь, взгляды учёных не всегда сходятся.

Один из медиков вывел на

стенной экран бесчисленное множество совершенно непонятных Арториусу данных, и в кругу учёных началось обсуждение.

Арториус повернулся к Лемешевой.

— Татьяна Петровна, что имел в виду Александр Алексеевич? Я что-то не так сказал?

Женщина выглядела раздосадованной:

— Наоборот, очень даже то, — было видно, что слова академика задела доктора. Видимо, спор на эту тему шёл между ними уже давно.

— Вас не затруднит объяснить, если, конечно, это не страшная тайна? — Арториус ободряюще

улыбнулся, всем своим видом демонстрируя полнейшую солидарность с незаслуженно отчитанным доктором.

Лемешева недоверчиво посмотрела на чиновника и ответила ироничным тоном:

— Хотите потратить своё личное время на поиски привидений?

— С удовольствием! — чиновник был воплощением понимания.

— Собственно, много времени тратить и не придётся, — женщина устроилась в кресле поудобнее. — Всё началось чуть более пятидесяти лет назад, когда один из сотрудников

аналитической группы, придя на смену, в шутливой форме обратился к программе «Пирогов». Дело в том, что великий Серебряков назвал программу в честь выдающегося хирурга древности. И вот этот молодой сотрудник, имея целью просто пошутить и не ожидая никакой реакции от программы, ввёл в диалоговой строке фразу, обратившись к «Пирогову» по имени-отчеству и на древний манер. Он написал почти так же, как вы приветствовали сейчас Кузнецова: «Здравы будьте, Николай Иванович, как продвигаются изыскания?» Далее произошло совершенно удивительное событие! — Лемешева

напряглась, и её глаза вспыхнули. —
«„Пирогов“» ответил: „Введите
пароль“»!!!

— И что? — заинтересованно
спросил Арториус.

— И всё, — доктор виновато
посмотрела на чиновника. — Пароля
не знает никто. Дело в том, что
«Пирогов» реагирует на это
приветствие только на одной-
единственной машине во всём
бункере, находящейся тут недалеко, в
подуровне аналитической группы. На
любой другой консоли эта фраза
программой попросту игнорируется.
Поэтому официальное научное
мнение гласит, что это всего лишь
забавная ошибка, весёлый баг в

программе. Великие тоже люди, могли и ошибиться. Тем более что это открытие вызвало поначалу немалый резонанс, и были испробованы десятки тысяч способов подобрать пароль. Была даже специально заказана соответствующая программа в Америке. Вариационный генератор паролей «Майкрософт» проработал более двадцати лет, хоть и часто зависал, но «Пирогов» игнорировал и продолжает игнорировать любые попытки. Он даже не сообщает, что пароль не верен. Просто никак не реагирует.

— Но вы с мнением большинства не согласны, ведь так?

— Верно! — глаза доктора вновь загорелись. — Есть небольшое научное течение, не разделяющее официальную точку зрения! Мы считаем, что тот молодой учёный случайно обнаружил вход в закрытую часть программы «Пирогов»! Мы полагаем, что на той машине работал сам Серебряков и нет никакой ошибки! Там скрыт вход в личную часть «Пирогова», которую великий Серебряков создал для себя!

Арториус мысленно улыбнулся, глядя на то, насколько увлечённо Лемешева ведет свой рассказ. Кузнецов прав, это, конечно же, ерунда, легенды вроде той детской сказки про Спящих Героев. Что

поделать, людям хочется верить в чудо. Но доктор, похоже, серьёзно верит в подобную чепуху. Пожалуй, стоит подыграть ей на любимом увлечении, может, таким способом со временем удастся заполучить неприступную интеллектуалку. Чиновник изобразил живейший интерес и спросил:

— Это представляет прямо-таки колоссальный интерес! Почему же академик Кузнецов столь скептически относится к этим очевидным фактам?

При упоминании фамилии авторитетного оппонента Лемешева боевито расправила изящные плечики:

— Ха! У нас давнее противостояние! В молодости Александр был лидером нашего течения, но по прошествии лет, так и не добившись решения загадки, он сдался и объявил, что наши поиски есть пустая трата времени, сил и средств. Теперь я возглавляю поиски, а академик Кузнецов является лидером официального большинства, утверждающего, что мы ищем очередных Спящих Героев.

Арториус отметил, что это обстоятельство может ускорить процесс завоевания столь манящего тела доктора. Первым делом надо будет обязательно вступить в это её смешное общество, которое она так

наивно именует научным течением.

— Кстати, а что за история с этими Спящими Героями? — и, видя удивление, отобразившееся на лице Лемешевой, третий помощник поспешил предвосхитить её вопрос:

— Несколько месяцев назад один милый карапуз рассказал мне часть этой сказки. Видите ли, фольклор Вип незнаком уроженцу Улья.

— Ах, вот оно что! — Лемешева вновь сверкнула ослепительной улыбкой. — Не думала, что в разных уровнях разные сказки. Ну, как раз тут всё очень просто. Легенда гласит, что в древности, сразу после Великой Катастрофы, в бункере

существовала особая группа, сотрудники которой защищали наше Убежище от многочисленных опасностей того времени. Они сражались с захватчиками извне, с различными чудовищами и прочими порождениями мутаций под действием жёсткого излучения. Этим людям часто приходилось подниматься на поверхность, в эпицентры термоядерных взрывов, вследствие чего все они были неизлечимо больны и медленно умирали. Чтобы хоть как-то продлить группе жизнь, их поместили в анабиоз, где они дожидались создания способа излечения, просыпаясь лишь в случае

возникновения внешней угрозы бункеру. Это очень популярная детская легенда, и все малыши играют в Спящих Героев. А когда подрастают, начинают их искать, что доставляет немало нервных минут волнующимся родителям и службе Охраны, — доктор негромко рассмеялась, и её переливчатый смех снова на миг загипнотизировал чиновника.

«Ничего, когда я стану Директором, никто уже не посмеет разговаривать со мной в таком снисходительном тоне, — пообещал себе Арториус. — У меня будет множество таких женщин, а то и получше». И, мило улыбнувшись,

спросил:

— Так на самом деле Спящих Героев не существует?

— Конечно, нет. Возможно, когда-то они и существовали, но спасти их так и не удалось. А быть может, это лишь одна из древних легенд. В любом случае, если бы в анабиозных камерах кто-то был, мы бы знали об этом первыми, — доктор Лемешева поднялась, давая понять, что разговор подошёл к концу. — Прошу прощения, господин Арториус, мне пора идти.

Арториус вскочил с кресла и прямо-таки расплылся в улыбке.

— Конечно-конечно, не смею вас задерживать, Татьяна Петровна. Я

очень благодарен вам за весьма познавательную беседу. С нетерпением буду ждать возможности продолжить её в другой раз.

Лемешева словно не заметила последней фразы чиновника.

— Всего вам доброго! — произнесла доктор и покинула лабораторию с грацией, свойственной лишь обитательницам Вип.

Смена закончилась вот уже пятнадцать минут назад, но Арториус не спешил отключать электронику кабинета. Уходить не

хотелось, мысль об утлом кубрике, как всегда, вызывала тоску. В принципе, дела шли хорошо. Менее чем за год ему удалось наладить контакты по всем планируемым направлениям. Конечно, на то, чтобы заинтересовать своими идеями нужное количество сторонников, уйдёт намного больше времени, да вот как раз времени-то у него более чем достаточно. Пятнадцать лет впереди. Но как же не хочется ждать полтора десятилетия!

Арториус ввёл секретный код и извлёк из личного архива файл, который придавал ему сил, когда становилось совсем невмоготу. Год назад чиновник случайно наткнулся

на него, копаясь в архивах Совета. В тот день им двигало любопытство, которое, впрочем, постоянно натыкалось на наглухо запертые базы данных. Одно за другим выскакивали требования ввести пароль члена Совета, и третий помощник уже свыкся с мыслью, что ему не удастся прочесть ни байта из данных директората. Поэтому когда крохотный файл, сохранённый в невообразимо старом формате, открылся по первому требованию, Арториус даже не сразу это понял. Файл представлял собой часть статьи из какого-то давно забытого справочника эпохи Древних и рассказывал о политическом

устройстве Южной Америки. Это была очень познавательная и бесполезная информация одновременно, которая могла заинтересовать только историков Орбиты. Но в этом документе чиновник нашёл то, что поразило его до глубины души. Историю великого Древнего. Историю блестящего руководителя, не пожелавшего видеть свою страну на задворках континента, имеющую жалкую экономику и управляемую праздными болтунами. Он захватил власть силой оружия и за семнадцать лет своего правления сделал страну самой процветающей и стабильной на континенте. Арториуса потрясла

политическая дальновидность, смелость и решительность этого человека. Какие же поистине великие люди жили в древности! Не то что их жалкие потомки в наше время, боящиеся просто поднять цену на уникальные услуги бункера и трясущиеся над дряхлыми, замшелыми идеалами. В том документе великого властителя упрекали за уничтожение каких-то трёх тысяч человек и называли за это кровавым диктатором. Видимо, мягкотелые слизняки встречались и в те давние годы. Но великой личности они не помеха. Ха! Да если бы в том же Улье в одночасье погибли бы три тысячи человек, это даже не решило

бы проблему перенаселения! Арториус с грустью вздохнул. Да, дружище Пам прав, мечтать об этом можно сколько угодно, но повторить не удастся. Никто в наши дни не сможет убить человека. А ведь убивать три тысячи, как в древние времена, и не требуется. Достаточно избавиться от трёх выживших из ума и покрытых пылью реликтов. Третий помощник представил себя с парализатором в руке. Ему стало дурно. Нет, совершенно невозможно. А жаль.

Тем не менее, испытанный способ подействовал, и чиновник отправился принять душ в приподнятом настроении. Закончив,

он решил навеститься в аналитическую группу, возможно, доктору Лемешевой не сидится дома и она вышла поработать не в свою смену.

Его ожидания оправдались.

— Татьяна Петровна! Я был уверен, что вы не сможете устоять перед соблазном лишний раз потрудиться! — Арториус был сама любезность.

— Здравствуйте, господин третий помощник, разве ваша смена не закончилась два часа назад? Или вы никогда не отдыхаете? — Лемешева приветствовала чиновника в своём обычном снисходительном тоне. Арториус почувствовал лёгкое

бешенство.

— Я совсем не устал, — воплощение любезности, Арториус стал ещё более любезным. — Я не люблю много спать, так можно проспать всю жизнь. К тому же, у меня ещё будет время выспаться. Вообще-то я искал именно вас.

— Вот как? И чем же я могу вам помочь? — чиновнику показалось, что в голосе доктора к снисходительности прибавились лёгкие нотки насмешки.

— Я бы хотел вступить в ряды исследователей феномена «Пирогова», о котором вы рассказывали мне на прошлой неделе. — Арториус сменил

любезность на предельную серьёзность. — Не сможете ли вы уделить мне немного времени и ввести в курс дела? Я бы хотел принести посильную помощь.

Доктор Лемешева явно не ожидала такого поворота событий. Она недоверчиво посмотрела на чиновника.

— Вы? То есть зачем это вам?

— Татьяна Петровна, вы считаете, что специалист управления не может интересоваться тайнами науки? Или, возможно, уроженец Улья не в состоянии освоить какую-либо сложную программу? — в голосе третьего помощника сквозила непередаваемая горечь.

Лемешева стушевалась, и её тон мгновенно поменялся.

— Нет! Что Вы! Как можно! Я даже не могла такого подумать, — виновато заторопилась доктор. — Наоборот, это прекрасно! — она выскочила из кресла и принялась энергично собирать разложенные на столе распечатки. — Пойдёмте, Арториус, я буду рада вам всё показать!

С этими словами Лемешева схватила чиновника за руку и устремилась к выходу из лаборатории.

Попалась! Арториус довольно поставил себе плюсик. Теперь остается только аккуратно и не

торопясь укрепить свои позиции, глядя на соблазнительно покачивающиеся бёдра доктора, отметил чиновник. У каждого есть своя слабая сторона. Арториус был в этой области настоящим экспертом. Иначе бы никогда мальчику со свиной биофермы не стать третьим помощником управляющего директора.

Лемешева промчалась по коридору с десятков метров и затащила его в небольшое помещение, напичканное всевозможной электроникой.

— Это здесь, — доктор подвела чиновника к стоящей в углу компьютерной консоли. — Вот это

машина великого Серебрякова! — в её интонации промелькнул прямо-таки благоговейный трепет. Третий помощник про себя улыбнулся. Я на правильном пути! И недоверчиво протянул:

— Эта? Выглядит вполне современно.

— Ну да, — твёрдо сказала Лемешева. — Электроника очень недолговечна, и за семьсот лет мировая компьютерная мысль ушла далеко вперёд. Все системы многократно обновлялись, устаревшие или вышедшие из строя модули заменялись новыми, вводилось более современное программное обеспечение, и весь

бункер давно уже работает на оборудовании из Америки и программах «Майкрософт». Но, тем не менее, перед вами рабочее место Серебрякова. Именно здесь находится единственный существующий вход в секретную часть «Пирогова», — она очертила рукой дугу, указывая на стоящее в помещении оборудование. — Когда-то с этой лаборатории начиналась аналитическая группа. Теперь же здесь полностью хозяйничает «Пирогов». Всё в этом помещении принадлежит исключительно ему.

— Поэтому здесь нет ни одного специалиста? — догадался Арториус.

— Вы правы, — кивнула доктор.

— «Пирогов» работает самостоятельно, присутствие специалистов ему не требуется, поэтому конкретных рабочих мест тут нет. Но программа беспрерывно трудится над решением множества задач, поэтому сотрудники часто заходят сюда за результатами, уточнениями, корректировками и прочими надобностями, — она указала на пару кресел около центральной консоли. — Вот в этом и заключается рутинность нашего дела, — Лемешева виновато улыбнулась. — С командной строкой может одновременно работать лишь один оператор. Поэтому кому-то из нас, у кого есть время, приходится

сидеть тут и работать с генератором паролей.

«М-да... Как я понимаю Кузнецова. Более бессмысленную и неразумную трату времени сложно себе представить. У представителей „научного течения“ явно не всё в порядке с головами. — Чиновник вновь невольно скользнул взглядом по бёдрам доктора. — Зато у них всё в порядке с некоторыми другими вещами».

— Надеюсь, я смогу быть вам полезен, Татьяна Петровна. — Абсолютно серьёзно сказал Арториус.

Лемешева одарила его благодарным взглядом.

— Работа сложная, но я уверена, что со временем у вас все получится, — доктор достала из карманчика цилиндрик цифрового носителя. — Это генератор паролей. Тот самый, что когда-то написал «Майкрософт». Срок действия его лицензии давно истёк, и я позволила себе слегка подкорректировать программу, — Лемешева озорно улыбнулась. — К сожалению, меньше зависать она не стала, зато работает теперь в три раза быстрее. Это уже моя четвёртая редакция программы, я постоянно работаю над её улучшением.

— Я не сомневался в вашем профессионализме ни секунды,

Татьяна Петровна, — Арториус взял протянутый цилиндрик, как бы невзначай коснувшись ладони доктора. — В чём заключаются мои обязанности?

— Необходимо активировать программу, пока консоль никем не занята, и отключать, если с «Пироговым» работает кто-то из учёных. Кроме того, надо перезагружать программу, если она зависнет. Давайте я покажу, как это всё работает.

— Саманта! Келли! Почему никто не встречает отца, вернувшегося с тяжёлых трудовых

будней? — Нолл вылез из обуви и прошёл по пустой квартире, заглядывая в комнаты.

Дверь в кабинет была полуприкрыта, и в висящем на противоположной от входа стене зеркале отражалась Саманта, старательно прячущаяся за дверью. Джим храбро зашёл в кабинет.

— Гав!!! — Сэм выпрыгнула из-за двери, словно чёртик из табакерки. Нолл сделал жутко испуганное лицо и подпрыгнул на месте.

— Кто здесь?!!

Саманта залилась звонким смехом, пытаясь прикрыть ротик ладошкой.

— Испугался! А говорил, что ничего не боишься!

— Испугаешься тут. Ты налетела на меня, словно пустынное чудовище, — Джим сгрёб дочку в объятия и закружил по комнате. — Не жалко тебе отца?

— Жалко, — Саманта перестала хихикать и виновато опустила глазки. — Мне просто скучно одной. Мама сегодня не прилетит, она звонила и сказала, что они задержатся на Орбите ещё на тридцать часов. Ты ведь не обиделся, правда?

— Не обиделся, — Нолл с дочкой на руках направился в кухню. — Ну, хозяйка, что у нас

сегодня на ужин?

— Я приготовила твою любимую баранину! — Сэм вырвалась из отцовских объятий и принялась хозяйничать по кухне. — У меня уже получается, как у мамы, она даже почти совсем не подгорела, вот увидишь! — на столе с опасной скоростью возникали столовые приборы. — Папа, как прошёл твой полёт? Ты летал в Канаду?

Саманта водрузила на стол дымящееся блюдо с мясом. Джим принялся. Вроде на этот раз горелым не пахло. Он взял нож и вилку.

— Нет, Сэм, сегодня мы летали в Суисс, — мясо оказалось

приготовлено довольно сносно. — Дорогая, а разве мама не учила тебя солить во время готовки?

Саманта, спохватившись, приложила ладошку к губам, безошибочно копируя Келли.

— Ой! А я всё думала, что же я забыла! — она опрометью бросилась за солонкой. — Вот! — И тут же добавила: — Нам в школе сказали, что над Суисс сейчас сезон штормов. Это из-за него мама не смогла до тебя дозвониться?

Нолл посолил мясо, и оно стало вполне приятным на вкус. Из Сэм скоро выйдет отличная хозяйка. Он ласково потрепал дочку за волосы.

— Очень вкусно! Прямо как у

мамы!

— Пап, ну расскажи, ну пожалуйста! — собственные кулинарные успехи в данный момент, похоже, Саманту интересовали мало. Она положила ладошку на сердце и торжественно заявила:

— Обещаю завтра никому в школе ничего не рассказывать!

Джим улыбнулся:

— Расскажешь послезавтра?

Саманта насупилась и надула губки. Нолл решил пожалеть дочку. Раз уж специалисты рекомендуют развивать талант у ребёнка, значит, надо развивать. Поэтому надо выбирать, кого жалеть — дочь или школу. Джим вспомнил свои

школьные годы и пришёл к выводу, что приоритет отдаётся дочери

— Сезон штормов сейчас и над Суисс, и над Рос, поэтому связи там почти нет, сигнал пробивается только от мощных передатчиков Бункеров. И именно сейчас им вздумалось поторговать друг с другом. В таких условиях самое сложное — это правильно войти в штормовой фронт, — услышав начало рассказа, Саманта просияла и кинулась к отцу на колени, спеша занять своё любимое место для прослушивания. Есть стало уже не так удобно. Нолл понял, что он несколько поторопился. Но было уже поздно, теперь придётся поголодать ещё

полчаса.

Арториус обернулся на звук шагов и увидел входящую в лабораторию «Пирогова» доктора Лемешеву. Он улыбнулся и показал ей раскрытую ладонь:

— Рад видеть вас, Таня. Надеюсь, ваши разработки как всегда успешны. Требуется сеанс с «Пироговым»?

— Здравствуйте, Арти, — Лемешева вернула приветственный жест, — мне нужны результаты промежуточных тестов нашей новой оболочки для диагностической

группы, — она подошла к главной консоли «Пирогова» и посмотрела на летящие по дисплею с бешеной скоростью строки. Чиновник не терял времени даром, генератор паролей трудился вовсю. — Иногда мне кажется, что вы вообще никогда не отдыхаете. Почти всегда, заходя в эту лабораторию, я встречаю вас. Мне, право, неловко, что я втянула вас в наш маленький круг энтузиастов.

Руки Арториуса вспорхнули по сенсорам консоли управления, генератор мгновенно уступил место командной строке. Лемешева уважительно посмотрела на третьего помощника:

— Вы добились больших успехов за короткое время. Теперь я понимаю, что имел в виду Денис, когда рассказывал, что в отделе Управления ваша работоспособность уже стала именем нарицательным.

Арториус взглянул в глаза доктора. Последние три недели он приходил сюда к началу каждой смены Лемешевой и честно возился с генератором паролей до её завершения, благо их смены не совпадали. И в глазах доктора уже не было прежней снисходительности, она сменилась уважением. Изменился и стиль общения.

— Ничего страшного, Таня. Нет никаких неудобств, я вызвался сам,

добровольно, — скромно ответил чиновник. — Просто я привык всё делать профессионально и без недоделок.

— Я вам очень благодарна, Арти, — доктор несколько смутилась, — ваша помощь очень кстати, вы сильно разгрузили меня в этот месяц, и я смогла продвинуться в работе. А её у нашей подгруппы сейчас немало, вводим сразу несколько новых программных оболочек Трубецкого, — Лемешева улыбнулась Арториусу и добавила: — Только не разбалуйте мне остальных членов общества, не то они совсем переложат всё на вас, — Лемешева заняла место за консолью и

углубилась в работу.

«Думаю, через пару месяцев можно будет заканчивать так бездарно тратить время на эту пустую возню с паролями. Пока же оно своё дело делает, — размышлял Арториус, глядя на изящный изгиб спины доктора в поясничном отделе позвоночника. — Всё идёт как надо, в конечном итоге она даже не заметит, как будет увлечена мной». В этом деле нельзя торопиться, а терпения Арториусу было не занимать. При мысли о терпении Арториус вновь привычно пожалел о предстоящих пятнадцати годах и принялся обдумывать свои планы.

Доктор Лемешева извлекла из

приёмного гнезда цифровой носитель, сделала пару распечаток и вышла, на прощание выразив надежду увидеть чиновника на этом месте в следующий раз.

Увидишь, усмехнулся Арториус, и не только в следующий. Он отсоединил от «Пирогова» цилиндрик с генератором паролей и направился к межуровневым лифтам. Пора было готовиться к смене, предстояла ответственная работа. Начались ежегодные взаиморасчёты Роса и Суисс, усугублявшиеся резко возросшими потребностями ведущего расширение сообщества, требовался скрупулезный учёт и контроль. А тут ещё Ромб выражал

недовольство заявками на полёты в сезон штормов и постоянно норовил поднять цены на стоимость рейса тяжёлого турболёта.

Первые шесть часов смены Арториус был настолько загружен работой, что был вынужден попросить дежурного секретаря перепланировать его обед на более поздний срок. Велась погрузка-выгрузка турболёта, прибывшего из Суисс. Эти напыщенные индюки из Ромба всё-таки подняли цену на рейс, заявляя, что шторм в верхних слоях атмосферы усиливается, что приводит к увеличению расхода энергии турболётом. Чиновника взбесила подобная наглость. И

ничего не поделаешь. Вот, пожалуйста, пример того, как нужно манипулировать собственной монополией. И никакого противоречия идеалам взаимопомощи и взаимовыручки убежищ тут не усматривается. Не нравится — не пользуйся. Никто не заставляет. Третий помощник призвал безжалостную заражённость обрушиться на головы заносчивого Ромба и вновь продолжил работу.

Ситуация складывалась нежелательная. Сезон штормов продлится ещё пару месяцев, и если дело пойдёт так и дальше, превышение расходов на оплату полётов будет очень существенным.

Хорошего мало. Наконец турболёт погрузили, и дежурный диспетчер группы Связи доложил об успешном старте. Можно было вздохнуть спокойнее, и Арториус задумался над возможностью заменить какую-то часть рейсов тяжёлых турболётов на лёгкие. Это могло бы позволить хоть как-то выровнять удорожание. Необходимо было сделать точные расчёты, а для них нужны объёмы запланированных перевозок и полный перечень подготовленных к отправке грузов. Лёгкий турболёт может принять на борт далеко не всё. Третий помощник ввёл необходимые запросы и принялся за вычисления.

Проблема возникла довольно

скоро. При попытке рассчитать перевозки по взаиморасчётам урана чиновник в который раз увидел своё любимое — «введите пароль члена Совета». Да поразит вас всех заражённость! Третий помощник аж задохнулся от нахлынувшей злости. Этот Совет престарелых маразматиков даже тут мешает ему делать свою работу! Он, Арториус, пытается сделать всё возможное, чтобы сократить финансовые потери Корпорации, а эти дряхлые параноики буквально на каждом шагу вяжут его по рукам и ногам! Чиновник с ненавистью смотрел на закрывшее дисплей требование пароля. Надо успокоиться, а то

такими темпами предстоящие пятнадцать лет можно и не выдержать. Арториус откинулся на кресле и принялся делать глубокие вдохи и выдохи, пытаясь вернуть психическое равновесие. Ничего, сказал сам себе чиновник, наша всемогущая медицина в случае чего вылечит. Теперь у него есть друзья везде, они-то уж о нем позаботятся, не то что осточертевшие старикашки из заросшего плесенью Совета! Арториус невесело усмехнулся. Да уж, представляю. Саша Кузнецов немедленно проведёт диагностику и определит методику лечения, Денис разработает под неё какое-нибудь хитроумное устройство, а Таня

напишет для него програ...

Программу? Арториус посмотрел на лежащий в углу стола цилиндрик с генератором паролей. А почему бы и нет? До конца смены ещё несколько часов, основная работа выполнена, всё руководство Отделом Управления сейчас лежит на нём...

Третий помощник вставил цифровой носитель в приёмное гнездо и активировал генератор. Можно будет подождать пару часов, а после бросить эту забаву, решил он, ввёл задачу и дал команду на работу. По дисплею на огромной скорости знакомо взвились строки символов, и чиновник приготовился ждать.

Прошло буквально секунд десять, и на дисплее возник доклад программы: «Работа завершена. Найдено совпадений: 3». Ниже были выведены три строки комбинаций из шестнадцати символов. Арториус машинально скопировал пароли. Не может быть. А почему три? Ну конечно же, по числу директоров. Неужели всё так просто! Невероятно...

Если программа так просто подобрала директорские пароли, что же тогда скрыто в компьютере Серебрякова, если все бьются над ним столько лет??? Нет, однозначно никакого секретного входа нет и не было. Чиновник несколько минут

разглядывал пароли и наконец решился.

База данных по взаиморасчётам урана послушно открылась по первому требованию. Арториус пробежал глазами сложные бухгалтерские формы. Всё понятно. Корпорация делала закупки у Суисс в кредит, и скоро приходит время расчётов, которые будут произведены в урановом эквиваленте. И лёгкие турболёты тут не помогут. Да и тяжёлых рейсов понадобится не меньше десятка. Чиновник поморщился. Как недальновидно вести расчёты топливом для реактора. А вдруг авария на рудниках или обогатительных комбинатах

Ромба? Что тогда? Покупать уран у других сообществ по заоблачной цене? Нет, вне всякого сомнения, Совет абсолютно выжил из ума в полном составе.

Третий помощник закрыл файлы и задумался. Хорошо, что ему пришла мысль о генераторе паролей. Он представил, как после смены пошёл бы к Управляющему со своим предложением о применении в целях экономии средств лёгких турболётов взамен тяжёлых. Его бы просто отправили назад, как обычно, без всяких объяснений, посмеиваясь в спину. Выжившие из ума кретины! Арториуса снова охватило негодование. Да как вообще можно

управлять Корпорацией таким образом! Это управление больше похоже на наплевательство! Да, тот древний генерал быстро бы справился с этой проблемой! Чиновник вспомнил, при каких обстоятельствах он нашёл столь любимый им файл. Возмущение сменилось любопытством, и третий помощник снова зашёл в базы данных Директората. Немного подумав, он ввел в поиск запрос с требованием информации о любом оружии, имеющемся в бункере. На дисплее отобразился перечень вооружения службы охраны. Арториус с интересом вчитался в список. Оказалось, что система

способна выдавать подробные характеристики образцов, и чиновник около получаса утолял своё любопытство. Интересно, где они хранят заряды? Посмотрим. Ха! В дежурном помещении охраны, прямо под ложами для отдыха! Ещё со времён Древних! И никто не знает! Оригинально. Древним не откажешь в смекалке. Этим оружием можно убить около сотни человек. Впрочем, большинство бы удалось спасти, но ведь медицина тех времён не достигала современного уровня.

Арториус закрыл перечень оружия службы охраны и увидел ещё одну директорию. Оружие Внешней группы. Название поставило его в

тупик. Такой группы в структуре Корпорации не существовало. Чиновник открыл базу данных и принялся изучать содержимое. Тут были образцы намного более смертоносные. Третий помощник с восхищением листал инвентарные каталоги: боевые ножи, автоматы, огнѐметы, осколочные гранаты, ядерное взрывное устройство, бронетранспортѐр — обязательно надо посмотреть, что это такое... Что-о-о?!! Арториус вернулся на предыдущую страницу и не сразу поверил своим глазам.

«Инвентарный номер

5/011958-1. Ядерное
взрывное устройство,
предполагаемая мощность
20 килотонн тротилового
эквивалента, захвачено
Внешней группой в ходе
проведения операции по
ликвидации внешней
угрозы гибели Убежища».

Невероятно! Чиновник ещё раз
тщательно изучил формуляр. Всё
верно. В бункере, на складе урана,
где-то среди многочисленных
контейнеров вот уже более семисот
лет преспокойно хранится себе самая
настоящая атомная бомба! И для её

активации не хватает лишь простенького прибора, на создание которого автоматическая лаборатория потратит менее часа. Невероятно, просто невероятно! Арториус почувствовал, что задыхается, и понял, что всё это время читал, затаив дыхание. Он выдохнул и откинулся на спинку кресла, пытаясь отдышаться. Теперь понятно, почему Совет так тщательно хранит тайну оружия. Ещё бы не хранить. Хотя, кто в наше время интересуется оружием? Это всеобщее ненавистное понятие. Чиновник вернулся к базе данных и проверил историю файлов. Что ж, этого и следовало ожидать.

Последний раз к этим данным обращались лет триста назад. Арториус поудивлялся ещё немного, после чего решил пополнить свой кругозор понятием «бронетранспортёр». Нет, ну подумать только — ядерная бомба! Система тем временем вывела информацию о бронемашине. Третий помощник подробно ознакомился с файлом. Что и говорить, Древние знали толк в уничтожении себе подобных. Арториус представил, как великий древний генерал с огнёметом в руках мчится на бронетранспортёре захватывать власть, а трусливые болтуны из низвергнутого руководства

разбегаются во все стороны при его приближении. Да, времена теперь уже не те. Нет больше людей, способных на использование оружия. Вот у Древних, судя по всему, даже была для этого специальная группа. Интересно знать, чем она занималась.

Третий помощник ввёл запрос на вывод полной информации о Внешней группе. Ответ был неожиданным. Система сообщала, что доступ к требуемой информации закрыт до истечения срока давности. Арториус взглянул на бесценный цилиндр с генератором паролей. Увидим сейчас, как это — доступ закрыт. Однако при более

тщательном изучении истории ведения файлов всё оказалось гораздо проще. Информацию закрыли решением Совета ещё в первом веке после Великой Катастрофы на пятьсот лет. Установленный срок давности давно истёк, но к файлам с тех пор никто так и не обращался. Видимо, у членов Советов прошедших времён хватало занятий гораздо более важных, чем рытьё в бюрократических архивах Древних. С этой мыслью чиновник открыл базу данных о Внешней группе.

Последующие три часа Арториус провёл, не отрывая взгляда от дисплея. Звук таймера,

сообщавшего о начале последних тридцати минут, безжалостно оторвал чиновника от путешествия по тайнам древности. Третий помощник энергично принялся закрывать документы. Он всегда устанавливал сигнал на это время, чтобы не пропустить момент появления на рабочем месте управляющего директора, который с математической точностью активировал свои системы ровно за пятнадцать минут до начала первой смены и изучал новости. Арториус убедился, что никаких следов его проникновения в тайны Совета не осталось, и принялся готовиться к сдаче.

Никогда раньше Арториус не ждал своей рабочей смены с таким нетерпением. Казалось, что время издевается над ним, специально замедляя свой ход. Чиновник не находил себе места, в голове непрерывно роились строки из древних файлов, они занимали всё его внимание, словно навязчивая идея, начисто лишив третьего помощника других интересов. Тридцать шесть часов ползли подобно тридцати шести неделям, временами ему казалось, что ожидание вообще никогда не закончится. Чтобы не заработать

нервное переутомление, Арториус заставил себя выспаться. Но и во сне образы, сошедшие со строк докладов древних воинов, не оставляли его. Он то крался в крошечной тьме и нечеловеческом холоде ядерной зимы к лагерю безжалостных врагов, то управлял смертоносной военной машиной, играя в прятки со смертью, то бежал сквозь кишачую злобными мутировавшими тварями радиоактивную ночь, а за ним по пятам гнались члены Совета директоров, размахивавшие заскорузлыми когтистыми лапами, и зелёная слюна, шипя и дымясь, стекала меж их огромных жёлтых клыков, криво торчащих из уродливо

вывернутых наизнанку челюстей. Проснувшись в липком поту, чиновник не сразу понял, где находится.

Возня с подбором паролей к секретной части «Пирогова» давалась ему в этот раз особенно тяжело. Всё его существо было настолько возмущено этой нелепой тратой драгоценного времени, что Арториус несколько раз с трудом подавил в себе желание уйти. Дважды в лабораторию заходила Лемешева, но и это не облегчило ожидания. Мысли третьего помощника упрямо возвращались к мятежному генералу Древности и операциям Внешней группы. Цифры,

сообщавшие о человеческих потерях, не выходили из его головы. Эти люди не просто были в состоянии убивать других людей, это занятие было их работой! А руководитель Внешней группы вообще занимался этим всю жизнь! Ну почему, почему он не способен на такое?!! Арториус вспомнил ночной кошмар с директорами-мутантами. Если бы у Совета в полном составе отросли бы клыки, чешуя и клешни, то он, пожалуй, смог бы...

Когда долгожданная смена началась, то до самого момента, когда в рекордно сжатые сроки все текущие дела были исполнены, третий помощник работал словно

робот, и всё происходящее вокруг было для него будто в тумане. Со стоическим терпением дождавшись-таки удобного времени, чиновник убедился, что аппаратура управления в кабинете управляющего директора неактивна и, ощутив состояние непередаваемого счастья, зашёл в вожделенные базы данных Совета. Сколько времени он провёл, читая и перечитывая древние документы, Арториус не помнил.

Наконец изучено было всё. Третий помощник в изнеможении отвалился от дисплея и принялся систематизировать полученные объёмы информации. Поразительно! По сути, вся история бункера связана

с Внешней группой. Специализация Роса, медицина, изначально получила свой приоритет в связи с действиями Внешней группы. А аналитическая группа, являющаяся движущей силой и самой передовой мыслью врачебного искусства, и вовсе обязана Внешним своим появлением. Более того, бессмертный гений великого Серебрякова мог бы вообще не появиться в истории медицинской науки, если бы в состав Внешней группы не входил его отец. Как причудливо время играет с людьми, и как безжалостно люди играют друг с другом. В результате Рос — знаменитый на весь мир центр

медицины, а от Внешней группы не осталось и памяти, лишь невнятные обрывки сказок для малышей. Даже цвет и форму одежды сотрудников службы Охраны поспешили изменить. Насилие стало крайне невыгодной темой, и Внешние оказались не нужны. После смерти последнего защитника Внешней группы, великого Серебрякова, Совет и вовсе перестал предпринимать попытки их излечения.

Арториус оценил талант директоров Древности. Блестящая политика! Грязную работу надо делать чужими руками. Для великих руководителей не существует страхов и колебаний. История помнит только

победителей. Сколько там уничтожил древний генерал своих оппонентов в процессе захвата власти? Несколько тысяч? И что в результате? В результате расцвет страны, и даже враги вынуждены были признавать его гений. Сколько раз Внешняя группа, рискуя жизнями, спасала бункер, выполняя приказы Совета, сидевшего в безопасных подуровнях и ожидавшего окончания кровопролитных операций? И что в результате? Где она теперь? А Корпорация существует и поныне, беспрекословно подчиняясь Совету, основатели которого столь дальновидно приняли решение тихо

забыть про покрытых с головы до ног кровью защитников. Образ героя, стоящего на трупах, не очень-то выгоден в обществе, где насилие является наиболее ненавистной и запретной темой. Арториус преисполнился уважения к первому Совету Корпорации. Вот это были по-настоящему великие люди! Они бы сейчас не сомневались ни секунды и без лишней сентиментальности установили бы жёсткую монополию на медицинские услуги Роса, заставив остальных пищать от страха. И никакие надуманные стереотипы и близко бы не сравнились с силой личности тех, кто без колебаний

пожертвовал спасителями целого убежища, когда того потребовала политическая ситуация. Ничего, едва он станет главой Совета, он станет достойным своих древних предшественников.

Чиновник с безгливой усмешкой сравнил нынешний Совет с великими Древними. Выродились совсем потомки. Жалкие подобиya, слабые тени колоссов прошлого. Ни на что не способные одноклеточные. Было кощунством поставить их в один ряд с создателями Корпорации даже для сравнения. Эти не способны жертвовать пешками. Эти вообще ни на что не способны. Кстати, о пешках. Арториусу стало

любопытно, как же великие умы прошлого избавились от Внешней группы. Он принялся копаться в документах. Однако никакой информации не было. Внешние словно растворились в воздухе. Или хитроумный Совет Древних предусмотрительно уничтожил все документы на эту тему? Логично. Арториус и сам бы так поступил на их месте. Зачем давать кому-либо компрометирующую себя информацию. Победителей не судят. Это древнее выражение очень нравилось третьему помощнику и как нельзя лучше подходило к данной ситуации. Никаких следов Спящих. Блистательный политический ход! И

всё же, как древнему Совету это удалось? Переместить через весь бункер к выходу на поверхность тринадцать тел... или, быть может, в реактор?

Арториусу захотелось поставить себя на место великих Древних. Уж он-то, несомненно, достоин их наследия. Чиновник был уверен, что сможет воспроизвести их действия. Для начала надо понять, куда и откуда перемещать. Потом проанализировать доступные силы и средства при условии сохранения полной конфиденциальности. Третий помощник вывел на самый большой экран подробную голограмму бункера и принялся

размышлять. Стало быть, конечные точки тут, или вот тут. Через весь бункер перемещать тела и не надо, достаточно добраться до лифтов. Несколько верных людей без труда справились бы с этой задачей. Однако что потом? Факт выхода на поверхность скрыть невозможно, это связано с колоссальным количеством стерилизационных мероприятий. Значит, всё-таки реактор? Но от лифтовых кабин до собственно реактора придётся пересечь весь уровень, напичканный персоналом. Арториус зашёл в тупик. Ладно, он начнёт с начала, только более тщательно. Откуда будем перемещать конкретно? Чиновник укрупнил

медицинский уровень. Анабиозные камеры находились сразу в трёх местах. Хорошо, это несложно уточнить. Третий помощник порылся в отчётах древней лечащей группы и спустя несколько минут поисков нашёл истории болезней. Теперь введем номер анабиозной камеры, например, Серебрякова-старшего. На голограмме красная точка вспыхнула за пределами географии бункера. «Порази заражённость весь „Майкрософт“ вместе взятый и каждую его программу в отдельности!» — чертыхнулся Арториус. Бестолковые американцы, опять сбой в их хвалёной программе. Судя по отметке, анабиозная камера

вмурована в недра земли. Чиновник
ввёл ещё один номер. Вторая красная
точка вспыхнула недалеко от первой,
но тоже за границей бункера. Третий
помощник почувствовал, что
начинает любить Америку ещё
сильнее. Он мгновение подумал и
ввёл номера всех оставшихся камер.
На голограмме десять красных точек
правильным полукругом светились
рядышком, за границей бункера.
Арториус внимательно всмотрелся в
это место. Что-то необычное было в
том, как заканчивался коридор,
ведущий к границе бункера с
земными недрами в этом месте. А
ведь он помнит этот коридор. Это
тупик в подуровне аналитической

группы. Так вот как они решили эту проблему! Гениально! Третий помощник в который раз восхитился Древними. Надо покопаться в приказах по экстренным ситуациям, наверняка найдётся что-то о нарушении стерильности и последующей герметизации в том месте. Арториус сформировал необходимый запрос и начал поиск. Через несколько секунд он довольно улыбнулся. Всё верно. Вот оно. Приказ того же Совета, два года спустя после смерти Серебрякова. «По причине деформации внешней оболочки бункера, вызванной остаточными напряжениями земной коры вследствие термоядерных

взрывов...» — и так далее. Заблокировано. Блестяще! И без лишнего шума стерто с карт и схем. Просто и эффективно!

Чиновник повозился в архивах и отыскал максимально старую голограмму Убежища. А теперь остается только наложить изображения друг на друга. Вот это да! Арториус вновь позавидовал смелости, решительности и хладнокровию древних руководителей. Они не просто исключили из бункера помещение с анабиозными камерами. Они вырезали целый подуровень, находящийся за ним. Несколько сот квадратных метров. Чиновник только

сейчас осознал истинное величие и силу личностей основателей Корпорации. Они, не колеблясь, пожертвовали самым ценным, что только можно себе представить — жизненным пространством, чтобы стереть память о невыгодной группе, и уничтожили не только самих её сотрудников, но и всё, что могло о них напоминать. Вот это размах! Третий помощник был восхищён. Уверенности и решительности Древних поистине не существовало никаких пределов. Арториус ещё немного полюбовался открывшейся картиной. Интересно, как было произведено списание такого количества анабиозных камер и

директора по медицине и вошёл в систему управления медицинским отделом. Теперь достаточно ввести в запрос номера анабиозных камер. Система выдаст ошибку или предложит проверить правильность введённых данных. Чиновник щёлкнул ногтем по сенсору ввода, гордясь собственной проницательностью. То, что он прочёл на дисплее в следующий момент, повергло его в шок. На экране симметричными столбцами светилась таблица из тринадцати строчек, первая из которых гласила:

Анабиозная камера

№14. Статус: Активно.
Пациент: Серебряков А. И.
Режим погружения:
Глубокий. Состояние
системы: Стабильное.
Лечащий врач: Пирогов.

Арториус неподвижно смотрел на экран. Спустя пятнадцать минут он смог наконец заполнить мыслями образовавшуюся в голове пустоту. Он нашёл Внешнюю группу. Он нашёл Спящих.

Следующие три дня Арториус провёл в размышлениях. Что делать с открытой тайной? В голове

проносились сотни самых противоречивых вариантов, тут же отмечаемых в силу своей абсолютной никчёмности. На четвёртый день нервы сдали, и чиновник отправился на склад урана, чтобы своими глазами увидеть атомную бомбу. Арториусу удалось совладать с собой в самый последний момент, когда створы лифта разошлись в стороны на уровне реактора.

Ночью ему приснился сон: согласно приказу управляющего третий помощник является на собрание Совета. Но вход в подуровень совещаний перегороден плотно стоящими затянутыми в радиационные скафандры

сотрудниками Внешней группы, возглавляемыми мятежным генералом древности. От них веет смертью, и Арториусу становится страшно. Он прижимается к стене и не может сдвинуться с места. Генерал, потрясая огнёметом, зычным голосом отдаёт команду к штурму, и Внешние, с оружием наперевес, врываются в подуровень совещаний. Перепуганные директора при виде Внешних рассыпаются в пыль, и фигуры в скафандрах выстраиваются вдоль стен, только это уже стены не подуровня совещаний, а кабинета управляющего директора. Арториус леденеет от ужаса. Генерал насмешливо и

презрительно смотрит на дрожащего от страха чиновника и направляется в кабинет Управляющего, гордо шагая среди застывших фигур Внешних. Третий помощник пытается идти за ним, но ноги от ужаса отказываются служить ему, и чиновник не может сдвинуться с места. Генерал уже скрылся в кабинете, и Арториус понимает, что сейчас двери кабинета закроются навсегда, и третьему помощнику никогда больше не попасть внутрь и не увидеть генерала. Арториус предельным усилием воли отрывает ноги от пола и бежит следом, двери уже начинают закрываться, но чиновник успевает проскочить в

кабинет. Генерал, в окружении
Внешних, стоит перед огромным
настенным экраном. Третий
помощник спешит к нему, ему
жизненно необходимо задать
генералу очень важный вопрос, но
тот уже потерял к трусливому
Арториусу всякий интерес и не
обращает на недостойного слизняка
никакого внимания. Генерал стоит
перед картой мира и угрожающе
улыбается. Его взгляд упёрся в Ромб.
Арториус смотрит на генерала, и
зловещая улыбка последнего
начинает заполнять собой
окружающее пространство. Она
становится всё больше и больше, всё
огромнее и огромнее, вот уже не

видно ничего, кроме неё. Ещё мгновение, и она разотрёт жалкого труса о стену...

Арториус вскочил с ложа и в темноте сильно ударился коленом о шкаф. Резкая боль прояснила сознание. Чиновник, негромко ругая себя за неуклюжесть, долго тёр ушибленное место, после чего, хромая, подошёл к коммуникатору и нажал кнопку вызова.

— Здравствуй, Арти. Я думал, ты спишь.

— Встречаемся через полчаса у меня в кабинете. Пам, нам не придётся ждать пятнадцать лет. Но для этого мне нужна твоя помощь.

Третий помощник отключился и

принялся одеваться. Теперь он точно знал, что надо делать. Оставалось досконально продумать весь план до мелочей, ведь в случае ошибки второго шанса не будет. Чиновник недобро усмехнулся. В случае ошибки уже ничего не будет.

Он вышел из утлого кубрика и направился к межуровневым лифтам. Наконец-то третий помощник чувствовал себя спокойно и уверенно. После того, как решение было принято, всё стало на свои места, и голова работала чётко и ясно, любые сомнения были отброшены. Арториус шагал по коридорам бункера и ощущал, как кровь великих древних

руководителей кипит в его жилах. И только леденящая душу улыбка генерала ещё долго стояла у него перед глазами.

Челнок вошёл в верхние слои атмосферы, и вибрация немного усилилась. С лёгким шуршанием система автоматического светозатемнения сделала стекло иллюминатора иссиня-чёрным. Начиравшееся атмосферное трение превратило пространство вокруг спускающегося аппарата в раскалённый факел мощностью в тысячи свечей, что не сулило сетчатке глаза ничего хорошего.

Дафф разочаровано отвернулся от непроницаемого окна. Как всё-таки быстро теперь проходят спуски. Совсем не то, что пятьдесят лет назад, когда он десятилетним мальчишкой отправился в своё первое путешествие к Земле. Вид медленно, но неуклонно растущей планеты настолько заворожил его, что родителям так и не удалось оторвать намертво прилипшего к стеклу сына от иллюминатора до полного затемнения. Маленький Дафф даже не представлял себе, что планета настолько огромна. Казалось, что это не челнок приближается к Земле, но сама Земля, многократно увеличиваясь в

размерах и занимая всё вокруг, насколько хватало глаз, величественно идёт на сближение с крохотной рукотворной песчинкой, несущей в себе изумлённого мальчугана. Президент улыбнулся воспоминаниям. Прошли десятки лет жизни на Орбите и сотни подъёмов и спусков на Землю, но он так и не стал равнодушен к виду из иллюминатора.

Дафф немного поёрзал в противоперегрузочном кресле, устраиваясь поудобнее, и закрыл глаза. Теперь Землю можно будет увидеть вновь уже с высоты птичьего полёта, когда внешняя температура снизится настолько, что автоматика

сочтет возможным восстановить обзор.

Дафф попробовал хотя бы немного приподнять ногу. Получилось не очень. Вступившая в свои права сила тяжести словно налила всё тело свинцом, но Президент не сдавался. Он твёрдо решил, что на этот раз на церемонии Памяти будет стоять на своих ногах, а не разъезжать на коляске подобно немощному старцу. Специально ради этого был изменён президентский график и прибытие на Землю состоялось на две недели раньше срока. Дафф вспомнил обиженное лицо помощника Латто, когда он объявил, что оставляет её заниматься

координационными вопросами с Орбиты. Ничего, переживёт. Губы Президента тронула улыбка. Он потечески относился к своей помощнице, но на этот раз решительно исключил любые лазейки для послабления. Эти две недели для себя он будет делать всё сам. Дафф решил открыть церемонию на своих ногах, и он откроет её на своих ногах. И точка.

Вкрадчивый шорох иллюминатора отвлёк Президента от раздумий, и тут же яркий свет ударил в глаза через закрытые веки. Дафф поморгал, прогоняя выступившую слезу, и прищурился. Челнок стремительно скользил меж жёлтых

облаков, в разрывах которых уже мелькали полупрозрачные стенки защитных куполов Ромба. Как, уже? Президент разочарованно вздохнул. На этот раз насладиться зрелищем спуска не удастся. Слишком быстро стала летать современная техника. А может, это слишком низко висит сегодня облачность. Дафф смотрел через стекло на закрывавшую обзор мутно-жёлтую пелену. Существует научная гипотеза, что в древности облака были белыми, вследствие того, что биосфера планеты до Великой Катастрофы имела совсем другую структуру и содержание в атмосфере кислот и радионуклидов было в сотни раз меньшим.

Президент представил себя сидящим в салоне авиалайнера Древних, что неторопливо плывёт в ослепительной пене сказочных облаков, тянущихся от горизонта до горизонта бесконечным белоснежным одеялом.

Челнок вывалился из облачного желатина прямо над космодромом, и было видно, как дезактивационные команды, изготовившись к работе, ждут закрытия воздушного коридора в силовом поле. Челнок коснулся посадочной площадки и, коротко пробежав, остановился. В голове снова зашумело. Перегрузки были уже позади, но навалившаяся тяжесть не отпускала. Да, возраст

уже не тот... Дафф дважды сглотнул, и давление в барабанных перепонках выровнялось. Он бросил взгляд в окно, где между челноком и президентским электромобилем уже устанавливали гермопереход и, кряхтя, принялся отстегивать себя от подвесной системы противоперегрузочного кресла, не дожидаясь спешащих к нему помощников.

Спустя полчаса лимузин уже плавно шёл по идеально ровной дороге, и Дафф опустил стекло, подставив лицо слабому ветерку и кивая немногочисленным офицерам службы спасения, стоящим на своих постах и салютующим при виде

президентского кортежа. Приятно снова оказаться на Земле и наслаждаться настоящей планетарной атмосферой после долгих месяцев стерильной пустоты космической станции. Дафф представил выражение лица помощника Латто, увидь она сейчас Президента, семимильными шагами идущего навстречу простуде или инфекции. Или и того, и другого сразу. Она была бы в ужасе. Дафф снова улыбнулся. Всё-таки правильно, что он не взял её с собой, всего должно быть в меру, и особенно всепоглощающей самоотверженной заботы Латто.

Президент оглядывал бегущие

мимо окрестности. Видимо, солнце сегодня светит особенно ярко, раз, несмотря на облачность, под энергокуполами так светло. К тому же последний месяц лета традиционно штилевое время года, и службы внешней защиты имеют возможность держать купола на половине мощности, что увеличивает их светопропускную способность. Да, день выдался на славу. Дафф смотрел на попадающиеся навстречу кортежу прогуливающиеся парочки. Наверное, на площади Мира, среди деревьев, сейчас людно. Откуда-то донёсся залиvistый смех ребёнка, и на душе у старика потеплело. Всю свою жизнь он свято верил, что

Человечество обязательно
поднимется с колен и возвратит себе
былое величие. И пусть сейчас
последний его оплот занимает менее
восемисот квадратных километров и
вынужден отгораживаться от матери-
природы силовыми щитами. Дух наш
не сломлен, а помыслы чисты. А это
главное. Мы обязательно возродимся,
и возродим всё то, что было с такой
безумной жестокостью уничтожено в
прошлом. И наши дети будут жить
среди вековых лесов на берегах сине-
зелёных океанов под ярким и
ласковым солнцем, купающимся в
ослепительно-белых облаках,
плывущих по нежной лазури
прозрачного неба.

И первым шагом на пути к этому станет объединение разрозненного человечества. Дафф активировал коммуникатор и вывел на экран проект обращения к сообществам Подземного Мира. Он зачитает его на церемонии Памяти, в прямом эфире. Проект был уже почти полностью готов, Дафф работал над ним весь последний месяц, с того самого момента, как главный инженер Нофф предложил свой гениальный план, включавший простые и надёжные пути решения энергетического кризиса убежищ и способы переноса в Ромб большинства уникальных технологий. Осталось доработать некоторые социальные моменты и

придать большую убедительность формулировкам. Президент выбрал нужный фрагмент и углубился в работу.

— Джим, ты работаешь в Новый год? — Келли задумчиво смотрела в раскрытый платяной шкаф.

— Заранее решаешь извечную женскую проблему первостепенной важности — что же надеть? — Нолл подошёл и обнял жену за плечи.

Келли укоризненно сверкнула глазами и потёрлась щекой о щёку мужа:

— Колючий! — она развернулась к нему лицом. — Ты не

ответил на вопрос. Мы уже два года не собирались всей семьёй на церемонию Памяти.

— В этот раз обязательно пойдём, — Джим легонько поцеловал её в губы. — У нас на всю неделю плотное полётное расписание, ведём взаиморасчёты Роса со Суисс. Но в Новый Год у меня вообще не будет никаких полётов. Будут вылеты, но их сделают другие экипажи, да и они управятся ещё до обеда.

— Ура!!! Мы пойдём на площадь Мира! — невесть откуда взявшаяся Саманта метеоритом влетела в спальню и с разбегу повисла сразу на обоих родителях.

— Саманта! Протуберанец-переросток, ты нас всех сейчас уронишь! — строгий тон Келли никак не вязался с улыбкой на её лице. — Слезь сейчас же!

Как и следовало ожидать, сей грозный окрик впечатления на дочь не произвёл. Сэм елозила по Ноллу ногами, пытаясь забраться повыше.

— Нам в школе сказали, что в этом году церемония Памяти будет проводиться не в здании Сената, а на площади Мира, прямо перед деревьями!

— Именно так, — подтвердил Нолл, — семьсот двадцатую годовщину Великой Катастрофы решено встретить минутой молчания

ровно в пятнадцать ноль-ноль по времени Орбиты. Церемония Памяти будет проходить на площади Мира и транслироваться в прямом эфире на весь мир. Президент зачитает какое-то специальное обращение, весь Сенат будет присутствовать при этом.

Джим отпустил жену и подхватил Саманту на руки.

— Тяжёлая ты какая! — Нолл скорчил гримасу человека, удерживающего в руках добрую пару центнеров. — Вот вымахала-то как, скоро тебя и вовсе не поднять! Келли, чем ты кормишь этого непослушного ребёнка?

Саманта сделала серьёзное лицо

и тоном матери с выражением крайней убедительности произнесла:

— Молодому растущему организму для полноценного развития требуется много сил!

Джим с Келли расхохотались, и Нолл опустил дочку на пол. Келли, уперев руки в бока, улыбаясь, смотрела на Сэм:

— А молодой растущий организм уже приготовил эссе по заданию главного редактора?

Саманта на мгновение смутилась:

— Ещё нет, — и сразу же нашлась: — Но мне осталась всего полстранички! Правда-правда!

Келли изобразила возмущение:

— Как это нет? Вы посмотрите на неё! Сам главный редактор «Нетньюс» возится с этим бесстыжим юным дарованием, а она даже не удосужилась закончить эссе! А вы знаете, который сейчас час, Саманта Нолл?

Сэм виновато хлопнула глазками и с надеждой покосилась на отца. Но выражение лица Нолла демонстрировало абсолютную солидарность с женой. Саманта тяжело вздохнула, давая понять, что прекрасно видит наличие заговора, и обречённо вышла из спальни.

Келли перевела взгляд на мужа.

— Мог бы и поддержать меня. Вечно ты её балуешь.

— А я тебя поддержал, — мягко возразил Джим, — ты же видела, я был полностью на твоей стороне!

— Ну конечно. У меня ни на секунду не возникает сомнений, в кого наша дочь такая сказочница, — в голосе жены звучала неприкрытая ирония.

— В нашей семье талант передаётся по мужской линии! — Нолл гордо выпятил грудь.

— Джим, у нас дочка!

— Ну, это уже частности.

Келли в притворном ужасе закатила глаза и махнула рукой в знак бесполезности продолжения спора. Она снова развернулась к шкафу и, помолчав несколько секунд,

произнесла:

— Раз ты у нас такой талантливый, тогда скажи — что мне надеть?

Арториус шёл по коридору уровня Управления в свой кабинет. Только что закончилась погрузка турболёта, перевозящего уран в Суисс. Он лично контролировал выдачу контейнеров со склада на погрузку. И отправил в Суисс особую партию.

Чиновник шёл уверенно и неторопливо, он чувствовал себя спокойно, дыхание было ровным, пульс в норме. Жребий был брошен давно, все волнения остались позади — на стадии принятия

решения. Теперь же третий помощник чётко следовал плану. Этот план он разрабатывал долго, скрупулёзно и тщательно, придираясь к малейшей мелочи и просчитывая возможные шаги в случае непредвиденных отклонений. И вот время пришло. Завтрашний Новый Год войдёт в историю намного ярче, чем все они думают. Арториус зловеще улыбался в душе, но внешне ничего не изменилось на его лице.

Перед кабинетом его ждал Памбикус. Арториус пропустил друга вперёд и запер за собой дверь.

— Началось, Пам, — он многозначительно посмотрел на

сутулого связиста.

Памбикус поежился.

— Ты уверен, Арти?

— Я абсолютно уверен! Я очень долго готовился к этому дню. И он как нельзя лучше подходит для осуществления моего плана. Завтра День Памяти, и Совет будет заседать, а сотрудники службы охраны будут стоять на церемониальных постах с парализаторами и ритуальным оружием. Завтра Новый Год, и люди, работающие в сменах, не будут столь внимательны. Завтра какая-то особая церемония в Ромбе, и всё их правительство уже собралось для этого события, которое будет транслироваться в прямом эфире.

Завтра великий день, и все наши мечты начнут сбываться!

Памбикус пожал плечами, по своему обыкновению глядя в пол.

— Хорошо, Арти. Раз ты так считаешь, значит, так тому и быть. Твои планы всегда сбывались, надеюсь, сбудется и этот. Я с тобой.

Третий помощник ободряюще посмотрел на друга.

— Всё будет так, как я тебе говорил. Не бойся, Пам, меня ничто не остановит. Ты сделал всё, как я сказал?

Сутулый человечек снова пожал плечами.

— Всё.

— С синтезом проблем не

возникло?

— Нет. Никто не задавал вопросов. Нам доверяют в научном отделе, а на заявке стоял цифровой код управляющего директора. Как тебе это удалось?

— Потом расскажу. Сейчас надо действовать чётко по плану. Иди, выпишись, Пам. Через двенадцать часов события начнут разворачиваться очень быстро. Мне тоже не помешает поспать.

Арториус проводил друга и вернулся в свой тесный кубрик. Он подготовил ложе и прежде, чем выключить освещение, окинул взглядом убогую комнатуху. Сегодня он ночует здесь в последний

раз. Третий помощник погасил свет и практически мгновенно уснул. Он проспал отмерянные себе восемь часов спокойным сном ребёнка, и лишь раз, на короткий миг, ему явился древний генерал. Он смотрел на Арториуса уже без презрения и одобрительно кивал головой.

Жажда деятельности разбудила чиновника за минуту до сигнала хронометра. Он встал и направился в душ, воспользовавшись приоритетом высшего руководящего состава, чтобы не ожидать очереди в гигиенический подуровень. Обычно для укрепления популярности среди жителей Улья он никогда не пользовался этим правом и вместе с другими честно ждал,

когда подойдёт его очередь. Но теперь всё это уже не имело никакого значения. Арториус надел новый комбинезон, придиричиво окинул взглядом своё отражение в зеркале и настроил наручный коммуникатор на приоритетную обработку вызовов Памбикуса. Теперь пора идти. Он вышел из кубрика и пошёл к лифтовым площадкам.

У лифтов, в честь особого дня, стояли церемониальные посты с парализаторами на боку. А на входе в подуровень Совета сотрудники охраны застыли с карабинами в руках. Всё идёт как задумано, отметил чиновник. Он зашёл в свой

кабинет и сверился со временем. Последние два часа текли особенно долго. Что ж, он подождёт. Он ждал долго и подождёт ещё немного. Чтобы скоротать время, Арториус принялся заново прокручивать в голове все детали плана. Наконец писк коммуникатора, выводящего звонок Памбикуса, возвестил о начале великих событий.

— Арти, Ромб подтвердил вылет турболёта, — было видно, что Пам немного нервничает.

— Наши люди готовы?

— Ещё с начала смены, — в голосе друга угадывалась лёгкая дрожь, но в целом Памбикус держался хорошо.

— Приступай, Пам, —
распорядился Арториус тоном, не
оставляющим ни тени сомнений.
Сам он уже давно не сомневался в
успехе. — И сообщай мне обо всех
мелочах.

Памбикус утвердительно кивнул
и отключился. С этого момента вся
связь бункера с остальным миром
находилась в руках Арториуса.
Чиновник сидел, уткнувшись
взглядом в тускло мерцающие цифры
хронометра. Отсчёт шёл
несправедливо медленно. Уже
должно было произойти. Когда же
они заметят?

В окошке коммуникатора снова
высветилось изображение

Памбикуса.

— Срочное сообщение с Орбиты. Они транслируют видео.

Чиновник удовлетворённо хмыкнул. Началось.

Арториус включил большой экран. На дисплее появилось увеличенное спутниковое изображение горной цепи, покрытой жёлтыми пшиками снега. Прямо в центре экрана бугрилось огромное грибовидное облако. Голос комментатора панически вибрировал:

— Ужасная трагедия разыгралась три минуты назад. С сообществом Суисс потеряна связь. Экипаж тяжёлого турболёта,

находившегося в районе Убежища, не отвечает. Мы пытаемся получить максимально полную информацию о случившемся, но гигантское облако дыма и сильный ветер на месте взрыва препятствуют ведению наблюдения...

Заверещал сигнал прямой связи с подуровнем Совета. Испуганный голос дежурного секретаря дважды передал указание всем помощникам директоров срочно собраться в подуровне совещаний

Арториус встал и уверенно направился к выходу. Больше он не третий помощник. Теперь он руководитель. Великий руководитель. И имя его займёт место в одном ряду

с великими Древними. А всё-таки вкусная была у них вода. Жаль. Но ничего не поделаешь, на алтарь великих целей необходимо класть только великие жертвоприношения. Чиновник улыбнулся. Зато с конкуренцией теперь покончено навсегда. Он вышел из кабинета и покинул уровень Управления.

Вызов Памбикуса застал Арториуса выходящим из лифта на медицинском уровне.

— Арти, Совет пытается связаться с Орбитой. Хотят предложить помощь в случае необходимости.

— Проследи, чтобы у них пропала всякая возможность связи с

кем бы то ни было. Начиная действовать согласно плану. Как только пройдёт сигнал тревоги, делай свой звонок.

Арториус энергично шёл по коридорам медицинского уровня. Они были пусты, весь персонал в эти минуты собрался возле информационных экранов. Чиновнику лишь изредка попадались церемониальные посты взволнованных сотрудников службы Охраны. Арториус зашёл в подуровень аналитической группы. В этих коридорах тоже было пусто. Никем не замеченный, он устремился к заветному тупику. Коммуникатор на руке снова запищал.

— Господин Арториус, где вы? Вас срочно ожидает Совет, — надтреснутый старческий голос управляющего директора звучал ещё более сипло. — Вы занимались вчера последними отгрузками в Суисс? Немедленно явитесь в подуровень совещаний!

Великий руководитель поднёс коммуникатор к лицу и посмотрел в глаза Управляющему.

— Я уже близко, — многообещающе ответил чиновник и сбросил вызов.

Он стоял около заставленной электронным оборудованием стеной тупика. Там, в двух метрах от Арториуса, за толстой переборкой

Спящие Герои вот уже семьсот лет ждали своего генерала. Великий руководитель оглянулся по сторонам. Согласно старым схемам, вот за этим компьютерным шкафом должна быть скрыта консоль управления переборками. Он с трудом отодвинул шкаф от стены на десяток сантиметров и, просунув руку в щель, нащупал кнопочную панель. Код открытия был выучен наизусть ещё в самый первый день разработки плана. Арториус наощупь набрал комбинацию и нажал кнопку ввода. Где-то за обшивкой стены что-то щёлкнуло, и Великий руководитель замер от ужаса. Неужели за минувшие века цепи управления

пришли в негодность?!! Но спустя секунду раздалось низкое гудение подъёмного механизма, и плита переборки поползла вверх. Арториус извлёк из-под стеллажа с научным оборудованием заранее приготовленный свёрток и протиснулся между нагромождениями электроники в открывшийся подуровень Внешней группы.

Как и следовало ожидать, подача питания на системы вентиляции и освещения была отключена, внутри царил полумрак, а всё вокруг было покрыто толстым слоем пыли. Вопиющая заражённость! Но Великий руководитель предвидел и

это, заранее сделав себе инъекцию, резко подстёгивающую иммунитет на небольшой срок. Свет, пробивавшийся из освещённой части бункера через стеллажи с оборудованием, закрывавшие вход в заблокированный подуровень, неровно падал на полукольцо анабиозных камер. Можно было поискать, где включается освещение, но на это не было времени. Беспристрастная система наблюдения за убежищем наверняка уже подала сигнал о вторжении в запретный подуровень, весь вопрос лишь в том, когда её предупреждение заметят занятые волнующими событиями люди.

Арториус, сжимая под мышкой тяжёлый свёрток, бросился обходить камеры, локтем стирая пыль с информационных панелей. Кажется, здесь. Он нашёл нужный номер и открыл крышку пульта ручного управления анабиозной камеры. Главное — успеть. Великий руководитель принялся старательно воспроизводить тщательно заученную последовательность вывода из анабиоза в ручном режиме. Наконец раздался предупредительный сигнал, и чиновник попятился. Стенки анабиозной камеры раскрылись, шипя срабатываемым давлением, и крышка капсулы поползла вверх.

Арториус почувствовал, как у него пересохло в горле, и тщетно попытался сглотнуть. Прямо на него смотрел Древний.

Великий руководитель
попытался произнести
заготовленную речь, но язык
отказывался шевелиться. Древний
принялся отдирать от себя
многочисленные датчики и
улыбнулся Арториусу:

— Здравствуйте, молодой человек. Вы, наверное, новенький? А почему без скафандра? — он вылез из капсулы и потянулся всем телом.

Древний был настоящим
гигантом, а его ладони больше
напоминали чиновнику лопаты.

Великий руководитель едва
дотягивался макушкой ему до плеч.
Какого же он роста? Не меньше
метра девяноста! Вот это
громадина...

Древний снова посмотрел на
Арториуса:

— А где Андреи Андреевич? —
громадный воин обернулся вокруг. —
Что за ерунда... Что вообще здесь
происходит?! — и, нависнув над
Великим руководителем, потребовал
ответа: — Где доктор Серебряков?
Где мой сын?

Арториусу наконец удалось
совладать с собой. Он сделал
переполненное ужасом лицо и,
старательно сбиваясь и путаясь,

затараторил:

— Андрей Иванович!!! Вы должны нам помочь!!! Нам всем грозит гибель!!! Они! Они! Они уже близко, они скоро будут здесь!!! Помогите! Вы должны спасти людей, ВЫ паша последняя надежда!!! Они собрались в подуровне Совета и решили убить всех!!! Андрей Иванович!!! Они всех уничтожат!!!

Древний напрягся и с подозрением осмотрелся.

— Кто уничтожит? Кого? Кто близко? Да успокойся ты! Здесь нет никого. Говори по порядку. Что случилось?

Арториус изменил ужас на панический страх и, постоянно

озираясь, быстро зашептал:

— Они пришли из Ромба. Они попросили медицинской помощи, и мы впустили их в Убежище... У них было оружие, и они убивали безжалостно... мы всего лишь врачи, нам незнакомо насилие... с тех пор мы работаем под страхом смерти... никогда не выходя на поверхность... они называют нас кротами. А теперь они хотят всех нас уничтожить!!! Они...

Древний нетерпеливым жестом перебил его:

— Где Андрей Серебряков? Это мой сын, с ним необходимо связаться.

Арториус старательно опустил

взгляд и, выдержав драматическую паузу, выдавил:

— Он... он умер... сердце не выдержало...

Гигантский воин медленно опустился на какой-то прибор.

— Как это умер... Андрейка... не может быть... умер... почему... как же это... — поражённый услышанным, Древний замер.

Арториус вложил в интонации максимум сострадания и принялся объяснять, не забывая панически озираться вокруг:

— Вы понимаете, Андрей Иванович, он очень хотел вас излечить, он делал для этого всё, а они... они запретили ваше лечение и

заперли вас здесь навсегда! И стёрли это место со всех планов и схем! А Андрей Андреевич, он так переживал, он годами трудился, и сердце его не выдержало... обширный инфаркт миокарда... мгновенно...

Но Древний его не слышал. Его взгляд потух, тело обмякло, и только губы тихонько шевелились, беззвучно произнося что-то неясное.

Арториус замолчал, пытаясь проанализировать сложившуюся ситуацию. Похоже, у Древнего шок. Пока ещё осталось время, надо открыть ещё одну капсулу...

Страшный рёв незнакомых сирен заставил чиновника подпрыгнуть от страха. Он в панике

заметался между камерами, не понимая, что произошло.

— Что это?! Что случилось?

Даже не шелохнувшийся при страшных звуках Древний немного поднял голову и, глядя прямо перед собой бесцветным взглядом, безразлично произнёс:

— Боевая тревога.

Тут же запищал коммуникатор. Памбикус действовал строго в соответствии с планом.

— Арти! Они всё знают! Они идут к тебе, спасайся!!! — ужас в голосе Пама был настолько натуральным, что Арториус понял — Паму на самом деле очень страшно.

Снаружи слышались шаги и

чей-то голос произнёс:

— Вы нарушили стерильность бункера! Немедленно покиньте опасный подуровень! Эта зона закрывается на карантин!

Древний повернулся на звук и с интересом прислушался. Между закрывающими вход стеллажами было видно, как к подуровню приближается несколько сотрудников службы охраны. Арториус отметил наличие парализаторов. Как и планировалось, первыми к месту возникновения угрозы заражённости выдвинулись ближайшие посты. Чиновник метнулся к сидящему воину и горячо зашептал:

— Они пришли! Всё пропало! Теперь все погибнут! Сегодня утром они атомной бомбой взорвали убежище Суисс! Сейчас они убьют нас, а после уничтожат бункер! Что же делать... мы все погибнем... Неужели вы не можете нам помочь... мы все надежды возлагали на вас, мы даже, рискуя жизнью, смогли выкрасть для вас оружие!

Арториус торопливо развернул свёрток и неуклюже попытался взять в руки тяжёлый автомат. Оружие Внешней группы просто лежало в одном из многочисленных контейнеров где-то на складах хранения. Обеспечивающие функционирование склада

сотрудники даже не представляли себе назначения этих предметов. Заранее вынести один из образцов не составило никакого труда.

Древний механически перевёл взгляд на оружие. Он по-прежнему сохранял неподвижность. На входе раздался скрежет, сотрудники охраны пытались отодвинуть один из стеллажей. Снова последовало требование:

— Немедленно покиньте опасную зону! Этот подуровень подлежит срочной стерилизации! Через пятнадцать минут экстренные службы начинают очистку!

— Зачистку, — вдруг поправил охранника Древний.

— Чт-то? — промямлил
Великий руководитель, лихорадочно
пытаясь понять, как спасти
рушащиеся на глазах планы.

— Мероприятия по ликвидации
остатков разгромленных сил
противника на конкретном участке
территории называются
зачисткой, — спокойным голосом
произнёс непонятную фразу
Древний.

Он вдруг легко поднялся и одной
рукой выхватил у Арториуса автомат.

— Значит, запретить лечить и
закрыть навсегда? Значит,
карантин? — угрожающе прорычал
гигант, глядя в сторону входа, где
тяжёлый стеллаж никак не

поддавался сотрудникам службы охраны. И тихо прошептал: — Значит, инфаркт миокарда...

Гигант в одно мгновение, даже не глядя, произвёл над автоматом целую серию загадочных операций. Чиновник зачарованно смотрел на порхающее в его руках щёлкающее и клацающее смертоносное оружие. Внезапно Древний оглушительно взревел и устремился к выходу. Он подобно урагану врезался в тяжёлые стеллажи, и они разлетелись в разные стороны, словно бумажные. По барабанным перепонкам больно ударила серия резких, оглушительно громких звуков, в которых тонули крики боли и ужаса. Арториус

забился в угол и съёжился, закрыв глаза и заткнув уши руками. Через несколько секунд всё стихло. Чиновник осторожно открыл глаза и посмотрел в коридор. Через открытый вход в подуровень были видны заляпанные кровью стены, среди опрокинутых стеллажей и валяющихся повсюду приборов лежали неподвижные тела в комбинезонах службы охраны. Чиновник начал наполняться гордостью. Это его могучим умом и волей они лишились жизни. Арториус почувствовал, как кружится голова от опьяняющего сознания полного превосходства своего интеллекта и безграничных

возможностей власти. Издалека снова слышались выстрелы, и он ещё раз выглянул в коридор. Древнего не было видно. Великий руководитель победно усмехнулся. У каждого есть своя слабая сторона. Арториус встал, расправил плечи и уверенно шагнул к следующей анабиозной камере.

Желтый огонёк моргнул и стал зелёным. Крышка капсулы поползла вверх, и в уши ударил знакомый рёв баззеров боевой тревоги. Возле пульта управления анабиозной камерой стоял сильно испуганный маленький щуплый человек в

комбинезоне отдела Управления несколько изменившегося покроя.

—

Здравствуйте, Тринадцатый! — человек начал торопливо помогать майору, уже отлепляющему от себя медицинские датчики. — На долгие объяснения нет времени, дорога каждая секунда!

Маленький человек говорил со странным произношением, проглатывая окончания слов. Тринадцатый вылез из капсулы. В воздухе пахло порохом и кровью. Освещения не было, всё вокруг было покрыто пылью и находилось в крайнем запустении. Анабиозная камера Четвёртого была открыта, на входе в помещение анабиозных камер

наблюдались следы недавней перестрелки, лежали трупы в незнакомой форме и разбросанное оборудование. Самого Серебрякова нигде не было видно.

— Что известно о противнике? — майор сделал несколько плавных движений, разогревая мышцы. — Численность, вооружение, местонахождение? Где начальник службы охраны?

Человек посмотрел на него с уважением. Видимо, ожидал других вопросов. Он в двух словах изложил ситуацию. Бункер захвачен противником уже давно и представляет собой подземный госпиталь тюремного типа. Человека

зовут Арториус, он возглавляет сопротивление, которое отвергает насилие и толку от него немного. Младший Серебряков умер от разрыва сердца, не выдержав запрета на лечение отца, а Внешняя группа зачислена в списки мороженой говядины навечно. И до своего оружия так просто не доберешься, межуровневые лифты уже наверняка заблокированы. В довершение всего прекрасного оказалось, что бункер сегодня планируется уничтожить.

— Как давно ушёл Серебряков?

— Пять минут назад, —

Арториус то и дело бросал перепуганные взгляды в сторону коридора. — Он направился в

подуровень Совета, там сейчас собралось местное руководство захватчиков. Мы контролируем узел связи, но это ненадолго, нам нечего противопоставить их оружию.

— Вытаскивай остальных, — Тринадцатый быстро направился в спальное помещение.

Воевать в одних лишь больничных шортах было неэстетично. И неудобно. Шкафчики, покрытые огромным слоем пыли, никуда не делись, и это радовало. Комбинезон сильно слежался, и кое-где на сгибах ткань рвалась в процессе одевания, но это всё равно было лучше, чем ничего. Через две минуты майор уже стоял у выхода из

анабиозного помещения. Арториус помогал следующему размороженному выбраться из капсулы.

— Доставайте всех. Он всё объяснит, — Тринадцатый кивнул на щуплого человечка. — Группе сохранять максимальную осторожность. Пробиваться к подуровню Совета.

Боец кивнул, и майор вышел из помещения. В коридоре он насчитал шесть трупов. Все щуплые, подобно Арториусу. Четверо с пулевыми ранениями, двое с раздробленными черепами. Действовали автоматным прикладом. Длинноствольного оружия нигде не валялось.

Имеющиеся стрелянные гильзы, видимо, принадлежали только автомату Четвёртого. Маленькие пистолеты у всех убитых находились на поясе — похоже, Серебрякову удалось застать их врасплох. Тринадцатый снял с убитого один из них. Странная конструкция, ни прицельных приспособлений, ни гнезда для магазина. Только кнопка предохранителя с крупным красным индикатором. Электрические, что ли... Ладно, потом разберёмся. Лучше, чем ничего.

Майор, бесшумно ступая, побежал дальше. Коридоры были пусты, все боковые двери закрыты. Всё верно, при боевой тревоге

помещения должны были блокироваться персоналом изнутри.

Ещё два трупа он нашёл возле лифтов. Эти тоже не успели достать оружия. Странно. И лифты, вопреки ожиданиям, до сих пор работали. М-да, расслабились граждане захватчики совсем. А зря. Тринадцатый зашёл в свободный лифт и нажал сенсор уровня Управления. Затем подпрыгнул, уцепился за решётку системы вентиляции и подтянулся на руках, поджав ноги и максимально сгруппировав тело, таким образом оказавшись над створками лифта вне обзора снаружи. Лифт достиг цели, и двери открылись. Однако

ожидаемого огневого удара по кабине не последовало, и никто не зашёл проверить лифт. Зато где-то недалеко шёл бой и гремели выстрелы. Майор отчётливо слышал, как работают сразу шесть или семь гладкоствольных карабинов. Не исключено, что Четвёртый ещё жив. Двери лифта закрылись. Тринадцатый бесшумно спрыгнул на пол и снова нажал сенсор открытия дверей. У лифтовых кабин лежало ещё три тела, рядом с которыми обнаружили два гладкоствольных служебных карабина. Майор быстро осмотрел оружие. Оба без патронов. На убитых боекомплекта тоже не обнаружилось. Может, Четвёртый

собрал, и третий ствол с собой прихватил, патронов-то у него едва полмагазина осталось. На эмоциях Серебряков, не бережёт боеприпасы. Тринадцатый достал трофейный пистолет и, мягко ступая, пошёл па звук перестрелки.

Бой шёл уже в подуровне совещаний. Судя по лежащим трупам, Четвёртому удалось добраться до местного руководства захватчиков, и в этот момент ему вышло в тыл опоздавшее подкрепление противника. Серебряков, у которого, похоже, уже не осталось патронов, укрылся за массивным столом главы Совета, а семеро захватчиков добросовестно

пытались разнести его картечью в щепки. При этом в момент выстрела любой из них старательно зажмурился. Очень интересно. Тринадцатый пожал плечами. Наверное, стеречь безобидных медиков в подземной тюрьме, окружённой смертельно радиоактивной местностью, населённой кровожадными тварями, посылали самых бесполезных бойцов. В общем-то, оно и понятно, работа чисто номинальная. Майор достал трофейный пистолет и выключил предохранитель. На индикаторе загорелась надпись «Идёт накопление заряда». Ну точно, электрический. Секунд через

пятнадцать надпись сменилась на «Заряд накоплен». Угу, восхитительно. Абсолютно бесполезная штукавина. На один раз. И то ещё непонятно, что она может. В этот момент у стреляющих закончились патроны, причём практически одновременно. Тринадцатый с неподдельным интересом смотрел, как стрелки, даже не позаботившись о прикрытии, торопливо пытаются менять магазины, по несколько раз подряд не попадая ими в штатные гнезда. Да, чего только не увидишь в этом мире...

Майор стремительно выскользнул из-за угла, разрядил

нелепое оружие в самого дальнего противника и мгновенно оказался перед ближайшим. Дальний упал и задёргался. Ну и то прок. Ближайший, увидев перед собой чужого, неуклюжим движением попытался ударить майора карабином, словно дубиной. Тринадцатый мощным броском запустил бесполезный пистолет в лицо одному из врагов, плавным и быстрым движением подставил руку по касательной к опускающемуся ему на голову карабину и превратил удар в скольжение по предплечью. Нельзя так безобразно держать собственное оружие, машинально отметил майор, а то ещё, чего доброго, в умелых

руках противника (последовал захват) оно превратится в рычаг, ломающий тебе сначала руку (раздался хруст и крик), а затем шею (раздался хруст, и крик затих). Тринадцатый развернулся вокруг своей оси с шагом в сторону, и пытающийся столкнуть его на пол противник пролетел мимо. Остальные враги действовали ещё более экзотично. Один бросил оружие и достал чудо-пистолет (до завтра будет его заряжать), а другие принялись ещё усерднее тыкать магазинами в карабины. Идиотизм какой-то, подумал майор. Он подобрал оброненный первым противником магазин, одним

слитным движением вогнал его на место и дослал патрон в патронник, после чего прицельными выстрелами быстро перестрелял захватчиков (чтоб не мучились).

Из-за засыпанного щепой стола вылез Четвёртый, в два шага преодолел расстояние до места схватки и подобрал один из лежащих на полу карабинов. Он подошёл к парализованному электрическим пистолетом захватчику, вяло подергивающему конечностями, и, мощно размахнувшись, с силой опустил приклад карабина ему на голову. Послышался треск ломающегося черепа, и враг затих.

— Патроны у меня

закончились, — виновато доложил Четвёртый. — А ствол у тех, что у лифта, пустой оказался...

— Что ж сразу не проверил? А за боекомплектom следить кто за тебя должен? — майор покачал головой и стал быстро собирать боеприпасы с убитых. Кто знает, какими ещё силами располагает противник. Через минуту здесь может оказаться намного больше народу, и они вполне могут не быть такими идиотами, как предыдущие.

Четвёртый развёл руками, мол, понимаю, сглупил, что поделаешь. А потом, немного постояв, тихо добавил:

— А Андрейка мой умер...

сердце не выдержало... всё вылечить меня хотел... инфаркт миокарда...

Он горестно вздохнул и принялся добивать раненых.

Вторая группа противника оказалась более многочисленной и подошла через пять минут. Её было слышно по грохоту шагов от самых лифтов. Дождавшись, когда противник втянется в узкий коридор, бойцы кинжальным огнём расстреляли захватчиков практически в упор. Вскоре после этого появились Внешние, за которыми прятался Арториус; на его лице одновременно мешались выражения героизма, страха и любопытства. При виде такого

количества крови и трупов маленького чиновника вывернуло, но в целом он держался очень хорошо. А увидев тела уничтоженного руководства захватчиков, он и вовсе воспрял духом.

— Теперь мы снова свободны! — заявил Арториус, пнув тело человека в деловом костюме, и добавил: — Я временно принимаю на себя руководство бункером до проведения законных выборов.

— Предстоит ещё найти остальных, — майор кивнул на трупы захватчиков.

— В этом нет необходимости. — возразил маленький чиновник, — без руководства они не опасны и сами

сдадутся моим людям.

Тринадцатый подумал, что, скорее всего, так и будет, учитывая тот факт, что и с руководством захватчики опасными особо не были.

— К тому же их оставалось совсем немного, — продолжил Арториус. — Они все собирались покинуть бункер перед уничтожением. Прошу вас, выслушайте меня внимательно, потому что времени у нас совсем не осталось! — он ткнул пальцем в коммуникатор на руке и произнёс:

— Пам, выведи передачу Ромба на центральный экран Совета.

Через пару секунд на мониторе возникло изображение ядерного

гриба, клубящегося над горами. Звук не было, и чиновник трагическим голосом стал рассказывать о случившемся, с трудом сдерживая слёзы:

— Вы видите демонстрацию казни непокорных. У власти в Ромбе кровавая диктатура. Они захватили все существующие Убежища, и теперь мы всего лишь дешёвая рабочая сила. В их руках сосредоточено всё: производство нищи, топливо для реакторов, научные технологии. Вот, посмотрите! — он нашёл нетронутую консоль и ввёл какую-то команду.

На экране возникло спутниковое

изображение Австралии. В самом центре материка виднелась обжитая область, имевшая форму неправильного ромба, накрытая полупрозрачными куполами. Изображение приблизилось, и стало возможным различить поля, дороги с ползущими автомобилями и городские постройки в центре. Один из небольших куполов в центре погас, и в небо взвилась серебристая металлическая сигара, стремительно ушедшая в стратосферу, после чего пропавший купол восстановился ВНОВЬ.

— Вот видите! — продолжил Арториус. — Они живут на поверхности в безопасности под

энергетическими куполами и имеют технологию воздушных перелётов. Но мы лишены всего этого, мы — никто, они называют нас кротами! — маленький чиновник снова чем-то щёлкнул, и на экран вернулся ядерный гриб.

— Недавно некоторые подземные сообщества, в том числе и мы, посмели потребовать справедливости и перестали выполнять требования Ромба, — Арториус безнадёжно вздохнул и указал рукой на изображение взрыва. — Это Альпы, ещё час назад на этом месте было сообщество Суисс. А через несколько часов должна была наступить наша

очередь. Потом чья-то ещё. Кровавые диктаторы Ромба устроили сегодня церемонию Прощания. Они сгоняют на центральную площадь всё население и планируют транслировать в прямом эфире на весь мир уничтожение отказавшихся подчиняться. Первая трансляция, как видите, уже идёт. И хотя теперь нам не угрожает прямая опасность, мы недолго просуществуем без реакторного топлива. И сегодня вместо нас погибнут другие, — чиновник замолчал, глядя на экран. На его лице было выражение чудовищной боли.

Внешние молчали, осмысливая услышанное. Тринадцатый смотрел

на клубящийся гриб. Да уж, такого никто не ожидал увидеть, выйдя из анабиоза через чёртову кучу лет.

— И что мы можем сделать? — майор перевёл взгляд на Арториуса. Чиновник оживился, и его лицо озарилось надеждой.

— Вы можете остановить палачей! И прекратить все это! — он лихорадочно заработал пальцами на консоли, и на экране возник довольно неплохой план Ромба. — Убийцы перед взрывом Бункера должны были покинуть его и вернуться в Ромб. Для этого за ними отправлен турболёт. Он прибывает через десять минут. Вы можете захватить его и вылететь в Ромб.

Турболёт приземлится вот здесь. До церемонии Памяти остается несколько часов, и всё правительство во главе с диктатором уже собралось в здании Сената. Это тут. Вы можете уничтожить их всех! У вас с собой будет специальная аппаратура, которую вы активируете после уничтожения этих палачей, и мы получим прямой доступ к спутникам Орбиты. Когда весь мир узнает, что с верхушкой кровавой диктатуры покончено, наши друзья возьмут власть в свои руки. У нас есть сторонники по всему миру, и на Луне, и на Орбите тысячи людей ждут возможности вернуться к спокойной жизни! Нам очень нужна

ваша помощь! Больше никто не в состоянии сделать это!

Арториус смотрел на Внешних, ожидая ответа. Тринадцатый прикинул размеры Ромба и предположительное количество сил противника. По всему выходило, что эта операция будет для всех последней. Конечно, если солдаты Ромба не окажутся такими же бравыми, как тюремщики бункера. Тогда шансы есть...

Майор вопросительным взглядом обвёл своих людей. Четвёртый выпрямился, и у него в глазах заиграл недобрый огонь.

— Я лечу, — мрачным голосом заявил он. — Мне надоело жить в

замороженной консервной банке.

Остаться не захотел никто. Тринадцатый кивнул и повернулся к Арториусу:

— Где хранится наше оружие? — и, указав на экран, добавил: — Карту надо будет сделать на каждого.

Тяжёлый турболёт разогревал двигатели. На экране он казался игрушкой, серебряная сигара, накрытая полупрозрачным энергокуполом защитного поля, островок спокойствия в грязепылевом океане бушующего на поверхности урагана. Нелегко было

выбить из Ромба рейс в штормовую область, да ещё и в Новый Год. Арториусу пришлось изрядно попотеть, изобретая правдоподобную причину чрезвычайной важности.

Великий руководитель не сводил взгляда с летающей машины до тех пор, пока сигарообразная машина не скрылась в облаках, унося Внешнюю группу спасти мир от кровавой диктатуры. Пока всё идёт как надо. Арториус победно улыбнулся. У каждого есть своя слабая сторона.

— Арти, что теперь? — бледный, как комбинезон высшего отдела, Памбикус стоял рядом, прислонившись спиной к стене, и старался не смотреть на лежащие

вокруг трупы.

— Теперь займёмся внутренними делами. Как всё прошло?

— По твоему плану. Мы загрузили машину Древних под завязку и заварили люки. Их руководитель забрал устройство управления, не задавая вопросов, — голос Памбикуса был тихим, но твёрдым. — Ты уверен, что он не догадается?

— Обязательно догадался бы, будь у него время, — Арториус на манер Древних хлопнул друга по плечу. Молодец Пам, держится. — Но как раз времени на это у него и не будет. А наши люди ничего не

заподозрили?

— Нет. Все уверены, что ты предпринимаешь любые меры для спасения бункера. Поэтому во избежание новых жертв выполнил требование Древних и отдал им отработанное ядерное топливо, — Памбикус последовал своей привычке в разговоре опускать взгляд вниз и увидел лежащий в луже крови труп с обезображенным гримасой ужаса лицом. Связист вздрогнул всем телом и поспешно вернулся глазами к Арториусу. — Синтезированное вещество уложено в стандартные контейнеры, никто ничего не заметил.

— Отлично, Пам! —

первоначальное отвращение и страх перед мёртвыми покинули Арториуса неожиданно быстро, более того, он ощущал необъяснимое чувство наслаждения, находясь среди трупов людей, лишённых жизни по его воле. Особенно вон тех трёх, в костюмах. Какое же это, оказывается, ни с чем несравнимое наслаждение — манипулировать людьми силой своего непревзойдённого интеллекта! Великий Руководитель прошёлся между телами и почувствовал прилив энергии. Колоссально! Однако надо продолжить творить судьбу мира.

— Пам, разблокируй связь, будут задавать вопросы — вали всё на

Древних и действуй, как я объяснял. Иди, через три минуты я уже должен обратиться к Корпорации.

Связист покинул ужасное помещение с непередаваемым облегчением, и вскоре Великий руководитель уже смотрел на Корпорацию со всех мониторов информационной сети бункера. Вид его был серьёзен, голос решителен, а на комбинезоне отчётливо виднелись следы крови.

— Внимание! Экстренное сообщение! На бункер совершено нападение! Имеются большие жертвы. Совет Корпорации погиб, пытаюсь остановить агрессию! В данный момент ценой огромных

усилий непосредственная опасность ликвидирована, но устранение её последствий требует принятия чрезвычайных мер! С этой минуты до особого указания в бункере вводится военное положение. До проведения выборов руководство Корпорацией я принимаю на себя. Всему персоналу надлежит немедленно занять свои места по боевому расписанию согласно уставу Корпорации. Всем сотрудникам службы охраны, не находящимся на постах, срочно прибыть в подуровень совещаний. Всем руководителям групп собраться у входа в подуровень Совета. Перемещения между уровнями без специального разрешения запрещены

до особого уведомления. Вся дальнейшая информация будет выкладываться в информационную сеть каждый час.

Великий руководитель закончил речь и вышел из эфира. Он повозился перед разбитым картечью зеркалом, придавая комбинезону потрёпанный вид. Уже лучше. Арториус немного подумал и подошёл к кровавой луже около тела управляющего директора. Присев, он в нескольких местах испачкал в крови комбинезон. Вот теперь порядок. Можно встречать людей.

На руке запищал коммуникатор. Великий руководитель отключил звуковой сигнал. Теперь нет смысла

отвечать на звонки, их всё равно будет слишком много. Сейчас он проведёт своё первое заседание Совета Корпорации, а после назначит себе секретаря, который займётся сортировкой звонков.

В помещение вбежали сразу несколько человек в форме сотрудников службы охраны. Все были бледны, один из них при взгляде на лежащие в лужах крови трупы покачнулся, ещё одного начало рвать.

Слизняки, презрительно поморщился Арториус, эдак они заблюют мне всю картину. А я ещё должен произвести нужное впечатление на руководителей групп.

Он вспомнил руководителя Внешней группы и, подражая его интонациям, властно произнёс:

— Кто старший? Постройте личный состав у входа в подуровень!

Охранники поспешно покинули помещение. Коммуникатор на запястье не унимался. Арториус недовольно посмотрел в окошко идентификации. Доктор Лемешева? Очень кстати! Он ответил на вызов.

— Арти! Что происходит?!! В нашем подуровне погибли люди, тут повсюду кровь и...

— Таня! — Великий руководитель перебил женщину. — Твой генератор паролей подобрал нужную комбинацию. Этот пароль

закрывал доступ в засекреченный подуровень, где в анабиозе находились древние воины. Он разбудил их, и они всё здесь утопили в крови! Ими движет жажда убийства! Древние руководители не случайно так тщательно хранили эту тайну!

Глаза доктора расширились от ужаса, Арториус отметил, что она близка к потере сознания. Это было бы уже перебором, для создания нужной версии произошедшего она нужна была ему в работоспособном состоянии.

— Никому ни слова! Бегом ко мне, ты поняла? Не теряй времени! — Великий руководитель

отключился. У каждого есть своя слабая сторона!

Пора было объединять под своей нестигаемой волей ничего не понимающих, растерянных и насмерть перепуганных людей. Арториус ещё раз оглядел себя в зеркале, удовлетворённо хмыкнул и вышел из залитого кровью помещения.

До центральною купола удалось дойти довольно быстро, на руку сыграл элемент внезапности. Противник не ожидал нападения и, судя по всему, вообще исключал вероятность восстания в убежищах и

не рассматривал возможность атаки извне. Турболёт пришёл без охраны, экипаж два человека. После того, как второму пилоту прострелили ногу, первый чуть не умер от ужаса и сделал всё, что от него требовалось. К тому же в пути он чуть не умер от страха. Приземлившийся турболёт уже ждали. Как только машина замерла на земле, на её штурм бросилась хорошо слаженная группа захвата, вооружённая каким-то неизвестным тяжёлым оружием. Но опыта у нападающих было мало, попав под плотный огонь автоматов, они заметались, мешая друг другу, и тем самым позволили уничтожить себя в считанные секунды. Не

хотевший умирать пилот опустил грузовую аппарель настолько быстро, что Тринадцатый не исключал возможность установки этим насмерть перепуганным человеком своеобразного личного рекорда в этом мероприятии. БТР выгрузился как раз вовремя, чтобы успеть подавить подходящий транспорт противника.

Майор пожалел, что аппаратура перехвата связи, загруженная подпольщиками в БТР, заняла весь десантный отсек. С десантом на броне «Коробочка» шла на ограниченной скорости.

Первый заслон они встретили у начала главной улицы Ромба.

Противник перегородил дорогу баррикадой из десятка различных транспортных средств и открыл огонь из стрелкового оружия. Десант спешился и разбился на две подгруппы. «Коробочка» произвела несколько очередей, что вызвало возгорание составленных в кучу машин, и баррикаду охватил пожар. Огневая подготовка вражеских солдат не блистала, и пока огневая подгруппа под прикрытием БТР подавляла огонь противника, штурмовая подгруппа, воспользовавшись задымлением от пожара, обошла баррикаду с фланга и ударила врагу в тыл. Противник не сумел использовать численное

превосходство и был уничтожен. Потерь не было.

На центральной площади Ромба их встретило что-то, напоминающее организованное сопротивление. Видимо, противник планировал заманить группу в огненный мешок, но не успел грамотно устроить засаду, и основные силы ещё находились на открытом пространстве площади. «Коробочка», протаранив составленные поперёк дороги легковушки, прорвалась на площадь и попала под сильный огонь с воздуха. Над площадью кругами ходили три маленьких копии турболёта, доставившего группу в Ромб, и вели обстрел из чего-то

довольно серьёзного. Вокруг бестолково бегали солдаты врага, палящие куда глаза глядят. Бронетранспортёр дал длинную очередь по скоплению противника, сразу же сократив его численность чуть ли не вдвое. Бойцы покинули броню, стремясь выйти из зоны авиаудара и, короткими перебежками, прикрывая друг друга, начали пробиваться к зданию Сената. Над площадью стоял непрерывный треск выстрелов, крики раненых, повсюду свистели пути. Майор слился с поверхностью площади, словно медуза с камнем, и несколько секунд отстреливал снующих перед Сенатом врагов, прикрывая

совершавшую перебежку пару бойцов. Пара прошла пару десятков метров, залегла и открыла огонь. Пора. Он оттолкнулся от асфальта и, петляя, рванулся вперёд, ловя периферийным зрением фигуру напарника.

Над головой пронёсся турболёт, и Тринадцатый броском вжался в землю. Совсем рядом ухнул взрыв.

— Командир, ты как? — голос Четвёртого, сопровождаемый эфирным треском, сливавшийся с гремящими повсюду выстрелами, пробился сквозь звон в ушах.

— Порядок, — майор короткой серией одиночных выстрелов срезал вражеского стрелка, пытавшегося

забежать в здание. — «Коробочка», займи этих летунов чем-нибудь увлекательным! Мы должны захватить вход в Сенат как можно быстрее, иначе их туда столько набьётся, что патронов не хватит!

— Работаю, — раздался ответ командира экипажа.

«Коробочка», петляя, устремилась в центр площади, где стояло небольшое скопление каких-то чахлых деревьев. Турболёты замешкались, видимо, определяя, по какой цели работать, потом один из них заложил круг и зашёл «Коробочке» в лоб. Не стоило этого делать, машинально отметил Тринадцатый. В этот момент

раздалась короткая очередь крупнокалиберного пулемёта, и сразу же длинная — стрелок надёжно захватил цель. От турболёта в разные стороны полетели куски, сигарообразная машина закувыркалась в воздухе и врезалась в дом. Раздался сильный взрыв. Противник такого не ожидал, и огонь на мгновение прекратился. «Всем, что ли, посмотреть захотелось?» — Удивился Тринадцатый, точными сведенными выстрелами пригвоздив к земле ещё пару врагов. Тогда стоит воспользоваться моментом.

— Броском вперёд! — отдал команду майор, и боевые двойки рванули к входу, стремительно

сокращая расстояние до цели.

— Минус один, — доложил командир «Коробочки».

Противник опомнился, и со всех сторон снова началась стрельба. Группа залегла на ступенях высокого и широкого крыльца. «Нехорошее место, — Тринадцатый всадил пару пуль в высунувшуюся из окна фигуру, — со всех сторон как на ладони». Он искал глазами Четвёртого. Тот нашёлся в десяти метрах позади.

— Четвёртый, по моей команде делаем бросок к входу и работаем гранатами, остальным прикрыть огнём. «Коробочка»! Поглядывай за нашим тылом.

Двойки доложили о готовности,
и майор скомандовал:

— Огонь!

«Коробочка» заложила вираж, вывернув несколько полуживых деревьев, и дала длинную очередь, отсекая солдат противника, неумело пытающихся окружить группу. Бойцы открыли плотный огонь, и майор взлетел по ступеням к входу в здание. Прямо на крыльце залегло с десяток солдат противника, втянув головы в плечи и, зажмуриваясь в момент нажатия на спусковой крючок, добросовестно тратили патроны на стрельбу в белый свет, как в копеечку. Нехорошо так занимать позицию. Чуть ли не друг на друге. Что ж вы

так негигиенично-то... Он на ходу перевёл предохранитель автомата на автоматический огонь и длинной очередью перечеркнул сразу четверых залегших солдат противника. Не теряя скорости, Тринадцатый приблизился к входу на дистанцию броска и метнул в проем одну за другой две гранаты. Если бы не полное отсутствие зачатков подготовки у противника, на успешное осуществление этого маневра надеяться бы не стоило, прикинул майор и мгновенно отпрыгнул в сторону, краем глаза отмечая, что Четвёртый успешно выполнил свою часть работы. Тринадцатый приземлился между

двух врагов и рванул рукоятку боевого ножа. Второй противник умер удивлённым, а первый так удивиться и не успел. Внутри загремели разрывы гранат, и фойе здания наполнилось дымом и гарью. Группа бросилась на штурм входа, и внутри закипела рукопашная схватка.

Один из турболётов устремился к зданию и выпустил заряд прямо по входу, накрывая и своих, и чужих. Взрывная волна, усиленная закрытым пространством, разметала людей по сторонам. Тринадцатый, сопротивляясь головокружению, поднялся на колено и осмотрелся через автоматный прицел. Оглушённые и контуженые солдаты

противника ещё не были способны к сопротивлению. «Да, опыта у вас маловато», — посочувствовал майор, одиночными выстрелами добивая шевелящихся. Оставлять врага, пусть даже раненого, в тылу было смертельно опасно. На улице раздался мощный взрыв, и здание вздрогнуло.

— Минус два, — доложила «Коробочка».

— Принял тебя. Хорошо работаешь, «Коробочка». Держи вход, мы уходим на этажи.

Майор собрал группу. Один боец был без сознания, в критическом состоянии. Ещё одному раздробило ногу.

— Ашот, присмотри за Русланом. — раненых осторожно укрыли за обломками входа, и Тринадцатый перетянул бойцу кровоточащую ногу ремнём. Боец не издал ни звука, лишь болезненно поморщился.

Кровотечение остановилось. — Может, всё-таки очнётся... Пока остаешься один. Задача — держать вход, — раненый боец кивнул и перехватил автомат поудобней.

Майор перезарядил оружие.

— За мной.

Зачищать шестиэтажное здание впятером было самоубийством, но другого выхода не было. Никто не знает, когда подойдут основные силы

противника, время было дорого и выбирать не приходилось.

Группа вывела из строя лифты и двинулась вверх по лестнице. На этажах сопротивление противника оказалось слабым и разрозненным, Тринадцатый повсеместно отмечал крайне низкий уровень подготовки солдат. Некоторые даже при виде бойцов группы выпрыгивали в окна, пытаясь спастись. Майор прикинул высоту здания и отнёсся к этому оригинальному способу отступления с сомнением. Этажи зачистили довольно быстро.

Правительство нашлось на последнем. Затаившийся в большом актовом зале противник открыл

плотный огонь прямо через дверь, едва заслышав шаги приближающейся группы. В считанные секунды дверь превратилась в щепки. Группа немного отступила и, вжавшись в пол коридора, заняла позицию, ожидая контратаки врага. Однако отступивших бойцов никто не преследовал.

Тринадцатый бесшумно скользнул к изрешеченному дверному проёму, мгновенно заглянул внутрь и тут же откатился обратно. Грянула беспорядочная стрельба, и перепуганный противник ещё добрых две минуты расстреливал пустой дверной проём. Майор вернулся к

товарищам.

— Там человек тридцать, сбились в кучу. Странно, что не выходят, так бы уже растёрли нас в порошок, — он пожал плечами. — Будем заходить. Дело надо доделать, за тем и пришли. Андрей, гранаты есть?

— Одна.

— И у меня одна, — подытожил майор, — зайти хватит.

К дверному проёму приблизились без звука, и в помещение, весело кувыркаясь, полетели небольшие ребристые шарики зелёного цвета. Почти одновременно раздались два взрыва, и группа ворвалась внутрь, в упор

расстреливая ошеломлённого
противника.

Личная охрана диктатора
сражалась неумело, но
самоотверженно, до конца исполняя
свой долг. Патроны в автоматах
закончились, и в ход пошли ножи и
пистолеты, а после ножи и руки,
ноги и всё, что попадётся под руку.
Рукопашная кипела среди
опрокинутых столов, перевёрнутых
стульев, разбросанных приборов,
лежащих трупов и конвульсивно
бьющихся в судорогах умирающих
людей. Противник сбился в кучу,
мешая друг другу, и превратил
преимущество своего численного
превосходства в недостаток.

Тринадцатый пробивался к диктатору. Его легко можно было узнать по действиям охранников, решительно закрывавших его своими спинами. Старик рвался в бой и что-то кричал на непонятном языке, но майору в этот момент было не до его угроз. Сжимая в руках боевые ножи, он кружил между врагов, словно вихрь, нанося удары, уклоняясь, пропуская мимо себя атакующих, снова нанося удары, смещаясь, закручивая друг на друга противников, и снова нанося удары. «Да отпустите же вы его, наконец, пусть повоюет», — в какой-то миг пронеслось в голове у майора. Но телохранители плотно закрывали

диктатора. Звериное чувство смертельной опасности внезапно вспыхнуло в мозгу, периферийное зрение уловило направленный сбоку почти в упор ствол боевого дробовика, и Тринадцатый резко ушёл вниз. Заряд картечи вошёл в одного из телохранителей, и тот отлетел назад, сбив старика с ног. Майор вонзил клинок в горло незадачливого стрелка и толкнул тело навстречу второму телохранителю, мгновенно ввинчиваясь в открывшуюся между охранниками брешь. На несколько коротких мгновений Тринадцатый оказался за спинами личной охраны диктатора. Майор искал глазами

старика. Тот сидел на коленях, склонившись над умирающим телохранителем. У майора уже не оставалось времени удивиться этому. Людская каша хлынула в его сторону, и Тринадцатый мощным замахом вогнал нож в затылок диктатору, молниеносно смещаясь с пути наваливающихся на него врагов. Нож завяз в черепе, и его пришлось выпустить, чтобы не терять время и скорость.

Врагов оставалось всё меньше, и спустя минуту остатки сопротивления были подавлены. Группа потеряла одного человека, получившего сразу несколько выстрелов в упор. Остальные были

изрядно потрёпаны, но целы.

— «Коробочка», я —
Тринадцатый. Что там у тебя? —
майор осторожно выглянул в окно,
держась за оконным проёмом так,
чтобы не попасть под огонь снаружи.

— Порядок у нас. Я же
докладывал, — удивлённо ответил
командир экипажа.

— Не услышал я, не до того
было...

— Ты же ответил, что понял
меня, — в «Коробочке» сообразили,
что к чему, и удивлённый тон
сменился на деловой. — У нас всё
нормально, летающую хрень сшибли,
держим вход. Противник
периодически прибывает малыми

группами, если подставляются — ведём огонь, несколько грузовиков удалось сжечь. Остальные рассеялись по зданиям на противоположной стороне площади, атаковать не пытаются, обстрел практически не ведут. Как у вас?

— Задача выполнена, — устало ответил Тринадцатый. Он немного помолчал и добавил: — Ваня — двухсотый. Руслан — трёхсотый, тяжёлый. Анюту раздробило ногу.

Командир «Коробочки» выругался.

— Что будем делать, командир? Не нравится мне это затишье, похоже, перегруппировываются они.

Майор отошёл от окна, подобрал

брошенный в начале схватки автомат и принялся снаряжать магазин.

— Мне тоже не нравится. Здесь делать больше нечего. Грузим ребят на броню и пытаемся прорваться к аэродрому. Если повезёт, улетим домой. По дороге запустим устройство подпольщиков, может быть, поможет.

— Пойдёт, — согласились в «Коробочке». — Мы уже у крыльца. Ждём вас. До связи.

— До связи.

На улице было пока тихо, с той стороны площади не стреляли. Майор выждал несколько минут и

перебежками устремился к «Коробочке», провоцируя противника на реакцию. Однако противник не предпринял никаких действий. В любом случае надо было уходить, пока дорога не заблокирована. Тринадцатый вышел в эфир:

— Грузимся и уходим.

Первыми на броне разместили раненых, и уцелевшие бойцы, пригибаясь, побежали назад за телом погибшего товарища. В этот момент в воздухе послышался знакомый рёв приближающегося турболёта, и небольшая блестящая сигара пронеслась над площадью.

— Командир, воздух на три

часа! — доложили с Коробочки.

— Вижу. Чёрт, надо пошевеливаться! — Тринадцатый вытащил пульт управления устройством связи подпольщиков и бросил её в руки сидящему на броне бойцу с повреждённой ногой.

— Анют, включай пока эту хрень, если будет связь, доложи, что задание выполнено, и запроси обстановку. Я внутрь, помогу нашим, — майор аккуратно выглянул из-за брони, осматривая площадь.

— Хорошо, командир, — боец завожился с пультом.

Площадь была пуста, несмотря на появление авиации, на той стороне активности противника не

наблюдалось. Скорее всего, ждут подхода техники, прикинул Тринадцатый. Турболёт ходил над площадью на большой высоте и пока не приближался. Недоброе затишье. Надо выбираться отсюда как можно скорее, чем чёрт не шутит, может, и успеем. Майор пригнулся и побежал по ступенькам к входу в здание.

В этот момент земля вздыбилась у него под ногами, и наступила темнота.

— Мы должны предупредить Ромб, — голос Лемешевой едва слышался. Сама доктор обессилено полулежала в кресле,

поддерживаемая Трубецким, в то время как Кузнецов отпаивал её водой. Великий руководитель стоял напротив неё и время от времени бросал взгляды на экран, передающими трансляцию Ромба о катастрофе и Суисс. Больше в кабинете Управляющего никого не было.

— Древние вывели настроя передатчик. — Арториус бессильно развёл руками. — Группа связи делает всё возможное, чтобы восстановить связь.

— Что же теперь будет? — по щекам доктора текли слёзы.

— Не знаю! — огрызнулся Великий. — Не надо было играть с

тайнами Древних! Теперь остаётся только ждать развития событий и как можно быстрее восстановить связь. Ясно одно, мы не можем превратить наш бункер во врагов всего мира. Мы мгновенно станем изгоями, а без торговых связей мы долго не просуществоем. Я не могу обречь убежище на гибель! Как только восстановят связь, мы изложим Орбите мою версию событий.

— Но это же ложь... —

Лемешева едва шевелила губами.

— И что? Что ты предлагаешь?

— Это ложь во спасение. —

поддержал Арториуса Кузнецов. — Мы никому не объясним, что нами двигал сугубо научный интерес. Ты

сама видела, каких чудовищ мы подняли из небытия. Что будет, когда они прилетят ещё куда-нибудь? Если снова прольётся кровь, нас просто не станут слушать. Арти прав, на нас лежит ответственность за судьбы наших людей. Мы должны сохранить тайну.

Экстренное собрание руководителей групп прошло как по маслу и было триумфальной победой Арториуса. Ничего не понимающие и напуганные люди и без того были близки к панике, а когда мимо них из подуровня Совета начали выносить трупы, с ними вообще стало возможно делать всё, что было угодно душе Великого руководителя.

При виде покрытых кровью тел многие из присутствующих теряли сознание или впадали в тихий ужас. С выносом убитых тоже возникли проблемы. Арториус презрительно усмехнулся, вспомнив, скольких носильщиков самих потребовалось выносить из залитого кровью и устланного трупами помещения. Да, достигнутый эффект намного превзошёл его самые смелые ожидания. Может, вообще не восстанавливать развороченный подуровень совещаний, сохранить, так сказать, в качестве примера? Надо будет позже подумать над этим. Пока же надо довести свой вне всякого сомнения гениальный план

до конца. Собрание даже не попыталось опровергнуть принятые на себя Арториусом полномочия и безропотно согласилось с предложенными им на период особого положения кандидатурами новых директоров. Академик Кузнецов стал директором по медицине, а профессор Трубецкой — директором по науке. Изложенное новым главой Совета описание произошедших событий повергло собравшихся в ещё больший шок, никто не стал докапываться до мелочей. Вот и отлично. К тому моменту, когда хоть кто-то захочет узнать подробности, у нас всё будет безукоризненно. Арториус окинул

взглядом присутствующих. Да, да. Именно у НАС. Он мысленно улыбнулся. У каждого есть своя слабая сторона.

— Это я во всем виновата! — Лемешева зарыдала. — Всему виной моё упрямство, если бы не я, все эти люди были бы живы! — у доктора началась истерика, она закрыла лицо ладонями и, сжавшись в комок, чуть не рухнула с кресла на пол. Трубецкой едва успел подхватить её за плечи.

— Все мы тут в чем-то виноваты, — Кузнецов поднёс к её губам стакан с водой. — Танюша, выпей ещё и успокойся. Нам повезло, что Арти удалось воспрепятствовать

продолжению трагедии. Теперь необходимо продумать дальнейшие действия. Танечка, возьми себя в руки...

— Кто же мог предположить, что подобное вообще может произойти! — Трубецкой достал платок и принялся бережно вытирать мокрое от слёз лицо доктора.

— Он мог погибнуть! Так же, как остальные! — Лемешева захлёбывалась слезами. — И это всё из-за меня!

— Но я жив, и гибель убежища предотвращена! — Арториус незаметно поглядывал на часы. Пора было заканчивать возню с этой сопливой истеричкой: в эти минуты

турболёт с Древними должен приземляться на аэродроме Ромба. — Мы должны позаботиться о восстановлении нормальной жизни в бункере.

— Теперь опасность угрожает другим! — Лемешева никак не могла успокоиться.

Великий руководитель удовлетворённо отметил, что процесс самобичевания у доктора развивается настолько успешно, что ему даже не приходится помогать. Пусть пока рыдает. Позже я из неё выжму всё необходимое. Она подчистит базы данных, подгонит показания систем, изменит что надо там, где надо, да ещё и будет хранить

тайну лучше всех остальных. Сейчас пусть доводит себя до нужной кондиции. Он подошёл к склонившимся над женщиной мужчинам.

— Саша, ей нужно отдохнуть и прийти в себя. А нам пора приниматься за работу.

Кузнецов заставил доктора выпить ещё пару глотков воды и кивнул.

— Что будем делать?

— Прежде всего следующее. Как только Древние вырвались, я закрыл их подуровень. Подходы к нему сейчас блокированы остатками службы охраны, — краем глаза Арториус отметил, как при слове

«остатками» Лемешева ещё сильнее забила в рыданиях. Да, с ней проблем не будет, подумал Великий Руководитель и продолжил: — Внутри него весьма опасный уровень заражённости. Необходимо зайти туда и устранить угрозу. А заодно и убрать все следы. Кроме того, надо убедиться, что там не осталось других анабиозных камер, из которых кто-то не вышел. Для этих работ необходимо подобрать адекватных специалистов, которые не станут сеять панику среди населения. Я же пока дождусь связи с Ромбом. Необходимо как можно быстрее предупредить их об опасности.

— Я займусь этим

немедленно. — Академик вышел.

Раздался звук вызова, и на экране коммуникатора возникло изображение Памбикуса.

— Связь восстановлена, господин директор.

Это была заранее оговорённая условная фраза. Турболёт совершил посадку. Арториус покосился на Трубецкого и ответил:

— Срочно соедините меня с сенатором Моллом или Президентом Даффом!

Памбикус появился через несколько минут и доложил:

— Операторы Ромба отвечают, что Президент и сенаторы сейчас не имеют возможности вести

переговоры. Но есть связь с помощником Президента Даффа госпожой Латто, находящейся на Орбите.

— Соединяйте, — это даже удобно, подумал Арториус, Президент получит информацию из вторых рук, это вызовет ещё больше неразберихи. На экране возникла помощник Латто.

— Ласкового Солнца, господин... — Латто приветствовала собеседника на манер жителей Орбиты и сделала паузу согласно этикету, давая понять, что не знает имени своего визави.

— Мое имя Арториус. Я новый глава Совета Корпорации Рос. У

меня сообщение чрезвычайной важности для Президента Даффа.

— Вы можете изложить суть мне, господин управляющий директор Арториус, — несмотря на заметное удивление, Латто строго следовала этикету. — Как только Президент закончит неотложные дела, я немедленно доведу до его сведения вашу информацию.

— На наш бункер совершенно чудовищное нападение. Имеются огромные жертвы. Старый Совет погиб, пытаясь воспрепятствовать кровопролитию, — Арториус видел, как зрачки Латто расширяются от ужаса, и постарался занять перед передающей камерой такое

положение, чтобы ей было хорошо видно испачканный кровью комбинезон.

— Как... нападение? Кто... — Латто пришла в ужас, разглядев кровь, и на мгновение потеряла дар речи.

— Сообщество Суисс производило раскопки древних туннелей, погребённых во времена Великой Катастрофы, — Арториус воспользовался замешательством помощника и захватил инициативу. — Там оно наткнулось на криогенное захоронение древних воинов. Специалисты Суисс вывели их из анабиоза. Но эти воины недаром были скрыты своими

современниками от всего мира. Они безумны и обуреваемы жаждой убийства. Древние солдаты спровоцировали взрыв реактора, и сообщество Суисс погибло. Сами убийцы захватили стоящий под погрузкой турболёт и прилетели сюда. Мы не ожидали ничего подобного, и им удалось проникнуть в бункер. Древние устроили здесь безжалостную кровавую бойню, лишив жизни более сорока человек, и собирались дестабилизировать реактор. Ценой невероятных усилий мне удалось убедить их не делать этого. Тогда Древние поднялись на поверхность и захватили только что прибывший к нам турболёт. Я не

знаю, куда они направились. Перед выходом Древние вывели из строя наши системы связи, и только сейчас нам удалось их частично восстановить. Необходимо срочно предупредить всех о чудовищной опасности!

Помощник Латто была бледна как смерть. Она покачнулась, но взяла себя в руки и нетвёрдым голосом ответила:

— Я немедленно свяжусь с Президентом.

Сеанс связи закончился, и Арториус оглянулся на Трубецкого и Лемешеву. Доктор сидела, сжав в обеих руках платок и глядя прямо перед собой. По её лицу всё ещё

текли слёзы. Профессор был мрачен. Он горестно покачал головой.

— Может, они успеют предупредить всех и принять меры, — Трубецкой обернулся к Лемешевой. — Танюша, пойдём, тебе надо принять успокоительное. Давай, я помогу тебе...

В этот момент изображение дымящихся развороченных обломков убежища Суисс дернулось и пропало. На экране возник журналист. Он был бледен и очень взволнован.

— Экстренное сообщение! Ужасающая трагедия разыгралась на взлётном поле аэродрома тяжёлых турболётов! — комментатор говорил быстро, почти без пауз, слова чужого

языка сливались в одно непрерывное звучание, и Арториус улавливал лишь общий смысл сообщения. Но вкупе с картинкой этого было достаточно. На экране возникло изображение взлётного поля. Видимо, оператор снимал издалека, не решаясь приблизиться вплотную. Вокруг стоявшего посреди аэродрома турболёта лежали тела в окровавленных скафандрах и горели машины. Точно никто не знал, что произошло, сообщалось о вооружённых людях, совершивших кровавое злодеяние и уехавших в сторону центрального купола. Всем жителям настоятельно рекомендовалось не покидать зданий

и воздержаться от выходов на улицу.

Доктор Лемешева сдавленно вскрикнула и потеряла сознание. Трубецкой склонился над женщиной. Но Арториуса эти мелочи уже не интересовали. Он, словно замороженный, смотрел на экран, где только что появилось спутниковое изображение с места действия Внешней группы. Спасательная служба Ромба пыталась остановить Древних, заблокировав дорогу скоплением автомобилей, и на его глазах шёл бой. Картинку отрегулировали, и Арториус даже смог узнать руководителя Внешних и отца Серебрякова. От разворачивающегося зрелища у

Великого захватило дух. Древние сеяли вокруг себя смерть с лёгкостью. Менее чем за три минуты они с лёгкостью истребили всех спасателей и отправились дальше. Спутник продолжал следить за их военной машиной. Арториус вгляделся в лицо руководителя группы. Он был абсолютно спокоен! Вот это сила! Великий почувствовал зависть. Но ничего, он и сам теперь ничуть не хуже могучих Древних. Нет! Он даже более велик! Ведь это по его воле они сейчас лишают жизни людей! Да, он, Арториус, теперь мог бы побеседовать с великим генералом на равных.

Комментатор сообщил что-то о

приказе Президента и турболётах, имеющих на борту плазменные заряды, которые использовались для борьбы с мутировавшими хищными животными, иногда проникающих на аэродромы Ромба в момент снятия щитов. Арториус заволновался и почувствовал, как потеют ладони. Он ничего не знал о существовании этого оружия. Он не мог предугадать это! Однако вскоре стало ясно, что переживать не о чем. Бой шёл уже на площади Мира. Остановить Древних было невозможно. Рассыпавшись замысловатым узором, они как-то по-особому, поочерёдно, неуклонно приближались к зданию Сената, и спасатели Ромба гибли десятками. В

центре площади жуткая военная машина Древних уничтожала лёгкие турболёты одного за другим, ловко уклоняясь от плазменных зарядов и с лёгкостью выворачивая настоящие деревья, стоимостью в пятилетний запас ядерного топлива. Репортёры лопотали что-то о потере связи с Президентом и правительством, а на экранах фигурки Древних уже достигли входа, оставив за собой площадь, усеянную множеством неподвижных тел.

Арториус чувствовал, как могучая энергия власти наполняет его изнутри, словно вознося на недостигаемую высоту и оставляя далеко внизу населяющих мир

ничтожных и недалёких букашек, гордо называющих себя людьми. Всё происходит так, как ОН возжелал. Ничто не может помешать Великому осуществить свою волю. Пора брать в свои руки весь этот слабый мир!

Древние скрылись в здании Сената, и картинка сосредоточилась на военной машине. Изрыгая смерть, она носилась по площади, уничтожая деревья и спасателей Ромба. Несколько транспортов спасательной службы, неосторожно выскочивших на площадь, были мгновенно уничтожены вместе со всеми находящимися внутри людьми. Оставшиеся в живых спасатели Ромба, в бессилии изменить что-

либо, прятались от смерти в
окружавших площадь домах. Тем
временем в кадре возникло
изображение здания Сената. Из окон
верхних этажей, с огромной высоты,
прямо на бетонное покрытие
площади, гонимые ужасом, прыгали
люди. Арториус торжествовал. Мои
Древние добрались и туда! Осталось
ждать совсем немного!

Внезапно изображение пропало.
Репортёр сообщил, что спутник
вышел за границы зоны действия, но
съёмочная группа уже готовит
турболёт с видеоаппаратурой. Связи
с правительственными лицами по-
прежнему не было, а помощник
Президента Латто не отвечала на

вызовы журналистов. Следующие десять минут Арториус не находил себе места. От выплеснувшихся в кровь огромных доз адреналина его начала бить крупная дрожь. Великий принялся нервно мерить шагами кабинет. Доктор Лемешева, пришедшая в себя и тоже не сводившая глаз с экрана, по-своему истолковала возбуждение Арториуса. Пошатываясь, она поднялась с кресла, нетвёрдым шагом подойдя к Великому, взяла его за руку и, крепко сжимая, осталась стоять рядом, пытаясь хоть как-то поддержать глубоко переживающего Арториуса.

В этот момент турболёт съёмочной группы достиг площади, и

Арториус жадно впился глазами в экран. У самого крыльца стояла военная машина, на ней неподвижно лежали двое Древних, ещё один, с окровавленной ногой, разговаривал с руководителем группы, стоящим рядом. Остальных не было видно. Победа! Арториус торжествовал. От последнего этапа плана, бросающего к его ногам мир, Великого отделяли считанные минуты. Руководитель Древних бросил сидящему на машине какой-то предмет, окинул взглядом площадь и побежал в здание Совета. Тем временем репортёры увеличили изображение, пытаясь разглядеть, что держит в руках Древний. Арториус похолодел.

Это было устройство управления бомбой. Стой! Не сейчас!!! Остальные должны быть рядом!!! Вспышка мощного взрыва на миг ослепила экран. Изображение погасло. Репортёры в панике затараторили с такой скоростью, что невозможно было понять уже ничего.

Внутри Великого руководителя словно что-то оборвалось. Сердце замерло, лёгкие отказывались сокращаться, конечности не слушались. В голове будто стоял плотный дым, через который холодным, склизким червем, отвратительно извиваясь, ползла единственная мысль. Всё пропало. Сто килограммов заранее

синтезированного мощного взрывчатого вещества, формулу которого Арториус лично нашёл в древних базах данных, в результате взрыва разметали повсюду почти две тонны отработанного ядерного топлива. Оставшиеся без руководства, поражённые смертельной радиацией жители Ромба должны были с восторгом встретить своего спасителя, Великого Арториуса, которых избавит их от страданий и скромно согласится мудро руководить миром. Всё же было продумано до мелочей! А теперь удача рушилась на глазах. Внешняя группа не погибла в результате взрыва, как

предусматривалось планом. Почему Древний отдал пульт какому-то рядовому сотруднику?!! Он должен был активировать его лично, когда всё закончится и все бы стояли рядом! Мы же договаривались... А теперь всё раскроется. Арториус почувствовал, как пол уходит у него из-под ног и великий генерал, тыча в него пальцем, громко смеется над опростоволосившимся неудачником.

— Арти, ты слышишь меня? Арти! — Арториус почувствовал, как на голову ему льётся вода и свежие струйки стекают по лицу.

Откуда-то издалека доносился голос доктора Лемешевой. Великий руководитель разлепил веки. Он

сидел в кресле управляющего директора, склонившаяся пал ним Лемешева что-то говорила Трубецкому, лившему ему на голову воду из пластиковой бутылочки. Эвиан, пронеслось в голове у Арториуса, теперь эта вода и вовсе бесценна.

— Арти! Ты меня понимаешь? — Лемешева обтирала ему лицо чем-то мокрым.

— Да, — Арториус обвёл взглядом кабинет. Сотрудников охраны, пришедших арестовать его за ужасные преступления, нигде не было. — Что происходит?

— Ты потерял сознание. — Трубецкой оттянул ему веко и

вгляделся в радужную оболочку глаза. — Но с тобой всё в порядке, это просто шок.

— Нет, — помотал головой Великий, — что там происходит? — он указал взглядом на экран, по которому ползли серые полосы.

— Это чудовищно! — Лемешева всхлипнула. — Древние готовы даже убивать себя ради уничтожения всего живого! Один из них взорвал себя вместе с этой жуткой машиной! А остальные сидят в здании Сената, среди трупов убитых ими людей, и просто смотрят, как всё вокруг гибнет! — она задохнулась от бессилия.

— Судя по всему, — хмуро

добавил Трубецкой, — их машина была заполнена высокоактивным веществом. Под центральным куполом Ромба уровень радиации сейчас превышает предельно допустимые нормы в сотни тысяч раз. Точной информации нет, в Ромбе паника, правительство погибло, управление нарушено. Некому принимать меры. Да и не справятся они с заражением такого масштаба.

— А что делают Древние? — это было единственным, что сейчас интересовало Арториуса.

— Ничего, — пожал плечами Трубецкой, — по последним сообщениям, сидят в здании Совета. Сейчас сложно понять, что

происходит. Может, они ждут прибытия дезактивационных команд, чтобы всех убить. Может, просто решили медленно умереть.

Медленно умереть. Медленно умереть... В голове промелькнула неясная мысль, и Арториус попытался ухватиться за неё покрепче, чувствуя, что всё ещё можно спасти. Медленно умереть... Ждать, когда они умрут от радиации, нерационально. Они могут вступить с кем-нибудь в контакт. Они могут оставить записи. В конце концов, они могут умирать слишком долго, им не привыкать. И Великий руководитель понял. Ну конечно же! Спящие Герои! Древние

руководители берегли столь ценные кадры! Вот почему их анабиозные камеры не стали отключать. Великие Древние не исключали, что подобный инструмент мог когда-нибудь пригодиться!

Арториус встал и вызвал Памбикуса.

— Пам, срочно организуй мне связь с помощником Латто. Немедленно! Вне всяких очередей! Скажи, что это важнее всего, что происходит сейчас в Ромбе!

— Арти, что ты собираешься сделать? — Лемешева с тревогой смотрела на Великого руководителя.

— Денис, срочно готовь специалистов, — решительно заявил

Арториус. — Мы летим в Ромб. Мы обязаны им помочь. Спасать людей — это наш медицинский долг!

— Ты хочешь, чтобы они выслали за нами турболёт? — мгновенно догадался аналитик. — Но одного турболёта будет мало. Масштабы заражения, скорее всего, очень значительны.

— Первым рейсом полетит группа сбора информации. К моменту прибытия остальных будет известна реальная картина. Собирай столько людей, сколько возможно, готовьте всё необходимое. Держи со мной постоянную связь. Я вылечу первым!

— Но там же Древние! —

Лемешева переводила взгляд с Трубецкого на Арториуса и обратно. — Они будут убивать наших людей!

— Арти, помощник Латто на линии, — изображение Памбикуса на экране сменилось помощником Латто. Она была подавлена и испугана.

— Директор Арториус... что вы хотите... у меня сейчас нет времени... — вяло промямлила она, запинаясь.

Вот это как нельзя кстати, обрадовался Великий руководитель. Он властным тоном перебил Латто и произнёс:

— Вот именно, помощник

Латто, у нас очень мало времени! Поэтому слушайте меня очень внимательно! Какой уровень радиации под центральным куполом в данный момент?

— Я... Мы... точно неизвестно... В настоящий момент информация...

Арториус нетерпеливым жестом прервал её бессмысленный монолог:

— Немедленно свяжитесь с аэродромом Ромба! Вы слышите? Немедленно! Пусть к нам вышлют все турболёты, которые только возможно. Мы готовы принять меры к спасению Ромба. У нас есть всё необходимое для этого: медикаменты, оборудование, лучшие в мире специалисты. Нельзя терять

ни секунды! Если вы не будете выполнять моих указаний, Ромб превратится в многотысячное кладбище! Вы понимаете меня, Помощник? Всё ещё можно спасти!

Помощник Латто подобралась, и глаза её вспыхнули:

— Я вас поняла. Я немедленно свяжусь с диспетчерскими службами. Но... — Латто внезапно снова побледнела, — там... там, на площади Мира... эти чудовища...

— Пришлите мне турболёт, помощник, немедленно! — отрезал Арториус. — Я вылетаю первым. Я поговорю с ними.

Возглас Латто «Они убьют вас!» слился с криком Лемешевой: «Они

убьют тебя!». Великий руководитель решительно взмахнул рукой.

— Я должен остановить это! Я единственный, с чьей силой убеждения они хоть как-то посчитались! Я лечу к ним и запрещаю всем тратить драгоценное время на возражения! Помощник Латто, поддерживайте со мной постоянную связь. Мы ждём ваших турболётов. Действуйте!

Латто пропала с экрана, и Арториус обернулся к Трубецкому.

— Денис, не теряй времени! Мы это начали, нам это и исправлять.

Директор по науке мгновенно покинул помещение.

— Я лечу с тобой! — заявила

Лемешева. — Это всё моя вина!

— И что ты там будешь делать? — иронично усмехнулся Арториус. — Нет, тебя они слушать не станут. А мне не нужны новые жертвы. Ты останешься здесь и будешь делать свою работу. Наступают трудные времена, и каждый специалист на счёту! Тем более такого уровня, как ты.

Лемешева хотела было возразить, но Великий не дал ей этого сделать.

— А сейчас мне необходимо обратиться к Корпорации. Немедленно!

Спустя минуту все жители бункера увидели на мониторах

информационной сети изображение нового Главы Совета. Арториус выдержал паузу и, придав интонациям необходимую смесь властности, трагичности и торжественности, начал:

— Господа! Сотрудники Корпорации! Друзья! Братья и сёстры! Для всех нас настало время исполнить свой великий долг, сотни лет назад определённый нашей уникальной во всем мире специализацией!..

Центральная больница была до отказа заполнена людской массой, и всё прилегающее к зданию

пространство было занято лежащими, сидящими и стоящими людьми, надеющимися получить хотя бы какую-то медицинскую помощь. Больничный персонал сбился с ног, но несколько десятков человек были не в силах помочь тысячам нуждающихся. Люди продолжали прибывать.

Нолл с огромным трудом протискивался через нескончаемую патоку людского моря. Очень помогал высокий рейтинг, практически везде его узнавали и уступали дорогу, позволяя продвинуться на несколько шагов вперёд, он благодарил людей и пробирался всё дальше, упрямо

заглядывая во все попадавшиеся на пути помещения. Где-то здесь были Келли и Саманта. Коммуникаторы работали с перебоями, линии связи были сильно перегружены, и Джиму никак не удавалось выйти на связь с женой. Он в очередной раз потряс коммуникатор. Это, конечно же, ничем помочь не могло, но хоть немного ослабляло натянутые, как струна, нервы. Словно в ответ на незаслуженную встряску коммуникатор недовольно зажужжал, принимая входящий вызов.

— Келли!!! Где вы, я уже в больнице, не могу вас найти! — на одном дыхании выпалил Нолл,

пытаясь перекричать шум. Связь могла прерваться в любую минуту, и одному солнцу известно, когда удастся связаться с семьёй в следующий раз.

— Джим! Мы на втором этаже, сразу после лестницы, тут огромная очередь, мы... — изображение задрожало и покрылось помехами, и больше ничего уже невозможно было разобрать.

Коммуникатор жалобно пискнул и вывел на дисплей сообщение о перегрузке сети.

Нолл приподнялся на носках, пытаясь посмотреть над людскими головами, и постарался определить нужное направление. До лестницы

оставалось метров десять. Через двадцать минут ему наконец удалось добраться до Келли. Она стояла в самом углу, прислонившись к стене, и держала на руках Саманту. Джим протиснулся к ним через живую стену.

— Келли!

— Джим! — глаза жены были полны слёз, но она держалась изо всех сил, стараясь не пугать дочь. — Очередь огромна! Я не знаю, как мы сможем добраться до врачей. Саманте всё хуже... у неё началась рвота, а здесь даже воды взять негде...

В момент взрыва машины Древних Сэм была в гостях у

подружки. Их дом находился у самой площади Мира и попал в эпицентр заражения.

Нолл посмотрел на дочку:

— Милая, как ты?

— Папа... — слабо улыбнулась Сэм, её глаза опухли, лицо покрылось красной россыпью полопавшихся капилляров. — Со мной всё хорошо, только тошнит немного... — слова давались ей с трудом.

Нолл взял у Келли дочь и развернулся в сторону выхода.

— Пошли, надо уходить отсюда.

— Может, попробуем доехать в южный госпиталь? — идти назад было легче, и Келли удавалось не

отставать от мужа.

— В южном госпитале уже никого нет, он подвергся заражению одним из первых. — Нолл старался говорить тихо, чтобы не вызвать ещё большую панику у окружающих, и его слова почти тонули в окружающем шуме. — Западный тоже. В восточном сейчас творится такое же безумие, как тут. Надо покинуть центральный купол. Здесь скоро всё закроется, уровень радиации запределельный.

— Но где же спасательные службы? Почему не принимаются меры? — плотность толпы у выхода возросла, и Келли пришлось обхватить мужа за талию, чтобы не

быть затёртой.

— Спасатели не справляются, — уклончиво ответил Нолл, вспомнив, что стало с дезактивационной командой аэродрома. В тот момент всех пилотов срочно вызвали в центр управления, и одному солнцу известно, каким чудом он разминулся с кровавыми Древними. — Они пытаются не допустить распространение заражения и паники на соседние купола. Слишком много людей живёт под центральным щитом, и всем сейчас нужна помощь, очень сложно организовать эвакуацию, — он замолчал, упорно продираясь через толпу. На самом деле организовывать

эвакуацию практически некому. Почти все спасатели остались лежать на площади Мира и в здании Сената.

Наконец удалось выбраться на улицу. Нолл побежал к дороге, на обочине которой он бросил машину. Келли открыла перед мужем заднюю дверь, и Джим бережно уложил дочь на сиденья.

— Что ты собираешься делать? — Келли достала из автомобильного холодильника бутылку с водой и пыталась смыть с лица Сэм следы рвотной массы.

— Поедем в центр управления. Может, медики лётного отряда смогут помочь. В любом случае, здесь оставаться нельзя, — Нолл

бросил взгляд на приборную панель, на которой предельно зашкаливал счётчик Гейгера, и вырулил на дорогу.

Коммуникатор требовательно заверещал персональным сигналом начальника флота тяжёлых турболётов.

— Джим! — изображение и звук были чёткими. Значит, сигнал прогоняли через Орбиту. — Где тебя протуберанец носит?!! Немедленно сюда! Через двадцать пять минут вылет!

— Какие вылеты, Майк?!! Центральный купол заражён, половина Ромба скоро погибнет от облучения, Сэм нужна срочная

медицинская помощь! Из наших медиков хоть кто-то появился?

— Старый Динн здесь, он приглядит за ней пока. Джим, поторопись, мы летим за самой лучшей помощью!

— За помощью?

Начальник флота спохватился:

— Ты же не в курсе! Рос вызвался помочь нам, Джим! Рос! Они всё исправят! Там сейчас шторм, ты летишь первым, параллельно составишь метеообстановку в районе посадки.

Рос! Нолл вспомнил гигантскую медицинскую машину с заключённым внутри бессознательным обезображенным

телом главного инженера, подрагивающую в трюме турболёта в момент перегрузок; невероятные показания индикатора внешней угрозы; полный загадочных чудес бункер; детский восторг Билла, восхитительно вкусный мёд, крохотную упаковку которого он выпросил у Арториуса для Сэм; и кадры репортажа о возвращении Ноффа из Роса, на которых знаменитый учёный, помолодевший на добрый десяток лет, энергично выходил из турболёта, не имея ни единой царапины. Джим оглянулся и посмотрел на Саманту. Девочка дышала тяжело и неровно. Они смогут. Они вообще всё могут. Да

будет Солнце к ним ласково вечно!
Он приземлится в Росе, несмотря на
любой шторм. Да он приземлится
хоть в жерле извергающегося
вулкана, и ничто его не остановит!

Нолл оторвал взгляд от дочки и
ответил:

— Они обещали прислать
врачей?

— Не знаю, Джим, приказ о
вылете пришёл с Орбиты. Но точно
известно, что штаб операции по
спасению возглавляет руководитель
Роса, и Орбита выполняет его
указания. Он приказал обеспечить
транспортировку первой волны
специалистов в количестве двух
тысяч человек! Он сам летит сюда

первым же турболётом.

Саманта закашлялась, и её снова вырвало. Нолл увеличил скорость до предельной и покрепче сжал руль:

— Майк, через пятнадцать минут готовь взлётный коридор.

Баллистическая траектория до Роса занимала по инструкции шестьдесят восемь минут. Нолл преодолел весь маршрут за сорок. Так быстро он ещё не летал. Так быстро вообще ещё никто не летал. Джим сходу опустился на посадочную площадку и выставил энергощит. Серебряные фигурки дезактивационной команды

засуетились вокруг турболёта, и штурман занялся согласованием метеообстановки с центром управления полётов. Одиннадцать турболётов уже были в пути, остальные должны были произвести отрыв в ближайшие полчаса. Старший дезактивационной команды сообщил об окончании очистки, и Нолл открыл посадочный люк. Из шлюза вышел человек и поднялся на борт.

— Закрывайте люки, господа. Мы вылетаем немедленно, — властно прозвучал знакомый голос.

Джим взгляделся в лицевой щиток серебристого скафандра.

— Господин Арториус? Пусть

Солнце над вами будет ласковым!
Мы рады вас видеть, —
разволновавшийся Нолл заговорил
сразу от лица себя и своего
молчаливого штурмана. — А глава
Роса не полетит с нами? Разве он не
будет руководить спасением?

Арториус ободряющее
улыбнулся:

— Я и есть глава Корпорации Рос. И операция спасения в самых надёжных руках этого мира. А сейчас, господа, курс на Ромб. Нам предстоит особая миссия.

Обратный путь Нолл прошёл так же быстро, как и прямой. Он ещё на аэродроме отключил автопилот и всё делал руками. Так надёжнее.

Никакой автопилот не может чувствовать машину так, как это может он. Джим пилотировал турболёт и украдкой наблюдал за Арториусом. На всём протяжении полёта этот человек поддерживал непрерывную связь со своими людьми и Орбитой постоянно. Он координировал, выдавал информацию, отдавал указания десяткам людей по сотням вопросов, помощник Президента Латто выполняла его распоряжения мгновенно, а Рос ежеминутно докладывал о готовности всё новых и новых спасательных команд, Нолл поразился, сколько всего одновременно держит в голове этот

человек и как уверенно он действует. Подумать только, Нолл знаком с главой бункера Рос! Они вылечат Сэм, и он обязательно расскажет ей об этом в мельчайших подробностях. Джим представил, как на следующий день его снова вызовут в школу, и улыбнулся. Саманта подрастёт и станет великим публицистом, её рейтинг наверняка намного превзойдёт отцовский, а Келли, как всегда, будет мягко намекать ему, по какой именно линии в их семье наследуется талант.

Турболёт вошёл в атмосферу, и Арториус прервал его размышления:

— Командир Нолл, совершайте посадку перед зданием Сената.

— Где? — опешил Джим. Даже у невозмутимого Билла отвисла челюсть.

— На площади Мира, перед зданием Сената. Свяжитесь с диспетчером, воздушный коридор для нас уже должен быть готов к открытию.

— Но как можно снимать щит с жилых районов! И... господин Арториус, там же... в Сенате Древние!

В первую секунду Нолл не поверил своим ушам, однако вышедший на связь диспетчер купола доложил о готовности открыть коридор прямо над площадью Мира.

— Жилым районам под

центральным куполом хуже уже не будет, — тон Арториуса исключал всякие возражения. —

Приземляйтесь. Мне предстоит разговор с Древними. Я должен прекратить это бессмысленное кровопролитие. На этой многострадальной планете должен навсегда воцариться мир, и я сделаю всё, чтобы так и произошло! Выполняйте!

Через три минуты тяжёлый турболёт замер на усеянной телами площади. Арториус подошёл к люкам и приказал:

— Выставляйте щит и ждите моего возвращения, — он покинул турболёт и направился к входу в

мёртвое здание Сената.

Джим с замирающим сердцем смотрел вслед человеку, без колебаний шагающему навстречу смертельной опасности. Нолл поклялся, что больше никогда не назовет этих людей кротоми.

Сознание возвращалось медленно. В ушах стоял монотонный звон, перед глазами висела красная пелена, а голова нестерпимо болела, словно в отместку за столь небережное с ней обращение. Глаза наотрез отказывались открываться, и стало ясно, что голова объявила забастовку. Надо было принимать

меры. Тринадцатый силой заставил неподъёмные веки разомкнуться. Мутное изображение обрело резкость, и он увидел над собой потолок, стены и посеревшее лицо Четвёртого. Майор попытался сесть, и тут же резкая боль пронзила лопатку. Он злобно выругался.

— О! Слышно, что живой, — Серебряков помог майору приподняться. — Я знал, что ты оклемаешься, ты живучий.

— Андрюха, давай полегче. — Тринадцатый поморщился. — Похоже, лопатка сломана.

— И всё? — удивился Четвёртый. — Да ты влетел в фойе, будто снаряд.

Пока Серебряков помогал ему усесться около стены, майор осмотрелся. Они находились в одном из кабинетов здания Сената на втором этаже. Один боец занял позицию у выхода в коридор, ещё один из глубины помещения наблюдал за площадью через окно.

— Где остальные? Что с «Коробочкой»? — острая боль снова напомнила о себе, и пришлось развернуться, чтобы облокотиться о стену неповреждённой половиной спины.

— Нет больше «Коробочки», — Четвёртый сплюнул. — И здесь все, кто остался, — он протянул майору бутылку с водой. — Похоже, они

долбанули ядерным. Видимо, с той летающей хреновины. Прямое попадание по «Коробочки». Рвануло прям как тогда, в Гвинее, когда негритосам кто-то продал снаряды в одну десятую килотонны. Ты небось застал?

— Застал, — Тринадцатый сделал пару глотков. В голове прояснилось, боль стала терпимой, только звон в ушах не прекращался. Это ещё что, вот когда контузия начнёт отходить...

— Радиация? — майор вопросительно посмотрел на друга.

— Фон заоблачный, — хмуро кивнул Серебряков.

Значит, действительно ударили

ядерным. Хреново. Без средств защиты так долго не протянуть. И антирада нет.

— Сколько я провалялся? — язык слушался плохо, слова выходили невнятными. Ладно, не в первый раз. Не самая великая трудность. Мог бы вообще заикаться пару суток.

— Часа три.

— Обстановка?

— После ядерного удара летающая хрень сделала ещё пару кругов и ушла на восток. С тех пор всё чисто. А точнее, очень грязно. Мы перебрались на второй этаж, подыскали место с обзором поудобнее, — Четвёртый запнулся, резко отвернулся, и его вырвало. Он

отплевался и протянул руку к бутылке с водой. — Противника нет, всё как вымерло. Сидим вот, тебя дожидаемся, — он смочил кусок тряпки и принялся вытираться. — Везучий ты, командир, даром что Тринадцатый. Когда рвануло, я было подумал, что всё, остаюсь от тебя одно только воинское звание...

— Рано обрадовался, — майор поднял руку и попытался ощупать голову, но словно налитая свинцом рука слушалась плохо, и попасть ладонью в собственную голову не удавалось. — Что у меня там?

— Ты погоди пока, не дергайся сильно, — Четвёртый поднялся и, пошатываясь, пошёл к выходу. —

Надо бы тебе повязку на голове сменить. Пойду поищу чего-нибудь.

Он вернулся минут через пять с какой-то тряпкой и занялся перевязкой. Боль в голове вспыхнула с новой силой, и Тринадцатый снова высказался на русском народном.

— Поспи пока. Слабый ты ещё, на ноги не встанешь, — Серебряков покачал головой, но пошатнулся, и его снова вырвало. — Да и мы тоже не очень... далеко тебя не унесём.

— Разберёмся, — майор закрыл глаза. — Передохнём и будем выбираться отсюда. Саня, ты там с окном поаккуратнее...

— Хорошо, командир, — слова дежурившего у окна бойца глухо

прозвучали в гудящей тишине ускользающего сознания.

Он проснулся от резкой вспышки чувства опасности. Тринадцатый открыл глаза и осмотрелся.

В комнате ничего не изменилось. Двое бойцов спали, один, сидя на полу, нес дежурство. В ушах надрывно свистело. Майор потряс головой. Тут же пришла боль, а вот свист не ушёл.

— Воздух! — Тринадцатый потянулся к автомату. — Саша, окно!

Боец тяжело поднялся и нетвёрдо приблизился к оконному

проёму.

— Самолёт этот без крыльев. Вроде того, на котором мы летели. Садится на площади, прямо перед зданием.

Бойцы начали изготавливаться к ведению огня. Майор попытался встать, опираясь на автомат.

— Что-то долго они собирались. Андрей, помоги встать.

Четвёртый подал руку. Спина выплескивала боль, словно расплавленное железо.

— Без команды не стрелять, подпустим поближе.

— Выходят, — доложил наблюдатель. — Один человек всего. В скафандре, как у нас дома.

Тринадцатый осторожно, из глубины помещения, выглянул в окно. Прямо перед златим стоял турболёт, и от него к крыльцу шёл небольшой человек в скафандре максимальной защиты. Неуклюжая походка тщедушной фигурки, широко разворачивающей ступни при ходьбе, показалась ему знакомой. Где-то я его уже видел...

— Это Арториус, — узнал Тринадцатый. — Саша, Андрей, встретьте его, но аккуратно.

Бойцы, пошатываясь, вышли. Спустя десять минут руководитель подполья стоял перед майором.

— Господин Тринадцатый! Господин Серебряков! Господа! Как я

рад вас видеть! Мы боялись, что вы погибли! — глухо кричал сквозь гермошлем Арториус. Он был безгранично счастлив. — Я торопился, как только мог! Какое счастье, что вы живы! Скорее пойдёмте на борт турболёта, здесь нельзя оставаться, радиационный фон огромен!

— Как обстановка? — майор опёрся рукой на стену, в ногах чувствовалась сильная слабость. — Откуда этот... турболёт?

Арториус победно потряс руками:

— Мы победили! Вы совершили беспримерный подвиг, и ваши деяния весь мир будет помнить ещё очень

долго! После уничтожения кровавого диктатора и его верхушки оставшиеся в живых пособники диктатуры сложили оружие! Власть перешла к нам! Мы создали объединённое правительство из представителей всех сообществ, которое займётся восстановлением мира и подготовкой к законным выборам. К сожалению, почувствовав неотвратимую гибель, диктатор приказал применять заряды на основе высокоактивных тяжёлых элементов, и территория под центральным куполом серьёзно заражена. Он хотел забрать с собой в могилу всё живое! В настоящий момент мы перебрасываем сюда из Бункера отряды специалистов для

оказания экстренной помощи населению Ромба! Мы же медики, господа! Это наш великий долг, это наше предназначение! Мы очистим Ромб от радиоактивного заражения, как вы очистили его от диктата палачей! Тысячи сотрудииков Корпорации добровольно вызвались принять участие в операции спасения!

Переполняющие Арториуса эмоции было видно даже через лицевой щиток гермошлема. Его глаза сверкали, он энергично жестикулировал, слова звучали громко и отрывисто. Бывший подпольщик переводил взгляд с одного бойца на другого и не мог

устоять на месте.

— Господа! Чего же мы стоим! Скорее, идёмте на борт, нас ждут дома! Вас ждут с нетерпением! Вы должны срочно получить медицинскую помощь. Лучшие специалисты Корпорации будут заниматься вашим лечением. Пойдёмте! — он устремился по коридору к выходу. — Нас ждут дома!

Бойцы Внешней группы, пошатываясь, двинулись за ним. Тринадцатый опирался на автомат, как на посох. Наконец-то сегодня произошло хоть что-то хорошее. Удивительно, что подполью так быстро удалось перехватить власть. Видимо, диктатор и впрямь стоял у

всего мира поперёк горла. Хотя, как ещё могло быть с человеком, который собирался захватить в могилу и без того невеликие остатки человечества. А с виду был сентиментальный дед. Да, вот тебе и сентименты. Телохранителя пожалел, а весь мир забыл.

Боль в голове нарастала, мысли путались, ноги пытались подогнуться. Держаться! Ну, подумаешь, контузило самую малость. Первый раз, что ли? Не падать же теперь из-за этого прямо здесь. Он упрямо переставлял непослушные ноги. Кто-то из бойцов, сквозь мутную плёнку перед глазами было сложно понять, кто же

именно, вдруг упал на колени с приступом рвоты. Надо бы помочь ему подняться. Но пока Тринадцатый добрёл до упавшего, остальные уже подняли товарища и, поддерживая друг друга, шли дальше.

Пятьдесят метров до турболёта шли, как пятьсот. Когда группа поднялась на борт, майор увидел бледные и перепуганные лица экипажа. Он усмехнулся. Представляю, какой у нас сейчас видок. Побелеешь тут.

Арториус что-то сказал им на непонятном языке и принялся усаживать Внешних, устраивая их на сиденьях и пристегивая ремнями. Молодец парень. Я бы уже, пожалуй,

сам не пристегнулся. Хотя лопатка вроде уже не болит. Тринадцатый пытался собрать воедино расползающиеся в бредовом тумане мысли. В этот момент турболёт взмыл вверх, грудь сдавило перегрузкой, и майор потерял сознание.

Очнулся он от того, что кто-то отстегивал его от кресла. Тринадцатый открыл глаза, но навести резкость никак не удавалось. Он хотел потереть их рукой, но та не желала подниматься. Ах вот как! Да ну и чёрт с тобой. Майор поморгал глазами и в конце концов увидел, что происходит. Рука запуталась в ремнях, которые отстегивал

Четвёртый. Нет, так не годится. Надо собраться. Он напруг остатки сознания, нашарил автомат, который так удачно заменял посох, и встал.

Сон в полёте немного ослабил боль, и стало возможным идти быстрее. Бойцы, сопровождаемые Арториусом, зашли в шлюз, и спустя несколько минут широкая лифтовая платформа плавно двинулась вниз. Маленький чиновник что-то непрерывно говорил, что-то о выдающихся врачах и новейших методах лечения, но всепоглощающая боль в голове мешала воспринимать его слова чётко. Наконец платформа достигла бункера, и Внешних встретили люди в белоснежных

скафандрах медицинского отдела с передвижными госпитальными носилками наготове. Арториус строгим тоном торопил их, и многочисленные руки подхватили майора, уложили на носилки и покатали по коридорам Убежища. «Вот я и дома», — мелькнула мысль. Тринадцатый разрешил себе расслабиться и провалился в чёрную пустоту небытия.

— Как тебе это удалось, Арти? — Лемешева восхищённо смотрела на Великого руководителя.

Через прозрачную стену подуровня интенсивной терапии

было хорошо видно, как Кузнецов лично руководит помещением Древних в биорегенераторы.

— Я применил всю силу своего убеждения. Я убедил их, что мы окажем им полную медицинскую помощь в обмен на прекращение кровопролития, и они согласились на временное перемирие.

— Ты сильно рисковал, — хмуро заявил Трубецкой, — а если бы ты погиб? Весь мир следил за тобой, Орбита давала изображение в прямой эфир. Кадры о том, как ты выводишь из здания Сената Древних, облетели даже сообщества. Твоя смерть сделала бы операцию спасения невозможной. Никто из

наших людей не решился бы туда лететь.

— Это был необходимый риск, Денис, — многозначительно возлил Арториус. — Зато теперь нам доверяют безоговорочно во всём мире. Авторитет Роса неоспорим.

Последний биорегенератор принял пациента, и лечащий персонал, засуетившись, собрался у консолей управления. Кузнецов, тревожно нахмурившись, поспешно направился к выходу.

— В чём дело, Саша? — Великий встретил академика прямо у порога. — Я объяснял, надо как можно скорее поместить их обратно в анабиозные камеры! Сколько

займёт подготовка?

— Возникло серьёзное препятствие, — Кузнецов был растерян. — Мы не сможем погрузить их в анабиоз.

— Как! Почему?! — Арториус не ожидал такого ответа и не сразу понял состояние академика. — Ты что, хочешь выпустить этих кровожадных монстров на свободу?!!

— Да ты что?! — Кузнецов опешил. — Конечно, нет! Но дело в следующем. Как только биорегенераторы приняли пациентов, «Пирогов» перехватил управление процессами. На всех консолях горит одно и то же сообщение: «Выполняется целевая

функция». Мы ничего не можем сделать, это полностью автоматизированный стационар!

Ну конечно, догадался Арториус, великий Серебряков! Он задумал всё это ради излечения отца и оставил парочку сюрпризов.

— Что теперь будет? — тревожно спросила Лемешева. — Мы не сможем помешать «Пирогову». Известно, какова его цель?

Академик в бессилии развёл руками:

— Он продержит пациентов в состоянии сна примерно две недели и по истечении этого срока выпустит их оттуда абсолютно здоровыми. Даже лучше, чем они были раньше.

Лемешева сдавленно всхлипнула. Трубецкой посмотрел через стекло на зловещие камеры биорегенераторов и тихо спросил:

— Что же будет, когда они выйдут оттуда?

Мысль пришла в голову Арториуса мгновенно. За прошедшие сутки его талант руководителя вырос неизмеримо, и Великий знал, что уже ничто в мире не способно помешать ему. Арториус удовлетворённо улыбнулся.

— Всё будет в порядке, я беру это на себя, — спокойно произнёс он уверенным тоном. — Саша, тщательно следи за временем выхода Древних из лечения. К моменту

открытия биорегенераторов я должен
стоять на этом самом месте. Денис,
готовь анабиозные камеры. Самые
лучшие, самые долговечные.
Устанавливай их в подуровне
Древних, — и, поймав
недоумевающие взгляды друзей,
Великий снисходительно
объяснил: — «Пирогов» излечит
Древних. Но предупредить их об
этом он не сможет. Древние покинут
биорегенераторы, не зная ничего о
своём состоянии. Я смогу убедить их
погрузиться в анабиоз. А сейчас нам
надо заняться спасением Ромба.

Следующие две недели были

заполнены работой настолько, что Арториус сократил свои и без того непродолжительные перерывы на сон до одного раза в двое суток. Он был везде, и везде он был нарасхват. Приходилось решать множество самых разнообразных вопросов, порой далеко выходящих за рамки спасательной операции. Более четырёх тысяч специалистов Роса, срочно переброшенных на помощь гибнущему Ромбу, нуждались в полном и своевременном обеспечении. Ежесекундных неустанных забот требовали почти шестьдесят медико-научных стационаров, развёрнутых в ходе осуществления операции. Одно

только грамотное размещение такого количества медицинских учреждений вызвало массу хлопот. Растерянные должностные лица Орбиты и Ромба в спешке ломали головы над этой проблемой, и Великий руководитель, бросив мимолётный взгляд на карту, мгновенно предложил решение. Флот лёгких турболётов был срочно перемещён, и на моментально стерилизованных специалистами Ромба бетонных площадках закипела работа. Сама по себе очистка и стерилизация территории не представляла для специалистов Корпорации особых трудностей. Гораздо больше проблем оказалось с

боязнью открытого пространства у проживших всю жизнь под землёй людей, не все специалисты были способны работать вне коридоров бункера, и с этой задачей Арториусу пришлось изрядно повозиться, перераспределяя людей между участками работ.

Невероятные возможности медицинских технологий Роса вызывали у людей благоговейный трепет, и один только вид знаменитого на весь мир серебряного скафандра с эмблемой Роса, красным крестом на фоне белого микроскопа, обеспечивал его владельцу полное доверие и повсеместное уважение. Арториуса, прекратившего кровавые

злодеяния Древних, узнал весь мир. Его авторитет за эти дни вырос недосягаемо. Каждый человек знал его в лицо, узнавал его скафандр, и даже на турболёт командира Нолла, ставший в эти дни транспортом Великого руководителя, едва завидев в небе, указывали со словами: «Летит Арториус». По любым вопросам шли к нему. Он держал в голове все ответы, а в руках все нити. Сортировка больных, отправка самых тяжёлых в Рос, выписка уже излечённых, доставка медикаментов, аппаратуры, оборудования, снаряжения, питания, организация отдыха специалистов, расписание полётов турболётов, обслуживание

транспортных челноков Орбиты — он успевал быть везде и следить за всем. Ни одно решение не принималось без одобрения Арториуса, ни один план не составлялся без его совета.

К исходу пятнадцатых суток очищение пространства под центральным куполом было полностью завершено. Руководитель более чем полуторатысячной группы дезактивации устало доложил об окончании работ и протянул Арториусу деловой коммуникатор с эмблемой Орбиты.

— Господин директор, мы нашли его в здании Сената. Это принадлежало Президенту Даффу.

Великий Руководитель отпустил учёного и занялся доставленным устройством. На внешней панели была выгравирована надпись: «Президенту Дональду Даффу от учёного совета Исторического отделения Орбитального Научного Университета в знак уважения и признания заслуг». Арториус положил перед собой коммуникатор, открыл крышку и активировал устройство. Посмотрим, чем занимался столь признанный руководитель, презрительно усмехнулся Великий, и открыл список часто использующихся документов. Последние месяцы своей жизни Дафф много работал

над каким-то, похоже, прямо-таки грандиозным планом. Арториус вчитался в документы. Как это мило! И как вовремя! Вот и моя президентская программа! Он пробежал глазами названия разделов и список прилагающихся баз данных. То, что нужно. Великий закрыл глаза и представил, как красиво будет звучать словосочетание «Арториус Объединитель». Или всё-таки «Арториус Великий»? Нет, это пафосно... Может, «Арториус Мудрый»... Над этим надо будет поразмышлять, когда появится время. Хотя, конечно, наиболее полно мои достоинства может отразить лишь фраза «Великий Арториус Мудрый,

Объединитель». Правда, длинновато... Отложим это на потом. Сейчас есть более важные дела. Стерилизация центрального купола завершена, надо снимать карантин и возвращать в свои дома тех, кто уже излечен. После этого станет полегче, и я займусь изучением плана объединения. Он разрабатывался под руководством главного инженера Ноффа? Превосходно. С господином Ноффом за время лечения у нас сложились прекрасные отношения. А уж во время научных бесед с Денисом их и вовсе водой нельзя было разлить. Тут проблем не будет.

— Господин Арториус, — помощник Латто заглянула в

кабинет, — срочный вызов из Роса.
Академик Кузнецов.

— Соединяйте.

На экране коммуникатора
возник Александр.

— Арти, «Пирогов» вывел
оповещение об окончании лечебного
процесса в... — он немного
помедлил, подбирая слова, — ...в
закрытом подуровне интенсивной
терапии. Биорегенераторы
откроются через два часа.

— Я немедленно вылетаю, —
Арториус вышел из кабинета, отдал
необходимые распоряжения и
успокоил помощника Латто: — Я
вернусь не позднее, чем через три
часа. Перепланируйте необходимые

встречи и мероприятия. Мне необходимо навестить очень важных пациентов, — он мгновение помолчал и вдруг загадочно добавил: — У каждого есть своя слабая сторона.

Сон незаметно улетучился, Тринадцатый открыл глаза и увидел, как начала открываться крышка биорегенератора. Автоматическая платформа вынесла его наружу, и майор несколько секунд щурился от непривычно яркого света. Наконец глаза адаптировались, и Тринадцатый огляделся. Остальных бойцов Внешней группы уже

извлекли из биорегенераторов, и сейчас вокруг них, в окружении медиков в стерильных скафандрах, суетился Арториус, с лица которого не сходила счастливая улыбка.

— Господа! Доброго пробуждения! Я очень рад вас видеть! Как вы себя чувствуете? Вам должно быть намного лучше, мы применили самые современные методики! Вы выздоравливаете с фантастической быстротой!

Тринадцатый действительно чувствовал себя отлично. Голова была ясная, боли не было, лопатка вела себя так, будто ничего и не произошло. Во всём теле ощущалась приятная лёгкость и прямо-таки

бурлила энергия, хотелось активных действий, движения, событий. Да, медицина шагнула вперёд. Впервые за всю историю многочисленных посещений госпитальных палат майор получал такой невероятный эффект от лечения. Всего-то немного поспал. Интересно, сколько времени они провели в регенераторах на самом деле?

Арториус обернулся к медперсоналу:

— Саша, не будем терять времени. У вас всё готово?

Один из стерильных скафандров утвердительно кивнул, и чиновник скомандовал:

— Приступайте, — он окинул

Внешних довольным взглядом: — Господа, вы выглядите превосходно! Нам осталась всего одна, крайне важная медицинская процедура, и вы будете полностью здоровы и навсегда забудете лечения!

Медики подхватили платформы с бойцами и покатали их по коридорам. Арториус шёл рядом и рассказывал, как продвигаются работы по спасению Ромба, о завершении очистки территории центрального купола, о десятках тысяч излеченных людей, о планах переселения всех убежищ мира на поверхность, под небо и Солнце, и переводе бункеров на работу вахтовым методом.

Медики вкатили платформы в очередной подуровень и остановились. Майор увидел знакомое до тошноты помещение. В этот раз оно было залито светом и вычищено до максимальной степени стерильности. Анабиозных камер уже не было, лишь вдоль боковой стены были расположены четыре сверкающих медицинской сталью капсулы с открытыми верхними сферами-люками, формой чем-то похожие на биорегенераторы, только очень маленькие.

— Господа! Сейчас мы произведем имплантацию и приживление костномозгового трансплантата. Это займёт несколько

часов и потребует криогенного воздействия. После этого процесс лечения будет полностью завершён, и вы станете абсолютно здоровы, — чиновник подал знак медикам, и фигурки в стерильных скафандрах принялись осторожно укладывать бойцов в капсулы.

«Вообще-то я бы мог и на своих ногах дойти, — подумал майор, глядя на то, как нелегко даётся тщедушным врачам процесс переноса. — Но кто их знает, этих докторов, раз сами тащат, то, видимо, так надо...»

Его поместили в капсулу и прилепили на тело несколько датчиков. К капсуле подошёл беспрестанно улыбающийся

Арториус:

— Немного терпения, господа! Через несколько часов процедура завершится, и вы будете полностью здоровы! Мы уже запланировали грандиозный праздник в вашу честь на центральной площади Ромба, на площади Мира! Мы подберём для этого самый солнечный день!

Тринадцатый закрыл глаза. Неужели скоро всё это закончится? Даже не верилось, что не будет больше анабиозных камер, многочасовых медицинских процедур, хмурых лиц врачей, надоевших до чёртиков больничных стен и коек и изнуряюще бесконечного карантина. Не

придётся больше сидеть, словно в клетке, в больничной палате, запертым неизлечимой болезнью на остаток жизни, с каждым начинавшимся днём становившейся всё короче. Как он сказал? Самый солнечный день? Это хорошо. Наверняка будет тепло и очень красиво. Интересно, как теперь люди празднуют?

Вот бы увидеть поскорее...

Майор посмотрел на чиновника и сказал:

— Спасибо, Арториус!

Улыбка Арториуса стала ещё шире, он замахал руками и засмеялся:

— Ну что вы! Для друзей я

просто Арти!

Люк-сфера опустился, закрывая капсулу, и через мгновение Тринадцатый почувствовал знакомый жуткий холод.